

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

7 5127 - 24.5"

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

16
В. 16
С. 16
Р. 16

PSLan 424.50

7705
49-24

САЛТИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

XVII 30
T

ИМПЕРАТОРСКОГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ XVI 16.

СААНТІПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(ВАС. ОСТР., 9 ЛИН., № 12.)

1887.

47-24

131
Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Импе-
раторскаго С.-Петербургскаго Университета. 4 Сентября 1887 г.

Декань *И. Помяловскій.*

БУДДИЗМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

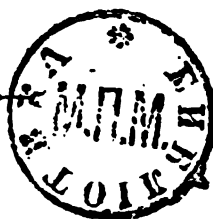
СОЧИНЕНІЕ

И. П. МИНАЕВА.

यद्गमपि कृतशक्तिर्नामि संबुद्धमार्ये
नभसि गतुड्यते किं न याति द्विरेकाः॥

ТОМЪ I. ВЫПУСКЪ I. — 2

ВВЕДЕНИЕ: ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1887.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Импе-
раторскаго С.-Петербургскаго Университета 4 Сентября 1887 г.
За Декана *Н. Помяловскій.*

dm

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Два выпуска, представляемые благосклонному вниманію читателя, должны рассматриваться какъ введеніе къ изложенію буддійскаго ученія въ его исторической послѣдовательности, что составляетъ задачу настоящаго сочиненія. Авторъ желалъ въ этихъ вводныхъ частяхъ своей книги выяснить вопросъ о древности первоисточниковъ и представить читателю общій очеркъ буддизма въ его законченномъ развитіи. Съ этою цѣлью въ слѣдъ за критическимъ разсмотрѣніемъ буддійскаго преданія, помѣщеннымъ въ первомъ выпускѣ, во второмъ онъ собралъ три памятника. Переводъ ихъ, примѣчанія и указатели составятъ содержаніе третьяго выпуска. — Въ объясненіе выбора памятниковъ авторъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что остановился именно на этихъ памятникахъ потому, что буддійскіе догматы, древніе и новые, обозрѣваются въ нихъ, хотя и весьма кратко, но съ полнотою, заслуживающею вниманія изслѣдователей

буддизма даже и нынѣ, послѣ многихъ замѣчательныхъ изданій памятниковъ и глубокихъ разысканій.

Книга эта отпечатана давно, до появленія нѣкоторыхъ новѣйшихъ трудовъ по буддизму, и сослаться на нихъ авторъ могъ только въ поправкахъ и дополненіяхъ къ 1-му выпуску.

ТРАНСКРИПЦІЯ.¹⁾

I.

II.

ГЛАСНЫЕ.

а, â, и, ѣ, у, ѹ, р, ř, ж, ž,
е, ai, о, ау.

а, â, i, î, u, û, е, о.

СОГЛАСНЫЕ.

Гортанные к, кх, г, гх, й.

k, kh, g, gh, ð.

Небные ч, чх, ж, жх, њ.

c, ch, j, jh, ñ.

Язычные т, тх, д, дх, н.

ç, çh, ð, ðh, ñ.

Зубные т, тх, д, дх, н.

t, th, d, dh, n.

Губные п, пх, б, бх, м.

p, ph, b, bh, m.

Полугласные j, р, л, в.

y, r, l (l), v.

Шипящіе ç, ш, с, х.

s, h.

Анусвара м.

ṃ.

Висарга х.

¹⁾ Первая употребляется въ книгѣ для скр., вторая главнымъ образомъ для пали.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Планъ и содержаніе настоящихъ изслѣдованій. 1. Опредѣленіе задачи. — 2. Жизнеописаніе первоучителя. — 3. Современная интерпретація легендъ. — 4. Преданіе о древнѣйшихъ судьбахъ буддійской общины. — 5. Общій выводъ. — 6. Задача историка буддизма.....

ОТРАН.

8—12

II. Первый соборъ. 1. Буддійское воззрѣніе на содержаніе канона. — 2. Усвоеніе европейскими учеными того же воззрѣнія. — 3. Соображеніе о древности канона. — 4. Преданія о соборахъ, ихъ древность и достовѣрность. — 5. Характеръ сходокъ, слѣдую преданію. — 6. Его тенденціозность. — 7. Отношеніе еретическихъ сектъ къ принятымъ въ общинѣ словамъ Учителя. — 8. Махіяна и срѣзакское ученіе. — 9. Учитель по махіяническому ученію. — 10. Вліяніе махіяны на преданіе. — 11. Сказанія о первомъ соборѣ. — 12. Литературно-богословская дѣятельность на соборѣ. — 13. Другіе эпизоды тѣхъ же сказаній. — 14. Ананда и его прегрѣшенія. — 15. Общій выводъ.....

15—36

III. Второй соборъ. 1. Воззрѣнія новѣйшихъ изслѣдователей на первый соборъ. — 2. Черты историческія въ сказаніяхъ о немъ. — 3. Сказаніе о второмъ соборѣ. — 4. Десять отступленій Вансалицевъ. — 5. Причины ихъ появленія. — 6. Отношеніе къ винаѣ. — 7. Мнѣніе Олденберга. — 8. Описаніе и характеръ сходки. — 9. Отсутствіе протокола. — 10. Новыя соображенія о древности палийскаго канона. — 11. Древность цейлонскаго преданія.....

39—67

Приложеніе.....

68—72

IV. Третій соборъ и байратская надпись. 1. Третій соборъ. — 2. Надписи Асоки не говорятъ о немъ. — 3. Значеніе сказанія о третьемъ соборѣ для исторіи конона. — 4. Асока легендъ и его надписи. — 5. Преданіе о причинахъ третьяго собора. — 6. Хронологическая трудность. — 7. Соборъ — частная сходка. — 8. Kathāvatthuprakāraṇa. — Байратская надпись. — 10. Ея стиль. — 11. Содержаніе. — 12. Заключеніе.....

75—93

V. Бхархутская ступа. 1. Открытие памятника. — 2. Время сооружения. Предположения Кемпингса. — 3. Когда ступа была разрушена? — 4. Географическое положение памятника. — 5. Колыбель буддизма. — 6. Буддизмъ въ западной Индіи. — 7. Сношенія Индіи съ западнымъ міромъ. — 8. Индійскіе пути и постоянные дворы. — 9. Путники у буддійскихъ святынь. — 10. Иллюстраціи сказокъ. — 11. Значеніе жатакъ для буддиста. — 12. Индійскіе паломники. — 13. Хоженіе Госаи. — 14. Хоженіе монаховъ. — 15. Буддизмъ въ Индіи.....	97—128
--	--------

Приложеніе.....	129—184
-----------------	---------

VI. Бхархутскіе образа и надписи. 1. Трудность интерпретаціи памятника. — 2. Вопросъ объ отношеніи образовъ и надписей къ палискому канону. — 3. Мнѣніе Чильдерса. — 4. Разборъ надписи. — 5. Общее описаніе ступы. — 6. Изображенія стражей міра. — 7. Ихъ описаніе въ каноническихъ книгахъ. — 8. Несходство изображенія съ описаніемъ. — 9. Значеніе слова <i>уакко</i> въ надписяхъ и <i>уакко</i> въ памятникахъ. — 10. Образъ зачатія. — 11. Образъ жатакъ.....	137—155
---	---------

Приложеніе.....	156—157
-----------------	---------

VII. Древне-буддійскій культъ по бхархутскимъ барельефамъ. 1. Буддійскій культъ на Цейлонѣ и на бхархутскихъ образахъ. — 2. Легенда о началѣ культа. — 3. Буддисты-міряне. — 4. Религіозное значеніе милостыни по буддійскимъ понятіямъ. — 7. Два вида даровъ. — 8. Дары общинъ и ихъ значеніе. — 9. Почитаніе вещественныхъ святынь: Св. дерева. — 10. Коло закона. — 11. Ступа и мощи.....	161—184
--	---------

Приложеніе.....	185—189
-----------------	---------

VIII. Преданія о буддійскомъ расколѣ. 1. Источники для исторіи раскола: Васумитра и Буддхагхоша. — 2. Время Буддхагхоши. — 3. Свѣдѣнія объ его жизни. — 4. Общій характеръ легендъ о немъ. — 5. Легендарная исторія Васумитры и время его жизни. — 6. Древнѣйшій источникъ. — 7. Появленіе сектъ. — 8. Свѣдѣнія Дѣпавадсы. — 9. Разсказъ Васумитры. — 10. Причины раздора.....	193—212
--	---------

Приложеніе.....	213—216
-----------------	---------

IX. Еретическія ученія. 1. Вопросъ о сущности святаго или архата. — 2. Значеніе вопроса и время его появленія. — 3. Еретическія мнѣнія и древнѣйшая литература. — 4. Соборъ при Каннишѣ. — 5. Записаніе ученія въ книги на Цейлонѣ. — 6. Заключение.....	219—240
--	---------

Приложеніе.....	241—273
-----------------	---------

Библиографическій указатель.....	274—278
----------------------------------	---------

Поправки и дополненія.....	279—280
----------------------------	---------

I.

ПЛАНЪ И СОДЕРЖАНІЕ НАСТОЯЩИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ.

1. Опредѣленіе задачи. — 2. Жизнеописаніе первоучителя. — 3. Современная интерпретація легендъ. — 4. Преданіе о древнѣйшихъ судьбахъ буддійской общины. — 5. Общій выводъ. — 6. Задача историка буддизма.

Издаваемая первая часть исследований о буддизмѣ исключительно посвящена пересмотру старыхъ вопросовъ, о которыхъ писано много и высказано не мало весьма ученыхъ и остроумныхъ соображеній. Авторъ, тѣмъ не менѣе, счелъ для себя обязательнымъ въ началѣ своихъ исследований обратиться въ эту область научныхъ разысканій и вновь подвергнуть проверкѣ выводы и положенія, едва-ли не общепринятые между новѣйшими исследователями. Вполнѣ сознавая недостаточность доступныхъ ему матерьяловъ, онъ не предполагалъ въ издаваемыхъ главахъ представлять читателю очеркъ древнѣйшихъ судебъ буддизма или исторію буддійскаго канона. Но по его глубокому убѣжденію, изложенію религіозной системы, разсказу о ея развитіи въ продолженіе болѣе двухъ тысячъ лѣтъ и, наконецъ, попыткамъ опредѣлить ея значеніе въ міровой исторіи — безусловно необходимо было предпослать нѣкоторое критическое разсмотрѣніе имѣющихся извѣстій о древнѣйшихъ судьбахъ буддійской общины и ея священныхъ писаній; опредѣлить характеръ этихъ извѣстій, время ихъ появленій — представлялось ему вопросомъ первостепенной важности въ области буддійскихъ исследований. Отъ рѣшенія этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ находится въ прямой зависимости опредѣленіе характера и времени

тѣхъ буддійскихъ памятниковъ, которые должны быть красугольнымъ основаніемъ для послѣдующихъ разысканій.

Авторъ не начинаетъ своего разсказа изложеніемъ жизнеописанія буддійскаго первоучителя. Несомнѣнно, что въ началѣ великихъ историческихъ движеній всюду и всегда являются великія историческія личности. Такъ было, конечно, и въ исторіи буддизма, и его развитіи, безспорно, начинается дѣятельностью первоучителя.

За долго до появленія македонскихъ воиновъ на берегахъ Инда, въ глубинѣ восточнаго Индустана, въ недалекомъ разстояніи отъ подножія Гималаевъ, родился одинъ изъ величайшихъ аскетовъ и святителей Индіи. Онъ жилъ долго и умеръ, окруженный своими послѣдователями въ мѣстѣ, до сихъ поръ неотысканномъ археологами.

Онъ умеръ, но его дѣятельность не прошла безслѣдно для міра. Ученіе, завѣщанное имъ своимъ послѣдователямъ, не поггло, и уже не задолго до начала нашей эры, или вскорѣ послѣ того, проникло въ отдаленныя страны за Гималаи и за Гиндукушъ, а еще позднѣе завоевало не только большую часть азіатскаго материка, но успѣло распространиться по многимъ островамъ Индійскаго океана.

О жизни этого міродержавнаго учителя, нынѣ миллионами разноразличныхъ и разноплеменныхъ людей, народами разныхъ расъ, чтимаго какъ богъ—почти что ничего неизвѣстно, но не по недостатку сказаній и легендъ. Буддисты ведутъ даже свое лѣтосчисленіе не со дня его рожденія, а съ года и дня его смерти; въ массѣ ихъ легендъ и преданій о немъ сказывается не стремленіе сохранить правдивый разсказъ объ его жизни, не историческое направленіе ума, а исканіе идеала вѣрующимъ сердцемъ, творчество религіознаго чувства.

Въ легендахъ—часто поэтическихъ, нерѣдко оригинальныхъ и странныхъ—характерное настроеніе общины аскетовъ выказалось вполне; умомъ и сердцемъ они искали, чему молиться, что боготворить, и это настроеніе общины совершенно естественно

должно было придать опредѣленную окраску всѣмъ легендамъ, бывшимъ въ обращеніи между аскетами и вѣрующими.

Легенды и сказанія о жизни и дѣятельности первоучителя — необозримая масса. Разказы о его жизни, проповѣди, его чудесахъ и хожденіяхъ по обширной Индіи дошли до насъ въ оригиналахъ и въ переводахъ на разныхъ языкахъ народовъ, понынѣ исповѣдующихъ буддизмъ. Но, не смотря на массу сказаній о жизни буддійскаго первоучителя, въ слѣдствіе сейчасъ указаннаго настроенія буддійской общины, вопросъ объ исторической личности мудреца изъ рода Сакьевъ, отъ котораго ведетъ начало буддизмъ, остается по сіе время открытымъ.

Большинство разказовъ переполнено легендарными подробностями, чертами неправдоподобными или же въ высшей степени невѣроятными; научному біографу великаго Учителя предстоитъ имѣть дѣло съ источниками, историческій характеръ которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія. И въ виду этого матеріала, изслѣдователь всего легче можетъ прійти къ безусловно-отрицательному выводу, то-есть, объявить всѣ источники незаслуживающими никакого довѣрія, и такимъ образомъ вопросъ о жизни исторической личности мудреца изъ рода Сакьевъ будетъ какъ бы устраненъ, а не рѣшенъ. Великая личность окажется объятаю такимъ сумракомъ легендъ и вымысловъ, прояснить который невозможно, по недостатку средствъ: научная критика какъ бы вынуждена будетъ въ силу необходимости отказаться отъ разсмотрѣнія этихъ источниковъ, потому что ихъ характеръ исключаетъ всякую возможность историко-критическаго отношенія къ нимъ. Или тотъ же изслѣдователь сдѣластъ попытку отнестись къ подлежащимъ ему источникамъ съ нѣкоторымъ довѣріемъ: онъ выдѣлитъ изъ нихъ весь легендарный матеріалъ, устранить изъ нихъ все, что, по его мнѣнію, невѣроятно и неправдоподобно, и прочистивъ такимъ образомъ свои источники, на основаніи фактовъ, по своей видимости достовѣрныхъ, создастъ образъ и подобіе учителя и аскета. Въ результатѣ, дѣйствительно, получится весьма правдоподобный разказъ о романтической жизни личности, поэти-

ческой и привлекательной по основнымъ чертамъ своего характера ¹⁾).

Но затѣмъ, совершенно естественно у самого пслѣдователя долженъ же возникнуть вопросъ: въ моемъ разсказѣ, сочиненномъ съ помощью критическихъ приѣмовъ, очевидно, очень незамысловатыхъ, есть ли хотя бы небольшая доля исторической истины? Излагаю-ли я правдивую повѣсть о жизни исторической личности, или только создаю правдоподобный, обще-индійскій образъ аскета и проповѣдника, рисую типъ, правдивость, вѣрность котораго можно проверити и въ наши дни, приглядываясь къ обликамъ факировъ и подвижниковъ, бродящихъ по Индіи?

Отвѣчать отрицательно на этотъ послѣдній вопросъ, то-есть, признать историческую вѣрность нарисованнаго типа, нѣтъ никакихъ основаній. Въ данныхъ для правдивой біографіи буддійскаго первоучителя всего менѣе личныхъ подробностей: правдоподобны и вѣроятны въ сказаніяхъ тѣ факты, которыми обрисовывается намъ не историческая индивидуальность, а общій типъ индійскаго аскета и подвижника.

По поводу тѣхъ же легендъ и разсказовъ высказывались мнѣнія совершенно противоположныя ²⁾: эти разсказы и легенды не суть жизнеописанія съ примѣсю легендарныхъ вымысловъ; они — ничто иное, какъ эпическое прославленіе нѣкаго мнѳологическаго и божественнаго типа. Всѣ событія, разсказанныя въ легендахъ, истинны, но не исторически вѣрны; разсказаннымъ событіямъ и фактамъ принадлежатъ не исторія, а естественной мнѳологій. Вѣдать и толковать ихъ должна не историческая критика, а мнѳологическая интерпретація. Буддха въ легендахъ есть солярный мнѳъ.

¹⁾ Такую попытку сдѣлалъ *Олденбергъ* въ своей книгѣ: *Buddha, Sein Leben etc.*

²⁾ Мнѳологическую интерпретацію буддійскихъ сказаній читатель найдетъ въ книгѣ: *E. Senart, Essai sur la légende du Buddha*, а также у *H. Kern, Der Buddhismus*.

Между крайнимъ отрицаніемъ всякаго значенія легендъ для исторіи буддійскаго первоучителя и попыткой отнести къ нимъ съ историко-критической точки зрѣнія есть, такимъ образомъ, еще третье направленіе, міеологическое; интерпретируя міеологическія подробности, вплетенныя въ канву первичныхъ разсказовъ о жизни аскета и мыслителя, міеологи думаютъ разгадать этимъ путемъ, какъ смыслъ буддійской легенды, такъ и самый процессъ ея развитія.

Подбирая въ тѣхъ же разсказахъ біографическія подробности о своемъ героѣ, историкъ великаго мудреца весьма легко забываетъ, что уже въ старѣйшей по времени общинѣ, той общинѣ, которая была хранительницею древнѣйшаго преданія объ Учителѣ, ясно сказывается своеобразное, чисто-индійское отношеніе къ личности Учителя: послѣдователи не только благоговѣнно чтили его память, но и молились своему Учителю... Онъ сталъ объектомъ религіознаго отношенія весьма рано, а вслѣдствіе того совершенно естественно историческая правдивость преданія должна была мало по малу исчезать, подъ вліяніемъ міросозерцанія, преобладавшаго въ общинѣ: община стремилась къ обогащенію Учителя; она хотѣла вѣрить въ него и молиться ему. Отсюда, совершенно понятно, почему въ преданіе была привнесена цѣлая масса мніическихъ подробностей. Но ими, конечно, далеко не исчерпывается вся сущность легенды о Буддѣ, и одна міеологическая экзегеза, само собою разумѣется, не въ состояніи разъяснить ея роста и развитія.

Разъясненіе этому слѣдуетъ искать въ исторіи умственныхъ движеній общины, въ послѣдовательномъ развитіи доктринъ, догматическихъ ученій, нарождавшихся въ различные эпохи въ буддійской общинѣ и волновавшихъ умы ея членовъ. Легенды разрастались, видоизмѣнялись, конечно, не безъ вліянія на нихъ разныхъ ученій объ архатѣ или святомъ, Буддѣ или вѣщемъ; въ нихъ мы имѣемъ своего рода исторію ученія о вѣщемъ и объ архатѣ.

Интерпретація легендъ, по всему сейчасъ сказанному, должна

начинаться съ критики источниковъ, съ разъясненія, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, историческаго развитія буддійскаго ученія о святомъ (т. е., объ архатѣ).

Но пока все это не сдѣлано, и при изложеніи жизнеописанія мудреца изъ роду Сѣкьева изслѣдователю осторожному необходимо ограничиваться весьма скудными, наиболѣе достовѣрными фактами.

Считая ихъ общепзвѣстными, передавать ихъ здѣсь считаемъ излишнимъ.

Начиная свое лѣтосчисленіе съ года смерти первоучителя, буддисты отсюда-же начинаютъ и исторію своей общины; и объ ея древнѣйшихъ судьбахъ ихъ преданіе сохранило два рода извѣстій; оба рода извѣстій одинаково важны, ибо проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на древнѣйшій періодъ литературной исторіи буддизма.

Извѣстія эти, однакоже, не современны тѣмъ событіямъ, о которыхъ они повѣствуютъ. Преданіе, быть можетъ, очень древнее, — является въ памятникахъ очень позднихъ, т. е. оно предложитъ изслѣдователю въ литературныхъ произведеніяхъ, появившихся черезъ много столѣтій послѣ самаго факта.

Изслѣдователю, такимъ образомъ, предстоитъ сдѣлать оцѣнку того, насколько это, предположительно древнее преданіе, при передачѣ его въ позднихъ источникахъ сохранило исканыхъ, болѣе или менѣе правдивыхъ чертъ, а затѣмъ, разъяснить, въ какой степени оно важно для литературной исторіи.

Въ первые вѣка буддійской исторіи преданіе отмѣчаетъ два важныхъ событія: 1) такъ называемые соборы святителей и аскетовъ, и 2) раздоры въ общинѣ, закончившіеся ея распаденіемъ на секты.

Обыкновенно, при изслѣдованіяхъ о времени буддійскихъ памятниковъ, извѣстіямъ о соборахъ придаютъ наибольшую важность, и вопросы хронологическіе разрѣшаются на основаніи свѣдѣній объ этомъ событіи; извѣстія же о сектахъ отодвигаются на второй планъ, самому факту не придается надлежащаго зна-

ченія и не безъ ущерба для всесторонности и обстоятельности изслѣдованія.

При этомъ какъ будто совершенно забывается, что о дѣятельности святителей и аскетовъ на соборахъ рассказывается въ памятникахъ, появившихся гораздо позднѣе самаго событія, что характеръ рассказа совершенно ясно изобличаетъ нѣкоторую, и совершенно понятную всякому безпристрастному читателю, тенденціозность.

Нѣсколько иной и болѣе правдивый характеръ имѣютъ извѣстія о происхожденіи сектъ и ихъ ученіяхъ. Правда, и эти извѣстія сохранились въ памятникахъ позднихъ, не современныхъ первому появленію раскола въ буддійскихъ общинахъ. Но предполагать тенденціозность въ этихъ рассказахъ — гораздо труднѣе. Зачѣмъ нужно было вѣрующему буддисту возводить начало раздоровъ въ глубокую древность? утверждать, что расколъ въ общинѣ появился на самой зарѣ ея существованія? Измышлять такіе факты было прямо не въ интересахъ людей, утверждавшихъ, что законъ есть слово Вѣщаго, что въ трехъ питакахъ нѣтъ ничего такого, что не было бы глаголомъ Вѣщаго. Не очевидно-ли, что преданіе, рассказывая о происхожденіи сектъ, сообщаетъ свѣдѣнія о фактѣ историческомъ, вполне достоверномъ?

Руководясь сейчасть намѣченными соображеніями, авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе разсмотрѣніемъ преданія о соборахъ, и затѣмъ переходитъ къ извѣстіямъ о происхожденіи сектъ.

Изслѣдованіе, по необходимости, должно было сводиться къ совершенно частному разысканію, главнымъ образомъ, о достоверности цейлонскаго преданія о судьбахъ палийскаго канона, потому что только это преданіе извѣстно въ достаточной полнотѣ, и въ настоящее время только палийскій канонъ можно разсматривать во всей его цѣлости; о другихъ канонахъ пока извѣстно мало, и притомъ изъ переводовъ, въ которыхъ даже оригинальныя заглавія не всегда возстановлены съ желанною точностью.

Разборъ и критическое разсмотрѣніе сказаній о соборахъ привели автора къ выводу, не согласному съ положеніями, нынѣ принятыми большинствомъ изслѣдователей. Въ основаніи этихъ легендъ, несомнѣнно, лежитъ преданіе объ историческомъ фактѣ; но сказанія передѣлывались и разукрашались въ духѣ и согласно съ требованіями позднѣйшей буддійской догматики, и въ нихъ нѣтъ никакихъ непререкаемыхъ указаній на существованіе палийскаго или какого либо иного, до насъ дошедшаго канона въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ они повѣствуютъ.

Недостаточность доступнаго ему матерьяла заставила автора, при разсмотрѣніи извѣстій о происхожденіи сектъ, ограничить свои изслѣдованія самымъ общимъ обзоромъ и притомъ только выдающихся спорныхъ вопросовъ, разъединявшихъ буддійскую общину въ первыя столѣтія ея существованія.

Въ концѣ этихъ своихъ разысканій авторъ пришелъ къ результату, несостоящему въ противорѣчіи съ сейчасъ упомянутымъ выводомъ относительно древности палийскаго канона.

Первыя по времени указанія на существованія буддійскихъ каноническихъ писаній находятся не въ литературныхъ произведеніяхъ буддистовъ, а въ монументальныхъ памятникахъ, напр., въ извѣстной байратской надписи, не безъ основанія приписываемой Асокѣ Великому, а также въ нѣкоторыхъ надписяхъ бхархутской стѣпы. Но изъ этихъ фактовъ нельзя сдѣлать никакаго положительнаго заключенія о существованіи палийскаго канона или языка въ эпоху современную этимъ памятникамъ.

Цѣль настоящихъ разысканій не полемическая: они не имѣютъ своею задачею безусловное отрицаніе всякаго значенія преданія или древности буддійскихъ писаній. Напротивъ, авторъ полагаетъ, что въ преданіи, иногда даже позднемъ, всегда сохранилось нѣчто драгоцѣнное и отчасти правдивое; слѣдуетъ только правильно отнестись къ его извѣстіямъ и не забывать, что весьма часто преданіе, подъ вліяніемъ совершенно очевидной тенденціозности, можетъ исказить историческій, достовѣрный фактъ.

Такое искаженіе заподозрѣно въ цейлонскихъ и другихъ

сказаніяхъ о соборахъ, и при этомъ была сдѣлана попытка представить посильныя доказательства его тенденціозности. Самый фактъ сходокъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; но съ точки зрѣнія автора на этотъ фактъ, установить которую онъ старался въ настоящей книгѣ, легенды о соборахъ или сходкахъ не имѣютъ никакого значенія въ разысканіяхъ о началѣ, развитіи и дальнѣйшихъ судьбахъ палийскаго канона.

Исторія канона, въслѣдствіе недостатка достовѣрныхъ свѣдѣній, можетъ быть возсоздана только путемъ сравнительнаго изученія, по памятникамъ различныхъ буддійскихъ сектъ, отдѣльных догматовъ въ ихъ постепенномъ развитіи, и при этомъ для успѣха дѣла необходимо вполне отрѣшиться отъ весьма распространеннаго, но совершенно ложнаго, предвзятаго предположенія о какой-то преимущественной древности палийскаго канона. Черезъ это самое памятники на другихъ нарѣчіяхъ, хотя бы и недошедшіе до насъ въ оригиналахъ, получаютъ для изслѣдователя надлежащее значеніе въ дѣлѣ историко-литературной критики.

Сравнительное изученіе догматовъ по памятникамъ разныхъ сектъ дастъ возможность выяснить общіе принципы и основанія для вѣроятнаго рѣшенія вопросовъ о томъ, что должно считать первичнымъ, что древнимъ и что новымъ въ этихъ памятникахъ; самый хронологическій вопросъ относительно большинства памятниковъ значительно упростится, вмѣстѣ съ тѣмъ его рѣшеніе сдѣлается болѣе правдоподобнымъ. Черезъ такое изученіе развитія буддійскихъ догматовъ явится возможность связать начало великаго міроваго движенія съ предшествующею исторіей Индіи, и выяснить, откуда пошла эта религіозно-метафизическая пылливость древняго Индійца.

Само собою разумѣется, для выполненія этой задачи, для уразумѣнія древнѣйшихъ судебъ буддизма, его послѣдующаго развитія, для выясненія главныхъ фазисовъ въ исторіи его св. писанія однихъ буддійскихъ источниковъ совершенно не достаточно: изслѣдователю, преслѣдующему такую цѣль, необходимо имѣть ближайшее знакомство со старинными философскими со-

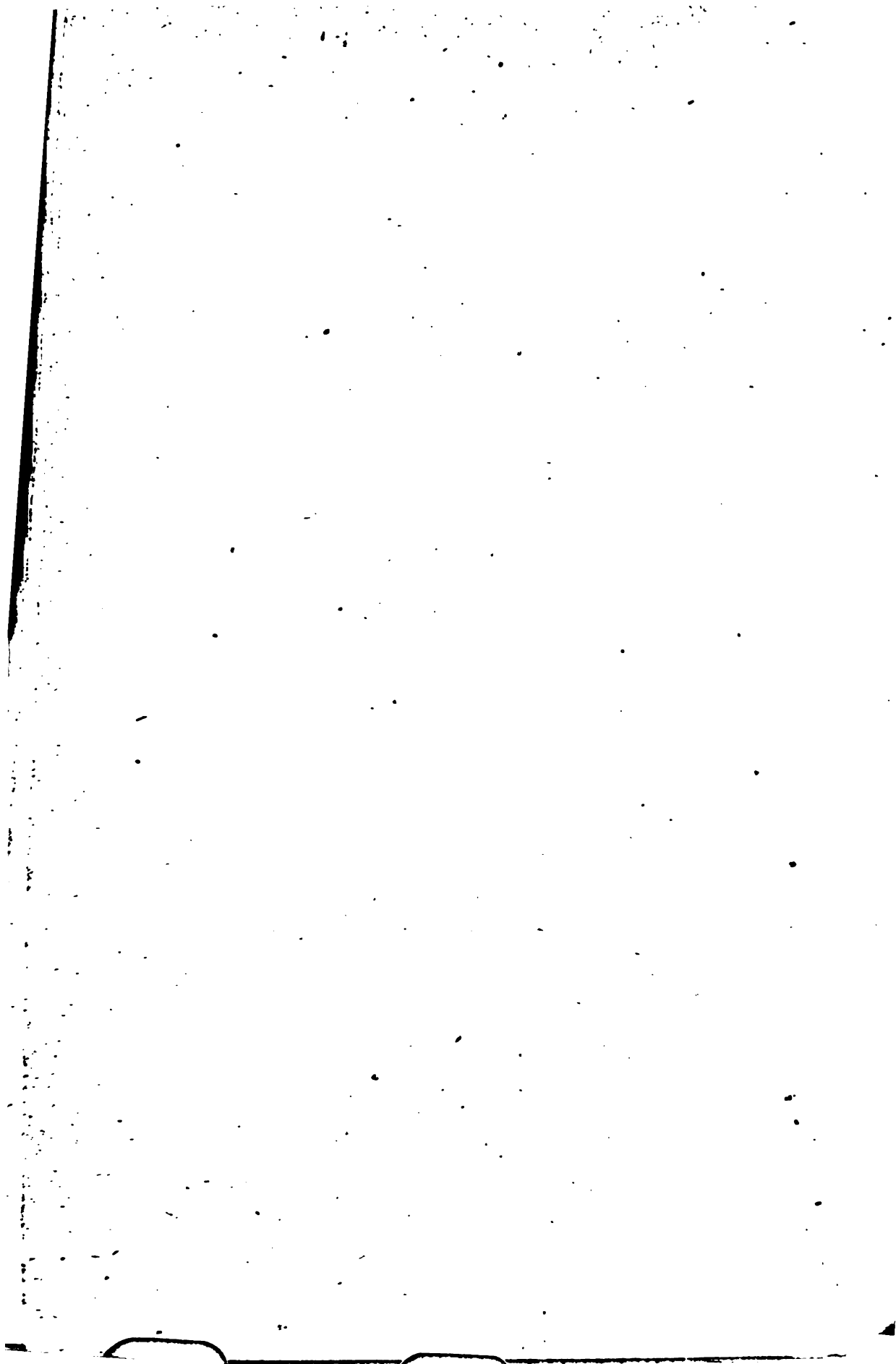
чиненіями брахматовъ въ особенности-же со св. писаніемъ Жайновъ—секты, происхожденіе которой восходитъ къ эпохѣ зачала буддійскаго движенія.

Намѣчая въ общихъ чертахъ такую задачу, авторъ долженъ повторить при этомъ сказанное имъ въ началѣ настоящей главы: Его задача болѣе скромная; писать исторію буддизма или одного какого-либо изъ многихъ буддійскихъ каноновъ онъ не почитаетъ посильнымъ для себя трудомъ — и эта цѣль не преслѣдовалась въ настоящемъ томѣ изслѣдованій, посвященномъ исключительно критическому пересмотру буддійскихъ преданій о древности и первоначальномъ происхожденіи священныхъ писакъ.

II.

ПЕРВЫЙ СОБОРЪ.

1. Буддйское воззрѣніе на содержаніе канона. — 2. Усвоеніе европейскими учеными того же воззрѣнія. — 3. Соображеніе о древности канона. — 4. Преданія о соборахъ, ихъ древность и достовѣрность. — 5. Характеръ сходокъ, слѣдующихъ преданію. — 6. Его тенденціозность. — 7. Отношеніе еретическихъ сектъ къ принятымъ въ общинѣ словамъ Учителя. — 8. Махаяна и сравакское ученіе. — 9. Учитель по махаяническому ученію. — 10. Вліяніе махаяны на преданіе. — 11. Сказанія о первомъ соборѣ. — 12. Литературно-богословская дѣятельность на соборѣ. — 13. Другіе эпизоды тѣхъ же сказаній. — 14. Ананда и его прегрѣшенія. — 15. Общій выводъ.

Палийскіе комментаторы священнаго писанія предпосылаютъ своимъ толкованіямъ на нѣкоторыя части «трехъ сосудовъ» (то-есть, трехъ питакъ) краткій обзоръ древнѣйшихъ судебъ буддйскаго священнаго канона ¹⁾; такое введеніе съ ихъ точки зрѣнія не только умѣстно, но и безусловно необходимо вслѣдствіе ихъ догматическаго воззрѣнія на всецѣлость содержанія канона. Они вѣрили точно также, какъ и современные буддисты твердо вѣрують, что въ «трехъ сосудахъ» содержится только слово ихъ вѣщаго Учителя. Того же взгляда на содержаніе трехъ сосудовъ держались и тѣ буддисты, которые приписывали сочиненіе абхидхармическихъ книгъ отдѣльнымъ авторамъ. По ихъ толкованію, авторы абхидхармическихъ книгъ были только собирателями и редакторами словъ Буддхы ²⁾. Въ доказательство непреложной истинности своей вѣры цейлонскіе буддисты рассказываютъ, какъ слово Первоучителя, не смотря на всякаго рода опасности, грозившія его чистотѣ, благодаря усиліямъ святыхъ мужей, сохранило и первоначальный характеръ, и всецѣлость содержанія неприкосновеннымъ. Черезъ двѣ тысячи слѣшкомъ лѣтъ ученіе нисколько не измѣнилось, осталось совершенно такимъ же,

¹⁾ Напр. въ Samantapāsādikā. См. Oldenberg, The Vinayapitakam, III, 283 и сл. The Historical Introduction to Buddhaghosa's Samantapāsādikā. — Введеніе къ Sumaṅgalavilāsinī — издано только въ переводѣ Тѣрнеромъ.

²⁾ अभिधर्मोऽपि - - - भगवतोक्तः । स्वविरकात्यायनीपुत्रप्रभृतिभिर्ज्ञानप्रस्थानादिषु पिपडीकृत्य स्थापितश्चाहुर्वैभाषिकाः ॥ А. н. в., т. 6. Воззрѣнія Буддхагхоши на канонъ приведенъ въ Пратимокша—сутрѣ, стр. 85.

какъ и въ то время, когда оно было живымъ глаголомъ великаго Учителя. Являлись поносители святаго закона, еретики пытались затемнить истину лжеученіями, но мужи святыя, преемники великаго Учителя, умѣли бороться съ врагами и преодолевать ихъ. Они собирались купно въ одно мѣсто, твердо и свято храня въ своей памяти всѣ слова отошедшаго Вѣщаго, устраивали сігѣвки, пропѣвали вмѣстѣ слова Учителя, какъ бы возобновляли въ своей памяти новое авторизованное изданіе святыихъ проповѣдей; всякія новшества и лжеученія тщательно отменялись. Въ живыхъ сосудахъ, въ памяти святыихъ мужей хранилось только древнее и истинное ученіе.

Черезъ длинный рядъ преемства святыихъ учителей древнее и истинное ученіе, хранимое въ памяти, дошло, наконецъ, до того времени, когда святость между людьми стала умаляться, и спустя нѣсколько столѣтій по смерти Учителя происходитъ на Цейлонѣ общее внесеніе ученія въ книги. Такимъ образомъ все, что буддисты рассказываютъ объ исторіи своего канона, съ ихъ точки зрѣнія неопровержимо доказываетъ полную истинность ихъ основнаго догмата о томъ, что въ трехъ питакахъ содержатся только подлинныя слова Учителя.

Въ древнѣйшихъ судьбахъ буддійскаго канона преданіе отмѣчаетъ три важные факта: палийскій канонъ, по религіозному сознанию вѣрующихъ, древенъ и содержитъ истинное слово Учителя; въ продолженіе многихъ столѣтій и до нашихъ дней онъ сохранялся неизмѣннымъ, благодаря усиліямъ святыихъ мужей, которые умѣли во время 1) собирать сходки или устраивать сігѣвки (саггити), то-есть, по переводу европейскіихъ изслѣдователей, созывать соборы; собирались же эти сходки потому, что въ буддійской общинѣ, на зарѣ ея исторической жизни, появлялись новшества, лжеученія, иначе—развивались 2) еретическія секты. Оба отмѣченные факта относятся къ древнѣйшей исторіи буддійскаго канона; третій знаменательный фактъ въ развитіи того же священнаго писанія, то-есть, внесеніе ученія въ книги свершился гораздо позднѣе.

Кромѣ сейчасъ названныхъ событій, преданіе сохранило весьма немного достовѣрныхъ извѣстій о судьбахъ какъ самой общины, такъ и ея священнаго канона; а потому, при такой скудости историческихъ данныхъ, нисколько не удивительно, что до сихъ поръ, какъ только возникаетъ вопросъ о хронологическомъ опредѣленіи какого-либо буддійскаго памятника, европейскій изслѣдователь становится на точку зрѣнія палийскаго комментатора, то-есть, обращается къ извѣстіямъ о сходкахъ буддійскихъ аскетовъ въ первыя вѣка ихъ историческаго существованія, и на основаніи скудныхъ, взаимно противорѣчивыхъ и ясно тенденціозныхъ извѣстій о сходкахъ или соборахъ, какъ ихъ принято называть между европейскими учеными, рѣшается вопросъ не о времени одного извѣстнаго какого либо памятника, а цѣлаго канона ¹⁾.

Вопросъ о времени памятника, разсуждаютъ обыкновенно, — не можетъ быть рѣшенъ на основаніи палеографическихъ данныхъ; всѣ дошедшія до нашего времени рукописи слишкомъ новы; изслѣдователю подлежатъ очень новые списки весьма древнихъ сочиненій; не болѣе надежными руководителями оказываются лингвистическія данныя. Остается одинъ способъ для рѣшенія вопроса о времени памятника, то-есть, строится такой силогизмъ: разсматриваемый памятникъ въ настоящее время составляетъ часть канона; опредѣляя время всего канона, мы опредѣлимъ время нашего памятника ²⁾. При этомъ совершенно упускается изъ виду, что нѣтъ никакихъ указаній на то, изъ какихъ частей канонъ состоялъ въ древности и всегда ли въ него входили однѣ и тѣ же части.

Разъ же первоначальный составъ канона намъ пока неизвѣстенъ, всякія соображенія о древности отдѣльныхъ канониче-

¹⁾ Указываемъ только новѣйшихъ изслѣдователей и ихъ труды. См. напримѣръ, Oldenberg, *Mahāvagga*, стр. XXV и сл.; Max Müller, *Sacred books of the East*, vol. X, стр. XXIX; Rhys Davids, тамъ же vol. XI, стр. XI и слѣд.

²⁾ Max Müller, vol. X, стр. X.

скихъ книгъ, на основаніи извѣстій позднихъ памятниковъ, должны казаться на безпристрастный взглядъ мало убѣдительными.

Едва-ли кому либо покажется доказательнымъ, напр., слѣдующій выводъ. Вторая глава Дхаммапады, говоритъ Максъ Мюллеръ, называется *аррамādavaggo*; если въ Махāвамсѣ (то-есть, въ цейлонской хроникѣ конца V вѣка по Р. Х.) намъ разсказывается, что во время обращенія царя Асоки монахомъ Нигродха буддійскій монахъ объяснялъ ему *аррамādavaggo*, мы едва ли можемъ сомнѣваться, что уже въ то время существовало собраніе стиховъ объ *аррамāda* такое же, какое мы имѣемъ теперь въ Дхаммападѣ и *Saṇṇuttanikāya* (vol. X, стр. XXXII). Здѣсь, на основаніи показанія памятника V в. по Р. Х., утверждается существованіе литературнаго произведенія въ III в. до Р. Х. Существованіе въ III в. до Р. Х. нѣкоторыхъ и, быть можетъ, даже очень многихъ стиховъ, нынѣ извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ Дхаммапада, весьма вѣроятно, но, конечно, не свидѣтельствами столь поздняго памятника, какъ Махāвамсо, долженъ доказываться фактъ существованія въ то время цѣлаго сборника въ его настоящемъ видѣ и объемѣ.

Вопросъ о томъ, всегда ли канонъ состоялъ изъ тѣхъ же частей, на которыя онъ дѣлится теперь, обыкновенно обходится молчаніемъ, или же устраняется соображеніями, лишенными всякой вѣроятности; затѣмъ обращаются къ опредѣленію времени всего канона.

При опредѣленіи времени пāлійскаго канона ссылаются на два важныхъ факта: 1) канонъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлежитъ намъ теперь, не упоминаетъ о третьемъ соборѣ временъ Асоки, около 242 г. до Р. Х.; 2) въ канонѣ упоминаются первый соборъ въ Рāжагрихѣ (477 до Р. Х.) и второй въ Вансāлі (377 до Р. Х.).

На основаніи этихъ двухъ фактовъ выводится, что канонъ получилъ законченный видъ въ промежутокъ времени послѣ второго собора и до третьяго, или же во время третьяго собора. Быть можетъ, даже значительная часть канона существовала

до втораго собора; описаніе двухъ соборовъ находится въ концѣ Виная-питаки, и въ этомъ обстоятельствѣ усматриваютъ указанія на то, что эти отчеты были послѣдними авторизованными частями канона. Теорія эта, впервые высказанная съ большимъ остроуміемъ и ученостью Ольденбергомъ, съ незначительными видоизмѣненіями была принята многими другими изслѣдователями. Значеніе, даваемое изслѣдователями преданію о соборахъ въ дѣлѣ хронологическихъ разысканій, естественно выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о времени его происхожденія и объ отношеніи традиціоннаго разсказа къ историческому факту. Извѣстій о соборахъ, современныхъ факту, пока не найдено, и буддисты разныхъ толковъ признаютъ не одно и то же число соборовъ; но всѣ, кажется, согласны въ томъ, что было первое собраніе святыхъ мужей тотчасъ по смерти Учителя, и другое—черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ. Объ этихъ двухъ первыхъ сходкахъ сохранились извѣстія не одинаковой древности; наиболѣе старыя вошли въ составъ канона¹⁾, другія, болѣе позднія, находимы у палийскихъ комментаторовъ, въ цейлонскихъ хроникахъ, у китайскихъ путешественниковъ и буддійскихъ историковъ (Таранатха).

Относительно достовѣрности извѣстій о двухъ первыхъ соборахъ мнѣнія европейскихъ изслѣдователей расходятся. Нѣкоторые принимаютъ, что до насъ дошли извѣстія, какъ о первомъ, такъ и о второмъ соборѣ, одинаково достовѣрныя; другіе, напротивъ, начинаютъ исторію канона со времени втораго собора, и не признаютъ за извѣстіями о первомъ соборѣ никакой исторической достовѣрности, хотя разсказы, какъ о первомъ, такъ и о второмъ соборѣ, повторяются въ однихъ и тѣхъ же источникахъ и, по своей сущности, однако вѣроятны: въ нихъ нѣтъ ни мнѣческихъ подробностей и разукрашеній, словомъ, ничего такого, что лишало бы ихъ правдоподобія; не слѣдуетъ только въ этихъ

¹⁾ Senart, Le Mahāvastu, 71; Oldenberg the Vinaya Piṭakam, II, 284 и сл. Beal, the Buddhist Councils etc., см. Verhandlungen des V Internationalen Orientalisten Congresses II. 2.

разсказахъ о такъ называемыхъ соборахъ смѣшивать двѣ стороны, не въ одинаковой степени достовѣрныя: самый фактъ сходокъ едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію; при самомъ крайнемъ скептицизмѣ едва ли найдется дѣйствительно вѣское и неопровержимое соображеніе отрицательнаго характера; сходки устроились совершенно естественно, и были необходимымъ слѣдствіемъ даннаго положенія дѣлъ. Умирать великій Учитель, его опротѣвые ученики собираются для погребальныхъ обрядовъ; но вслѣдъ затѣмъ въ общинѣ проявляется какой-то духъ неурядицы; между аскетами объявились люди съ грѣховными помыслами; они какъ будто обрадовались событію тяжкому и горестному для большинства общины; въ смерти Учителя они усмотрѣли эмансипацію отъ тяжелыхъ узъ суроваго аскетизма и громко возликовали: «не плачьте, не горюйте! нѣтъ того, кто бдительно стоялъ на сторожѣ, и говаривалъ намъ: того-то и того-то не дѣлайте». Настроеніе паствы грозило разрушеніемъ и молодой общинѣ, и ученію, создавшему ее. Члены общины, уразумѣвшіе опасность, естественно должны были позаботиться о пресѣченіи зла, собрать единомышленниковъ и обсудить положеніе дѣлъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе именно этихъ причинъ состоялась первая сходка буддійскихъ аскетовъ или первый буддійскій соборъ. — Проходитъ сто лѣтъ, въ общинѣ появляются какія-то новшества, возникаютъ ложные толки, лжеученія, и она собирается вновь для обсужденія своихъ дѣлъ. Устраивается, какъ и въ первомъ случаѣ, судъ и расправа, нѣчто подобное современнымъ кастовымъ панчаятамъ; характеръ судбищъ остался за соборами во всѣхъ разсказахъ, хотя не безъ очевидной тенденціи традиція придала имъ обликъ конклавовъ, собранныхъ съ богословско-литературною цѣлью.

Но если сходки или спѣвки древнихъ буддистовъ были сборищами, подобными панчаятамъ, значеніе ихъ въ исторіи канона умаляется до крайней степени.

Преданіе въ своемъ полномъ развитіи, а вмѣстѣ съ нимъ и большинство европейскихъ изслѣдователей, придаютъ сходкамъ

совершенно иной характеръ: то были, говорятъ намъ, соборы, конклавы, редактировавшіе священное буддійское писаніе. Дѣйствительно, извѣстія различныхъ источниковъ одинаково свидѣтельствуя, что на первой по времени сходкѣ святые мужи занимались богословско-литературною дѣятельностью; но самую литературную работу каждый источникъ описываетъ по своему. Въ однихъ сказаніяхъ неопредѣленно и глухо говорится о литературной дѣятельности святыхъ мужей, собравшихся на конклавъ; въ другихъ, напротивъ, отмѣчаются многія мелочныя черты этой соборной богословско-литературной дѣятельности, въ выраженіяхъ точныхъ, недопускающихъ никакого сомнѣнія, утверждается, что весь палийскій канонъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлежитъ намъ въ настоящее время, уже существовалъ въ моментъ смерти Учителя. Словомъ, въ палийскихъ разсказахъ говорится, очевидно, о палийскомъ канонѣ; въ Сы-фынгъ-пяо ¹⁾ упоминается о другой вилаѣ въ 80 стиховъ, Сюань-цзанъ, конечно, разумѣлъ иной канонъ, а Фа-слигъ довольно неопредѣленно отмѣчаетъ приразсказѣ о первомъ соборѣ канонъ Махасайгхпковъ — секты, явившейся, вѣдомо, гораздо позднѣе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что преданіе разныхъ сектъ расходилось по этому пункту; всѣмъ имъ было обще желаніе начинать исторію своего канона съ момента смерти Учителя; у всѣхъ одинаково было стремленіе доказать его подлинность именно въ этомъ смыслѣ. Амплификаціи различныхъ редакцій не были случайными или неумышленными разукрашеніями первоначальныхъ разсказовъ; въ подробностяхъ, нараставшихъ на основѣ простѣйшаго и древнѣйшаго пзвода преданія совершенно ясно сказываются вполне сознательныя желанія придать разсказу о сходкахъ опредѣленный характеръ; сочинитель преслѣдовалъ цѣль, ясно намѣченную: ему нужно было доказать не только древность и святость своего канона, но въ то же время онъ желалъ устранить всякую возможность сомнѣнія въ томъ, что канонъ есть слово Вѣщаго; ему нужно было возвести начало священнаго писанія ко

¹⁾ Васильевъ, Буддизмъ I. Стр. 224.

времяпачѣ Учителя. Такая задача могла явиться въ общинѣ лишь въ моментъ, когда подлинность канона заподозривалась, и совершенно очевидно, что въ эпоху, ближайшую къ живой дѣятельности Учителя, вскорѣ послѣ его смерти, истинность святого слова, принятаго въ общинѣ, не могла быть заподозрѣваема кѣмъ-либо; у всѣхъ было свѣжо въ памяти ученіе великаго аскета, самыхъ словъ и изрѣченій,—допуская самую широкую проповѣдническую дѣятельность мудреца изъ Сѣкійскаго рода,—едва ли было много въ то время. Скептицизмъ и отрицательное отношеніе къ священному писанію могли явиться или среди разныхъ еретическихъ сектъ въ моментъ ихъ народженія, или даже позднѣе, въ ту знаменательную эпоху, когда старое направленіе въ буддизмѣ смѣнилось новымъ—трансцендентальнымъ, махѣянническимъ.

Секты, какъ увидимъ далѣе, утверждали многое, что, по мнѣнію другихъ толковъ, не согласно было съ доктриной Учителя; говорилось многое неподобное объ архатѣ или святомъ; утверждалось существованіе души, какъ отдѣльной субстанціи. Но выставляя ложныя философскія положенія, еретики весьма часто ссылались на слова Учителя, то-есть, на изрѣченія изъ писанія, признаннаго святымъ въ общинѣ; ихъ противники въ отвѣтъ утверждали, что лжеучители даютъ превратное толкованіе святымъ словамъ; подлинность самыхъ словъ, послужившихъ точкою отправления и основаніемъ для построенія ложныхъ теорій, при этомъ, не заподозривалась; полагали возможнымъ устранить совершенно и опровергнуть лжеученіе доктриной о двухъ смыслахъ въ проповѣдяхъ учителя, то-есть, принимали въ сего словѣ безусловно истинное значеніе и другое, условное; послѣднее дало начало лжеученіямъ, потому что было невѣрно истолковало еретиками; въ нѣкоторыхъ случаяхъ противники такъ называемыхъ лжеученій шли далѣе и утверждали, что еретики искажали тексты, сочиняли подложныя изрѣченія; ни изъ чего не видно, однако же, чтобы въ первый періодъ буддійской исторіи скептицизмъ достигъ того развитія, которое ясно сказывается въ махѣянѣ.

Махѣяна отправлялась въ своихъ теоріяхъ отъ новой точки

зрѣнія, отличной отъ срѣвакской или хінаянической, и была враждебна ученію срѣваковъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ своей исторіи.

Новое ученіе относилось совершенно своеобразно къ тому, что въ старинной общинѣ почиталось за святое слово, за подлинное ученіе Вѣщаго. Срѣваки, хінаянисты утверждали, что «махаяна не была произнесена Буддой» ¹⁾; это ученіе, говорили они, не заключается въ нашихъ трехъ питакахъ. Махаянисты платили имъ одинаковымъ, отрицательнымъ отношеніемъ къ ихъ ученію, не признавая ни его святости, ни его спасительности. Дисциплина, изложенная въ прѣтимокшѣ, строгое соблюденіе нравственности, все это, по ихъ убѣжденію, было совершенно бесполезно. Одна махаяна вела ко спасенію: «Да обратится твоя мысль быстро къ безусловному высшему всевѣдѣнію, читай махаяну....» «Оставьте, говорили они, срѣвакскія книги; не внемлите имъ, не читайте ихъ; не проповѣдуйте ихъ другимъ.... За это (т. е., за чтеніе и пр. срѣвакскихъ книгъ) не будетъ вамъ великой награды, черезъ это вы не положите предѣла грѣху. Вѣрьте махаянѣ, внемлите махаянѣ» и т. д. ²⁾.

Позднѣе во многихъ сѣтрахъ одинаково осуждается отрицательное отношеніе какъ срѣвака къ ученію махаяны, такъ и наоборотъ, махаяниста къ старой доктринѣ. Въ тяжкій грѣхъ впадалъ срѣвакъ, хулившій и порицавшій махаяническое ученіе, или отвращавшій кого-либо отъ этого ученія; но столь же грѣховны

¹⁾ Васильевъ, Буддизмъ, I, 262.

²⁾ पुनरपरमादिकर्मिको बोधिसत्त्वः कस्य चिदेवं वदति किं भोः प्रातिमोत्तविनयेन शीलेन सुरक्षितेन शीघ्रं त्वमनुत्तरायां सम्यक्संबोधौ चित्तमुत्पादयस्व महायाने पठ । ---- पुनरपरं कुलपुत्र केषाञ्चिदादिकर्मिको बोधिसत्त्व एवं वदति वर्जयथ यूयं कुलपत्राः श्रावकपानकथां मा शृणुत मा पठत मा परेषामुपदिशत न यूयं तस्मान्महत्फलं प्राप्स्यथ । न यूयं ततो निदानाच्छ्रुताः क्लेशान्तं कर्तुं । अदधत महायानकथां । शृणुत महायानं । पठत महायानं परेषाञ्चोपदिशत ततो यूयं सर्वदुर्गत्यपायपथां शमयिष्यथ । तिप्रज्ञानुत्तरां सम्यक्संबोधिमभिसेभोत्स्यथ । C. s., 40.

были хулы махāяниста, или его подобныя же дѣйствія по отношенію къ хінаянѣ ¹⁾. Такая терпимость явилась, конечно, не въ началѣ махāяническаго движенія, а гораздо позднѣе, въ эпоху кампромиссовъ и соглашенія между махāянистами и ср̥ваками, словомъ, приблизительно около временъ, описанныхъ китайскими путешественниками по Индіи. Ранѣе отношеніе между двумя направленіями не могло быть мирнымъ, или дружественнымъ; новое ученіе совершенно естественно должно было отрицать спасительность ученія стараго; память объ этомъ отрицательномъ отношеніи махāяны сохранилась во многихъ махāяническихъ сūтрахъ, гдѣ не только чтеніе ср̥вакскихъ книгъ, но даже общеніе съ ср̥ваками объявляется злополучнымъ для мудрости махāяническаго святаго. «Кто, возбудивъ мысль о безусловномъ знаніи, говоритъ тамъ нерѣдко, махāянѣ не слѣдуетъ, не читаетъ ея, къ ср̥вакамъ обращенъ и съ ними имѣетъ общеніе; ихъ книги читаетъ, изучаетъ..... тотъ отвлекается, отвращается отъ пути къ верховному вѣдѣнію» ²⁾.

Вмѣстѣ съ появленіемъ махāяническаго ученія, самая сущность Вѣщаго, Первоучителя стала пониматься иначе, нежели въ древнюю эпоху. Доказывали, между прочимъ, что тѣло его не физическое, въ немъ нѣтъ элементовъ; оно безъ костей и безъ кровное. Это тѣло — духовное ³⁾. Учитель, говорили другіе, пребы-

¹⁾ Эти хулы и дѣйствія въ Q. 2. въ обоихъ случаяхъ называются mālapatti
См. л. 40.

²⁾ भगवानाह । एवमेव मञ्जुश्रीयः कश्चिद्दोषचित्तमुत्पाद्य महायानं न धारयति न पठति । श्रावकयानीयां सेवते तैश्च सार्धं संस्तवं करोति । श्रावकयानञ्च पठति स्वाध्यायति सोऽनुत्तरज्ञानमार्गात्प्रत्याकल्पते प्रत्युदावर्त्यते । यदपि तस्य बोधिसत्त्वस्य बोधिभावना ऽतः प्रज्ञेन्द्रियं प्रज्ञाचक्षुः तदपि तस्य धन्धीक्रियते प्रतिकल्प्यते ॥ Q. 2., л. 4., цитата изъ नियतानियतावतारमूлсूत्र.

³⁾ सुवार्णप्राब्रह्मса, л. 11. धनस्थिरुधिरे काये कतो धातुर्भविष्यति ॥
धर्मकायो हि संवृद्धो धर्मधातुः तथागतः ।

васть вѣчно на небѣ Тушита¹⁾; отсюда онъ ниспосылаетъ воплощеніе проповѣдника; не Вѣщій проповѣдовалъ законъ, а Ананда²⁾.

Срѣвакамъ приходилось защищать подлинность и святость своего канона, доказывать прямое и непосредственное происхожденіе своихъ книгъ отъ Учителя: явилась, такимъ образомъ, необходимость излагать исторію канона. Преданія о первыхъ сходкахъ уже существовали; подъ руками имѣлись матерьялы; совершенно сознательно имъ придали въ пересказахъ иной, необходимый для извѣстной цѣли характеръ, и изъ сказанія о сходкахъ, собравшихся для рѣшенія общинныхъ дѣлъ, сочинили протоколы конклавовъ, занимавшихся литературно-богословскими работами.

Въ настоящее время извѣстно нѣсколько буддійскихъ сказаній о первомъ соборѣ. Старѣйшая палийская редакція³⁾ начинается разсказомъ отъ лица великаго Касъяпы (Mahākassāpa). Онъ повѣствуетъ, какъ однажды, находясь на пути изъ Пāvы въ Кушнāру съ пятьюстами монаховъ, повстрѣчалъ нѣкоего странствующаго, голаго аскета (ājīvako) и отъ него узналъ о смерти Великаго учителя. Печальная вѣсть неодинаково подействовала на его слушателей: одни, не освободившіеся отъ страстей, зарыдали и, жмоая руки, возопили: Померкло быстро око міра; другіе безстрастные, говорили: явленія не вѣчны. Самъ Касъяпа утѣшалъ скорбящихъ словами отошедшаго: «со всѣмъ, что мило и дорого, есть разлука и т. д.»

Нашелся въ средѣ аскетовъ одинъ вольнодумецъ, по имени Субхаддо; ему смерть учителя показалась освобожденіемъ: «те-

¹⁾ Такъ учили Ветуляки. О нихъ см. въ слѣд. главѣ. *bhagavā loka jāto loka samvaddho lokam abhibhuyya viharati anupalitto lokenā' ti suttaṃ ayoniso gahetvā bhagavā tusitabhavane nibbatto tatth' eva vasati manussalokaṃ āgacchati nimmittarūpamattakaṃ pan' ettha dassetiti* - *laddhi seyyathā pi etarahi vetulyakānaṃ*. K. v. p., XVIII. 1.

²⁾ *tattha tusitapure thito bhagavā dhammadesanattāya abhinimmittaṃ peseti tena c' eva tassa desanaṃ sampañcchitvā āyasmatā ānandena dhammo desito na buddhena bhagavatā 'ti* - *laddhi seyyathā pi vetulyakānaṃ c' eva*. K. v. p., XVIII. 2.

³⁾ *Cullavagga*, xi, см. *The Vinaya*., II, 284 и сл.

перъ, говорилъ онъ скорбѣвшимъ, что пожелаемъ, то и станемъ дѣлать, а чего не пожелаемъ, того и не станемъ дѣлать».

Эти легкомысленныя слова были, слѣдуя разсказу Кâсјапы, поводомъ къ созыву собора. Онъ обратился къ окружавшимъ его аскетамъ съ слѣдующею рѣчью: «пропоемъ (т. е. повторимъ въ своей памяти) законъ и винаю, и т. д.».

Этимъ, собственно, заканчивается разсказъ Кâсјапы. Далѣе повѣствованіе ведется въ третьемъ лицѣ, и какъ будто мы имѣемъ въ этой главѣ Чулла-вагги сліянія въ одно цѣлое съ нѣкоторыми пропусками (о чемъ ниже) нѣсколькихъ совершенно самостоятельныхъ разсказовъ.

Изъ разсказа Чулла-вагги совершенно не ясно, гдѣ было принято рѣшеніе созвать соборъ: тамъ-ли, гдѣ аскетовъ застала вѣсть о смерти первоучителя, или-же въ Куспінарѣ, куда, по другому свидѣтельству, Кâсјапа отправился поклониться останкамъ учителя ¹⁾).

Тотчасъ по заявленіи о необходимости спѣть вмѣстѣ законъ и винаю, монахи просятъ Кâсјапу избрать участниковъ этой спѣвки, и онъ избираетъ четыреста девяносто девять, т. е. всѣхъ своихъ спутниковъ — безъ одного, такъ какъ въ приведенномъ выше разсказѣ заявлено, что съ Кâсјапой шли пятьсотъ монаховъ. Очевидно, избраніе было не затруднительно. Вмѣстѣ съ этимъ въ общинѣ возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли принимать въ участіи спѣвки Āнанду; Āнанда не былъ въ то время архатомъ. Авторъ разсказа отмѣтилъ это обстоятельство съ очевиднымъ намѣреніемъ поставить на видъ, что законъ и вина на первой спѣвкѣ, или на первомъ соборѣ, устно редактировались людьми святыми, непогрѣшимыми; ибо хотя Āнанда впоследствии и былъ допущенъ на спѣвку или соборъ, но только тогда, когда сталъ мужемъ святымъ, архатомъ непогрѣшимымъ.

И тутъ опять Чулла-вагга оставляетъ непоясненнымъ, откуда явился Āнанда, такъ какъ по другимъ разсказамъ ²⁾ въ то время,

¹⁾ *Mahāparinibbānasutta*, стр. 67.

²⁾ *Mahāparinibbānasutta*, тамъ-же.

когда Касјапа шествовалъ изъ Павы съ своими пятьюстами спутниковъ, Ананда находился въ Кусинарѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ избиралось самое мѣсто засѣданія собора. Авторъ описываетъ при этомъ цѣлый церемоніаль, ту обрядность, съ которою дѣйствительно въ настоящее время въ буддійской общинѣ свершаются всѣ дѣла, начиная отъ посвященія, избранія на разныя должности и кончая наложеніемъ наказаній на провинившихся членовъ. Эта подробность встрѣчается въ разсказѣ вслѣдъ за изложеніемъ, какъ Касјапа самовольно, не спрашивая общины, избралъ участниковъ спѣвки; и быть можетъ, описывая этотъ предшествующій фактъ, авторъ былъ ближе къ истинѣ. Сами буддисты разсказываютъ, что «*natticatutthakamma (jñāpticaturthakarma)*», т. е. церемоніаль четверократнаго возглашенія, напр. при посвященіи, былъ введенъ хотя и самимъ учителемъ, но болѣе поздняго происхожденія. Четверократное опрашиваніе мнѣнія и согласія общины могло совершенно естественно явиться въ общинѣ вполне организованной и притомъ небродячей. Возводя установленіе этой обрядности ко временамъ самого учителя, буддисты черезъ это самое, конечно, не рѣшаютъ вопроса о времени ея происхожденія въ буддійской общинѣ, но, согласно съ своимъ основнымъ воззрѣніемъ на содержаніе трехъ сосудовъ, и на сей разъ утверждаютъ, что и это учрежденіе имѣло также санкцію первоучителя.

Община, сопровождавшая Касяпу, рѣшила, что соборъ долженъ происходить въ Раджагрихѣ; туда и отправляются святыя мужи.

Въ Раджагрихѣ Ананда становится архатомъ или святымъ первой степени, непогрѣшимымъ, а затѣмъ въ помѣщеніи, изготовленномъ самими святыми мужами, происходитъ и спѣвка. Чуллавагга сообщаетъ нѣчто подобное протоколу этихъ собраній. Дѣло происходило такимъ образомъ: по созволенію общины, опрошенной четверократнымъ возглашеніемъ, Касјапа предлагалъ Упали вопросы по винаѣ, а тотъ отвѣчалъ. Въ Чуллаваггѣ при-

ведены только вопросы, относящіеся къ четыремъ смертнымъ грѣхамъ, т. е. нецѣломудрію, воровству, убійству и похвальбѣ высшими, нечеловѣческими свойствами. Катехизація по винаѣ въ разсказѣ заканчивается такою припискою: «такимъ образомъ онъ вопрошалъ по двойной винаѣ ¹⁾, и вопрошасмый Упāли отвѣчалъ».

Хотя приведенныя въ Чулла-ваггѣ вопросы и отвѣты относятся къ очень незначительной части винаи, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что авторъ разсказа при своемъ описаніи имѣлъ въ виду пāлійскій текстъ въ его современномъ видѣ и съ теперешнимъ распределеніемъ содержанія.

По окончаніи вопросовъ дисциплинарнаго характера тотъ-же Великій Кāсјана сталъ предлагать Анандѣ вопросы въ области закона.

Въ отчетѣ приведены только два вопроса какъ бы для образца; но, по словамъ Чулла-вагги, точно также были опрошены всѣ пять частей пāлійской суттапитаки.

О третьемъ сосудѣ буддійскаго священнаго писанія, т. е. объ абхидхармапитахъ въ старѣйшей редакціи не говорится.

За этимъ протоколомъ, занимающимъ въ печатанномъ изданіи винаипитаки не совсѣмъ двѣ странички, начинается рядъ эпизодовъ, не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ богословско-литературной дѣятельности такъ называемаго перваго буддійскаго собора.

Другой подобный-же протоколъ того-же перваго собора недавно обнародованъ въ англійскомъ переводѣ съ китайскаго ²⁾, и взятъ изъ винаи секты Дхармагуптовъ.

Въ этомъ протоколѣ, не подлежащемъ изслѣдователю въ оригиналѣ, англійскій переводчикъ всюду почти замѣнилъ буддійскіе термины и собственныя имена китайской транскрипціей соотвѣт-

¹⁾ Винаи питака въ пāлійской редакціи дѣлится на двѣ части: вибхайга (или прāтимокша) и кхандхака.

²⁾ Prof. S. Beal, l. c., the 54 th Book of the Vinaya Piṭaka known as Sac-fen-liu, i. e. Dharmagupta.

ствующими палийскими терминами и именами; онъ пишетъ напр. saṅghādisesa, а не saṅghāvaśesa, dīghanikāya, а не dīghāgama и т. д., не смотря однакоже на всѣ эти подробности, привнесенныя переводчикомъ и не находящіяся въ китайскомъ оригиналѣ, совершенно очевидно, что по разсказу Дхармагуптовъ на такъ называемомъ первомъ соборѣ устно редактировался святыми мужами канонъ, отличный отъ нынѣ извѣстнаго палийскаго. Авторъ разсказа, очевидно, при своемъ описаніи богословско-литературной дѣятельности перваго собора имѣлъ въ виду канонъ, принятый сектой Дхармагуптовъ, и канонъ этотъ отличенъ отъ палийскаго.

Въ Махāvасту, при описаніи смерти первоучителя, о соборной дѣятельности святыхъ мужей ничего не говорится; но въ одномъ каноническомъ текстѣ, сохранившемся только въ китайскомъ переводѣ ¹⁾, есть любопытное о томъ же и, притомъ, совершенно отличное отъ двухъ сей-часъ приведенныхъ извѣстіе: «Упали, по смерти Татхāгаты, разсказывается тамъ, подъ деревомъ пропизесь (при первомъ собраніи ученія Буддхы) слова (т. е. предписанія учителя), которыя заключались (всего) въ 80 терминнахъ (цы-слово), отчего и произошло названіе винаи въ 80 гātхъ (сунъ); ее сохранили и передавали въ цѣлости и чистотѣ въ продолженіи 110 лѣтъ и т. д.». Проф. Васильевъ не отмѣчаетъ, къ сожалѣнію, какой школѣ или сектѣ принадлежитъ это сочиненіе, откуда онъ взялъ это извѣстіе. Безспорно, однакоже, что секта эта имѣла о дѣятельности перваго собора совершенно оригинальное представленіе, не сходное какъ съ представленіемъ Дхармагуптовъ, такъ и автора выше приведеннаго палийскаго разсказа.

Такимъ образомъ уже въ старѣйшихъ повѣствованіяхъ различныхъ сектъ о дѣятельности перваго собора, о томъ, что именно, въ какомъ объемѣ и формѣ редактировалось на этомъ первомъ соборѣ, оказывается нѣкоторый и далеко не незначитель-

¹⁾ См. *Финъ-ляо*. См. Васильевъ, I. 224.

ный разладъ. Каждая секта мнила, что именно ея канонъ былъ пропѣтъ святыми мужами на первомъ соборѣ; а поэтому совершенно ясно, что дошедшія до насъ изводы рассказовъ получили настоящую свою редакцію въ эпоху существованія нѣсколькихъ различныхъ канонѡвъ, иначе—послѣ раскола въ буддійской общинѣ.

Въ рассказахъ болѣе позднихъ, напр. Буддхагхоши или Сюань-цзана, благочестивое намѣреніе возвести начало св. писанія къ эпохѣ первоучителя сказывается еще съ большою опредѣленностью. Буддхагхоша, кое-что выпустивъ, иное прибавивъ, передѣлалъ совершенно старѣйшій палийскій рассказъ: по его изложенію соборъ засѣдалъ семь мѣсяцевъ и въ продолженіи этого времени святыя мужи пропѣли всю винаю (палийскую) въ ея настоящемъ объемѣ и внѣшней формѣ и въ томъ же объемѣ и формѣ палийскую суттапитаку ¹⁾.

Объ абхидхармѣ въ этомъ рассказѣ Буддхагхоша не говоритъ; но въ другомъ своемъ сочиненіи онъ повѣствуетъ о томъ, что Буддха излагалъ эту питаку на небѣ богамъ, значить она, по его убѣжденію, уже существовала въ эпоху перваго собора ²⁾.

Точно также и Сюань-цзанъ упоминаетъ о томъ, что уже на первомъ соборѣ редактировалась абхидхармапитака. По его описанію, соборъ продолжался два—три мѣсяца; Ананда сдѣлалъ собраніе сѹттръ, что образовало сѹтрапитаку, Упāли редактировалъ винаяпитаку, и самъ Кāсjана абхидхармапитаку ³⁾.

Фа-сянъ, описывая то мѣсто, гдѣ засѣдалъ первый соборъ, о самой дѣятельности собора ничего не говоритъ ⁴⁾; но въ другомъ мѣстѣ своего путешествія онъ рассказываетъ, что досталъ копію винаи секты Махāсāнгхиковъ; этой винаи, по его словамъ, слѣдовала древнѣйшая община при жизни первоучителя. По его убѣжденію, значить, часть древнѣйшаго канона принадлежала

¹⁾ Samantapāsādikā. См. The Vinaya-piṭaka, III 290 и сл.

²⁾ Исторія абхидхармы излагается въ Kathā-vatthupparakara-aṭṭhakathā.

³⁾ Mémoires de Hiouen-Tsang, II, 86.

⁴⁾ Fa-hian, Chapter XXX и XXXVI.

секты Махасайгхиковъ, то есть раскольниковъ по представленію авторовъ палийскихъ хроникъ и комментаріевъ.

По самому существенному пункту всѣ доступныя намъ въ настоящее время повѣствованія о первомъ соборѣ расходятся: о богословско-литературной дѣятельности пятисотъ святыхъ мужей каждая секта имѣла свою версію разсказа, или, что тоже, каждая секта эту часть первичной легенды о первомъ соборѣ передѣлала по-своему.

Но въ легендѣ кромѣ этого наибавжнѣйшаго сказанія о редактированіи канона есть еще другіе эпизоды второстепенной важности, не лишеныя, впрочемъ, интереса по своимъ подробностямъ. И по этимъ чертамъ, разсѣяннымъ по разнымъ мѣстамъ сказанія, возможно съ большимъ вѣроятіемъ опредѣлить время редакціи старѣйшихъ разсказовъ.

Въ старѣйшій палийскій разсказъ вошли слѣдующіе эпизоды: 1) сказаніе о поводѣ и ближайшихъ причинахъ къ созванію сходки, 2) объ ея дѣятельности; все это было выше изложено, 3) о соперничествѣ Касяпы и Ананды и о судѣ надъ послѣднимъ.

Эпизодъ объ Анандѣ весьма любопытенъ по своимъ подробностямъ.

Онъ начинается вслѣдъ за описаніемъ литературной дѣятельности конклава; его связь съ предшествующимъ сказаніемъ не совсѣмъ понятна, — во всякомъ случаѣ не можетъ почитаться тѣсною. Въ разсказѣ Дхармагуптовъ судъ надъ Анандой предшествуетъ редактированію канона, и такое слѣдованіе обстоятельствъ дѣла гораздо естественнѣе распредѣленія эпизодовъ въ палийскомъ разсказѣ.

Ананда уже сталъ непогрѣшимымъ святымъ, т. е. архатомъ, и все таки онъ подвергается суду; собраніе приглашаетъ его къ принесенію покаянія въ нѣсколькихъ грѣхахъ.

Слѣдуя палийскому старѣйшему сказанію, Ананду судятъ монахи старцы (therā bhikkhū), въ разсказѣ Дхармагуптовъ обвиненія высказываетъ Касяпа. Число прегрѣшеній Ананды въ

томъ и другомъ разсказѣ неодинаково: въ палийскомъ всего пять, въ разсказѣ Дхармагуптовъ ихъ семь. Буддхагхоша въ своемъ повѣствованіи о первомъ соборѣ выпустилъ весь этотъ эпизодъ. Быть можетъ онъ почиталъ соблазномъ для вѣрующихъ повѣствованіе о грѣхахъ архата, непогрѣшимого по позднѣйшей догматикѣ; въ старѣйшихъ сказаніяхъ, однакоже, удержалась, не смотря на позднѣйшую ихъ редакцію, неопредѣленность древнихъ воззрѣній на святаго. Самый фактъ суда едва ли слѣдуетъ считать легендарною выдумкою; и еще въ VII вѣкѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ судили Ананду, по словамъ Сюань-цзана, какъ бы въ воспоминаніи объ этомъ событіи, стояла стѣпа ¹⁾).

Первое прегрѣшеніе Ананды въ палийскомъ разсказѣ соответствуетъ шестому по изложенію Дхармагуптовъ. Ананда объявилъ общинѣ, что первоучитель при смерти дозволилъ своимъ послѣдователямъ не соблюдать мелкія и мельчайшія правила, но что именно слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ мелкихъ и мельчайшихъ правилъ, этого Ананда не спросилъ у Вѣщаго. Забывчивость эту община, по одной версіи, или Касяпа, по другой, поставилъ въ вину Анандѣ. Весь этотъ вопросъ о правилахъ мелкіхъ и мельчайшихъ носитъ на себѣ отпечатокъ глубокой древности: онъ указываетъ на такое состояніе дисциплины въ общинѣ, когда, конечно, среди членовъ этой общины не было и рѣчи о какомъ нибудь спеціальному, санкціонированномъ учителемъ канонѣ или кодексѣ правилъ, когда послѣдователи не знали, что въ правилахъ, которымъ они должны слѣдовать, безусловно важно и что настолько не важно, что можетъ быть безъ ущерба для дѣла личнаго спасенія отброшено, не соблюдаемо.

Передъ тѣмъ, однакоже, повѣствуется, что вся вина питака была пропѣта святыми мужами. Совершенно очевидно, что предшествующій разсказъ состоитъ въ противорѣчіи съ послѣдующимъ, и болѣе новѣйшей формацин; онъ былъ сочиненъ тогда, когда вина питака уже существовала; когда всѣ ея предписанія

¹⁾ Mémoires etc., II. 37. Срв. Fa-hian (Beal.) Ch. XXX, стр. 118.

и правила, по сознанію вѣрующихъ, исходили отъ самого Великаго первоучителя, имѣли его санкцію и не могли быть безнаказанно несоблюдаемы; въ это время развѣ только еретикъ могъ задаваться вопросомъ о томъ, нельзя-ли что-либо выкинуть изъ святаго канона.

Разсужденія о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ мелкихъ и мельчайшихъ правилъ, и затѣмъ осужденіи Ананды за то, что онъ не освѣдомился у Вѣщаго о точномъ значеніи этого выраженія, указываютъ на незначительность и даже полную неопредѣленность дисциплинарныхъ учрежденій въ древней общинѣ. Разсказъ, сохранившій намъ указаніе на такое состояніе древней буддійской общины, естественно, долженъ почитаться очень старымъ, хотя бы онъ и былъ помѣщенъ въ канонѣ рядомъ съ другимъ, болѣе новой формациі.

Второму грѣху Ананды, по палийскому сказанію, въ разсказѣ Дхармагуптовъ соотвѣтствуютъ три. По первому сказанію, Ананду обвиняютъ въ томъ, что, штопая одѣжду Вѣщаго, наступилъ на нее ногами; по преданію Дхармагуптовъ, онъ, кромѣ того, выразилъ неуваженіе къ учителю двумя дѣяніями: трижды Вѣщій просилъ Ананду слѣдовать за нимъ, и трижды онъ отрекался; Вѣщій попросилъ у Ананды воды пить, а тотъ отказалъ ему въ этомъ.

Въ этихъ поступкахъ Ананды сказалось не только отступленіе отъ тѣхъ правилъ винаи, которыми регулировались впоследствии отношенія ученика къ учителю, но и выразилось нѣчто болѣе ужасное: неуваженіе къ архисвятому, т. е. къ Буддѣ.

Во всемъ этомъ обвиняется *архатъ* непогрѣшимый. Разсказъ о второмъ грѣхѣ Ананды переноситъ читателя въ такую обстановку, ставляетъ его лицомъ къ лицу съ воззрѣніями и на буддійскихъ святыхъ, и на отношенія смертныхъ къ Вѣщему, несомнѣнно предшествовавшимъ тѣмъ законченнымъ догматамъ объ архатѣ, о величіи Буддхы, которые излагаются въ теперешнемъ палийскомъ канонѣ.

Третье и пятое (или первое и седьмое по версіи Дхармагуптовъ) обвиненія одного характера: Ананду осуждаютъ за женщинъ,

т. е. за то, что онъ вмѣстѣ съ женами поклонился тѣлу Вѣщаго, и слезы послѣднихъ осквернили пречистое тѣло. Въ преданіи Дхармагуптовъ сохранилась память объ одной женщинѣ ¹⁾).

Четвертый грѣхъ Ананды останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе. Анандѣ говорятъ: «И это, Ананда, твой грѣхъ: господь творилъ великія знаменія, свершилъ великое просвѣтлѣніе, а ты не просилъ господя: живи, господи, цѣлую калпу (т. е. миллионы лѣтъ), живи, господи, цѣлую калпу на пользу и во благо многимъ людямъ, сострадая о мірѣ, на пользу и во благо богамъ и людямъ!» Нензвѣстно, вѣрилъ-ли авторъ разбираемаго разсказа въ такое могущество Вѣщаго, — но изъ его словъ выходитъ, что святые мужи перваго собора, судившіе Ананду, не сомнѣвались въ томъ, что Буддха могъ, если бы пожелалъ или его хорошенько попросили о томъ, прожить цѣлую калпу; они

¹⁾ Beal, стр. 17. A woman with a tender heart came in front of Buddha's person and worshipped him; her tears rolling down fell upon her hands as she held his feet, and thus the marks were left as you now see them. Вариантъ этой легенды о поклоненіи жены тѣлу Вѣщаго находится въ одномъ позднѣйшемъ палийскомъ жизнеописаніи Буддхи: «Когда несли тѣло Господа, возложенное на золотыя носилки, непросвѣщенные люди и боги, не будучи въ силахъ сдерживаться, плакали и вопили. Въ то время, когда люди несли тѣло Господа Малликадэви, жена военачальника вынесла драгоцѣнное украшеніе; она не носила его со смерти мужа. Рѣшила она этимъ почтить тѣло. Вытерла украшеніе, вымыла его благоухающей водой и стала во двѣряхъ. Украшеніе это вдова возложила на тѣло. Золотое тѣло Господа отъ этого еще болѣе заблестало. Тогда вдова стала молиться Буддхѣ о томъ, чтобы тѣло ея до конца жизни всегда какъ бы было съ такимъ украшеніемъ.

atha ye hi te puthujjanadevamanussā bhagavato sariraṃ svaṇṇamañce nīraṇṇaṃ nīyamāṇaṃ disvā sakabhāvaṃ sandhāretuṃ asakkonto rodiṃsu paridevīṃsu. evaṃ eva manussehi nīyamāṇe bhagavato sarire bandhumallasenāpatino bhariyā mallikādevī attano sāmikassa kālākiriyaṃ paṭṭhāya aparibhūñjitvā ṭhapitaṃ mahāla-tāpasādhanaṃ niharitvā iminā satthāraṃ pūjessāmti taṃ sammajjāpetvā gandhodakena dhovitvā dvāre aṭṭhāsi.

sā satthu sarire dvārasampatte otāretha tāva satthu sariraṇ'ti otārāpetvā taṃ pasādhanaṃ satthu sarire paribhūñji taṃ sisato paṭṭhāya paṭimukkaṃ yāva pādātā-lāgataṃ svaṇṇapaṇṇaṃ bhagavato sariraṃ ratanaṃ maye (na?) pasādhanaṃ pasādhitaṃ ativiya virocittha. taṃ sā disvā pasannacittā patthanaṃ akāsi bhante bhagavā yāva vaṭṭena dissāmi tāva me paṭiyekkaṃ pasādhanaṃ niccaṃ hotu niccaṃ paṭimukkapasādhanasādisaṃ eva me sariraṃ hotū'ti (M. s. p., I. jau).

раздѣляли убѣжденіе, которое въ канонѣ приписывается Махасайгхикамъ и объявляется еретическимъ. Объ этой возможности продлить жизнь человѣческую учили также махьянисты ¹⁾).

Наконецъ, Апанду обвиняютъ въ томъ, что онъ упростилъ Буддху допустить женщинъ въ общину. Можетъ быть, и въ этомъ обвиненіи есть отголосокъ позднѣйшихъ пророчествъ и представлений о кончинѣ буддизма за допущеніе женщинъ въ монашескую общину ²⁾.

Въ разсказѣ о первомъ соборѣ слѣдуетъ ясно различать двѣ части: въ сказаніи о богословско-литературной дѣятельности канонъ предполагается уже существующимъ и имѣющимъ законченную форму,—его-то и пропѣли собравшіеся вмѣстѣ святыя мужи. Въ той части, къ которой мы относимъ другіе эпизоды того-же разсказа, канонъ какъ-будто совершенно не существуетъ даже въ зародышѣ. Архаты, святыя и непогрѣшимыя, по ученію канона, не знаютъ, что имъ понимать подъ названіемъ правилъ мелкихъ и неважныхъ: они какъ-бы даже держатся мнѣній, объявленныхъ въ послѣдствіи еретическими въ канонѣ.

Обѣ части, очевидно, не могли быть одновременнаго происхожденія: та часть, въ которой канонъ предполагается существующимъ, явилась, конечно, позднѣе; она явилась несомнѣнно послѣ великаго раскола въ буддійской общинѣ, потому что въ

¹⁾ iddhipādābhāvanānisamsassa attham ayoniso gahetvā iddhibalena samanāgato kappam tiṭṭheyā'ti yesam laddhi seyyathā pi mahāsaṅghikānam...

К. v. p., 253.

Срв. ученіе Махьянистовъ: श्रुतानुशास्तास्तु नारायणपरिपृक्षायामुक्ताः ॥ तथा हि कुलपुत्राः श्रुतवतः प्रज्ञागमो भवति । प्रज्ञावतः ज्ञेशप्रश्नो भवति । निःज्ञेशस्य मारोऽवतारं न लभते । अत्र च मर्कषेभ्यस्तस्य ज्ञातकं विस्तरेण कृत्वा ह धर्मकामानां हि विमलतेजः । बोधिसत्त्वानां महासत्त्वानां सगौरवाणां सप्रतीशानामन्यलोकधातुस्थिता अपि बुद्धा भगवतो मुखमुपदर्शयन्ति धर्मज्ञानुभावयन्ति परिशीणायुष्काणां बुद्धा भगवतो देवताशायुर्वलं चोपसंहरन्ति । बुद्धाधिष्ठानेन देवताधिष्ठानेन च काङ्क्षमाणा वर्षसकृन्मवतिष्ठन्ते । ये यावत्कल्पं वा कल्पावशेषं वा यावद्वा अकाङ्क्षन्ति । C. 2., 113.

²⁾ Васильевъ, III, стр. 88 и сл.

различныхъ версіяхъ одного и того же разсказа, на что уже выше было указано, предполагаемый первичный канонъ перваго собора оказывается неодинаковымъ. Эта вставка въ разсказѣ о первыхъ временахъ по смерти первоучителя едва ли сдѣлана была ранѣ появленія махăяны, т. е. того новаго направленія въ буддизмѣ, которое было враждебно всѣмъ вообще хїнаяническимъ сектамъ, и своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ ученію хїнаянистовъ могло, естественно, вызвать въ средѣ послѣднихъ стремленіе доказывать подлинность и спасительность ихъ ученія аргументомъ объ его древности и непосредственномъ происхожденіи отъ самаго первоучителя.

III.

ВТОРОЙ СОБОРЪ.

1. Воззрѣнія новѣйшихъ изслѣдователей на первый соборъ. — 2. Черты историческія въ сказаніяхъ о немъ. — 3. Сказаніе о второмъ соборѣ. — 4. Десять отступленій Ваисалійцевъ. — 5. Причины ихъ появленія. — 6. Отношеніе къ нимъ. — 7. Мнѣніе Олденберга. — 8. Описаніе и характеръ сходки. — 9. Отсутствие протокола. — 10. Новыя соображенія о древности палійскаго канона. — 11. Древность цейлонскаго преданія.

Въ предшествующей главѣ были высказаны нѣкоторыя соображенія и предположенія о томъ, когда впервые въ буддѣйской общинѣ могло явиться стремленіе доказывать древность и подлинность своего канона. Такое стремленіе, по всей вѣроятности, было вызвано какими-нибудь нападками, или же отрицательнымъ съ чьей либо стороны отношеніемъ къ древности и святости канона. Выше было указано также на то, что хотя расколъ въ буддѣйской общинѣ появился очень рано, но отрицаніе свисательности сраваккаго ученія высказано было впервые махьяной, а не болѣе древними сектами.

При разборѣ сказанія о первомъ соборѣ была выставлена на видъ также одна весьма важная и характерная его черта: въ сказаніи совершенно ясно выступаютъ два наслоенія; въ однихъ разсказахъ канонъ предполагается существующимъ, и его надлежало только проредактировать, — въ другихъ эпизодахъ повѣствуется о появленіи среди аскетовъ такихъ сомнѣній и недоумѣній, которыя не могли бы имѣть мѣста среди сайгхи, если бы дѣйствительно канонъ уже существовалъ въ то время.

Эти послѣдніе эпизоды, очевидно, болѣе древніе; въ нихъ сохранилось первичныхъ чертъ болѣе, нежели въ той части сказанія, куда былъ вставленъ какой-то неполный, но ясно тенденціозный протоколъ о литературно-богословской дѣятельности отцевъ перваго собора. Но и эти древнѣйшіе эпизоды сказанія

не избѣгли нѣкоторой позднѣйшей передѣлки, и въ нихъ слышатся отголоски болѣе позднихъ мнѣній и вѣяній.

Если-же сказанія о богословско-литературной дѣятельности—позднего происхожденія, то, само собою разумѣется, для исторіи канона, или въ вопросахъ о хронологіи его отдѣльныхъ частей, эти повѣствованія не имѣютъ никакого значенія.

Но вообще буддійское сказаніе о первомъ соборѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей, всецѣло слѣдуетъ почитать вымысломъ, и даже вымысломъ не очень древнимъ. Полагаютъ, что фактъ втораго собора былъ какъ бы прототипомъ, по которому сочинили легенду о первомъ; все, что рассказывалось о второмъ соборѣ, послужило матерьяломъ для повѣствованія о первомъ, сочиненномъ. Матерьялъ этотъ, само собою разумѣется, долженъ былъ нѣсколько передѣлаться, видовзмѣниться, — руководящею идеею при этомъ было стремленіе доказать, что доктрина была вполне установлена тотчасъ по смерти первоучителя. Протоколъ, о которомъ говорилось сейчасъ, не есть, однакоже, вполне благочестивое сочинительство буддійскихъ отцевъ, онъ — не вымыселъ, но перенесенъ и вставленъ въ легенду изъ историческаго сказанія о второмъ соборѣ ¹⁾.

Таково новѣйшее возрѣніе на первый соборъ. Эти соображенія, однакоже, нисколько не объясняютъ происхожденія всѣхъ другихъ эпизодовъ въ сказаніи; весьма легко понять, какъ явились въ немъ подробности о литературной дѣятельности собора, изъ какихъ мотивовъ прибѣгли къ такого рода сочинительству, вставкѣ или перестановкѣ историческаго факта въ цѣломъ циклѣ рассказовъ о соборахъ, — но измышленіе эпизодовъ объ Анадѣ, повѣствованія о его допросѣ и судѣ надъ нимъ, нисколько не объясняется тѣми-же мотивами. Преданіе, очевидно, сохранило намъ въ этихъ эпизодахъ извѣстіе объ историческомъ фактѣ; если въ легендахъ о богословско-литературной дѣятельности ясно сказывается

¹⁾ Oldenberg, Mahāvagga, стр. XXVII—XXIX.

извѣстная и совершенно понятная тенденціозность, то въ разсказахъ о взаимныхъ отношеніяхъ святыхъ мужей, о судѣ, о безпорядкахъ среди братьи, сохранилось извѣстіе, быть можетъ, не вполне правдивое о фактахъ историческихъ, выдумывать которые не было никакой надобности для общины.

Разскажемъ о всѣхъ этихъ фактахъ, несомнѣнно, придали опредѣленную окраску въ то время, когда буддійская община воспользовалась старымъ преданіемъ для доказательства древности и подлинности своего канона.

Но старое и истинное не было вполне вытравлено изъ этихъ сказаній, и, какъ бы сквозь дымку, изъ-за позднихъ наслоеній и искаженій выступаютъ первичныя черты, драгоцѣнныя для характеристики старой буддійской общины. Онѣ рисуютъ буддійскую общину на зарѣ ея развитія, — будущую вселенскую сайгху, но пока еще только сборище аскетовъ въ критическій моментъ исторической жизни буддійской общины, тотъ часъ по смерти того, кто былъ, безъ сомнѣнія, великимъ иниціаторомъ великаго дѣла, какъ-бы цементомъ, связующимъ разнородные элементы этого сборища аскетовъ, — того, кто увлекъ ихъ въ слѣдъ за собою и даровалъ имъ прозвище сѣкійскихъ сыновъ.

Онъ умеръ, и разнородная толпа, слѣдовавшая за «чтимымъ» или «вѣщимъ» во слѣдъ, быть можетъ, существовавшая общественнымъ даяніемъ, единственно благодаря его личному характеру, тому впечатлѣнію, которое онъ производилъ на окружавшую его среду, готова была разбрестись въ разныя стороны, уйти въ слѣдъ за другими учителями, которыхъ въ Индіи всегда было много.

Моментъ былъ критическій.

Для однихъ изъ осиротѣлыхъ сѣкійскихъ сыновъ его аскетизмъ былъ слишкомъ строгъ, и всѣ какъ-будто не знали, въ чемъ состояло духовное наслѣдіе великаго наставника. Они спрашивали другъ друга, что важно и что не важно въ правилахъ, за вѣщанныхъ отошедшимъ, тѣмъ милосердымъ, кто былъ для нихъ «окомъ міра». Были и такіе, которые какъ-будто не хотѣли идти

по одному пути съ остальною общиною: они утверждали, что сами очень хорошо знаютъ преподанное учителемъ.

Въ Рѣжагриху, то есть, туда, гдѣ были собраны осиротѣлые сыны сѣкійскаго мудреца, послѣ того какъ святыя мужи спѣли тамъ законъ и винаю, является Пурѣна съ толпою своихъ послѣдователей. Ему говорятъ старцы: «Спѣты законы и виная старцами, пріемили этотъ законъ и эту винаю», а Пурѣна отвѣчаетъ: «Прекрасно спѣты старцами законъ и виная, — но какъ я слышалъ изъ устъ господа, какъ я воспріялъ изъ его устъ, такъ и стану того держаться ¹⁾».

Словомъ, изъ всѣхъ этихъ, хотя и не многихъ, но важныхъ и случайно сохранившихся первичныхъ чертъ разсказовъ, передѣланныхъ за тѣмъ въ духѣ болѣе позднихъ требованій, въ умѣ читателя безпристрастнаго и внимательнаго, не складывается образа сайгхи четырехъ странъ свѣта съ вѣроученіемъ опредѣленнымъ, мировымъ, долженствующимъ спасти весь родъ человѣческій. Передъ нимъ очеркъ сборища аскетовъ, у которыхъ и доктрина не ясна, и дисциплинарныя учрежденія неопредѣленны. Община, именуя себя сѣкійскою, своихъ адептовъ — сѣкійскими сынами, въ тоже время кровнымъ родичамъ сѣкійскаго мудреца отводитъ въ своей средѣ почетное мѣсто: они имѣютъ въ ней великое, чуть ли не преобладающее значеніе. Ананда, не смотря на свою грѣховность, за которую его даже судятъ, занимаетъ, все-таки, первенствующее положеніе въ общинѣ: безъ него и сходка не мыслима. И не потому-ли только, что онъ близкій родичъ отошедшаго мудреца изъ роду сѣкійцевъ? Къ нему община относится и снисходительно, и даже какъ-то любовно... Невольно припоминается при этомъ то основаніе, въ силу котораго и позднѣе сѣкійцамъ

¹⁾ Sullavagga, стр. 290. Сравни. Таранатха, стр. 44, прим. Проф. Васильевъ сообщаетъ преданіе, помѣщенное въ китайской винаѣ о томъ, что еще при первомъ собраніи Пурѣна (очевидно Пурѣна цейлонскаго преданія) дѣлалъ возраженія противъ семи пунктовъ, введенныхъ Касјапой. Тамъ же далѣе: «Въ тоже время бхикшу Чанто въ Каусѣмбѣ произвелъ раздоръ между духовными, и для усмиренія его былъ посланъ Ананда». Слч. Sullavagga, стр. 290 и сл.

уже въ общинѣ четырехъ странъ свѣта оказывалась особливая внимательность: «они, говаривалось, не могутъ хулить закона, ибо то законъ ихъ лучшаго родича» ¹⁾).

Соперникъ Ānанды Kāśjapa, человекъ — со стороны, не родичъ, — то былъ аскетъ, увлеченный въ общину извнѣ: пораженный величіемъ Вѣщаго, онъ пошелъ ему во слѣдъ ²⁾).

Позднѣйшая передѣлка разсказа съумѣла сгладить все то, что противорѣчало догматическимъ представленіямъ о «святomъ». Изъ сходки сдѣланъ былъ соборъ; на соборѣ были только мужи святые; Ānанда не допускается туда, — не потому, что между нимъ и Kāśjapой могли быть какія-либо личные счеты, но потому, что онъ не достигъ еще высшей святости. Но и объ этомъ въ старой общинѣ того времени не имѣлось точныхъ, позднѣйшихъ догматическихкихъ представленій. Ānанда сталъ архатомъ, а его, все-таки, судятъ, хотя онъ и долженъ былъ бы считаться непогрѣшимымъ и всевѣдущимъ.

Между первымъ и вторымъ соборомъ, разсмотрѣніе сказаній о которомъ составляетъ содержаніе настоящей главы, прошло сто лѣтъ; о промежуточномъ времени не сохранилось извѣстій: преданіе ничего не говоритъ о жизни сайгхи въ этотъ періодъ.

Новѣйшіе пзслѣдователи, въ томъ числѣ Олденбергъ, относительно сказаній о второмъ соборѣ, высказываютъ мнѣнія, прямо противоположныя оцѣнкѣ легендъ о первомъ. Въ нихъ они видятъ достовѣрные историческія свидѣтельства, и на основаніи

¹⁾ Объ Ānандѣ и его отношеніяхъ къ Буддѣ см. The Vinayapitakam, III, 285. — О śakīyцахъ см. Mahāvagga, стр. 71. Въ aṭṭhakathā, 63. приводится о нихъ-же слѣд. подробность: *te hi - - - - - sāsanassa avappakāma na honti ambhākam nātisettḥassa sāsanam 'ti vappavādino 'va honti.*

²⁾ Объ обращеніи Kāśjapy вкратцѣ разсказывается въ А. к. в., т. 184. मनु-काश्यपः किल यां यां देवताप्रतिमां वन्दते । सा सा स्फुटति । तस्य मनुभावात् । स भगवत्तमपसङ्गम्य न वन्दते मास्य रूपविनाशोऽभूदिति । तमभिप्रायं विदिता भगवांश्चोदयति स्म । वन्दस्व काश्यप तथागतमिति तेन भगवां वन्दितस्ततः स भगवतो रूपमधिकोपितं दृष्ट्वा । धर्मं मे शास्तेति स भगवत्तमभ्युपगमादस्योपसम्पदिति ॥

показаній ихъ опредѣляется время винаи и другихъ частей палийскаго канона.

Поводомъ къ созванію второй сходки или собора было положеніе общинныхъ дѣлъ, подобное тому, которое вызвало первое собраніе... и эта сходка была собрана по поводу соблазна, случившагося въ общинѣ черезъ сто лѣтъ по смерти учителя.

Обстоятельства дѣла разсказываются такимъ образомъ: въ городѣ Ваисали нищая братія въ день общаго покаянія и исповѣди (то-есть въ день упошатхи) поставила мѣдный тазъ съ водою среди собравшейся общины, — и когда стали приходить міряне, еретики обратились къ нимъ со словами: «подайте, почтенные, общинѣ денегъ (буквально: монету кахипану), половину или четверть этой монеты, или ма́саку. Бываетъ у общины нужда въ необходимыхъ вещахъ».

Случился тутъ при этомъ нѣкто Яса, сынъ Каладаки — строгій аскетъ; онъ протестовалъ и говорилъ мірянамъ: «не давайте, почтенные, общинѣ денегъ; сѣкійскіе сыны не пріемлютъ золота и серебра въ даръ».

Не внемля его словамъ, міряне подавали денегъ общинѣ: въ ту же ночь братія подѣлила богатую милостыню на доли — одну долю предложили Ясѣ, но онъ отвергъ грѣховное приношеніе.

Произошелъ скандалъ! святые мужи, строгіе аскеты, блюдя чистоту ученія, естественно должны были позаботиться о прекращеніи соблазна... И они порѣшили созвать соборъ. Инициатива въ этомъ дѣлѣ, по буддійскому преданію, принадлежала тому-же Ясѣ ¹⁾.

Ваисалийская братія, именовавшаяся Ваджипуттаками, заявила себя не только стяжательною, но допускала, кромѣ того, десять отступленій отъ строгаго аскетизма, не считая эти повшества грѣшными. По понятіямъ еретиковъ не грѣшно было — монаху принимать въ даръ золото и серебро: пять ваисалийскихъ

¹⁾ Разсказъ о второмъ соборѣ изложенъ въ Чулаваггѣ, стр. 294 и сл. Другіе источники поминуются ниже.

новшества относились къ пище, одно — къ сѣдалищамъ, два — къ свершенію обрядовъ; наконецъ, послѣднее — десятое не было безусловно отвергнуто на сходкѣ: Вансалийцы говорили, что примѣръ учителя имѣетъ неограниченное значеніе для ученика.

Для обсужденія этихъ отступленій, для рѣшенія вопроса, въ какой степени они грѣховны, по преданію, былъ собранъ второй соборъ въ Вансали.

Десять новшествъ или отступленій отъ правилъ аскетизма, введенныхъ еретиками въ Вансали, преданія разныхъ сектъ, возникшихъ позднѣе, передаютъ не одинаково, съ различными, болѣе или менѣе значительными вариантами по кажется, однакоже, что во всѣхъ версіяхъ рассказовъ такъ называемыя отступленія или новшества первоначально обозначались особливymi техническими терминами, и разногласія произошли отъ различныхъ толкованій терминовъ по забвенію, въ общинѣ ихъ первичнаго смысла. Въ этихъ и другихъ подобныхъ терминахъ, встрѣчающихся, между прочимъ, въ Махавѣдѣ, можетъ быть, сохранилась древнѣйшая литературная форма вѣдическихъ правилъ, съ теченіемъ времени различными поясненіями распространенная въ заповѣди (сикшапада), въ правила пратимокши и т. д. ¹⁾

Въ Дипавамсѣ десять отступленій передаются даже въ стихотворной формѣ ²⁾, каковая существуетъ и для десяти буддійскихъ заповѣдей.

Первое отступленіе, по палийской версии, носитъ названіе *siṅgilaṅkaṇṇa* ³⁾, т. е. соль въ рогѣ. Еретики полагали, что не

¹⁾ Въ нашемъ изданіи пратимокши они сообщены въ примѣчаніяхъ къ переводу.

²⁾ 5, 16 и слѣд. — Жайны въ такой-же связной формѣ передаютъ заповѣди, обязательныя для мірянъ:

मद्यमांसमधुत्यग्निः सक्तोऽम्बरपञ्चके ।

अष्टौ मूलगुणाः प्रोक्ता गृहीणां पूर्वसूरिभिः ॥ Д. у. п. III. 9.

³⁾ Толкованія этого и слѣдующихъ терминовъ приведены въ пратимокшѣ, стр. XXXIX, пр. 90.

грѣшно сохранять соль въ рогѣ для того, чтобы употреблять ее въ томъ случаѣ, когда данная пища будетъ не соленая. Дхарма-гупты приводятъ это отступленіе седьмымъ и толкуютъ такимъ образомъ: «употреблять соль для сохраненія пищи въ почѣ, и затѣмъ съѣдать ее» ¹⁾).

Махйѣсаки начинаютъ съ этого пункта перечисленіе еретическихъ отступленій, и толкуютъ его такъ: «смѣшивая соль съ нибпремъ, думали обойти запрещеніе, по которому старая пища, или оставшаяся на другой день, считалась нечистой» ²⁾. Въ Винай-кишудракѣ ³⁾ подъ № 4 приводится такое новшество: «соль, посвященную на жизнь (?), смѣшивать съ употребляемой и ѣсть».

По толкованію цейлонскаго преданія и двухъ другихъ сейчасъ приведенныхъ, грѣховность новшества усматривалась въ томъ, что нищій дѣлалъ запасъ, — что воспрещалось правилами прѣтимокши ⁴⁾. Это отсутствіе всякаго скопидомства было обязательно не только для буддійскаго монаха, но и для всаго брахмачарина — прототипа позднѣйшаго бхикшу. Брахмачаринъ не смѣлъ дѣлать запасовъ ⁵⁾, но — кромѣ того — соленая пища была для него запретнымъ лакомствомъ ⁶⁾.

Новшество, такимъ образомъ, противоричило принципамъ, общимъ индійскому аскетизму.

Второе отступленіе въ Чуллаваггѣ обозначается *dvāṅgula-karpo*, т. е. два пальца. По цейлонскому толкованію, бхикшу могъ вкушать трапезу въ извѣстное время; оно опредѣлялось измѣреніемъ падающей отъ него тѣни, то есть: это время показывали солнечныя часы своего рода. Еретики-же говорили: если эта тѣнь увеличивалась противъ закономъ опредѣленной тѣни на два пальца, то пищу можно было все-таки принимать.

¹⁾ *Beal*, I. c., стр. 89.

²⁾ Васильевъ III, 43 прим.

³⁾ Тамъ-же, 42.

⁴⁾ Пач. 88.

⁵⁾ *Ар.* I. 1, 8, 86.

⁶⁾ Тамъ-же I. 1, 2, 28.

Въ преданіи другихъ сектъ усматривается нѣкоторое уклоненіе отъ цейлонскаго толкованія. Совершенно очевидно, всѣ они знали терминъ: «два пальца»; но то, что подъ этимъ подразумѣвалось, въ каждой сектѣ своеобразно истолковывалось. Такъ, Дхармагупты говорили, что подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ разумѣть отступленіе отъ воздержанія, если, напр., монахъ послѣ достаточной ѣды, забывая правила о порядочномъ поведеніи, станетъ *двумя пальцами* брать и ѣсть оставшуюся пищу ¹⁾— этого ваггалійскіе еретики не считали грѣшнымъ. Отступленіе это, по перечисленію Дхармагуптовъ, показано первымъ.

Махйѣсаки, ставя тоже отступленіе вторымъ по счету, толкуютъ его нѣсколько иначе: оно, по ихъ объясненію, состояло въ слѣд.: «смѣшивать пищу двумя пальцами, т. е. когда, по окончаніи обѣда, который дозволенъ только одинъ разъ, попадется еще пища, то позволять себѣ ѣсть ее, смѣшавши двумя пальцами; этимъ нарушается запрещеніе портить пищу ²⁾». Въ Винајакшудракѣ этому отступленію соответствуетъ десятое непозволительное дѣйствіе: «ѣсть неоставленное кушанье двумя пальцами».

Въ этомъ новшествѣ позднѣйшія преданія разныхъ сектъ усматриваютъ три различныхъ отступленія отъ дисциплинарныхъ правилъ аскетизма: одни (цейлонцы) говорятъ, что монахи еретики позволяли себѣ ѣсть не во-время, что воспрещалось въ прѣтимокшѣ ³⁾; другіе (Дхармагупты) утверждаютъ, что они дозволяли себѣ излишество въ ѣдѣ, и это воспрещено въ прѣтимокшѣ ⁴⁾; третьи — (Махйѣсаки) отмѣтили злоупотребленіе еще однимъ новымъ признакомъ: еретики, по ихъ словамъ, позволяли себѣ портить пищу.—Режимъ индійскихъ аскетовъ въ отношеніи пищи былъ не легкій, напр. строго предписывалось слѣдующее: брахмачаринъ долженъ былъ ходить и собирать милостыню въ опредѣленные часы, утромъ и вечеромъ. Собранное утромъ нельзя

¹⁾ Beal, I. c., стр. 88.

²⁾ Васильевъ, III, 43 прим.

³⁾ Пач. 37.

⁴⁾ Пач. 31, 33, 35.

было сберегать до вечера, или испрошенное вечеромъ оставлять до утра: все испрошенное приносилось учителю, и вкушать отъ пищи брахмачаринъ могъ только съ изволенія учителя ¹⁾).

Какъ и въ первомъ случаѣ, такъ и здѣсь мы видимъ, что новшество было не только нарушеніемъ буддійскихъ правилъ, но вообще отступленіемъ отъ аскетическихъ обычаевъ.

Отступленіе подъ именемъ *gāmantarakappo*, третье по счету цейлонцевъ, было также не воздержностью въ пищѣ: излишество въ ѣдѣ допускалось подъ предлогомъ шествія въ другую деревню. Дхармагупты, Махйѣсаки и Винајакшудрака толкуютъ этотъ терминъ точно также ²⁾).

Къ таковой-же неводержности въ пищѣ относятся еще два грѣховныхъ отступленія. Седьмымъ отступленіемъ ³⁾ цейлонцы приводятъ *amathitakappo*: еретики, по ихъ толкованію, позволяли себѣ излишество при вкушеніи молока, неполнѣ скисшагося, по толкованію другихъ сектъ, излишество въ ѣдѣ нѣкотораго молочнаго изготавленія почиталось негрѣшнымъ: Дхармагупты называютъ смѣсь масла съ медомъ или съ сахаромъ, Махйѣсаки приводятъ смѣсь изъ сливокъ, масла и каменнаго меду (или сахару); Винајакшудрака упоминаетъ смѣсь мѣры сладкаго молока съ мѣрой кислаго (такую смѣсь еретики полагали возможнымъ ѣсть не во время). Какъ это, такъ и предшествующее ему новшество запрещаются правилами прѣтимокши ⁴⁾, и оба принадлежатъ къ числу сходныхъ съ передъ тѣмъ разобранными, то есть, и они принадлежатъ къ числу явно противорѣчащихъ принципамъ вообще древняго аскетизма. Это противорѣчіе съ общими принципами аскетизма всего сильнѣе сказалось въ восьмомъ (по счету цейлонцевъ) новшествѣ — *jalogi*: еретики допускали употребленіе молодаго вина или перебродившаго—по тол-

¹⁾ Ап. I. 1, 3, 25, 32.

²⁾ См. тамъ же.

³⁾ Нарушаетъ порядокъ Чулавагги, для рассмотрѣнія однородныхъ новшествъ вмѣстѣ.

⁴⁾ Пач. 35.

кованію Махѣсаковъ ¹⁾. Винаѣакшудрака утверждаетъ, что еретики позволяли себѣ впивать, какъ пѣвка, опьяняющіе напитки, извиняясь болѣзью ²⁾.

Еретики позволяли себѣ еще два излишества, и въ преданіяхъ всѣхъ сектъ эти излишества передаются одинаково: они позволяли себѣ дѣлать подстилки черезмѣрной или неопредѣленной величины, и принимать въ даръ золото и серебро. То и другое излишество специально запрещаются правилами прѣтимокши ³⁾, но такъ какъ оба противорѣчатъ вообще духу нестяжательности и аскетической воздержанности, то они не могутъ быть разсматриваемы, какъ нарушеніе спеціальнаго, буддійскаго аскетическаго режима.

Разсмотрѣнныя сейчасъ отступленія отъ духа строгаго аскетизма, можетъ быть, подали поводъ извѣстнымъ соперникамъ буддистовъ, жайнамъ, сочинить о послѣднихъ насмѣшливое четверостишіе, въ которомъ говорится о немучительномъ законѣ сѣкійцевъ: «мягкое ложе, питье утромъ по пробужденіи, въ полдень ѣда, подъ вечеръ питье; винограды и сахаръ въ полночь, а въ концѣ—спасеніе» ⁴⁾.

Всѣ дослѣдъ разсмотрѣнные пункты еретическихъ нововведеній отличаются однимъ весьма существеннымъ признакомъ: новшества вансѣлійской братіи не только находятся въ разладѣ

¹⁾ Преданія Дхармагуптовъ въ данномъ случаѣ сходно съ цейлонскимъ. См. Beal. I. с., стр. 40.

²⁾ Васильевъ, тамъ же, стр. 42. Употребленіе опьяняющихъ напитковъ запрещалось прѣтимокшей, см. Пач. 51.

³⁾ Пач. 89; Нисс. 18.

⁴⁾ Пр° с° л. 45. пр.

मुगतेन भगवता भिक्षुणामल्लेशकारी धर्म उपदिष्टः ।
 स्नानान्नपानाच्छादनशयनादिषु मुखानुभवदारेण ॥ यदाह ॥
 मृदो शय्या प्रतरुत्थाय पेया
 भक्तं मध्ये पानकं चापरहि
 दान्ताखण्डं शर्करा चार्धरात्रे ।
 मोक्षायान्ते शाक्यसिंहेन दष्टः ॥

съ буддійскою монашескою дисциплиною, но и вообще противорѣчать правиламъ жизни брахмачарина. Дозволяя невоздержанность въ ѣдѣ и въ питьѣ, давая просторъ стяжательности, допуская разрѣшеніемъ незаконныхъ ложа и сѣдалищъ излишнюю заботливость о грѣшной плоти, новаторы нарушали черезъ это самое буддійскія заповѣди или правила, и въ тоже время становились въ противорѣчіе съ духомъ и принципами пидійскаго аскетизма-вообще.

Два нововведенія (четвертое и пятое, по цейлонскому счету ¹⁾) спеціально касающіяся устройства буддійской общины, въ преданіяхъ нѣкоторыхъ сектъ или совершенно не упоминаются, или же передаются съ значительными вариантами. Еретики дозволяли свершать обряды, напр. упошатхи или церемоніалы наказаній, не собиравсь вмѣстѣ, а по кельямъ. Они допускали свершать все это, не собиравъ всѣхъ членовъ общины въ одно мѣсто; согласіе отсутствующихъ, по ихъ толкованію, можно было испрашивать потомъ. Дхармагупты вмѣсто четвертаго приводятъ такое отступленіе: въ храмѣ свершались кромѣ опредѣленныхъ обрядовъ и другіе ²⁾. Относительно пятаго нововведенія преданіе Дхармагуптовъ сходно съ цейлонскимъ. Преданіе Махінсасаковъ знаетъ одно пятое нововведеніе и передаетъ его такъ: «По совершеніи кармы (т. е. обряда) особо потомъ уже звать другихъ слушать рѣшеніе». Винаjakшудрака не знаетъ ни четвертаго, ни пятаго нововведенія.

Насколько правдиво цейлонское преданіе въ данномъ случаѣ — трудно рѣшить.

Въ числѣ вансалийскихъ новшествъ было одно, не отвергнутое безусловно блюстителями строгаго аскетизма. Въ цейлонскомъ преданіи оно извѣстно подъ именемъ *ācīṇṇakappa* (шестое по счету), и толкуется такимъ образомъ: учитель мой такъ поступалъ, наставникъ мой такъ поступалъ, значить и мнѣ над-

¹⁾ *āśāsakappa* и *anupatikappa*. См. *Cullavagga*, стр. 306.

²⁾ *Beal*, I. c., стр. 88.

лежитъ также дѣйствовать. Это новшество, которое по мнѣнію святыхъ отцевъ, участниковъ второго собора, отчасти могло быть принято за руководство, сильно напоминаетъ то правило Апостамбы, по которому брахмачаринъ долженъ былъ во всемъ повиноваться учителю, но не въ дѣйствіяхъ, влекущихъ за собою отлученіе¹⁾. Въ преданіяхъ другихъ сектъ память о немъ или не сохранилась, напр. въ винајашудракѣ, или оно передается съ совершенно иными оттѣнками. Такъ, Дхармагупты рассказываютъ, что, по мнѣнію еретиковъ, можно было оправдывать свое поведеніе, ссылаясь на то, что такъ было испоконъ вѣка²⁾. Махисасаки утверждали, что въ новшествахъ допускалось продолжать заниматься тѣмъ, къ чему привыкъ прежде, т. е. до вступленія въ монахи; на соборѣ рѣшено, что есть занятія, которыя могутъ быть позволены, а другія не позволяются³⁾.

Изложенныя сейчасъ новшества вансалийскихъ еретиковъ во всѣхъ версіяхъ сохранили одинъ и тотъ же характеръ: во всѣхъ ихъ по всѣмъ редакціямъ сказывается болѣе или менѣе сильное отступленіе отъ строгаго аскетизма, правила и принципы котораго содержатся не только въ пратимокшѣ и въ нѣкоторой части вппаи, но и въ болѣе древнихъ буддійскихъ заповѣдяхъ, пяти или восьми обязательныхъ для буддиста мірянина, и десяти — для монаха.

Какъ-же слѣдуетъ объяснять появленіе отступленія вансалийской братіи? Явились-ли они какъ слѣдствіе деморализаціи названной монашеской общины? или-же эти новшества, на самомъ дѣлѣ, не были новшествами или отступленіями отъ какого-либо кодекса дисциплинарныхъ правилъ, потому что такого еще не было у буддійской общины и въ ней еще царилъ та же неопре-

¹⁾ Ам. I. 1. 2. 20.

²⁾ Beal, стр. 39.

³⁾ Васильевъ, стр. 43. Изъ трехъ новшествъ, приводимыхъ только въ винајашудракѣ, именно: 1) восклицаніе удивленія ахо, 2) возбуждать бхикшу къ веселости, 3) копать своими руками или позволять копать, одно третье прямо запрещается въ пратимокшѣ, см. пач. 10.

дѣленность доктрины и дисциплины, которая ясно сказывается въ сказаніяхъ о первомъ соборѣ. Можно думать, наконецъ, что появленіе среди аскетовъ такого рода отрицанія нестяжательности и строгаго воздержанія было слѣдствіемъ двоякого рода причинъ, и должно быть объясняемо и нѣкоторою деморализаціею, а также отсутствіемъ въ общинѣ извѣстнаго періода общепринятыхъ, точно и опредѣленно формулированныхъ, руководящихъ правилъ, — словомъ, того, что мы находимъ въ настоящее время въ ихъ канонѣ.

При такихъ условіяхъ легко могло случиться, что какой-нибудь монахъ или цѣлая монашеская община, давшая обѣтъ исполнять заповѣдь о винѣ, или о трапезѣ однажды въ день и притомъ въ опредѣленное время, обѣ отверженія высокихъ и большихъ сѣдалищъ, или о непринятіи въ даръ золота и серебра, — словомъ, добровольно подчинившись аскетическому режиму, въ основныхъ правилахъ сходному у буддистовъ и брахманнческихъ отшельниковъ и лѣсовиковъ, у бхикшу, брахмачаріиновъ и вѣнапрастховъ, въ слѣдъ затѣмъ начинала проповѣдовать законность и негрѣховность дѣйствій, противорѣчащихъ духу и прямому смыслу принятыхъ имъ къ исполненію заповѣдей, по запретиость которыхъ не была еще формулирована въ точныхъ выраженіяхъ въ какомъ-либо кодексѣ, ибо такого еще не было у общины: она руководилась еще общендійскими принципами аскетизма, и грѣшный членъ общины естественно могъ измышлять разные пути и средства, какъ обходить эти строгіе принципы. Заповѣдь учила его не пить никакихъ крѣпкихъ напитковъ¹⁾, а онъ объявлялъ, что можно пить молодое вино, или всасывать вино какъ піявка, извиняясь болѣзнию. Вступая въ общину, онъ давалъ обѣтъ не ѣсть ничего безъ времени, т. е. винъ положеннаго въ общинѣ часа, не имѣть высокаго или большаго ложа и затѣмъ

¹⁾ Mahāvagga, 83. По скр. таже заповѣдь читается такъ: *सुरमिरेयमद्यप्रमादस्यानवेरमणं शितापदं*.

не только выдумывалъ предлоги, какъ обходить эти заповѣди, что было бы возможно среди строго дисциплинированной общины, и вполне объяснялось-бы деморализаціею ея членовъ, но онъ узаконялъ образъ дѣйствій идущей опять, какъ и въ первомъ случаѣ, въ разрѣзъ съ прямымъ смысломъ заповѣди. Становясь бхикшу—вѣрующій говорилъ: «воздержусь отъ принятія золота и серебра» ¹⁾—и затѣмъ просилъ себѣ подаянія именно золотомъ и серебромъ. Само собою изслѣдователю долженъ представиться вопросъ: что же древнѣе — эти правила аскетизма, ясно и точно сформулированныя въ десяти буддійскихъ заповѣдяхъ, въ прѣтти-мокшѣ и въ цѣлой винаѣ, или десять новшествъ, выше изложенныхъ? Правила строгаго аскетизма конечно уже существовали въ это время въ Индіи и могли быть извѣстны буддистамъ, но были-ли они въ ихъ тогдашней общинѣ сформулированы съ тою точностью, съ которою мы ихъ находимъ записанными въ текстахъ, подлежащихъ намъ теперь?

По мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, придающихъ сказанію о второмъ соборѣ особливую важность въ розысканіяхъ о времени окончательной редакціи палийскаго канона, вопросъ рѣшается въ слѣдующемъ смыслѣ: современный текстъ винаи несомнѣнно древнѣе вансалийскихъ грѣховныхъ новшествъ.

Въ доказательство совершенной вѣрности этого положенія высказываются слѣдующія соображенія: прямо запрещается въ винаѣ одинъ только пунктъ новшествъ, именно дозволявшій нищей братіи принимать золото и серебро; остальныхъ отступленій отъ строгаго аскетизма текстъ винаи, нынѣ подлежащій намъ, нигдѣ спеціально не касается; отсюда выводилось, что въ то время, когда этотъ текстъ получилъ настоящую форму, ничего еще не было извѣстно о десяти отступленіяхъ вансалийскихъ еретиковъ.

¹⁾ Mahāvagga, тамъ-же. Скр. текстъ въ K. 2., 1. 243 घकात्मभोजनवैरमणं शितापदं (2); 1. 244. उच्चशयनमकाशयनवैरमणं शितापदं. (3) Тамъ-же वातद्वपरवत्तवैरमणं शितापदं.

Правила и предписанія винаи уже существовали въ общинѣ, но они не имѣли въ виду, однакоже, тѣхъ специальныхъ измышлений, которыми вансалийскіе еретики почитали возможнымъ обходить строгости аскетическаго режима.

Выше было выяснено совершенно противоположное, и показано, что большинство отступленій осуждаются современнымъ текстомъ винаи. Еретики, рассказывается въ сказаніи, позволяли себѣ дѣлать запасы соли на тотъ случай, когда при трапезѣ не случится таковой. На сходкѣ этотъ пунктъ былъ осужденъ; отвергая грѣховное нововведеніе, община святыхъ мужей указывала на одно правило въ книгѣ, глаголемой освобождительною или прѣтимокша; правило гласило, что всякое дѣланіе запасовъ — грѣхъ, пскупаемый покаяніемъ. Авторъ повѣствованія о второмъ соборѣ этою ссылкой на правило прѣтимокши какъ бы хотѣлъ показать, что обсуждавшееся отступленіе было вопросомъ принципиальной важности; мелкіе запасы соли осуждались, новшество отвергалось, потому что въ немъ совершенно справедливо усмотрѣли явное отступленіе отъ обѣтовъ нищенства; всякія заботы о завтрашнемъ днѣ, всякое скопидомство, въ какихъ бы ничтожныхъ размѣрахъ оно ни проявлялось, необходимо должно было противорѣчить духу нестяжательности — общему всѣмъ аскетамъ, — само собою разумѣется, и буддійскимъ, къ тому же авторъ рассказа въ чулаваггѣ описываетъ сайгху исключительно святыхъ мужей. О соли ничего не говорится въ томъ правилѣ, на основаніи котораго отвергнуто было новшество еретиковъ; имъ осуждается вообще всякое дѣланіе запасовъ; грѣхомъ почиталось ѣсть вчерашнюю пищу или вообще сохраненную про запасъ; если-же грѣшно было сберегать пищу на завтрашній день, то совершенно ясно нельзя было беречь соль на всякій случай, чтобы не пришлось гдѣ либо потрапезовать безъ соли; отдѣльнаго упоминанія о запасахъ соли, совершенно понятно, не требовалось; ихъ нельзя было дѣлать точно также, какъ и всякіе другіе. Нищей братія это должно было быть совершенно ясно.

Но если правило прѣтимокши ничего не говоритъ о соли,

слѣдуетъ-ли изъ этого, что прѣтимокша существовала уже до появленія вансѣлійскихъ новшествъ, а потому въ ея правилахъ ничего не говорится о соли? Не вѣрнѣе-ли предположить, что всѣ вообще запретительныя правила прѣтимокши въ краткой и сжатой формѣ резюмируютъ исторію дѣлаго ряда отступленій, не только вансѣлійскихъ, но, быть можетъ, и другихъ болѣе позднихъ, о которыхъ даже не сохранилось воспоминаній въ буддійской саиѣхъ а потому и неизвѣстныхъ насъ. Но если даже допустить, что въ винѣ, дѣйствительно, нѣтъ специальныхъ запрещеній всѣхъ еретическихъ вансѣлійскихъ новшествъ, то и это гипотетическое предположеніе не можетъ служить доказательствомъ древности винаи. Въ современномъ текстѣ есть множество дозволеній и предписаній, совершенно оправдывающихъ въ принципѣ всѣ грѣховныя поведенія вансѣлійской нищей братіи. Ни одинъ строгій судъ, имѣя въ рукахъ современный текстъ винаи, не взялся бы доказывать грѣховность многихъ изъ вансѣлійскихъ новшествъ, или рѣшился бы отвергнуть ихъ какъ дѣянія, противорѣчащія духу винаи. Можно-ли, напримѣръ, на основаніи современной винаи осудить нищенствующаго монаха за то, что онъ сбережетъ на завтра соль въ рогѣ? Въ текстѣ, на основаніи котораго приговоръ долженъ быть произнесенъ, общинѣ разрѣшается дѣлать запасы и пищи, и ризъ; по той-же винѣ, въ общинѣ установлены разные чины, заведывающіе принятіемъ въ даръ, храненіемъ, дѣлеженъ, какъ пищи, такъ и ризъ. По современному тексту, община имѣетъ имущественныя права на движимую и недвижимую собственность; движимая собственность можетъ быть также у отдѣльнаго монаха; словомъ, въ винѣ рисуется такое положеніе нищенствующей братіи, которое не имѣетъ ничего общаго съ строгимъ аскетизмомъ и безусловною нестяжательностью, отличавшими, по сказанію святыхъ мужей вансѣлійскаго собора, тѣхъ, кто осуждалъ еретическія новшества Ваджипуттаковъ; ихъ строго-аскетическая точка зрѣнія совершенно чужда многимъ и многимъ частямъ современнаго текста, и эти

части, безъ всякаго сомнѣнія, появились много спустя послѣ вавсѣлійскихъ пререканій. Ни изъ чего не явствуетъ также, чтобы и тѣ правила, на основаніи которыхъ были осуждены вавсѣлійскія грѣшныя поползновенія, уже существовали въ то время и именно въ той формѣ и въ томъ объемѣ, въ каковыхъ они подлежатъ изслѣдователю въ настоящее время. Сказаніе о второмъ соборѣ въ настоящей своей редакціи, очевидно, принадлежитъ той эпохѣ, когда настоящій текстъ винаи въ его законченной формѣ уже существовалъ, но слѣдуетъ-ли и можно-ли отсюда вывести заключеніе о существованіи его во второмъ столѣтіи по смерти Будды?

Полагаемъ, что такой выводъ былъ-бы рискованнымъ.

Древность текста винаи, его существованіе уже въ эпоху предшествующую вавсѣлійскимъ раздорамъ доказывается еще другими соображеніями, несомнѣнно весьма остроумными, но — къ сожалѣнію — весьма мало убѣдительными.

Обсужденіе десяти повѣствовъ, говорится далѣе, — въ видѣ описанія вавсѣлійскаго собора, находится въ концѣ винаи, какъ бы въ приложеніи. Не доказываетъ-ли этотъ фактъ, что винаи древнѣе вавсѣлійскаго собора? Она уже существовала въ то время, когда въ Вавсѣліи спорили и осуждали десять грѣшныхъ нововведеній. Авторъ, описавшій событіе, не могъ интерполировать текста, и ему оставалось одно: приложить свои описанія къ концу существовавшаго текста.

Описаніе собора, дѣйствительно, находится въ концѣ чуллавагги, но этою-ли частью заканчивается пѣлійская винаи? Она-ли послѣдняя часть винаипитаки?

Чуллавагга начинается, какъ извѣстно, съ изложенія *adhikaranasamathā*, что по описанію Буддхагхоши предшествуетъ отдѣлу *khandhaka* ¹⁾.

¹⁾ Не имѣя подъ рукой комментаріевъ Буддхагхоши, не можемъ рѣшить вопроса, предшествуетъ-ли *Mahāvagga*—Чуллаваггѣ, или же наоборотъ, а потому и не настаиваемъ на выраженномъ выше сомнѣніи. Срав. *Sūlavagga*, стр. 290 и см. также *Turnour, Examination etc.*, стр. 20 (*J. of the As. soc. of Bengal*, July 1887).

Вставлять сказаніе о соборѣ въ середину текста винаи автору нельзя было и по другимъ соображеніямъ. Весь текстъ винаи, по его убѣжденію, исходилъ отъ первоучителя, былъ его созданиємъ, редактированнымъ на первомъ соборѣ: для автора, стоявшаго на такой точкѣ зрѣнія, совершенно не возможно было бы интерполировать текстъ сказаніемъ о событіи, случившемся сто лѣтъ спустя по смерти Буддхы. Разсказъ о всемъ этомъ необходимо долженъ былъ явиться въ винаипитакѣ въ видѣ приложенія къ какому-либо отдѣлу, въ его концѣ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что текстъ винаи предшествовалъ вайсалийскимъ событіямъ?

Такимъ образомъ, и второе доказательство древности винаи должно быть устранено, какъ недостаточно убѣдительное.

Третье и послѣднее доказательство въ пользу древности современнаго текста винаи имѣетъ въ своемъ основаніи слѣдующее соображеніе. Въ текстѣ винаи сохранилось пророчество о томъ, что Паталипутра сдѣлается столицей магадскаго царства. Пророчество, несомнѣнно, явилось послѣ факта, а самый фактъ перенесенія столицы имѣлъ мѣсто при томъ царѣ, при которомъ въ Вайсали засѣдалъ соборъ строгихъ аскетовъ. Откуда дѣлается дальнѣйшій выводъ для хронологическаго опредѣленія: текстъ винаи получилъ окончательную редакцію въ промежутокъ времени между двумя важными событіями — перенесеніемъ магадской столицы въ Паталипутру и вторымъ соборомъ ¹⁾.

Если придавать пророчеству о Паталипутрѣ значеніе въ хронологическихъ розысканіяхъ, то, конечно, слѣдуетъ его брать во всей полнотѣ, не опуская важныхъ подробностей. Въ пророчествѣ Вѣцаго, записанномъ въ винаѣ, однакоже, говорится не только о томъ, что Паталипутра сдѣлается магадскою столицей, но упоминается также, что славному въ древности городу грозятъ въ будущемъ три великія невзгоды — отъ огня, воды и внутрен-

¹⁾ Oldenberg, Mahāvagga, стр. XXXVI и сл.

нихъ раздоровъ: въ пророчествѣ, такимъ образомъ, есть намекъ на событія, очевидно, слѣдовавшія за перенесеніемъ въ Паталипутру резиденціи магадскихъ царей, и нѣтъ никакого основанія предполагать, что грозныя несчастія случились въ краткій промежутокъ времени, именно — до созванія вансалийскаго собора.

Недоказательность вывода, построеннаго на такихъ основаніяхъ, полагаемъ, совершенно очевидна.

Въ палийскомъ разсказѣ о второмъ соборѣ это сборище семисотъ святыхъ мужей названо «vinayaśaṅgiti» ¹⁾, то есть, «спѣвкой винаи». Сборище, по этому разсказу, дѣйствительно, имѣло характеръ судьбища и какъ-бы проверки дисциплинарныхъ учреждений: судили еретиковъ, разбирали ихъ лжеученія. Собрались вмѣстѣ въ одно мѣсто еретики и ихъ противники, — всего, по преданію, было семисотъ человекъ: цифра должна казаться значительной, особенно, если принять въ расчетъ, что всѣ собравшіеся были мужи высочайшей святости. Начались обсуждения грѣшныхъ новшествъ, и поднялся великій шумъ: кричали обѣ стороны — и грѣшники, и сторонники строгой воздержанности; ни въ одномъ словѣ нельзя было добраться до смысла. Тогда обратились къ болѣе дѣйствительному средству рѣшить споръ, — пустили дѣло на голоса.

Еретики были монахи съ востока и назывались восточными; ихъ противники именовались по имени мѣста своего происхожденія — Патхеѣяка ²⁾. Съ той и другой стороны было выбрано по четыре человека, очевидно, наиболѣе выдающихся своею святостью и ученостью. Обѣ стороны имѣли, такимъ образомъ, своихъ представителей въ высшей инстанціи суда, разбиравшей грѣшныя новшества. Каждый пунктъ обсуждался отдѣльно и сопоставлялся, по палийскому разсказу, съ текстомъ винаи ³⁾:

¹⁾ Cullavagga, стр. 307.

²⁾ Mahāvagga (aṭṭh. k.), pāṭheyyaṃ nāma kosaḷesu pacchimadisābhāge gaṭṭhaṃ.

³⁾ Этотъ способъ рѣшенія спора называется *ubbāḍika*. Его описаніе изложено въ винаи, см. Cullavagga, стр. 96.

канонъ, редактированный на первомъ соборѣ, само собою разумѣется, предполагается уже существовавшимъ въ то время, и притомъ именно въ современной намъ формѣ и настоящемъ объемѣ.

Такъ дѣло происходило, слѣдуя описанію чуллавагги. Въ Сы-фынь-пяо приводится, однако-же, слѣдующее повѣствованіе: «Составились двѣ партіи, взаимно обвинявшія другъ друга; онѣ стали просить царя произнести надъ ними приговоръ, и онъ велѣлъ пропозвести баллотировку (?) посредствомъ черныхъ и бѣлыхъ жеребьевъ, чтобы показать, кто держался старыхъ и — кто новыхъ мнѣній. Въ это время объявившихъ себя въ пользу старыхъ мнѣній было много и оттого они прозвались Махасайгхика; а припавшихъ новыя было хотя и мало, но за то это были все занимавшіе высшія мѣста, отчего и назвались Стхавирами»¹⁾.

Въ этомъ разсказѣ мы имѣемъ описаніе рѣшенія спора большинствомъ голосовъ, — описаніе другого способа устранять пререканія въ общинѣ, котораго буддисты придерживались, — неизвѣстно, однако-же, съ какого именно времени²⁾.

Въ легендахъ о первыхъ двухъ соборахъ оба событія явятся какъ-бы сходными. И первый соборъ, и второй соборъ, случившійся черезъ сто лѣтъ послѣ того, суть не болѣе, какъ сходки для рѣшенія общинныхъ дѣлъ и суда. На первомъ соборѣ поднимался вопросъ о правилахъ вообще, о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ правилами незначительными, такими, которыхъ можно было-бы и не соблюдать безъ ущерба для дѣла спасенія; судили также на этомъ соборѣ Ананду. Черезъ сто лѣтъ поднимается опять вопросъ о правилахъ винаи или дисциплинарнаго учрежденія, и опять община собирается судить грѣшниковъ. Обстоятельства дѣла, разсказанныя въ легендѣ о второмъ соборѣ

¹⁾ Васильевъ, I, стр. 225, прим.

²⁾ См. Cullavagga. 97. По *Kaṇḍhācitarāṇi* подача голосовъ была тройкая: тайная, открытая и на ухо (*gulbakavivaṭakazakappaṇṇapakesu tisu saḷākagāhesu aññataraṇasena saḷākā gaheṭvā* и т. д.). Отбираетъ жеребьи особенно избранный достойный монахъ. Его квалифікація описана въ Cullavagga, стр. 84.

критически и правильно, безъ предвзятыхъ идей разобранныя, не проливаютъ никакого свѣта ни на время винан, ни на ея первоначальное содержаніе. Въ старѣйшемъ, палийскомъ разсказѣ о второмъ соборѣ не оказывается даже того протокола о богословско-литературной дѣятельности, который помѣщенъ въ сказаніи о первомъ и послужилъ основаніемъ для всѣхъ соображеній о древности палийскаго канона¹⁾: по толкованію нѣкоторыхъ изслѣдователей, первоначально въ сказаніи о второмъ соборѣ былъ отчетъ о литературно-богословской дѣятельности, но затѣмъ онъ былъ перенесенъ оттуда въ разсказъ о первомъ.

Если вышевысказанныя предположенія о времени появленія этого протокола — вѣрны, то-есть, если отчетъ о богословско-литературной дѣятельности святыхъ отцевъ — сочиненіе позднее, — то вопросъ о томъ, былъ-ли онъ перемѣщенъ изъ сказанія о второмъ соборѣ въ разсказъ о первомъ, не имѣетъ большой важности; и въ сказаніи о второмъ соборѣ протоколъ въ той формѣ, въ которой онъ сохранился и дошелъ до насъ, могъ появиться, по нашему мнѣнію, послѣ раскола, я не ранѣе махянническаго направленія. Нѣтъ, однако-же, никакого основанія предполагать, чтобы это тенденціозное сочинительство объ исторіи канона было придѣлано въ началѣ къ разсказу о событіи, сто лѣтъ спустя по смерти Будды, и затѣмъ перенесено въ сказаніе о болѣе раннихъ событіяхъ. Въ слѣдствіе его тенденціозности — съ самаго начала надлежащее мѣсто ему было среди повѣствованія о первыхъ судьбахъ буддійской общины, то есть, о первой сапгити или спѣвкѣ. Появленіе здѣсь такого протокола имѣетъ, дѣйствительно, смыслъ и великое значеніе для сознанія вѣрующаго буддиста.

Древность палийскаго канона доказывается и другими соображеніями, главнымъ основаніемъ для построенія которыхъ слу-

¹⁾ Нѣсколько словъ о новомъ редактированіи трехъ питакъ на второмъ соборѣ находятся въ разсказѣ Буддхагхоши. См. *The Vinaya-piṭaka*, vol. III, 294.

жить, однакоже, опять-таки преданіе, хранимое въ цейлонской буддійской общинѣ. Хронологическій вопросъ о палийскомъ канонѣ приводится въ связь и соотношеніе съ другимъ, не менѣе труднымъ, — съ вопросомъ о томъ, какой буддійской сектѣ принадлежитъ палийскій канонъ. Спрашиваютъ: «Какая же это школа, тексты которой подлежатъ намъ на палийскомъ языкѣ?» (Which is the school, the texts of which we have before us in the Pāli language?)¹⁾. Этотъ второй вопросъ, съ точки зрѣнія изслѣдователя, принимающаго глубокую древность палийскаго канона, казалось бы, совершенно излишенъ, ибо если палийскій канонъ существовалъ, какъ то доказываетъ, напр., Олденбергъ, уже до вансалийскаго собора, то есть, въ тѣ времена, когда еще сектъ или школъ не было, то, очевидно, онъ не можетъ причисляться къ произведеніямъ одной какой-либо секты изъ появившихся послѣ раскола или событія болѣе поздняго. Канонъ этотъ, говорить кромѣ того тотъ же ученый, — есть редакція «наиболѣе первичная, если не вполне первичная» (the most original, if not the original version)²⁾; ея форма, но не языкъ, была установлена (фиксирована) за полтораста лѣтъ до времени царя Асоки. (The first four portions of our version of the Vinaya received the fixed form in which we now possess them about a century and a half before the time of Asoka, except as regards the dialect ³⁾). Изъ таковой характеристики палийскаго канона слѣдуетъ, что вопросъ долженъ быть формулированъ нѣсколько иначе; можно было бы спрашивать: какая изъ многихъ буддійскихъ сектъ сохранила первичную редакцію въ палийскомъ переводѣ, такъ какъ, по словамъ Олденберга, до вансалийскаго собора фиксирована была форма канона, но не языкъ, иными словами: палийскій канонъ есть литературное произведеніе, получившее законченную форму за 400 лѣтъ до Р. Х. на неизвѣстномъ намъ нарѣчій или

¹⁾ Mahāvagga, стр. XLI.

²⁾ Тамъ-же, стр. XLVIII.

³⁾ Тамъ-же, стр. LV.

нарѣчіяхъ. Какъ нужно понимать эту законченность формъ на неизвѣстномъ языкѣ и въ чемъ она состояла, — ближе не разъясняется авторомъ.

При рѣшеніи втораго вопроса, какъ выше было замѣчено, обращаются, прежде всего, къ цейлонскому преданію; его древность и подлинность доказывается слѣдующими соображеніями ¹⁾: въ Индіи буддійскіе тексты изъ столѣтія въ столѣтіе переживали новыя судьбы: воспоминанія древней общины исчезали тамъ за поэзіей и фантазіями позднѣйшихъ поколѣній. На Цейлонѣ дѣло происходило иначе: буддійская община осталась по сіе время вѣрною «слову старцевъ» (theravāda). Нарѣчіе, на которомъ передавалось это слово, способствовало устраненію всякой фальсификаціи: оно не было мѣстнымъ и почиталось священнымъ. Легенды и умствованія позднѣйшихъ періодовъ проникали въ цейлонскую литературу, но только въ памятники на туземномъ народномъ нарѣчій: священный палійскій текстъ оставался нетронутымъ этими интерполяціями.

Сохранялся-ли палійскій канонъ на Цейлонѣ именно въ тѣхъ условіяхъ, о которыхъ говорится Олденбергомъ? — и былъ-ли островъ на самомъ дѣлѣ разобщенъ съ Индіей на столько, что до него не могли доноситься вѣянія новыхъ направленій, идеи новыхъ ученій, и проникать въ той или другой формѣ, или въ видѣ интерполяцій, въ св. текстъ?

Вопросы — не легкіе и, какъ кажется, рѣшаемые перѣдко не безъ излишней поспѣшности.

Пали, дѣйствительно, не былъ роднымъ языкомъ мѣстнаго цейлонскаго населенія. Но точно такое же отношеніе между языкомъ св. писанія и народною рѣчью, по всей вѣроятности, было и въ другихъ мѣстахъ Индіи, напр. въ странѣ Андхра, по имени которой назывались нѣкоторые буддійскіе секты, или тамъ, гдѣ были распространены западныя секты, о которыхъ говорить

¹⁾ Buddha etc., стр. 76 и сл.

Ясомитра ¹⁾. Пали, однакоже, какъ языкъ священный, по всей вѣроятности, изучался на Цейлонѣ. Ниже, въ приложеніи, сообщенъ цѣлый рядъ сочиненій на Пали, писанныхъ цейлонцами ²⁾. Въ Бирмѣ, то есть въ странѣ, гдѣ Пали еще болѣе отдаленъ отъ нарѣчій туземнаго населенія и даже совершенно имъ не родственъ, тѣмъ не менѣе языкъ св. писанія нѣкогда, по свидѣтельству мѣстныхъ хроникъ, изучался не только монахами, но и мірянами и мірянками: на немъ свободно велась бесѣда, онъ былъ общеупотребительнымъ литературнымъ языкомъ ³⁾. Едва-ли слѣдуетъ упоминать объ общезвѣстномъ фактѣ, что Пали до сихъ поръ весьма ревностно изучается тѣми буддистами, для которыхъ это нарѣчіе — языкъ священный; а потому разобщеніе между мѣстною рѣчью и языкомъ св. писанія не можетъ почитаться достаточною гарантіею противъ возможныхъ вставокъ, позднихъ искаженій и передѣлокъ въ св. текстѣ. Въ мѣстномъ населеніи, для котораго языкъ св. писанія неродственъ, могутъ появляться люди, владѣющіе священною рѣчью, въ слѣдствіе ея изученія, въ совершенствѣ.

Цейлонцы рассказываютъ въ своихъ хроникахъ множество фактовъ, подтверждающихъ предположеніе о возможности весьма разнообразныхъ вліяній на эту общину, именующуюся хранительницей древнѣйшаго преданія. Въ этой общинѣ появлялась секта Ветулѣяковъ, учившая о пустотѣ ⁴⁾, нарождались и другія, существовавшія по долгу, и полная побѣда надъ которыми относится къ позднему времени ⁵⁾. Цейлонскіе буддисты, несомнѣнно, часто

¹⁾ Въ А. к. в (л. 65, 79, 333) называются секты заграничныя, находящіяся внѣ кашмирскихъ предѣловъ, а также западныя, на западъ отсюда. कश्मीर-मण्डलाये वदिर्देशस्थितास्ते वदिर्देशिकाः (л. 65). पाशात्याः कश्मीरमण्डलात्पशादवाः पाशात्याः (л. 79).

²⁾ См. приложение А.

³⁾ См. тамъ-же.

⁴⁾ Въ К. в. р., 314. Сектанты называются: suñnatāvadasañkhātā.

⁵⁾ *Sāsanaṃ vāso: sirisañghabodhimahārāṇo vijayabāhuraṇṇo parakkamabāhuraṇṇo 'ti etesam yeva rājānaṃ kālā sabbena sabbam adhammavādinam vinassanato sāsanaṃ parisuddham ahoṇi.*

сносились съ Бихаромъ, гдѣ была распространена Махаяна, откуда, по цейлонскимъ-же рассказамъ, пришелъ Буддахгоша. Въ цейлонскихъ хроникахъ упоминается о позднѣйшемъ принесеніи изъ Индіи на Цейлонъ нѣкоторыхъ книгъ ¹⁾, объ одномъ великомъ бѣдствіи, постигшемъ островъ, и объ опасности, послѣдовавшей за снмъ для всего ученія ²⁾.

Едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что до цейлонскихъ буддистовъ могли доходить вѣянія и идеи позднихъ буддійскихъ направленій, и оказывать вліяніе на хранимую въ нихъ общинѣ доктрину ³⁾.

По мнѣнію Олденберга, тѣмъ не менѣе, вопреки сейчасъ высказаннымъ соображеніямъ, буддійская община на Цейлонѣ, по своимъ преданіямъ и принятому въ ней канону, принадлежитъ къ сектѣ «старцевъ» или Стхавировъ: онъ повторяетъ при этомъ общее или наиболѣе распространенное убѣжденіе цейлонскихъ буддистовъ. Дѣйствительно, цейлонское преданіе утверждаетъ именно это о своей буддійской общинѣ; она называется правовѣрною, представительницею секты старцевъ, отъ которой отдѣлялись, какъ отъ первичнаго ствола, разныя схизмы. Трудно было бы возразить что-либо противъ этого заявленія буддійской общины, еслибъ ея преданіе не впадало въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ палийскихъ текстахъ, что извѣстно и г. Олденбергу, есть, кромѣ того, другія указанія, однаково достовѣрныя, но прямо противоположныя сейчасъ приведенному заявленію: по одному

¹⁾ Mahāvamsa (Colombo, 1877), стр. 32.

²⁾ См. приложение Б.

³⁾ Не безынтересенъ въ этомъ отношеніи одинъ фактъ, приводимый Ясо-митрой: онъ говоритъ, что Кашмирцы утверждали существованіе 16 отдѣловъ міра формъ, то есть, именно то, что встрѣчается въ палийскихъ источникахъ, какъ исконное ученіе, объявляется имъ спеціальнымъ ученіемъ Кашмирцевъ. Не слѣдуетъ ли это объяснять литературнымъ общеніемъ между двумя странами?

पेडेषति काश्मीरः । पेडेष स्वानानि द्व्यधातुरिति काश्मीरः । А. к. в. 127. *Ор.*
cha kāmāvacarā devā brahmā solasa rūpino | arūpino 'pi cattāro iti te tividhā
siyup || cattummahārājikā ca tāvatipsā ca yāmakā | tusitā nimmānaratidevā ca
vasavattino || ime cha kāmāvacarā. L. p. 2., vi.

цейлонская община объявляется принадлежащею къ сектѣ Вибхаджавадиновъ, по другому — таже община имѣетъ въ своемъ канонѣ произведенія секты Махисасаковъ ¹⁾.

Но, по мнѣнію г. Ольденберга, первое, дѣйствительно наиболѣе распространенное и извѣстное заявленіе цейлонской общины подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ соображеній и фактовъ. Разсматривая сказанія о первомъ появленіи буддизма на Цейлонѣ, г. Ольденбергъ приходитъ къ совершенно справедливому заключенію: цейлонскія сказанія о миссіонерской дѣятельности Махинды, можетъ быть, и содержать въ себѣ нѣкое зерно исторической истины, но оно было окружено покровомъ вымысла, а потому довѣрять преданію о Махиндѣ невозможно. (...the stories of the Sinhalese concerning Mahinda may contain some germ of historical truth. This germ, however, has become surrounded by a coating of inventions which render it impossible to place any faith in the traditions of Mahinda. ²⁾ Вопросъ о томъ, откуда буддизмъ былъ занесенъ на Цейлонъ, не смотря на легенды о Махиндѣ, остается, такимъ образомъ, открытымъ.

Очевидно, говоритъ г. Ольденбергъ, во всѣ времена между Цейлономъ и Деканомъ были наиболѣе частыя и близкія сношенія, нежели между этимъ островомъ и Индустаномъ. Страна Калинга или одно изъ прилежащихъ царствъ южной Индіи, продолжаетъ онъ далѣе, имѣютъ наиболѣе притязаніи почитаться посредствующею ареною для перенесенія буддійской литературы на Цейлонъ ³⁾. Редакція «Трехъ сосудовъ», сохранившаяся на Цейлонѣ, говорится далѣе ⁴⁾, и ея нарѣчіе пали были принесены на островъ изъ южной Индіи, вѣроятно, изъ царствъ Андхра или Калинга (...the version of the Tipitaka preserved in Ceylon and its dialect the Pāli were brought to the island from the peninsula

¹⁾ Mahāvagga, стр. XLII, XLIII. Jātaka, vol. I, стр. 1.

²⁾ Mahāvagga, стр. LII.

³⁾ Тамъ-же, стр. LIII.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. LIV.

of South India, probably from the Kingdoms of the Andhra or Kalinga). Подтвержденіе этой гипотезы г. Ольденбергъ находитъ въ извѣстіяхъ Сюань-Цзана (странствовавшего по Индіи въ VII вѣкѣ) о распространеніи секты стхавировъ. Китайскій путешественникъ ¹⁾, дѣйствительно, упоминаетъ о сектѣ старцевъ въ Калингѣ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя были, по мнѣнію г-на Ольденберга, въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Цейлономъ, но при этомъ онъ прибавляетъ и ближайшую характеристику секты: то была махьяническая секта. Эта послѣдняя и весьма важная подробность, конечно, совсѣмъ не согласуется съ представленіями о правовѣрной общинѣ старцевъ, хранительницѣ первичной редакціи канона. О сектахъ, бывшихъ въ странѣ Андхра, сами цейлонскіе буддисты сохранили извѣстія, ни сколько не подтверждающія гипотезы г. Ольденберга. Подъ общимъ названіемъ сектъ *andhakā* (то-есть, изъ страны Андхра) имъ извѣстны четыре: *Pubbaseliyā*, *Aparaseliyā*, *Rājagiriya*, *Siddhatthikā*. Всѣ четыре секты, по цейлонскому же преданію, возникли позднѣе другихъ и были еретическими ²⁾, а, по другимъ извѣстіямъ, двѣ изъ нихъ: *Пұрвасаппа* и *Апарасаппа* были даже заражены махьяническимъ ученіемъ, и сūтры свои хранили на пракритскомъ нарѣчій ³⁾.

Факты, такимъ образомъ, не оправдываютъ гипотезы Ольденберга, противорѣчатъ и опровергаютъ притязанія цейлонской буддйской общины относительно ея канона. Община эта, по собственному сознанію, есть представительница старѣйшей секты старцевъ или стхавировъ; она есть хранительница древнѣйшаго, самаго правдиваго преданія: въ ея канонѣ первичная редакція ученія. Но цейлонское преданіе, впадая, какъ выше было указано, въ противорѣчіе съ самимъ собою, подрываетъ вѣру въ свою историческую правдивость. Передъ изслѣдователемъ — канонъ, въ которомъ, дѣйствительно, несомнѣнно много древняго, но

¹⁾ Тамъ-же, стр. LIII., Hiouen T'sang, vol. III, 92, 154, 165.

²⁾ *andhakā nāma pubbaseliyā aparaseliyā rājagiriya siddhatthikā 'ti ime pacchā uppannikāyā*. К. в. р., 109.

³⁾ Васильевъ I, 264.

исторія его неизвѣстна: откуда онъ былъ занесенъ на Цейлонъ, когда и гдѣ установлена его окончательная редакція?—Принадлежитъ-ли онъ одной какой-либо сектѣ? или же въ немъ есть слѣды вліяній и ученій другихъ сектъ? — Вопросы эти не разрѣшаются, само собою разумѣется, цейлонскимъ преданіемъ, и не находятъ себѣ разъясненій въ вышеизложенной гипотезѣ: гипотеза эта, опровергаемая тѣми самыми источниками, на основаніи извѣстій которыхъ она строится, едва-ли можетъ почитаться удачною попыткою разрѣшить хотя бы нѣкоторые трудности выставленныхъ сейчасъ вопросовъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГЛАВЪ III.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

(изъ sâsanavaṃso)

tato pacchā coranāgassa nāma rañño kāle sakalalañkādipaṃ dubbhikkhabhayena piḥetvā piṭakattayaṃ dhārentā bhikkhū jambudīpaṃ āgamaṃsu. anāgantvā tatth' eva ṭhitā pi bhikkhū chātakabhayaena piḥetvā udarapaṭalaṃ bandhivā kucchiṃ vālukarāsīmhi ṭhapetvā piṭakattayaṃ dhāresuṃ.

kuṭakappaṇatissassa rañño kāle yeva dubbhikkhabhayaṃ vūpasamivā jambudīpato bhikkhū puna gantvā sihaladīpe ṭhitchi bhikkhūhi saddhiṃ mahāvihāre piṭakattayaṃ avirodhāpetvā samasamaṃ katvā ṭhapesuṃ. ṭhapetvā ca pana sihaladīpe yeva suṭṭhu dhāresuṃ.

tatth' eva aṭṭhakathāyo buddhaghosathero magadhabhāsāya parivattetvā viraci. pacchā ca yebhuyyena tatth' eva aṭṭhakathātikā anumadhulakkhaṇā gaṇṭhiganthantarāpi akappaṃsu. puna sāsanaṃ nabhe ravindu' va pākāṇ' ti.

tattha buddhavaṃsaṭṭhakathaṃ buddhadattathero akāsi. itivuttodānacariyāpiṭakatheraṇevimānavatthupetavatṭhunettiaṭṭhakathāyo ācariyadhammāpalathero akāsi. so ca ācariyadhammāpalathero sihaladīpassa samipe damilaraṭṭhe padaratitthimhi

nivāsītattā sīhalādīpe yeva saṃgahe tvā vattabbo. paṭisambhidā-
 maggaṭṭhakathāṃ mahānāmo nāma therō akāsi. mahānidde-
 satṭhakathāṃ upaseno nāma therō akāsi. abhidhammaṭṭikaṃ pana
 ānandathero akāsi. sā ca sabbāsaṃ ṭikānaṃ ādibhūtaṭṭā mūla-
 ṭikā' ti pākāṭā. visuddhimaggassa mahāṭikaṃ dīghanikāyaṭṭha-
 kathāya ṭikaṃ majjhimanikāyaṭṭhakathāya ṭikaṃ samyuttanikāya-
 ṭṭhakathāya ṭikaṃ cā' ti imāyo ācariyadhammapālathero akāsi.
 sārattadīpaniṃ nāma vinayaṭikaṃ aṅguttaranikāyaṭṭikaṃ ca para-
 kkaṃabāhuraññā yācīto sārīputtathero akāsi. vimativinodaniṃ
 nāma vinayaṭikaṃ damilaraṭṭhavāsī kassapathero akāsi.
 anuṭikaṃ pana ācariyadhammapālathero. sā ca mūlaṭṭikāya anu-
 ttānatthāni uttānāni katvā saṃvaṇṇitattā anuṭikā' ti vuccati.
 visuddhimaggassa cūlaṭṭikaṃ madhudīpaniṃ ca aññatarā therā
 akāṃsu sā ca mūlaṭṭikāya atthāvasesāni ca anuttānatthāni uttānāni
 ca katvā mūlaṭṭikāya saddhiṃ saṃsanditvā katattā madhurasattā ca
 madhudīpaniṃ' ti vuccati. mohavicchedaniṃ pana lakkhaṇaganthā-
 ṃ kassapathero akāsi. abhidhammāvatāram pana rūpārūpavibh-
 āgaṃ vinayavinicchayaṃ ca buddhadattathero. vinayasamgahaṃ sā-
 rīputtathero. khuddasikkhaṃ dhammasirīthero. paramatthavinic-
 chayaṃ nāmarūpaparicchedaṃ abhidhammatthasaṃgahaṃ ca anu-
 ruddhathero. saccasaṃkhepaṃ dhammapālathero. khemaṃ khe-
 mathero. te ca saṃkhepato saṃvaṇṇitattā sukhena ca lakkhaṇi-
 yattā lakkhaṇaganthā 'ti vuccanti. tesāṃ pana saṃvaṇṇanāsu
 abhidhammatthasaṃgahassa porāṇaṭṭikaṃ pana vimalabuddhiathero
 akāsi. saccasaṃkhepanāmarūpaparicchedakhemāabhidhammāva-
 tāraṇaṃ porāṇaṭṭikaṃ vacissaramahāsāmithero. paramatthavinic-
 chayaṃ porāṇaṭṭikaṃ mahābodhiathero abhidhammatthasaṃgahā-
 bhidhammāvatārābhīnavaṭṭikāyo sumāṅgalasāmithero. saccasaṃ-
 khepābhīnavaṭṭikaṃ arāññavāsīthero. nāmarūpaparicchedābhīna-
 vatikaṃ mahāsāmithero. paramatthavinicchayābhīnavaṭṭikaṃ añ-
 ñatarathero. vinayavinicchayaṭṭikaṃ revatathero. khuddasikkhā-
 ya purāṇaṭṭikaṃ mahāyasathero. tāya yeva abhinavaṭṭikaṃ saṅ-
 gharakkhitathero 'ti. vajirabuddhiṃ nāma vinayagaṇṭhipadatthaṃ
 vajirabuddhiathero. cūlagaṇṭhimajjhimagāṇṭhimahāgaṇṭhiṃ ca si-

haladīpavāsino therā. te ca padakkamena asaṃvaṇṇetvā anuttāna-
 ṭhāne yeva saṃvaṇṇitattā gaṇṭhipadatthā 'ti vuccanti.
 abhidhānapadīpikam pana mahāmoggallānathero. atthabyakkhā-
 naṃ cūḷabuddhathero. vuttodayaṃ sambandhacintāṃ subodhā-
 laṃkāraṇ ca saṅgharakkhitathero. byākaraṇaṃ moggallānathe-
 ro. mahāvamsaṃ cūḷavamsaṃ dīpavamsaṃ thūpavamsaṃ bodhi-
 vamsaṃ dbātuvamsaṃ ca sīhaladīpavāsino therā. dāṭhādhdātuvam-
 saṃ pana' dhammakittithero akāsi. ete ca pālimuttakavasena
 vuttattā ganthantarā 'ti vuccanti.

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

(оттуда же).

pubbe kira arimaddananagare mātugāmā pi ganthaṃ uggaṇṇhiṃ-
 su. yebhuyyena uggaḥadhāraṇādivasena pariyattisāsaṇaṃ pagga-
 hesuṃ. mātugāmā hi aññaṃ aññaṃ passantā tumhe kittakaṃ
 ganthaṃ uggaṇṇhatha. kittakaṃ ganthaṃ vācuggataṃ karoṭhā 'ti
 pucchissanti. eko kira mātugāmo ekaṃ mātugāmaṃ pucchi. tvaṃ
 idāni kittakaṃ ganthaṃ vācuggataṃ karosīti. aham paṇa idāni
 daharaṇaputtehi palibodhattā byākulaṃ patvā bahūṃ ganthaṃ vā-
 cuggataṃ kātup na sakkā samantamahāpaṭṭhāne pana kusala-
 tikamattaṃ 'va vācuggataṃ karomīti āhā 'ti.

idam 'pi arimaddananagaravāsīnaṃ mātugāmānaṃ 'pi pariyattug-
 gaṇaṇe ekaṃ vatthu.

ekaṃ kira bhikkhuṃ piṇḍāya carantaṃ ekā dvādasavassikā da-
 haritthī pucchi kiṃ nāmo si tvaṃ bhante 'ti khemā nāmāhaṇ 'ti.
 kathaṃ hi bhante pumā 'va samāno itthilīṅgena nāmaṃ akāsi
 āha. atha antogehe nisinnā mātā sutvā dhitaraṃ āha. tvaṃ rājā-
 digāṇassa lakkhaṇaṃ na jānāsīti. āma jānāmi. ayaṃ pana khema-

saddo na rājādigāṇapakkhaṃ bhajātīti. atha mātā evaṃ āha. ayam pana khemasaddo ekadesen' eva rājādigāṇapakkhaṃ bhajātīti. ayam paṇ' ettha dhītu adhippāyo. na rājādisaddo kadā ci rājo 'ti paccattavacanavasena okāraṇto dissati. vinā devarājo 'ti ādisa-māsavisayaṃ khemasaddo pana kattha ci khemo 'ti ca khemaṇ 'ti ca lūṅgantaravasena rūpantaraṃ dissati. ten' eva khemasaddo na rājādigāṇo 'ti vedītabbo 'ti. ayaṃ pana mātu adhippāyo. khemasaddo abhidheyyalingattā tiliṅgiko. yadā pana saññāsaddādhikāre paccattavacanavasena khemā 'ti ākāraṇto dissati tadā ekadesena khemasaddo rājādigāṇapakkhaṃ bhajātīti.

idaṃ 'pi ekaṃ vatthura.

arimaddananagare kira ekassa kuṭumbikassa eko putto dve dhītaro ahesura. ekasmiṃ ca kāle ghammābhibhūtatā gehassa uparitale naḥāyitvā nisīdi. atha ekā dasī gehassa heṭṭhā ṭhatvā kiṇ ci kamaṃ karonti tassa kuṭumbikassa gūyhaṭṭhānaṃ olokesi.

taṃ atthaṃ jānitvā kuṭumbiko sā khaṃ olokesīti ekaṃ vākyam bandhitvā puttassa dassesi. imassa atthayojanam karohīti. atha putto atthayojanam akāsi. sākhaṃ rukkhāsākhaṃ olokesi uddikkhatīti. atha pacchā ekāya dhītuyā dassesi. imassa atthayojanam karohīti. sā pi atthayojanam akāsi. sā sunakho khaṃ ākāsaṃ olokesi udikkhatīti. atha pacchā ekāya dhītuyā dassesi imassa atthayojanam karohīti sā pi atthayojanam akāsi. sā itthi khaṃ aṅgajātaṃ olokesi mukhaṃ uddhaṃ katvā lokesīti.

idaṃ 'pi ekaṃ vatthu.

eko kira sāmaṇero ratanapuravāsi arimaddananagare mātugāmā pi saddanayesu atikovidā 'ti sutvā ahaṃ tattha gantvā jānissāmi. arimaddananagaraṃ gato. atha antaramagge arimaddananagarassa samīpe ekaṃ daharītthiṃ kappāsavatthura rakkhitvā nisinnaṃ passi. atha sāmaṇero tassā santikaṃ maggapucchanatthāya gacchi. atha daharītthi sāmaṇeraṃ pucchi. kuto āgato 'sīti. sāmaṇero āha. ratanapurato ahaṃ āgacchatīti. kuhiṃ gato 'sīti vutte arimaddananagaraṃ gacchatīti āha.

atha daharītthi evaṃ āha. tvam bhante saddavinicchayaṃ anupadhāretvā kathesi. amhaṃyogaṭṭhāne hi tvam nāmayogasaddena

yojetvā kathesi. nanu paṇḍitānaṃ vacanena nāma paripunnatthena
aviruddhasaddanayena pūppindusaṃkāseṇa bhavitabban 'ti. atha
sāmaṇero khattavatthūni rakkhanti duggatadāharitthi pi tāva sad-
danayakovidā hoti. kim añga pana bhogasampannā mahalla-
kitthiyo 'ti lajjitvā tato yeva paṇinivattitvā paccāgamāsiti.

IV.

ТРЕТІЙ СОВОРЪ И ВАЙРАТСКАЯ НАДПИСЬ.

1. Третій соборъ. — 2. Надписи Асоки не говорятъ о немъ. — 3. Значеніе сказанія о третьемъ соборѣ для исторіи канона. — 4. Асока легендъ и его надписи. — 5. Преданіе о причинахъ третьяго собора. — 6. Хронологическая трудность. — 7. Соборъ — частная сходка. — 8. Kathāvatthuprakaraṇam. — 9. Вайратская надпись. — 10. Ея стиль. — 11. Содержаніе. — 12. Заключеніе.

Соборъ при Асокѣ Великомъ былъ третьимъ, слѣдуя цейлонскому преданію. Называемъ это преданіе цейлонскимъ, потому что, какъ извѣстно, оно записано въ памятникахъ острова Цейлона. Но, употребляя это обозначеніе, вмѣстѣ съ этимъ не опредѣляемъ мѣста происхожденія сказаннаго преданія. Всѣ вопросы о томъ, гдѣ оно сложилось, — на Цейлонѣ или въ иномъ какомъ мѣстѣ, откуда занесено на островъ и когда, — пока остаются не разъясненными.

Третья сходка буддійскихъ святыхъ и монаховъ, извѣстная изъ сказаній Буддхагхоши и цейлонскихъ хроникъ¹⁾, — состоялась въ городѣ Паталипутрѣ черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ послѣ второй. Въ предшествующихъ главахъ была сдѣлана попытка установить правильную точку зрѣнія на преданіе о первыхъ двухъ сходкахъ. Преданія объ этихъ сходкахъ могутъ, по всей справедливости, почитаться обще-буддійскими. Древнѣйшія сказанія, сохранившія его, вошли въ каноны разныхъ сектъ, и, несомнѣнно, въ легендарныхъ сказаніяхъ о сходкахъ древнихъ буддистовъ, въ Раджагрихѣ и въ Вансали, сохранились извѣстія объ историческихъ фактахъ; но въ тѣхъ-же извѣстіяхъ, правильно разобранныхъ и анализированныхъ, то есть, по опредѣленіи позднѣй-

¹⁾ The Dīpaṃśo, стр. 49 и сл.; Mahāvamsa, стр. 39 и сл.; The Vinaya-piṭaka III, стр. 312 и сл.

шихъ наслоеній и выдѣленій таковыхъ-же прикрасъ, нѣтъ ни малѣйшаго указанія на существованіе какого-либо буддійскаго канона, а тѣмъ болѣе современнаго намъ въ его настоящей формѣ, ни въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за смертью первоучителя, ни позднѣе, черезъ сто лѣтъ спустя по смерти Буддхы.

Существованіе канона въ его настоящей редакціи и формѣ въ эпоху, отдаленную, то есть, въ первомъ и во второмъ столѣтіи по смерти Буддхы не можетъ почитаться доказаннымъ. Но въ то-же время, однакоже, необходимо должно допустить, что буддійская община уже существовала, а потому, конечно, у ней была и своя доктрина, и были также свои дисциплинарныя учрежденія: было буддійское ученіе (дхарма), былъ режимъ (випаѣ), объединявшіе общину сѣкійскихъ сыновъ въ одно цѣлое, и отличавшіе сайгху Вѣщаго отъ другихъ подобныхъ же аскетическихъ общинъ, память о которыхъ сохранилась въ сказаніяхъ брахманическихъ, буддійскихъ и жайнскихъ.

Въ чемъ состояло буддійское ученіе въ началѣ, на зарѣ буддійскаго развитія? — На этотъ вопросъ сказанія о первыхъ двухъ соборахъ не даютъ никакого отвѣта и ни малѣйшихъ указаній. — И нѣтъ въ нихъ также отвѣта на другой вопросъ: чѣмъ тогда отличался режимъ буддійскаго бхикшу отъ аскетическихъ предписаній другихъ подобныхъ общинъ?

Отвѣты на эти вопросы, конечно, только вѣроятные, болѣе или менѣе предположительные, можетъ дать критическое изученіе самихъ буддійскихъ памятниковъ, а также преданія о дальнѣйшихъ судьбахъ буддійской общины.

Въ дальнѣйшихъ судьбахъ буддійской общины преданіе, по не обще-буддійское, а принадлежащее одной только части буддистовъ, быть можетъ, одной только или нѣсколькимъ, но не всѣмъ буддійскимъ сектамъ, отмѣчаетъ одинъ крупный фактъ, именно: третій соборъ. Фактъ, о которомъ повѣствуетъ одно только частное буддійское преданіе, относится, однакоже, къ эпохѣ извѣстной и по другимъ документамъ несомнѣнной важности и непререкаемой правдивости; и документы эти ничего не говорятъ о соборѣ; но

также точно они не упоминаются о другомъ еще болѣе важномъ фактѣ въ судьбахъ древне-буддѣйской общины, именно о появленіи раскола, засвидѣтельствованномъ обще-буддѣйскимъ преданіемъ.

Извѣстно, что надписи Асоки Великаго въ цѣломъ своемъ объемѣ, общедоступномъ въ настоящее время, не упоминаютъ ни о третьемъ соборѣ, ни о буддѣйскомъ расколѣ, хотя и представляютъ для разысканій о развитіи буддѣйской доктрины и для исторій буддѣйскаго канона нѣсколько неоцѣненныхъ данныхъ.

Это умолчаніе можетъ быть различно истолковано: или не всѣ эдикты царя до насъ дошли, и, быть можетъ, со временемъ будутъ найдены такія надписи, въ которыхъ говорится и о соборѣ и о сектахъ, или-же то и другое событіе, сходка буддѣйскихъ монаховъ, раздоры въ буддѣйской общинѣ были явленіемъ столь незначительнымъ въ обще-индѣйской жизни, что царю не было повода говорить о нихъ въ своихъ эдиктахъ.

Въ этомъ умолчаніи надписей о третьемъ соборѣ нельзя, конечно, видѣть достаточнаго основанія для отрицанія правдивости цейлонскаго сказанія, но нельзя также не допустить, что для исторіи палийскаго канона оно имѣетъ весьма малое значеніе: изъ него, дѣйствительно, узнаемъ о появленіи въ канонѣ во время этого именно собора новой книги въ абхидхармапитахъ. Но ниже будетъ показано, что новая книга, которую разумѣетъ преданіе, далеко не такъ древня. Затѣмъ повторяется то, о чемъ было говорено при разборѣ сказаній о первыхъ соборахъ, именно, что канонъ, за исключеніемъ этой книги, уже существовалъ вполне, и былъ только вновь пересмотрѣнъ тысячею святыхъ мужей въ продолженіе десяти мѣсяцевъ.

Разсказывая о ближайшихъ поводахъ къ созванію собора, преданіе сообщаетъ одну подробность, не лишнюю интереса. Извѣстно, что какъ буддисты, такъ и жайны изображаютъ въ своихъ сказаніяхъ Асоку могущественнымъ царемъ, покровителемъ буддистовъ — по буддѣйскимъ легендамъ, жайновъ — по жайнскимъ.

Извѣстны буддійскіе рассказы о милостяхъ и щедротахъ великаго царя, сохранившіеся и въ цейлонскихъ хроникахъ, и у китайскихъ путешественниковъ. Буддисты увѣряютъ, что АҢока былъ ихъ покровителемъ и всегда держалъ ихъ сторону; его благоволеніе къ нимъ доходило до того, что, при столкновеніяхъ буддистовъ съ жайнами, царь, по рассказамъ буддистовъ, какъ бы забывъ буддійское ученіе о милосердіи, приказывалъ избивать жайновъ, и по диннару платилъ за голову жайны¹⁾. Въ жайнскихъ легендахъ АҢока, напротивъ, является столь же ревностнымъ покровителемъ ученія Махавіры; о сынѣ АҢоки рассказываютъ жайны, что онъ украсилъ землю жайнскими монастырями, распространилъ жайнизмъ въ предѣлахъ неарійскихъ странъ²⁾.

Въ этихъ рассказахъ, какъ буддійскихъ, такъ и жайнскихъ, конечно, нѣтъ полной исторической правды, но они и не противорѣчатъ тому, что извѣстно объ АҢокѣ изъ его эдиктовъ. Онъ высказываетъ въ нихъ или такую терпимость, которая не далека отъ полнаго индиферентизма въ вопросахъ религіозныхъ, объявляя, напр., всенародно, что «все секты владѣютъ прекрасными преданіями», или же въ одной надписи выражаетъ свою³⁾ преданность Вѣщему, его общинѣ и ученію, а въ двухъ своихъ эдиктахъ какъ бы заявляетъ себя принадлежащимъ къ жайнской общинѣ.

«Вамъ извѣстно, возлюбленные, обращается царь къ магадской сайгхѣ, въ байратской надписи, мое почтеніе и преданность Буддхѣ, сайгхѣ, закону»; въ этомъ посланіи къ буддійской общинѣ, несомнѣнно, слышится рѣчь вѣрующаго буддиста. Но въ надписяхъ того же царя, сдхасарамской и рупнатхской, нѣтъ ни-

¹⁾ Д. а., т. 160. राजा हृषितेनाभिक्षितं पुण्ड्रवर्द्धने सर्वं आनीविकाः प्रघातयितव्याः ॥ यावदेकादिवसे ऽष्टादश सत्स्राण्यानीविकानां प्रघातितानि ॥ тамъ-же. यो मे निर्यन्थस्य शिरो दास्यति दीनारं दास्यामीति घोषितं ॥

²⁾ येन संप्रतिना त्रिखण्डमिताऽपि मही जैनप्रासादमण्डिता विहिता । साधुवेधधारिनिवृत्तपुरुषप्रेषणोनानार्यदेशे ऽपि साधविकारः कारितः । P. v.

³⁾ XII. едиктъ. См. Senart, Les inscriptions de Piyadasi, I, 249 и сл.

какихъ данныхъ, какъ въ содержаніи, такъ и въ стилѣ или въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, обрисовывающихъ ихъ автора преданнымъ буддистомъ; самая принадлежность его буддѣйской общинѣ кажется сомнительной. Въ одной онъ называетъ себя *upāsike*, то есть, «міряниномъ», а въ другой говоритъ, что онъ *saṃgha-rāpīte*, то есть «вступившій въ сайгху»¹⁾).

По буддѣйскимъ понятіямъ сайгха состояла изъ однихъ монаховъ, и царь, оставаясь міряниномъ, не могъ называться вступившимъ въ сайгху буддѣйскую; онъ, дѣйствительно, могъ почитаться «вступившимъ въ сайгху», но только не буддѣйскую, а жайнскую: жайнская община, или тїртха, состояла изъ монаховъ, монахинь, мірянъ и мірянокъ²⁾. Сайгха, которую разумѣетъ писавшій сказанный эдиктъ, была, по всей вѣроятности, жайнская.

Вѣроятность такого толкованія подтверждается другими соображеніями. Въ обѣихъ надписяхъ, сахасарамской и рупватхской, царь, говоря о проповѣди учителя, или считая годъ отъ его же смерти, употребляетъ выраженія, принадлежащія не буддѣйской, а жайнской терминологіи. Онъ говоритъ о проповѣди, провозглашенной *vivuthena* или *yuuthena*, то есть освобожденнымъ; отъ *vivuthā* считаются имъ и годы царствованія. Подобное же сущіальное обозначеніе освобожденія, произведенное отъ корня *vas*, встрѣчается только въ жайнскихъ сочиненіяхъ³⁾.

¹⁾ Надписи см. у *Cunningham*, *Corpus etc.*

²⁾ *Weber*, въ *S. K. P. Akademie der W. zu Berlin*, XXXVII — VIII, (1882) стр. 795.

³⁾ *Paricishtaparvan*, л. 37 об.

श्रीवीरमोक्षनिवसादपि क्लृप्तानि चत्वारि षष्टिमपि च व्यतिगम्य ब्रम्हूः ।

कात्पायनं प्रभवमात्मपदे निवेश्य कर्मक्षयेण पद्मव्ययमाससद् ॥

Срв. тамъ-же л. 62 пр.

वीरमोक्षाद्वर्षशते
सप्तत्यये गते सति ।
भद्रबाहुरपि स्वामी
ययौ स्वर्गं समाधिना ॥

Такимъ образомъ, въ двухъ послѣднихъ, надписяхъ Асoka, какъ будто, заявляетъ себя приверженцемъ жайнскаго ученія.

Религіозная терпимость восточнаго, единоподержавнаго и неограниченнаго монарха, не рѣдко персходившая въ индуизмъ, естественно должна была вліять на взаимныя отношенія современныхъ ему сектъ, и въ пзвѣстной степени отражаться на ихъ умственномъ и нравственномъ состояніи: по всей вѣроятности, между ними стало возможнымъ сближеніе, а можетъ быть даже компромиссы.

О такомъ сближеніи рассказываетъ цейлонское преданіе, описывая причины и поводы къ созванію третьяго собора, и комментируя событіе по-своему, сообразно съ собственными представленіями объ отношеніяхъ Асoki къ буддійской общинѣ. Еретики изъ разныхъ сектъ: и чтившіе солнце, и почитавшіе бога Агни, пристыжавшіе себя разными подвижничествами, проникли въ буддійскую общину и смѣшались съ бхикшу; отсюда, по словамъ преданія, между монахами появилось нерадѣніе въ исполненіи обрядовъ, стали нараждаться лжеученія и образовались новыя секты. Все это подало поводъ къ созванію третьяго собора¹⁾.

Съ сказаніемъ о третьемъ соборѣ связана одна хронологическая трудность, давно уже останавливавшая на себѣ вниманіе

¹⁾ Въ К. v. p. рассказывается о томъ, что въ буддійскую общину проникли еретики:

Ke ci aggin paricaranti ke ci pañca tape tapanti ke ci ādiccaṃ anuparivattanti ke ci dhammaṃ ca vinayaṃ ca vo bhindissāma 'ti tathā tathā paggaṇhipesu (стр. 9). Сря. сказаніе Bodhivaṃso о причинахъ возникновенія послѣднихъ сектъ. tato paraṃ lābhasakkāraṇissitā gahitabbikkhavesā vedapāragā aññatitthiyā buddhadhammaṃ titthiyadhamme pakkipitvā te ekato yojetvā puthujjanalokaṃ vañcetvā tesam tesam kathentā dandhānaṃ sahakāraphalākārakippakkam iva adhammaṃ dhammalasena dassetvā idam buddhavacanaṃ 'ti volharantā hemavato rājagiriyo siddhatthiko pubbaseliyo aparaseliyo vājiriyo 'ti ete ācariyavāde samutthāpesuṃ ime catuvisati ācariya (-vādā) jambudīpe jātā dhammaruciya sāgaliya 'ti dve ācariyavādā laṅkādīpe jātā. etesu theravādo pana bhagavato paṭṭhāya gaganagaṇḍajalappavāho viya nimmalo jātiraṅgamaṇi viya visuddho padumadalehi jalabindu viya nikāyantarehi asammissa hutvā amatarasappavāhi puṇṇacando viya sadevakaṃ lokaṃ santappento yāv 'ajjatanā āgañchitī.

Bodhivaṃso, л. 5a.

исследователей. Трудность эта состоитъ въ слѣдующемъ: цейлонское преданіе утверждаетъ, что такъ называемыхъ соборовъ было три: одинъ сейчасъ по смерти Буддхы, второй черезъ столѣтъ, при царѣ Кілашокѣ, и третій при Ашокѣ Великомъ. Преданія другихъ буддійскихъ сектъ, извѣстныя изъ разныхъ источниковъ, совершенно расходятся съ цейлонскимъ. Одни источники, какъ напр. Тарапатха, вовсе не упоминаютъ о какомъ либо участіи Ашоки въ буддійскихъ спорахъ и соборахъ; другія относятъ второй соборъ ко временамъ Ашоки Великаго, и совершенно игнорируютъ третій соборъ. Проф. Васильевъ высказалъ весьма правдоподобное предположеніе о томъ, что въ сказаніяхъ смѣшиваются два различныхъ пропшества; причина этого, по его мнѣнію, кроется въ томъ, что тибетская догматика принимаетъ, что было только три собранія, — но въ число ихъ надобно ввести соборъ при Канишкѣ: вотъ почему они выпускаютъ соборъ въ Паталипутрѣ¹⁾. Были и другія попытки разрѣшить эту трудность, примирить противорѣчія разныхъ буддійскихъ преданій: предполагали, что цейлонцы изъ одного собора сдѣлали два, изъ одного Ашоки сочинили двухъ царей того же имени. Но этотъ способъ выходить изъ затрудненій, вычеркивая изъ исторіи имена и событія, о которыхъ намъ мало извѣстно, едва-ли можетъ почитаться вполне научнымъ, хотя иногда можетъ быть весьма удобнымъ для исследователей.

Противорѣчіе въ буддійскихъ преданіяхъ не станетъ казаться столь значительнымъ, если припомнимъ, что, слѣдуя этимъ преданіямъ, въ буддійской общинѣ сто лѣтъ спустя по смерти Буддхы начались раздоры; первоначально эти раздоры касались вопросовъ внѣшнихъ, и намъ рассказываютъ, что они были улажены на второмъ соборѣ. Затѣмъ, однакоже, по обще-буддійскому преданію, произошелъ расколъ — стали возникать секты; и буддійскія преданія, повѣствуя о тѣхъ вопросахъ, по поводу коихъ возникали споры и монашескія общины расходились

¹⁾ Васильевъ, III, стр. 44.

въ мнѣніяхъ, — словомъ, обо всемъ томъ, что разъединяло старыхъ буддистовъ, — разноглася въ частностяхъ, въ общихъ чертахъ сходны между собою. Очевидно, буддисты запомнили событія болѣе важныя; сходки же имѣли для религіознаго сознанія значеніе по-стольку, по-скольку съ ними впослѣдствіи связали исторію канона. Начинать же исторію канона съ третьяго собора, т. е. спустя двѣсти слишкомъ лѣтъ по смерти Буддхы, едва ли представлялось какой-нибудь сектѣ цѣлесообразнымъ. На третьемъ соборѣ, какъ это очевидно изъ цейлонскихъ разсказовъ, обсуждались опять раздоры внутреннія въ общинѣ; обсужденія ихъ, конечно, кончились въ пользу одной стороны, которая и запомнила сходку, какъ свое торжество: въ такомъ свѣтѣ, дѣйствительно, и представляется палийская версія сказанія о третьемъ соборѣ¹⁾.

Въ выше приведенныхъ и разобранныхъ разсказахъ о соборахъ — всѣ извѣстія о литературной дѣятельности святыхъ отцевъ или о существовавшихъ въ это время памятникахъ болѣе или менѣе апокрифическаго характера. Они являются въ сказаніяхъ позднѣйшими вставками, вторичными придѣлками къ первичному разсказу: ихъ тенденціозность вполне ясна. Апокрифическій характеръ должно признать за пресловутымъ протоколомъ перваго собора; не болѣе исторической правды въ нѣсколькихъ словахъ о литературной дѣятельности второго собора; того же характера извѣстія о литературной дѣятельности третьяго собора. При описаніи третьяго собора разсказывается о появленіи въ это время въ буддійскомъ канонѣ новой книги въ абхидхармапитаке, именно *kathāvatthuppaṭṭakapaṇa*. Едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе въ очень позднемъ происхожденіи этой книги. И ея исторія, разсказываемая самими буддистами, и самое содержаніе убѣждаютъ въ полной невозможности приурочить появленіе этого памятника не только къ эпохѣ третьяго собора, но и къ ближайшей послѣдующей.

По преданію книга состоитъ изъ двухъ частей: а) тезисовъ и б) развитія ихъ или подробнаго изложенія. Первая часть была

¹⁾ Праѣмокса-сѹтра, стр. L, The Vinaya-Piṭakam, I, стр. XXXII.

проповѣдана самимъ Вѣщимъ на небѣ. Тогда же Вѣщій проро-
чилъ, что подробное развитіе этихъ тезисовъ будетъ сдѣлано го-
раздо позднѣе, послѣ его нирваны, когда народятся еретическія
секты.

Совершенно очевидно, что это преданіе не можетъ имѣть ка-
кого либо значенія въ историческомъ розысканіи о началѣ памят-
ника. Въ немъ есть одно важное указаніе: сами буддисты какъ бы
полусознаются, что книга появилась послѣ первоучителя и даже
не въ эпоху первыхъ двухъ соборовъ. Съ этимъ согласны даже
нѣкоторые изъ современныхъ буддистовъ, напр. Д'Алвисъ ¹⁾.
Сомнительно, однакоже, чтобы подлежащая намъ редакція книги
возникла въ эпоху третьяго собора: Буддхагхоша, рассказывая
о томъ, какъ эта книга излагалась на третьей сходкѣ святыхъ
мужей, упоминаетъ одинъ фактъ, подтверждаемый самымъ со-
держаніемъ книги: въ этомъ памятникѣ, оказывается, опровер-
гаются не только ученія и догматы еретическихъ сектъ, уже воз-
никшихъ въ то время, но также и такихъ, которыя еще имѣли
возникнуть въ будущемъ, напр. Ветуляковъ ²⁾.

¹⁾ См. *Childers, Dictionary etc.*, стр. 193 и срв. стр. 507.

²⁾ *Kathāvatthudesanāya vāre sampatte anāgate mama sāvako mahābhīṇḍo moggaliputtatissathero nāma uppannam sāsanamalam sodhetvā tatiya-saṅgītiṃ ka-
ronto bhikkhusaṅghamajjhe nisinnō sakavāde pañca suttasatāni paravāde pañcā
'ti suttasahassam samodhānetvā imaṃ pakaraṇam bhājessatīti tass'okāsaṃ karonto
yā esā puggalavāde tāva catūsu pañhesu dvinnam pañcakānaṃ vasena aṭṭhamukhā
vādayutti taṃ ādiṃ katvā sabbakathāmaggesu asampannabhānavāramattāya tan-
tiyā mātikaṃ thapesi. Atha vā sesaṃ abhidhammakatham vitthāranāyena eva kat-
hetvā vutthavasso suvaṇṇaparajatasopānānaṃ majjhe maṇimāyena sopānena deva-
lokato saṅkassanagare oruṃha sattahitaṃ sampādentō yāvātāyukaṃ thatvā anu-
pādisesāya nibbānadhātuyā parinibbāyi.*

K. v. p., 2.

tasmim samāgame moggaliputtatissathero yāni ca tadā uppannāni vatthūni yāni
ca āyatim uppajjissanti sabbesaṃ pi tesam paṭibāhanatthaṃ satthārā dinnanāya-
vasena eva tathāgatena ṭhapitamātikaṃ vibhajanto sakavāde pañca suttasatāni
paravāde pañcā 'ti suttasahassam āharitvā idaṃ parappavādamathanam āyatilak-
khaṇam *kathāvatthupparakaraṇam* abhāsi.

tato suttasahassasaṅghesu uccinivā 'va tipitakapariyattidharānaṃ pabbinnapaṭi-
sambhidānaṃ bhikkhūnaṃ saṃhassam ekaṃ gahetvā yathā mahākassapathere
dhammaṃ ca vinayaṃ ca saṅgāyimesu evam evaṃ saṅgāyanto sāsanamalam visod-

Для вѣрующаго буддиста эти извѣстія комментатора, а также факты въ самой книгѣ могутъ и не казаться невозможными: его вѣра въ фиктивную исторію книги, по всей вѣроятности, нисколько не колеблется въ слѣдствіе необычайной чудесности, а потому очевидной невѣроятности всей исторіи св. книги; но не таково значеніе извѣстій Буддхагхоши и самого содерженія книги въ дѣлѣ научнаго разысканія о времени палийскаго канона. На основаніи этихъ извѣстій Буддхагхоши, изложенную сейчасъ исторію памятника смѣло можно признать благочестивою флкціею и отнести происхожденіе книги къ болѣе позднему времени.

Отъ эпохи третьяго собора или времени Асоки Великаго до насъ дошелъ документъ — байратская надпись — несомнѣнной важности, документъ, въ которомъ встрѣчаются самыя старыя автентичныя свѣдѣнія о древнѣйшихъ буддійскихъ литературныхъ памятникахъ. Хотя эти памятники въ надписи ближайше не описаны, и приведены только одни ихъ заглавія, но въ самыхъ заглавіяхъ есть указанія на вопросы, занимавшіе умы буддійской общины того времени. Это послѣднее обстоятельство придаетъ байратской надписи особое и важное значеніе.

Байратская надпись, нѣсколько разъ переведенная и комментированная¹⁾, остается, не смотря на эти работы, памятникомъ въ извѣстной степени загадочнымъ. До сихъ поръ остается не разъясненнымъ весьма существенный вопросъ о главной цѣли этого эдикта Асоки Великаго; не вполне ясны читателю мотивы, по которымъ царь, обращаясь къ общинѣ магадскихъ монаховъ, перечисляетъ рядъ буддійскихъ памятниковъ, изученіе которыхъ

betvā tatiyaśaṅgitiṃ akāsi. tattha abhidhammaṃ saṅgāyanto imaṃ yathā bhāsitaṃ pakaraṇaṃ saṅgahaṃ āropesi. tena vuttaṃ. yaṃ puggalakathādināṃ kathānaṃ vatthubhāvato, kathāvatthuppakaraṇaṃ saṅkhepena adesayi | mātīkāthapanen'eva ṭhapitassa surālaye, tassa moggaliputtēna vibhatt'assa mahitāle. ||

К. v. p., 12.

¹⁾ Переводы Вильсона, Бюрнуфа, Керна приведены въ Cunningham's Corrigenda etc., стр. 131, Вебера въ Ind. Studien, III стр. 117, 172.

онъ находить назидательнымъ и душеспасительнымъ какъ для монаховъ, такъ и для мірянъ.

Слѣдовалъ ли въ данномъ случаѣ царь тому обычаю, о которомъ говорится въ одномъ болѣе позднемъ юридическомъ памятникѣ? Царю вмѣнялось въ обязанность, упоминаетъ Яжнавалкја, охрана особенностей и обычаевъ — разныхъ общинъ — не только религіозныхъ, но, социальных¹⁾ и, быть можетъ, Асока, высказывая въ посланіи къ магадской общинѣ особливую заботливость о сохраненіи буддійскаго ученія въ его чистотѣ, — исполнять высокій царскій долгъ, предписанный ему туземнымъ обычаемъ, древность котораго неизвѣстна. Быть можетъ, были и другія причины, заставлявшія царя обратиться къ магадской сайгхѣ съ нѣкотораго рода увѣщаніемъ, т. е. тѣ самые безпорядки въ общинѣ, которые, слѣдуя преданію, были поводомъ къ созванію третьяго собора.

Байратскій эдиктъ, не вполне ясный по своей главной цѣли, загадочный по своимъ мотивамъ — любопытенъ по стилю и важенъ для исторіи буддійскихъ литературныхъ произведеній по содержанію. Асока обращается въ немъ къ буддійской общинѣ, и, излагая свою исповѣдь, свои увѣщанія, царь въ своемъ привѣтствіи называетъ эту общину не общиной четырехъ странъ свѣта, и не имени какой-нибудь секты, а секты уже тогда существовали; но, называя себя царемъ Магадскимъ, совершенно очевидно обращается къ сайгхѣ своей страны или той мѣстности, откуда цейлопскій буддизмъ ведетъ свое начало и по имени которой даже языкъ св. писанія именуется магадскимъ словомъ или магадхй.

Между тѣмъ языкъ байратской надписи не есть пали, и сочиненія, упоминаемыя въ ней, не найдены въ палийскомъ канонѣ.

Всякому внимательному читателю, привычному къ буддійскимъ произведеніямъ, совершенно ясно, что многія слова и даже цѣлыя выраженія эдикта какъ бы выхвачены изъ какого либо

¹⁾ Yājñavalkya II, 192.

буддйского памятника. Царь, обращаясь къ буддйской общинѣ, точно не безъ нѣкотораго умысла выбираетъ обороты рѣчи и слова, бывшіе въ обращеніи между буддйскими бхикшу, или же весь эдиктъ былъ сочиненъ и написанъ однимъ изъ нищенствующей братіи—свѣдущимъ въ тогдашней буддйской литературѣ. Стиль буддйскихъ писаній сказывается уже въ начальномъ привѣтствіи царя. Магадскій царь, въ своихъ пожеланіяхъ саягхѣ безболѣзненности и благого житія, говоритъ словами св. писанія буддистовъ, встрѣчающимися на пали и въ санскритѣ¹⁾.

Говоря далѣе о своемъ отношеніи къ Буддхѣ, закону и саягхѣ, царь описываетъ его двумя словами: *golave* (п. *gāgavā*, скр. гаураватā) и *rasāde* (п. *rasādo*, скр. прасāда); и тутъ, опять, онъ прибѣгаетъ къ выраженіямъ изъ буддйскихъ текстовъ, а потому — по всей вѣроятности — уже въ то время бывшимъ въ частомъ обращеніи между буддйскими монахами: словомъ *golave* обозначается въ ихъ теперешней св. писаніи то почтеніе, которое ученикъ долженъ имѣть къ учителю²⁾, а *rasāde* есть вѣра, формулированная въ буддизмѣ такимъ образомъ: увѣренность въ томъ, что господь (т. е. Śākjamuni) есть безусловный Вѣщій, что законъ исходитъ отъ него, имъ разъясненъ, и что саягха, его община — благочестива³⁾.

Выразивъ свою вѣру и почтеніе къ тремъ буддйскимъ драгоценностямъ, Асoka далѣе описываетъ, что такое этотъ законъ, которому онъ вѣритъ: «все изрѣченное господомъ Буддхою — благо», говоритъ онъ; въ буддйскихъ текстахъ читаемъ, въ паралель къ этому выраженію: «все то, что благо сказано, — то слова Буддхы»⁴⁾. Отъ словъ Буддхы онъ отличаетъ *rāmiyāye*

¹⁾ М. v., 237, 21, 26 *यत्थावाधता*, или *वलं सुखस्पर्शविहारता*. Срв. *Petavatthu*, VI. 1. 44, *appabādham phāsuvihāraṇ ca pucchi, Vesaliyo Licchavi aham bhaddante*.

²⁾ См. *Mh. vg.*, стр. 45.

³⁾ А. к. в., л. 292 *त्रिविधशितप्रसादः । सम्यक्संबुद्धो वत भगवा । व्याख्यातो ऽस्य धर्मविनयः । सुप्रतिपन्नो ऽस्य आवकसङ्ग इति ॥*

⁴⁾ *यत्किञ्चिन्मैत्रेय सुभाषितं सर्वं तदुद्भाषितं* С. а., 11.

diseya, то есть, учения авторитетныя, называя ихъ также «благимъ закономъ»; онъ говоритъ, что и этотъ законъ будетъ долго существовать¹⁾).

За общимъ введеніемъ или привѣтствіемъ сайгхи слѣдуетъ главное содержаніе эдикта, то есть перечисленіе нѣсколькихъ буддійскихъ памятниковъ, внимать и запоминать которые, по убѣжденію царя, должны монахи и монахини, міряне и мірянки.

Всѣ эти сочиненія обозначены общимъ терминомъ dhammapaliyāyāni. Бюрнуфъ переводилъ его les sujets qu'embrasse la loi, а Кернъ: religious works. Несомнѣнно, dhammapaliyāyāni тоже, что скр. dhammaparagāya, т. е. слово, нерѣдко попадающееся въ буддійской литературѣ. Въ Mahāvūtpatti (§ 60) имъ обозначаются особенно часто встрѣчающіяся въ буддійскихъ сутрахъ выраженія; и такимъ образомъ можно было бы предполагать, что dhammaparagāya тоже, что синонимическія выраженія въ книгахъ закона, а въ производномъ смыслѣ — предметъ обсуждения или вѣдѣнія, или описанія закона, иначе — религіозныя тезисы²⁾.

¹⁾ Срв. съ этимъ мѣстомъ надписи выраженіе въ М. v., 237, 90 सदमस्य चि-
रस्थितिको भवति.

²⁾ См. также dhammaparagāya, въ Mahāvagga, стр. 40; приводитъ нѣсколь-
ко цитатъ изъ скр. памятниковъ, въ которыхъ значеніе религіознаго тезиса —
вполнѣ неясно:

धार्यत्तराशिसूत्रे ऽपि भगवता अद्वादेयपरिभोगे परिकीर्तिते । अथ तस्यामेव पर्षदि
योगाचाराणां भित्तूणां द्वे शते इमं धर्मपर्यायं श्रुत्वा प्ररूदिते । C. s., 81.

स्थित्युत्पत्तिसन्दर्शनार्थमित्यपर इति । भदत्तश्रोताभः । तदर्थं पर्यायद्वयमाहेति । या-
वत्कारणभोतस्तावत्कार्यभोतो भवतीति ॥ प्रथमेन पर्यायेण कारणस्यैवोत्पादात्कार्य-
मुत्पद्यतइति । द्वितीयेन उत्पादे वधिकृत इति । प्रतीत्यसमुत्पादं वो भित्तवो देशयिष्या-
मीत्यधिकृते ॥ कः प्रसङ्गः कः प्रस्तावः । स्थितिवचनस्यास्मिं सतीदं भवतीत्यनेन याव-
त्कारणभोतस्तिष्ठति तावत्कार्यभोतस्तिष्ठतीति । एवमस्य स्थित्यर्थो वपर्यत इति ॥
A. k. v., 148.

तस्यैवं सर्वपापविशुद्धस्य तत्र च बुद्धा भगवतो मुखान्युपदर्शयन्ति सन्नविमोत्तार्थमेव ।
नानाव्यञ्जनाकारमुपदर्शयन्ति विधातबालपृथग्जनानां परिपाचनाहेतोः ॥ पे ॥ न शक्यं
सर्वथावकप्रत्येकबुद्धनिकायेरापत्तिकौकृत्यस्थानं विशोधयितुं यदोधिस्तत्रस्तेषां बुद्धानां

Сочиненія, поименованныя въ байратской надписи, имѣютъ и другое общее обозначеніе: они называются — *pāmiyaṃ discya*, иными словами — ученія авторитетныя.

Перечень буддійскихъ сочиненій въ эдиктѣ начинается заглавіемъ *vinayasamukase* — не вполне яснымъ; *samukase* толкуется какъ діалектическая форма слова *samutkarsha*, и заглавіе переводится «abstract of the Vinaya»; сочиненіе же почитается тождественнымъ съ Пратимокшей¹⁾. Пійадаси далѣе приводитъ слѣдующія сочиненія: 2) *aliya-vasāni*. Это заглавіе вводитъ насъ въ кругъ вопросовъ, волновавшихъ буддійскую общину въ первые вѣка ея существованія. *Aliya* несомнѣнно тоже, что *āṛya*, и такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ буддійскимъ памятникомъ, то и это выраженіе должно пониматься согласно съ тѣмъ значеніемъ, которое ему дается въ буддійскихъ сочиненіяхъ; *āṛya* — имѣетъ два значенія: этимъ словомъ обозначается или архантъ, т. е. высшая степень святости, или же вообще всѣ степени святости²⁾; послѣднее значеніе, по всей вѣроятности, болѣе древнее, и въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ толковать *aliya* надписи, то есть, въ надписи рѣчь еще шла, по всей вѣроятности, вообще о святомъ; болѣе точныя разграниченія различныхъ степеней святости явилось гораздо позднѣе. Второе слово сложенія или *vasā* — есть тоже, что *vaśīva* или сверхъестественныя силы святыхъ; ихъ насчитываютъ десять; онѣ достигаются на послѣдней высшей ступени

भगवतां नामधेयधारणपरिकीर्तनेन रात्रिर्द्वि त्रिस्त्रिंशदधर्मपर्यायप्रवर्तनेनापत्तिकौ-
कृत्यामिःसर्ति समाधिश्च प्रतिलभते ५. २., 102.

पट्पट्ठो धर्मपर्याय इति । पट्पट्ठान्यस्मिन्निति पट्पट्ठः । आध्यात्मिकवाक्यविज्ञानस्प-
र्शवेदनापट्ठसंभवात् ॥ А. к. в., 151.

¹⁾ См. S. B. of the East, vol. XIII, стр. XXVI.

²⁾ प्रतिनिधिभूतायाः प्राप्तेर्योगात्प्रकृतिस्थोऽप्यर्हन्नायंइत्युच्यते ॥ А. к. в., 70.
प्रक्रीणल्लेशा ग्रार्थाः । यप्रक्रीणल्लेशाः पद्यग्ननाः А. к. в., 71.

святости ¹⁾, или же, по другимъ толкованіямъ, принадлежитъ исключительно бодхисатвамъ, — такъ, покрайней мѣрѣ, онѣ обозначаются въ *Mahāvvyūtpatti*. Можно думать, что *aliya-vasā* въ байратской надписи значить не совсѣмъ то же, что опредѣляется этимъ словомъ въ позднѣйшей буддійской догматикѣ; такъ же точно и приведенныя въ примѣчаніи толкованія, очевидно, поздняго происхожденія, но несомнѣнно, что и въ сочиненіи времени Асоки, судя по совершенно ясному заглавію, рѣчь шла о сверхъестественныхъ силахъ святыхъ; сколько было такихъ силъ, какова ихъ была сущность — все это остается неразъясненнымъ въ надписи.

Смыслъ заглавія третьяго сочиненія также вполне ясенъ: 3) *anāgatabhayaṇi*, иначе — будущія бѣдствія; *bhaya* или бѣдствіе въ буддійскихъ сочиненіяхъ имѣетъ специальное значеніе. Такихъ бѣдствій насчитываютъ или пять, или восемь. Къ числу этихъ страшныхъ бѣдствій, по одному источнику, относится бѣдственное существованіе, безславіе, униженіе въ обществѣ, дурное перерожденіе ²⁾; по другимъ эти бѣдствія суть: болѣзнь, смерть, голодъ, пожаръ, наводненіе, ракшасы, саранча, полевые мыши и т. д. ³⁾. Есть четыре бѣдствія, говорится въ другомъ источникѣ, отъ которыхъ не убѣжишь и не отвратишь ихъ ни силою, ничѣмъ ни заговоришь: ни травами, ни молитвами; эти бѣдствія суть: старость, болѣзнь, смерть, несчастія ⁴⁾.

¹⁾ *आयुष उत्सर्गं यत्प्राप्तकोटिकचतुर्थध्यानलाभिन आयुस्तसर्गवशित्वं । तच्च प्राप्तकोटिकं ध्यानं । मनुष्येष्वेव त्रिषु दीपेषूत्पाद्यते ॥* A. k. v., 267. О десяти *ariya-vāsa* «the ten Noble states» см. The S. B. of East, vol. XIII, 141 прим. 2.

²⁾ *पञ्च भयानि ॥ आजीविकाभयमस्त्रोकभयं । परिषक्कारभयं । दुर्गतिभयं च ॥ तत्रास्त्रोकभयमकीर्तिभयं । परिषक्कारभयं सभायां संकुचित्यं* A. k. v., 193. Въ рук. пропускъ; пятое дѣйствіе не упоминается.

³⁾ *घष्टौ महभयानि । व्याधिर्मरकं दुर्भितोऽपिरुदकं रतः शलभो मूषिकाश्च* N. a. t., тамъ-же *घष्टौ महभयानि । क्रूरिकरिशिखिफणीत्यादि* N. a. t., s. 74.

⁴⁾ *राजाववादकसत्रेऽप्याह । तद्यथा महाराज चतसृभ्यो दिग्भ्यश्चत्वारः पर्वता घाग-च्छेयुर्दृढाः । सारवत्तो ऽखण्डा घच्छिन्ना घसुषिराः सुसंवृता एकघना नभःस्पृशतः पृथिवी-चोऽलिखतः सर्वतृणकाष्ठशाखापर्णपलाशादिसर्वसत्त्वप्राणिभूतानि निर्मद्यस्तस्तेभ्यो न सु-*

Такъ какъ въ упоминаемомъ Асокою сочиненіи рѣчь шла о бѣдствіяхъ въ будущемъ, то, по всей вѣроятности, сказанія о нихъ были эсхатологическаго характера. Сочиненія такого характера извѣстны въ буддійской литературѣ, и одно, именно «Сны царя Кркина», пользовалось, какъ кажется, большою популярностью. О немъ Таранатха¹⁾ рассказываетъ слѣдующее:

«Въ это время съ востока пришелъ арханъ арія Паршва, арханъ, достигшій самой высшей учености, который выдалъ (полученный имъ) отъ нѣкоторыхъ весьма ученыхъ стѣвиръ Авадану Канчанамалавадана, сѹтру, въ которой растолковывается сонъ царя Кркина, и другія весьма рѣдкія книги. Кашмирцы говорятъ, что царь Каннишка, услышавъ объ этомъ, собралъ всѣхъ бикшу въ кашемирскомъ храмѣ Кундала ванавахара, и составилъ третье собраніе Словъ».

Подъ другимъ заглавіемъ сочиненіе подобнаго же содержанія извѣстно также въ палийской редакціи²⁾, которая помѣщена въ сѹттрапитаке, въ отдѣлѣ коментаріевъ на жѣтаки (jātaka-atthavaṇṇaṇa). Санскритская же редакція составляла часть винай-питаки; въ томъ видѣ, въ какомъ эта редакція дошла до насъ — она, конечно, не могла быть извѣстна царю Пиядаси и несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, что явствуетъ изъ толкованія сновъ. «Царь Кркинъ видѣлъ десять сновъ.... и рассказалъ ихъ господу Касрапѣ. Господь растолковалъ ихъ».

Въ нѣкоторыхъ снахъ раскрывались царю событія будущаго, несомнѣнно послѣдовавшія за царствованіемъ Асоки. Такъ онъ

करं जवेन वा पलायितुं बलेन वा द्रव्यमन्त्रौषधिभिर्वा निवर्तयितुमेवमेव महाराज घत्ता-
रीमानि मत्प्रभयान्यागच्छन्ति येषां न सुकरं जवेन वा पलायितुं बलेन द्रव्यमन्त्रौषधिर्वा नि-
वर्तनं कर्तुं । कतमानि चत्तारि । तत्रा व्याधिर्मरणं विपत्तिश्च । तत्रा महाराज घागच्छन्ति
यौवनं प्रमथमाना । व्याधिर्महाराज घागच्छन्त्यारोग्यं प्रमथमानः । मरणमागच्छन्ति जी-
वितं प्रमथमानं । विपत्तिर्महाराजागच्छन्ति सर्वाः संपत्तिः प्रमथमाना ॥ C. २., 123.

¹⁾ Васильевъ, III, 64.

²⁾ См. The Jātaka, vol. 1, стр. 334. Санскритская редакція извѣстна намъ въ краткомъ изложеніи, въ Абхидхармакоса-сѹджатѣ, л. 188.

видѣлъ коронованіе обезьяны, и этотъ сонъ предвѣщаетъ въ будущемъ появленіе верховныхъ владыкъ низкаго происхожденія¹⁾; быть можетъ, въ этомъ эсхатологическомъ видѣніи сохранился полуясный намекъ на завоеваніе Индіи чужеземными народами.

Въ буддійской литературѣ есть и другія эсхатологическія сочиненія, напр. откровенія о послѣднемъ пятидесятилѣтіи въ исторической жизни святой доктрины, когда она станетъ разрушаться, и когда охраненіе адептовъ этого ученія будетъ особенно спасительно для человѣка; охраняя сравака, достойнаго или недостойнаго, человѣкъ будетъ какъ бы себя самого охранять и т. д. Охраняя ученіе, онъ возвеличитъ и свою и чужую страну²⁾.

Одно изъ подобныхъ сочиненій, вѣроятно, разумѣется въ байратской надписи подъ заглавіемъ: «Бѣдствія въ будущемъ».

Въ заглавіи двухъ слѣдующихъ сочиненій опять есть указаніе на вопросы о «святомъ»; четвертое называется: «стихи отшельника»; а пятое — «изрѣченіе о святости»³⁾.

1) तद्यथा कृकीराज्ञा दश स्वप्नान्द्राप्तीत् । भविष्यतोऽर्थस्य निमित्तमात्रमिति । दश स्वप्ना विनये पद्यन्ते । कृकिपा किल राज्ञा दश स्वप्ना दृष्टाः । तेन च ते भगवन्ते काश्यपाय तथागताय निवेदिताः । भगवता च व्याकृताः । मर्कटाभिषेक-स्वप्नेन तच्छ्रावका एव साम्तिकाभिषेका विद्वोरिषु करिष्यन्ति । लोकेऽपि च पशुका अधिराज्यं कारिष्यन्तीत्येतदर्शयति ।

2) C. s., 56 यो मम पश्चिमायां पञ्चाशत्यां वर्तमानायां सद्धर्मनित्रां रत्तति स रत्त-
त्यात्मानं । रत्तति परांश्च रत्तति परलोकं रत्तति मम शासनं आवकां पात्रभूतानपात्र-
भूतां यावत्स्वकं राष्ट्रे परराष्ट्रे च वर्धयति. О разрушеніи закона (saddharma
vipralopa) см. тамъ-же, л. 65.

3) О значеніи *tinī*, *moneyya* см. слѣд. цитаты:
tinimāni bhikkhave moneyyāni. katamāni tīni.
*kāyamoneyyaṃ vacīmoneyyaṃ manomoneyyaṃ, imāni kho bhikkhave tīni mo-
neyyānti.*
*kāyamunip vacāmuniṃ manomuniṃ nāsavaṃ, manumoneyyasampanno āhu nidda-
tapāpakan'ti.* itī v., 64.

त्रोणि मौनेयानीति । मुनिता वा मुनिकर्म वा मौनेयं । मौनत्रयमिति । मुनेरिदं
मौनं । अशेतं कायकर्माविज्ञप्तिस्वभावं कायमौनमेवं वाङ्मौनं । विरमा-
र्थेन च मौनमिति । विर्मो विरतिः । सर्वाकुशलविरमार्थेन मौनमित्यभिप्रायः । अतो

Изъ семи заглавій, приведенныхъ въ надписи, три принадлежатъ къ сочиненіямъ, въ которыхъ, по всей вѣроятности, разсматривался вопросъ о святости и святомъ, т. е. тотъ вопросъ, который разъединялъ буддійскую общину и былъ причиною раскола.

Шестое заглавіе: *upatisapāsine*, то есть, вопросы Упатишја, одного изъ учениковъ Вѣщаго, о которомъ было преданіе, что онъ считался мудрѣйшимъ изъ мудрыхъ¹⁾. Ему въ послѣдствіи приписывалась одна изъ книгъ абхидхармы²⁾. Изъ заглавія сочиненія, приводимаго въ эдиктѣ, нисколько не выясняется его содержаніе, и въ палийскомъ канонѣ неизвѣстно также сочиненіе съ заглавіемъ: «Вопросы Упатишја». Изъ семи заглавій байратской надписи — только одно, самое послѣднее, *lāghulovāde* встречается въ палийскомъ канонѣ.

Въ палийскомъ текстѣ есть нѣсколько сѣтръ подъ заглавіемъ *gāhulovāda*³⁾; но содержаніе ихъ не подходитъ къ тому, о которомъ говорится въ надписи. Ни въ одной изъ этихъ сѣтръ не говорится о лжи, т. е. о томъ, что, судя по выраженіямъ байратской надписи, составляло содержаніе проповѣди Буддхы въ сочиненіи *lāghulovāde*. Самое слово *lāghulo* несомнѣнно близко-родственно слову *gāhula*, или имени сына Вѣщаго, но *lāghulo*, конечно, нельзя производить отъ *gāhulo*, такъ же точно какъ *rāhula* не произошло отъ *lāghulo*. Оба слова — паралельные отпрыски третьяго, еще ненайденнаго въ пали.

मन एव सर्वकुशलेश्यो विरतं मौनमित्युच्यते । सर्वक्लेशव्रतपोपरतेरिति वितथालम्बन
व्रतपनात् क्लेशा व्रत्त्या इत्युच्यते । ते चार्हन्त उपरता इत्यर्हन्परमार्थमुनिः ।
तुष्णीभावमात्रेण शुद्धिदर्शिनो मिथ्यामौनाधिमुक्ताः । कायमलापकर्मणमात्रेण शुद्धि-
दर्शिनो मिथ्याशोचाधिमुक्ताः । तेषां विवेचनं ततो दर्शनात्प्रच्यावचनं А. к. в., 195.

1) ध्वष्यं च सर्वेषां धुद्धानां आचक्युर्गं भवति । एकः प्रज्ञावतामयः । द्वितीय सद्धि-
मती ॥ इह शाक्यमुनेरार्यशारदतीपुत्रः प्रज्ञावतामयः । आर्यो महामौदल्ल्यायन सद्धिम-
ती ॥ А. к. в., 208.

2) Сочиненіе *Śāriputr* называется Дхармаскандха. См. А. к. в., л. 6.

3) Одна изъ сѣтръ: *Rāhulasutta* — въ переводѣ [Фоусбелля напечатана въ *The sacred books of the East*, vol X, стр. 55. Двѣ другія сѣтры *Mahārāhulovāda* и *Caṣārāhulovāda* извѣстны намъ въ рукописи.

Асоки, такимъ образомъ, несомнѣнно былъ извѣстенъ текстъ съ заглавіемъ, сходнымъ съ наименованіемъ нѣкоторыхъ находящихся въ современномъ канонѣ сѹтръ; но сочиненіе это, судя по заглавію, не было, по всей вѣроятности, на языкѣ пали, и его содержаніе значительно отличалось отъ сѹтръ современнаго канона.

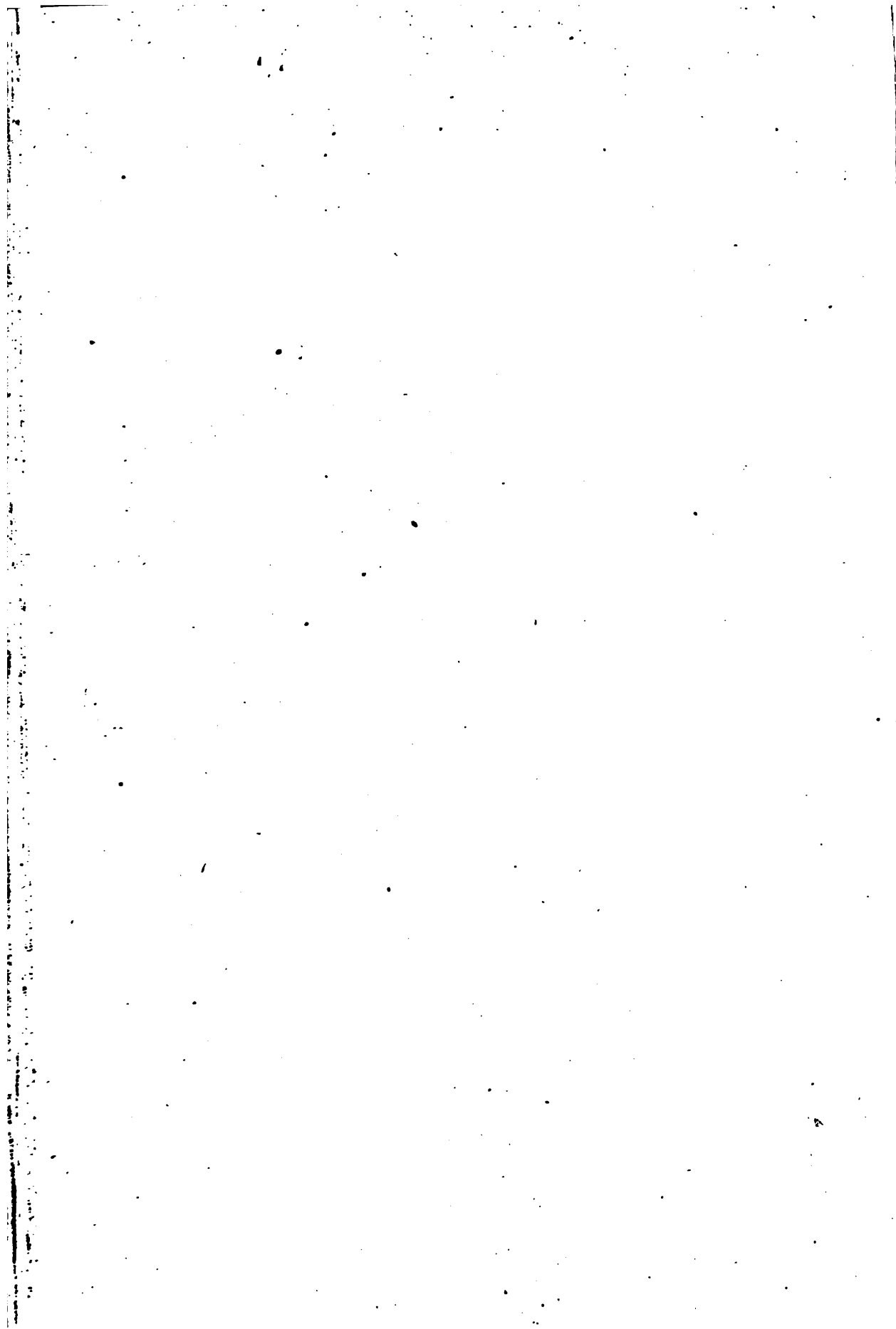
Въ байратской надписи, такимъ образомъ, какъ выше было разъяснено, несомнѣнно есть множество указаній на состояніе буддійской доктрины въ эпоху Асоки Великаго. Онъ рекомендуетъ вѣрующей общинѣ и мірянамъ внимать религіознымъ тезисамъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій, запоминать ихъ; но въ этихъ заглавіяхъ нѣтъ ни малѣйшаго намёка на существованія палийскаго кодекса. Царь рекомендуетъ въ назиданіе вѣрующимъ не три пятаки, а *dhammapaliyāyāni*, и заглавія, коими обозначены эти религіозныя положенія, не извѣстны въ современномъ канонѣ.

Въ Бхархутскомъ памятникѣ, почти современномъ надписи Асоки, въ его образахъ и надписяхъ есть еще большее количество указаній на многостороннее развитіе доктрины въ первыя вѣка послѣ нирваны.

V.

ВХАРХУТСКАЯ СТУПА

1. Открытіе памятника. — 2. Время сооруженія. Предположенія Кеннигэма. —
3. Когда ступа была разрушена? — 4. Географическое положеніе памятника. — 5. Колыбель буддизма. — 6. Буддизмъ въ западной Индіи. — 7. Сношеніе Индіи съ западнымъ міромъ. — 8. Индійскіе пути и постоянные дворы. —
9. Путники у буддійскихъ святынь. — 10. Иллюстраціи сказокъ. — 11. Значеніе жатакъ для буддиста. — 12. Индійскіе паломники. — 13. Хоженіе Госалы. — 14. Хоженіе монаховъ. — 15. Буддизмъ внѣ Индіи.

Последніе годы въ исторіи индійской филологіи были отмѣчены многими весьма важными находками: отысканы рукописи очень древнія, считавшіяся утраченными; приведены въ извѣстность надписи, драгоцѣнныя по своему содержанію; открыты многіе архитектурные памятники и прекрасно описаны. Одно обстоятельное перечисленіе всѣхъ этихъ находокъ заняло бы нѣсколько страницъ, что не входитъ въ задачу настоящей главы, посвященной исключительно общему описанію одной только археологической находки и опредѣленію ея важности по отношенію къ вопросу о началѣ и исторіи па́дійскаго канона. Эта находка сдѣлана была нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ англійскимъ нумизматомъ и археологомъ Кеннингэмомъ.

Памятникъ, открытый и описанный маститымъ англійскимъ археологомъ — единственный въ своемъ родѣ¹⁾. Онъ выдѣляется изъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ нынѣ старо-индійскихъ архитектурныхъ памятниковъ — не своею особливою красотою и изяществомъ, не можетъ почитаться самымъ древнимъ и не поражаетъ грандіозностью замысла и трудностью выполненія, то-есть, именно тѣмъ, что составляетъ наиболѣе характерную черту въ древне-индійской архитектурѣ. Важенъ онъ, — и съ него, быть можетъ, слѣдуетъ начинать изученіе не только буддійской архитектуры, но и буддійской религіи, — потому, что въ его барельефахъ и образахъ мы имѣемъ какъ бы нѣкоторый ключъ къ уразумѣнію

¹⁾ Alexander Cunningham. The Stūpa of Bharhut. London, 1879.

многого, что оставалось до открытія Бхархутской стѣпы совершенно непонятнымъ.

Вся Индія, какъ это давно извѣстно, покрыта архитектурными памятниками древними, болѣе поздними и новыми. Оригинальные по красотѣ и стилю, грандіозные по основному смѣлому замыслу и отчетливому выполнению, эти величавые остатки прошлаго рассказываютъ современнымъ изслѣдователямъ блестящую исторію народнаго творчества на протяженіи двадцати слишкомъ вѣковъ.

Всѣ памятники, за немногими и неважными исключеніями — религіозные. Монолиты, чудовищные въ своихъ размѣрахъ, обращенные въ храмы, монастырскіе чертоги, выдолбленные въ гранитныхъ скалахъ, раскинулись на огромныхъ пространствахъ, или галереями вытянулись на протяженіи нѣсколькихъ верстъ; ихъ стѣны и плафоны, разукрашенные тонкою изящною скульптурою и блестящими фресками, — все это какъ бы правдивая и живая въ своемъ образномъ изложеніи повѣсть о религіозномъ экстазѣ индійскаго народнаго генія, наглядное выраженіе въ гранитѣ благочестиваго подвига, полного самоотреченія, того подвига, что воспѣтъ и прославленъ Индусомъ въ многочисленныхъ сагахъ и легендахъ.

Индусъ, обращавшій скалу въ многоэтажный храмъ, рѣзцемъ испещравшій его стѣны, былъ сынъ того же народа, который умирался и понынѣ умирается житіями своихъ святыхъ, бѣжавшихъ отъ жизни и въ порывѣ безграничнаго милосердія отдававшихъ свое тѣло въ утоленіе голода лѣснаго хищника. Стремленіе къ вѣчному, неопредѣленному ничто или абсолютному духу. Этотъ идеалъ земной дѣятельности человѣка на индійской почвѣ нашелъ себѣ выраженіе не только въ религіозныхъ эпопеяхъ о подвигахъ боговъ и святыхъ: несокрушимая временемъ скала, доломомъ преобразенная въ храмъ, повѣствуетъ о тѣхъ же мысляхъ, о томъ же отрицательномъ отношеніи къ земной юдоли.

Поражая величавостью выполненія, беззавѣтностью подвига строителей, эти памятники важны для историка и въ другомъ

отношеніи. Помимо, быть можетъ, сознательной воли строителей-энтузіастовъ, на памятникахъ, запечатлѣнныхъ идеєю религіознаго экстаза и отрицаніемъ жизни, выразились всѣ мелочи ихъ скорбной обыденной жизни. Ихъ стѣны покрыты надписями, скульптурными украшеніями, живописью, и во всемъ этомъ сохранились не только живыя и образныя представленія о религіи, но и масса мелочныхъ деталей о нравахъ, обычаяхъ и цивилизаціи древнихъ Индусовъ.

Казалось бы, стоило только хорошенько вчитываться да вглядываться, и здѣсь нашлось бы много поучительнаго, много такого, чего не сохранили литературные памятники. Но для разбора этого поучительнаго представлялись трудности не только значительныя, но и весьма часто непреодолимыя. Передъ глазами проносились фигуры, полныя изящества, чудовищные образы, выступали изображенія какихъ-то сценъ, на гранитѣ повѣствовалося о какихъ-то событіяхъ и лицахъ. Но къ уразумѣнію всего этого не было ключа: въ литературныхъ источникахъ изслѣдователь не находилъ поясненія тому, что онъ видѣлъ высѣченнымъ на гранитѣ.

Но вотъ былъ найденъ въ 1874 году памятникъ очень старый, съ массою скульптурныхъ изображеній. И почти на каждомъ изображеніи была пояснительная надпись, вырѣзанная, быть можетъ, самимъ артистомъ. Памятникъ этотъ былъ открытъ Кеннингэмомъ и извѣстенъ подъ именемъ Бхархутской ступы.

Это — компендіумъ буддизма, книга, высѣченная на гранитѣ, правда, безъ многихъ листовъ, съ нѣкоторыми страницами, только отчасти разобранными, — но цѣнность и значеніе книги отъ этого нисколько не умаляются. Уже то, что сохранилось изъ нея и можетъ быть разобрано и истолковано въ настоящее время представляетъ матеріалъ, достаточный для довольно полной картины развитія буддизма въ опредѣленную эпоху. Вмѣстѣ съ успѣхами буддійскихъ изслѣдованій выясняется еще болѣе значительность Кеннингэмовой находки, а пока этотъ памятникъ съ ер-

барельефами и надписями представляется для историка буддизма единственнымъ въ своемъ родѣ.

Какой же этотъ памятникъ, именуемый Бхархутскою стѣпою? Когда онъ былъ сооруженъ и кѣмъ разрушенъ?

Бхархутскій памятникъ принадлежитъ къ разряду буддійскихъ священныхъ сооружений, обыкновенно называемыхъ стѣпами. По своему внѣшнему виду онъ напоминаетъ наши курганы, а по своему назначенію стѣпа была мѣстомъ молитвеннымъ: то былъ громадный алтарь, обнесенный оградой съ роскошными воротами; онъ былъ воздвигнутъ подъ открытымъ небомъ, быть можетъ, надъ какою-либо святынею, или же въ мѣстѣ святѣ по преданію о какомъ-либо чудесномъ дѣяніи кого-нибудь изъ буддійскихъ святыхъ. Почему именно, надъ какою святынею была сооружена Бхархутская стѣпа — вопросъ объ этомъ пока долженъ оставаться непорѣшеннымъ.

Съ внѣшней стороны ограда, колонны вратъ, различные столбы покрыты образами. На гранитныхъ барельефахъ съ пояснительными надписями живописуются и культъ, и буддійская космологія, догматическія представленія о спасителѣ міра, то-есть, о великомъ буддійскомъ Учителѣ, его многовѣковая исторія и т. д.

Ничего неизвѣстно о томъ, кто задумалъ и началъ сооруженіе массивнаго и грандіознаго алтаря; но можно думать, что онъ былъ сооруженъ не съ разу и объ его благолѣпіи и украшеніяхъ заботились многія поколѣнія вѣрующихъ буддистовъ. На основаніи нѣкоторыхъ палеографическихъ данныхъ, Кеннипгэмъ съ большимъ вѣроятіемъ опредѣлилъ начало построенія стѣпы¹⁾.

Палеографическія данныя, не давая вполне точнаго отвѣта на вопросъ о времени первоначальнаго сооруженія, содержатъ, однакоже, нѣсколько весьма важныхъ указаній: статуи и образа, что уже было упомянуто, покрыты надписями; онѣ или поясняютъ зрителю то, что живописуется на камнѣ, или же рассказываютъ

¹⁾ The Stūpa of Bharhut, стр. 15 и слѣд.

о томъ, кто сдѣлалъ приношеніе святому мѣсту. Хронологическихъ датъ въ этихъ надписяхъ нѣтъ, но самаго бѣлаго обозрѣнія ихъ вполне достаточно для того, чтобы прійти къ убѣжденію, что азбука надписей та же самая, что и въ эдиктахъ царя Асоки. Если бы можно было сказать съ нѣкоторою увѣренностью, когда именно эта форма начертанія буквъ вышла изъ употребленія и замѣнилась новою, то, само собою разумѣется, зная таковой фактъ, изслѣдователь былъ бы доставленъ въ возможность опредѣлить съ приблизительною точностью и время бхархутскихъ образовъ.

Кеннингэмъ полагаетъ, что уже за полтораста лѣтъ до Р. Х. въ Индіи вышла изъ общаго употребленія азбука древнѣйшая, временъ Асоки, и появилась новая, видоизмѣненная въ своихъ начертаніяхъ. По своимъ надписямъ образа поэтому должны быть отнесены къ эпохѣ предшествующей, то-есть, по мнѣнію Кеннингэма, ко времени не позднѣе двухсотъ лѣтъ до Р. Х. Строгой точности, несомнѣнно, невозможно, да и не слѣдуетъ искать въ выводахъ, построенныхъ на данныхъ, взятыхъ изъ области индійской палеографіи, до сихъ поръ далеко недостаточно изученной.

Весьма возможно, что знаменитый археологъ и нумизматъ, обозначая съ такою опредѣленностью эпоху начального построенія памятника, впадаетъ въ нѣкоторую ошибку. Стѣпа могла быть сооружена за двѣсти лѣтъ до Р. Х.; но съ такимъ же вѣроятіемъ можно было предположить, что стали ее строить и украшать лѣтъ пятьдесятъ позднѣе; во всякомъ случаѣ, памятникъ существовалъ до Р. Х., и при томъ во времена ближайшія къ царствованію Асоки. Отъ эпохи болѣе поздней и ближайшей къ началу нашей эры имѣются надписи временъ индо-скипскаго владычества въ Индіи. Эти надписи, а также найденныя въ пещерахъ западной Индіи, напримѣръ, въ Насикѣ, въ Карли, въ начертаніяхъ буквъ представляютъ такіа видоизмѣненія азбуки, которыя не встрѣчаются ни въ надписяхъ Асоки, ни въ бхархутскихъ.

Такимъ образомъ, на основаніи соображеній о хронологическомъ отношеніи азбуки бхархутскихъ надписей къ болѣе позднимъ формамъ, можно съ большимъ вѣроятіемъ предполагать, что первоначальное сооруженіе Бхархутской стѣпы имѣло мѣсто не ранѣе двухсотъ лѣтъ до Р. Х. и не позднѣе ста лѣтъ до Р. Х., то-есть, въ промежутокъ времени между эпохой Асоки Великаго и началомъ индо-скпоскаго владычества въ Индіи. Противъ этого предположительнаго опредѣленія эпохи сооруженія стѣпы можно было бы возражать, и дѣйствительно высказывалось одно соображеніе: азбука бхархутскихъ надписей — неоспоримо, та же самая арханчская, что и въ эдиктахъ Асоки; но арханчская азбука временъ великаго покровителя буддизма легко могла получить съ теченіемъ времени какъ бы священный характеръ и употребляться въ силу этого въ надписяхъ священныхъ мѣстъ даже послѣ того, какъ въ жизни ее замѣнила иная, видоизмѣненная начертанія.

Само собою разумѣется, разъ будетъ доказано, что арханчская азбука, которою писаны бхархутскія надписи, имѣла священный характеръ, и что ея употребленіе для надписей въ молитвенныхъ мѣстахъ почиталось благоприличнымъ и, быть можетъ даже, въ нѣкоторыхъ странахъ и въ извѣстную эпоху безусловно необходимымъ, — тогда палеографическія данныя утрачиваютъ всякое значеніе въ разсматриваемомъ вопросѣ о времени первоначальнаго сооруженія Бхархутской стѣпы.

Но ни такой характеръ арханчской азбуки, ни, тѣмъ болѣе, такое употребленіе ея во времена послѣдующія за эпохой Асоки не доказаны: фактовъ, подтверждающихъ предположеніе объ употребленіи азбуки временъ Асоки, какъ священной въ молитвенныхъ мѣстахъ въ періодъ поздній, не приведено, ибо пока они не извѣстны.

Надписи въ Бхархутѣ, очевидно, не были начертаны ради украшенія: ихъ цѣль была практическая — или пояснить зрителю содержаніе образа, или же прославить между молещиками имя того, кто сдѣлалъ посильный вкладъ святому мѣсту. Неесте-

ственно думать, чтобы кто-либо, преслѣдуя такую чисто-практическую цѣль, обратился къ азбукѣ арханческой, уже выпавшей изъ общаго употребленія, а потому и непонятной большинству; надписи сочинялись на языкѣ, понятномъ массѣ, и, конечно, изсѣкавшій едва ли могъ стараться о томъ, чтобы скрыть общедоступный смыслъ подъ полузабытыми или совершенно забытыми начертаніями.

Но здѣсь совершенно естественно можетъ возникнуть вопросъ: въ тѣ отдаленныя времена въ Индіи могла ли существовать такая практическая необходимость? Имѣли ли въ виду бхархутскія надписи массу приходившихъ поклоняться святымъ? Для нихъ ли онѣ были начертаны?

Преслѣдованіе такой цѣли предполагаетъ значительное распространеніе грамотности въ народѣ. Одно существованіе эдиктовъ Асоки, наставленій, обращенныхъ къ народу, уже должно было рѣшать эти вопросы въ положительномъ смыслѣ.

Болѣе новыя открытія Кеннингэма еще убѣдительнѣе доказываютъ распространеніе грамотности въ древней Индіи. Около Буддха-Ган, въ Матхурѣ были найдены столбы, отиѣченные буквами; буквы эти были знаками для каменщиковъ, указаніями для распредѣленія столбовъ въ извѣстномъ порядкѣ. Очевидно отсюда, что грамотность была распространена среди каменщиковъ, принадлежавшихъ въ социальномъ строѣ древней Индіи къ подонкамъ общества¹⁾. Если же каменщики въ древней Индіи умѣли читать, то начертавшіе надписи на бхархутскихъ образахъ смѣло могъ рассчитывать на современныхъ ему читателей, принадлежавшихъ къ болѣе высокимъ кастамъ. Для нихъ онъ и дѣлалъ на образахъ пояснительныя приписки; чертилъ ихъ на языкѣ своего времени, и азбукою, бывшею въ то время въ обращеніи.

¹⁾ Bühler, въ *The J. of R. As. Soc.*, vol. XIV, стр. 339; Cunningham, *Archaeol. Survey*, III, 21.

Святое сооруженіе пережило однакоже первое поколѣніе своихъ строителей, тѣхъ; кто украшалъ разнообразно величественный алтарь образами и другими священными принадлежностями. Мѣсто свято продолжало существовать въ продолженіе многихъ столѣтій; десятки послѣдующихъ поколѣній вѣрующихъ молились образамъ даже послѣ того, какъ архаическая азбука ихъ пояснительныхъ надписей вышла изъ общаго употребленія и стала для большинства, быть можетъ, совершенно непонятною. Но не таковою, конечно, она была въ началѣ, когда артистъ писалъ на образѣ поясненіе своему созданію.

Бхархутская ступа, начавшая строиться во второмъ вѣкѣ до Р. Х., существовала и украшалась въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Буддизмъ держался тутъ болѣе тысячи лѣтъ. Вмѣстѣ съ древнимъ сооруженіемъ, въ томъ же мѣстѣ открытъ средне-вѣковой буддійскій храмъ съ колоссальною статуей Буддхы и другими меньшими изображеніями. По стилю архитектуры храмъ можетъ быть отнесенъ съ большимъ вѣроятіемъ къ началу XI вѣка по Р. Х.

О времени разрушенія Бхархутской ступы ничего неизвѣстно. Невѣдомо, кто разрушилъ святыню: побывалъ ли здѣсь мусульманинъ или иной какой врагъ положилъ конецъ буддійской святынѣ, или же святыня, оставленная вѣрующими, постепенно и мало по малу приходила въ запустѣніе? Обо всемъ этомъ ни преданіе, ни исторія не сохранили извѣстій.

О времени разрушенія сосѣднихъ буддійскихъ святынь, на-примѣръ, Бхилсы, есть болѣе или менѣе достовѣрные извѣстія, и совершенно невѣроятно, чтобы Бхархутъ пережилъ ихъ долгое время.

Въ XIII вѣкѣ Бхилса разорялась мусульманами нѣсколько разъ: въ 1234 делгійскій султанъ Шамсъ-уддинъ послалъ свои войска въ Малву; городъ и крѣпость Бхилса были взяты и разрушены; не пощажены были и святыни. Той же участи подвергся городъ Ужжайни. Отсюда мусульмане вывезли множество священныхъ изображеній: каменную статую бога Махакалы,

статую знаменитаго царя Викрамадитьи. Множество мѣдныхъ истукановъ было свезено въ Делги.

Въ концѣ XIII вѣка Бхилса разоряется мусульманами еще разъ. Отсюда Ала-уддинъ награбилъ и свезъ въ Делги многое множество бронзовыхъ статуй. Въ Делги правовѣрные попирали ногами бѣдусскія святыни.

Этотъ походъ, по словамъ историка мусульманина, былъ ужасенъ для Индусовъ: Ала-уддинъ шелъ въ сады Берара, окрашивая землю кровью; жители при его приближеніи хоронились и прятались какъ муравьи въ землю. Онъ расчистилъ себѣ путь въ Ужжаини, не падалъ святынь, разыскивая ихъ всюду; вытаскивалъ спрятанныхъ идоловъ со дна рѣки, и предавалъ ихъ поруганію. Наполнивъ ужасомъ всю страну, онъ покорила ее своей власті¹⁾.

Въ одинъ изъ этихъ ужасныхъ набѣговъ, вѣроятно, очередь дошла и до Бхархута: точно такъ же, какъ въ Ужжаини или въ Бхилсѣ, и здѣсь похозяинничалъ мусульманскій фанатизмъ. Время завершило остальное: отъ нѣкогда богатаго монастыря остались разграбленная стѣпа да полуразрушенная часовня.

Бхархутская стѣпа находится почти на полпути между Алахабадомъ и Жабалпуромъ, въ 120 миляхъ на юго-западъ отъ перваго и въ 112 миляхъ отъ послѣдняго города; стѣпа расположена въ двухъ миляхъ къ востоку отъ желѣзной дороги, между двумя станціями: Сатна и Учахара²⁾.

Мѣстное преданіе утверждаетъ, что нѣкогда здѣсь стоялъ большой городъ; мѣстные жители называютъ его Бхайронпуромъ. По ихъ словамъ, онъ простирался на двѣнадцать косъ, то-есть, приблизительно на 24 англ. мили; даже теперешняя станція Учахара входила въ составъ этого стараго города, такъ

¹⁾ *Elliot, History*, II, 328, III, 148, 543.

²⁾ *Cunningham, The Stūpa of Bharhut*, стр. 1 и сл. Историко-географическія разысканія автора изложены на стр. 2. Мы не касаемся ихъ здѣсь. *Archaeol. Survey*, vol. IX, стр. 2.

же какъ и всѣ окружающія въ настоящее время ступу деревни были кварталами и частями исчезнувшаго города.

Мѣстные жители въ доказательство правдивости преданія указываютъ нагромадные кирпичи, разсыянные всюду въ этой мѣстности. Кирпичи по своимъ размѣрамъ показались и Кеннингэму стариннаго происхожденія. Онъ отмѣчаетъ, что вся почва вокругъ ступы, на протяженіи по крайней мѣрѣ одной мили въ длину и околуполила въ ширину, покрыта изломанными кирпичами и горшечными осколками.

Существованіе въ древности многихъ сооружений вокругъ ступы не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но о древней географіи этой части Индіи, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Кеннингэмъ, — извѣстно мало, а потому въ настоящее время, при наличномъ количествѣ историко-географическихъ свѣдѣній, всякая попытка отождествлять Бхархутъ или Бхайронпуръ съ какимъ-либо мѣстомъ, упоминаемымъ у старинныхъ писателей, будетъ большою смѣлостью и можетъ показаться бесполезною.

При взглядѣ на карту бросается въ глаза одно весьма важное обстоятельство: развалины находятся какъ бы въ центральномъ пунктѣ цѣлой серіи буддійскихъ святынь. Въ неравномѣрномъ разстояніи отъ Бхархута расположены Ужжани, Бхилса, Сайчи, Матхура, Каусамбѣ, Пайтанъ; къ юго-западу на сотни миль тянутся группы пещерныхъ храмовъ и монастырей, — все мѣста, знаменитыя въ буддійской исторіи.

Находясь въ кругу буддійскихъ знаменитыхъ святынь, эта ступа, расположенная въ узкой долинѣ р. Махіаръ, была выстроена на мѣстѣ бойкомъ: извѣстно, что торговый путь отъ Борюгазы къ Паталипутрѣ лежалъ на Ужжани. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этою-то большою дорогой, по которой слѣдовали караваны съ товарами дальнихъ сѣверо-восточныхъ странъ для не менѣе отдаленнаго запада, приютился подъ открытымъ небомъ, на глазахъ у всѣхъ, Бхархутскій алтарь, разукрашенный массою образовъ съ пояснительными надписями. Эти толкованія на образахъ были тутъ точно для того, чтобы всякій прохожій могъ по-

нимать содержаніе живописуемаго. Барельефы служили какъ бы наглядною проповѣдью для всего этого люда, слѣдовавшаго съ кптайскими шелками и индійскими драгоцѣнностями къ Борюгазѣ или другимъ пристанямъ, торговавшимъ съ западнымъ міромъ.

Буддизмъ, однакоже, не здѣсь имѣлъ свою колыбель, хотя именно тутъ, въ древней странѣ Аванти и южнѣе, въ странѣ Махараштра, сохранились во множествѣ образцы стариннаго архитектурнаго творчества, памятники, выдающіеся по красотѣ и изяществу выполненія. Когда же пришли сюда буддисты, называвшіе себя въ древности сакійскими сынами?

Сага о земной жизни буддійскаго Первоучителя локализовалась въ восточномъ Индустанѣ. Онъ родился гдѣ-то въ сѣверномъ Аудѣ, въ мѣстѣ, опредѣлить которое по сіе время тщетно пытаются археологи¹⁾; въ Бихарѣ, подъ святымъ древомъ *figus religiosa*, онъ достигъ всевѣдѣнія, въ той самой Буддха-Гаѣ, куда нынѣ стекаются правовѣрные Индусы свершать поминки по умершимъ родичамъ. Проповѣдникомъ онъ впервые выступилъ въ Бенаресѣ, городѣ святомъ у Индусовъ, о которомъ, какъ въ древности, такъ и въ наши дни, говорится: «Варанаси — убѣжище всѣмъ тѣмъ, кому нигде нѣтъ дороги». Умеръ Учитель также въ сѣверо-восточномъ Индустанѣ.

Мѣста эти буддистами почитались и почитаются святыми. Паломничество къ нимъ есть великій религіозный подвигъ. Умершему на пути туда обѣщается завидный удѣлъ въ загробной жизни: онъ станетъ участникомъ небеснаго блаженства²⁾.

Аскеты, которые, покинувъ свои дома и мірскую жизнь, пошли во слѣдъ за великимъ учителемъ, называли себя «сакійскими сынами», а своего учителя «мудрецомъ изъ роду Сакьевъ», Сакьямуни. Его выдающіеся ученики принадлежали также къ тому же племени Сакьевъ. Но мало того: не только его послѣдователи на-

¹⁾ См. Archaeological Survey of India, vol. XII, стр. 108 и слѣд.

²⁾ Mahāparinibbānasutta, стр. 51.

зывались сынами śākīскими, но и проповѣданный имъ законъ— śākīскимъ¹⁾.

Такимъ рисуется буддійское движеніе и религія въ легендахъ несомнѣнно древнѣйшихъ.

Исторія учительской дѣятельности мудреца изъ роду Śākьевъ, по этимъ древнимъ сказаніямъ, начинается съ момента его прозрѣнія: свершилось нѣчто необычайное,—простой смертный, царевичъ, бѣжавшій изъ отчужденнаго дому, сталъ, вслѣдствіе какого-то чуднаго, мистическаго процесса, вѣщимъ, обладателемъ чотырехъ святыхъ истинъ: онъ постигъ, что жизнь исполнена скорби, и скорбь жизни постоянно растетъ; но есть и выходъ изъ «кола рожденій», есть путь къ успокоенію.

Все это узналъ мудрецъ изъ роду Śākьевъ. По представленіямъ древней общины, ставъ вѣщимъ, онъ не пересталъ быть человѣкомъ, не оставилъ всѣхъ человѣческихъ слабостей.

Тотъ, кто вѣдалъ путь ко спасенію, колебался его возвѣстить народу; люди казались ему страстными, объатыми тьмою невѣдѣнія; онъ отчаявался въ нихъ, думая, что его высокаго закона они не поймутъ: въ немъ зародилось нежеланіе идти въ міръ, возвѣщать ему спасительныя истины.

Богъ Брахма, по легендѣ, является мудрецу. «Въ странѣ Магадской», говоритъ богъ,—«появился законъ грѣховный, нечистыми измышленный». Проповѣдывать нужно было, и первымъ поводомъ, повудительнымъ, является состояніе Магадской страны. Въ Магадѣ онъ нашелъ первыхъ адептовъ, и тутъ же раздался первый ропотъ противъ строгаго аскетизма²⁾.

Словомъ, во всемъ этомъ мы имѣемъ черты, рисующія намъ мѣстное религіозное движеніе въ глубинѣ восточнаго Индустана, одну изъ тѣхъ проповѣдей, которыми Индія всегда была богата.

Казалось бы, въ этихъ мѣстахъ и слѣдовало искать древнѣйшихъ памятниковъ той религіи, которая, спустя нѣсколько сотъ

¹⁾ Mahāvagga, стр. 71.

²⁾ Тамъ-же, стр. 5, 43.

лѣтъ, стала первою по времени вселенскою религіею. А между тѣмъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ пещеръ около Гаи да обломковъ и развалинъ колоннъ и оградъ, найденныхъ тамъ же, все, что осталось въ этихъ мѣстахъ, принадлежитъ гораздо позднейшей эпохѣ.

На западѣ, или въ странахъ, сопредѣльныхъ съ Гиндукушемъ, или въ мѣстахъ, ближайшихъ къ портамъ, торговавшимъ съ Европою, находятся во множествѣ наиболѣе старые архитектурные памятники буддійской религіи.

Быть можетъ, даже такая высокая оцѣнка хожденія къ четыремъ вышеупомянутымъ святымъ мѣстамъ, о чемъ сейчасъ было говорено, явилась въ общинѣ послѣ того, какъ она заняла территорію обширную и удаленную отъ странъ Магадской и Сакійской, то-есть, отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ была ея колыбель.

Можно было бы думать, что буддизмъ весьма рано исчезъ изъ этихъ мѣстъ и явился позднѣе, въ пору своего полного развитія, о чемъ свидѣлствуютъ поздніе памятники, въ развалинахъ находимые около Буддха-Гаи, Наланды и во многихъ другихъ мѣстахъ. И не подлежитъ сомнѣнію, что въ древности, въ эпоху своего зачатія, въ странѣ Магадской, буддизмъ былъ со-всѣмъ инымъ, не тѣмъ, какимъ онъ является въ величественныхъ западныхъ памятникахъ.

Въ Бихарѣ буддійская община еще называется сакійскою; ее составляютъ главнымъ образомъ сакійскіе сыны: ея родоначальникъ — мудрецъ изъ роду Сакіевъ. На западѣ въ многочисленныхъ надписяхъ та же община именуется уже вселенскою. Вселенской общинѣ приносятъ дары не сакійцы только, но и многочисленные вѣрующіе изъ разныхъ странъ Индіи, и даже вѣрующіе изъ народа Яванъ, то-есть, изъ Грековъ пекутся о благолѣпіи буддійскихъ храмовъ¹⁾. Весьма важно было бы опредѣ-

¹⁾ См. *Inscriptions from the Cave-temples of W. India*, а также надписи въ *The Bhilsá-topes*. Вселенская сайгха отлична отъ помѣстной, что ясно разни-

лить, когда и вслѣдствіе какихъ причинъ появились буддисты въ этихъ мѣстахъ западной Индіи?

Выше было сказано, что древнѣйшіе архитектурные памятники въ западной Индіи относятся ко времени за 200 — 100 лѣтъ до Р. Х.

Очевидно, буддизмъ появился въ западной Индіи до этой эпохи; быть можетъ, первымъ поводомъ къ расселенію буддійскихъ аскетовъ были тѣ раздоры въ общинѣ, о которыхъ говоритъ старое буддійское преданіе или эмиграція śākiyцевъ изъ странъ пригималайскихъ въ страну Аванти, о чемъ утверждаетъ болѣе позднее преданіе¹⁾. Какъ бы то ни было, буддизмъ явился здѣсь ранѣе двухсотъ лѣтъ до Р. Х., то-есть, ранѣе тѣхъ грандіозныхъ памятниковъ, въ надписяхъ и образахъ которыхъ мы имѣемъ его первыя заявленія міровыхъ задачъ.

Здѣсь, въ западной Индіи, въ горахъ, вмѣстѣ съ появленіемъ буддистовъ начинаютъ созидаться не скромныя пещерныя жилища для отшельниковъ, что еще находимъ въ Бихарѣ, а величественныя храмы. Въ храмахъ и ступахъ на образахъ не только рассказываются легенды о жизни śākiysкаго мудреца, но и живописуется міровое бытіе Спасителя, какъ, напр., въ Бхархутѣ. Хранительницею ученія является здѣсь не община śākiysкихъ сыновъ, но саи́гха четырехъ странъ свѣта, иными сло-

чается въ приводимой цитатѣ, гдѣ воспрещается имущество помѣстной сангхи не различать отъ достоинства вселенской и наоборотъ. *Q. a., л. 37.*

न क्वचिद्वस्तुनि ऐश्वर्यसञ्ज्ञेत्पादयितव्या । कियत्परीतमपि कार्यं सङ्गमतेन कर्तव्यं न स्वमतेन । यावन्न साङ्घिक्यातुर्दिशसाङ्घिकेन संसृष्टः कर्तव्यः । एवं विर्षयपादेवं स्तोपिकेन सङ्गान्योन्यसंसर्गप्रतिषेधः ।

¹⁾ Преданіе это приводится въ Bodhivaṃso (рукопись). Мать Махинды называется śākiyānī. Асока женился на ней въ городѣ Veṭṭhisa, гдѣ было мѣстопробываніе śākiyцевъ, бѣжавшихъ отъ Viḍḍabha.

(Bodhivaṃso, л. 55, viḍḍabhabbhayaġatānaṃ śākiyānaṃ āvāsaṃ veṭṭhisaṃ nāma nagaraṃ patvā... etc.)

О погромѣ śākiyцевъ рассказывается въ bhaddasālaġātaka, л. 54).

Въ А. к. в. л. 208 упоминается о śākiyцахъ, бѣжавшихъ отъ Вирѣдхакки въ гдѣсь.

вами — вселенская буддiйская церковь, объемлющая въ себѣ не только пищенствующую мѣстную братію, но и святыхъ и чудотворцевъ изъ всѣхъ индiйскихъ и многихъ не индiйскихъ народовъ. Дары вселенской общины приносятся съ цѣлью спасти весь міръ¹⁾, а не въ эгоистическомъ попеченіи о личномъ блаженствѣ.

Буддiйская община, носительница идеи о вселенскомъ общеніи, въ западной Индіи очутилась на рубежѣ двухъ міровъ: она стала лицомъ къ лицу съ западомъ, приходившимъ сюда исключительно за земными богатствами. Историко-географическія условія, среди которыхъ началась новая жизнь буддiйской сангхи, должны были во многомъ способствовать успѣхамъ и развитію духа вольнаго и невольнаго, несознательнаго прозелитизма, отличавшаго буддизмъ издревле.

Сношенія западныхъ странъ съ Индіей начались за долго до появленія буддизма въ центральной Индіи и въ Махратской странѣ. Начиная съ эпохи Финикiянъ, приходившихъ сюда «по злато» и вывозившихъ изъ Индіи и зубы слоновъ, и піеики, и павы, и камень точеное и тесаное, молва объ Индіи богатой была распространена на западѣ. Исторія индiйской торговли съ западнымъ міромъ поучительна во многихъ отношеніяхъ. Путемъ торговыхъ

¹⁾ См. Archaeological Survey of W. I. vol. IV., *Kuda inscr.*, № 7 или *ibid.*, vol. V, Kanhere inscr. № 9. и срв. о буддiйской молитвѣ сказанное въ Ç. s., т. 200. कथितं चार्घ्यं तन्मेघे स तथागतचेत्ये वा तथागतविग्रहे वा पुष्पं वा धूपं वा गन्धं वा दहन्सर्वसत्त्वानां दौःशील्यदैर्गन्ध्यमलापनयनाय तथागतशीलप्रतिलभाय च परिणामयति ...

स पुष्पच्छत्रमारोपयन् सर्वसत्त्वानां सर्वलेशपरिदारुविगमाय परिणामयति । स विकारं प्रविशन्नेवञ्चित्तमुत्पादयति । सर्वसत्त्वान्निवार्युपरं प्रविशयेयं । स निष्कमन्नेवञ्चित्तमुत्पादयति । सर्वसत्त्वां संसारचारकान्निष्क्रामयेयं । स लयनद्वारमुद्घाटयन्नेवञ्चित्तमुत्पादयति । सर्वसत्त्वानां लोकोत्तरेण ज्ञानेन निर्वाणसुगतिद्वारमुद्घाटयेयं । स निषीदन्नेवञ्चित्तमुत्पादयति । सर्वसत्त्वां बोधिमण्डे निषादयेयं । स दक्षिणेन पार्श्वेन शय्यां कल्पयन्नेवञ्चित्तमुत्पादयति । सर्वसत्त्वान्नेवपरिणिर्वापयेयं । सर्वा कायावस्थां सर्वसत्त्वहितसुखाय परिणामयति । तथागतचेत्यं वन्दमान एवञ्चित्तमुत्पादयति । सर्वसत्त्वा वन्दनीया भवन्तु सदेवकस्य लोकस्येति ॥

сношеній, есть основаніе думать, происходилъ между востокомъ и западомъ не только обмѣнъ естественныхъ богатствъ, но и умственного достоянія.

Въ эпоху, ближайшую къ началу процвѣтанія буддизма въ западной Индіи, міровая торговля была въ рукахъ Римлянъ, и изъ индійскихъ портовъ особенно выдавалась Борюгаза или Бхарукатча. Сюда стекались товары со всѣхъ сторонъ; сюда приходили корабли изъ Краснаго моря, изъ Персидскаго и Бенгальскаго заливовъ; вверхъ по Инду поднимались внутрь страны также суда съ товарами; сухимъ путемъ, съ сѣверо-запада, до Борюгазы заходили товары изъ Китая и другихъ странъ сѣверной Азіи. Они шли, по всей вѣроятности, двоякимъ путемъ, но въ томъ и другомъ случаѣ дорогами, пролежавшими въ ближайшемъ разстояніи отъ буддійскихъ святынь: или отъ Окса черезъ Гиндукушъ и Пенжабъ, или черезъ Тибетскіе перевалы къ Паталипутрѣ на берегахъ Гайга и оттуда далѣе къ Борюгазѣ. Товары поднимались на судахъ по Инду или Гайгу; у Гиндукушскихъ переваловъ ихъ перекладывали на вычныхъ животныхъ, сплавляли далѣе по Оксу въ Каспійское море, а тамъ торговые караваны были уже у вратъ Европы. О томъ, какъ римскіе караваны ходили въ Китай, извѣстно изъ Птолемея: они слѣдовали отъ береговъ Евфрата къ югу отъ Каспійскаго моря въ Бактріану. Въ Бактрѣ происходила продолжительная остановка: римскіе караваны соединялись съ приходившими изъ Индіи. Отсюда товары слѣдовали далѣе на востокъ къ *λίθινος πύργος*, то-есть, быть можетъ, теперешнему Ташкургану. Здѣсь происходила другая остановка: купцы приходили въ соглашеніе съ тѣми полуварварскими народами, черезъ территоріи которыхъ лежалъ дальнѣйшій путь въ Китай. Изъ Хорассана къ Оксу и далѣе отъ Бактры тѣмъ же путемъ на востокъ слѣдовали персидскіе купцы.

Въ Индіи по большимъ дорогамъ, а значитъ и по той, которая тянулась отъ Борюгазы черезъ Ужжани на сѣверо-западъ къ Гиндукушскимъ переваламъ, были настроены постоянные дво-

ры¹⁾. По древнѣйшимъ извѣстіямъ, страннопріимный домъ въ городѣ строилъ самъ царь передъ своимъ дворцомъ. Здѣсь странники находили ложе, пищу и питье. Дома не назначались исключительно для брахмановъ, хотя, быть можетъ, они пользовались тамъ нѣкоторымъ преимуществомъ; ихъ врата были открыты для всѣхъ странниковъ, и, само собою разумѣется, буддійскіе монахи тоже забирались туда. Караваны двигались медленно, съ многочисленными остановками. Торговцамъ, если только они пускались внутрь страны, было полное раздолье присматриваться къ чужой жизни и ея диковинамъ. Товары закупались, конечно, главнымъ образомъ въ портахъ, и туда они свозились; но есть вѣроятность, что купля производилась и на ярмаркахъ²⁾, устранившихся у разныхъ святыхъ мѣстъ въ дни праздничные. И любой торговецъ съ запада легко могъ побывать у многихъ буддійскихъ святынь; насмотрѣться на тѣ блестящія торжества, описанныя въ многочисленныхъ буддійскихъ легендахъ и у болѣе позднихъ китайскихъ путешественниковъ; иной могъ присутствовать на праздникѣ святой чаши буддійскаго Граля, увидѣть святыню въ процессіи подѣ блестящимъ балдахиномъ, послушаться рассказовъ о чудесахъ, творимыхъ ею³⁾; другой случайно могъ попасть на другое празднество въ Карлійскій храмъ, горній чертогъ, высочайшій во всей Индіи⁴⁾, одинъ изъ тѣхъ храмовъ, отъ величавой красоты которыхъ приходилъ въ умиленіе даже благочестивый англиканскій

¹⁾ Объ индійскихъ постоялыхъ дворахъ есть извѣстія не только у арабскихъ путешественниковъ, см. Reinaud, Relation etc. I, 134, но и въ туземныхъ памятникахъ, а также въ надписяхъ. См. *Âp. Dh. a. II. 10, 25, 4* и сл., *Данамаѣѹкха*, стр. 134. *Даначандрика*, стр. 45, 196, 198. *Нирѣѣасиндху*, стр. 411. *Âvasatha* упоминается въ *пратимокшѣ*. См. *пратимокша сѹтра*, стр. 14, 88. Срв. *S. B. of the East*, vol. XIII, 88.

²⁾ О нихъ говорится въ надписяхъ Асоки. См. Bühler, въ *Z. D. M. G.* XXXVII, 93.

³⁾ Описаніе праздника чаши и торжественной процессіи находится въ *Rasavahini*. См. приложение А.

⁴⁾ Такъ онъ именуется въ надписи, находящейся у входныхъ вратъ. См. *Archaeological Survey of W. I.*, vol. IV, стр. 90, pl. XLVII.

епископъ¹⁾). Наконецъ, легко могло случиться, что какой-нибудь торговый человекъ въ день праздничный могъ зайти и въ Бхархутъ. И увидѣлъ бы онъ, какъ кругомъ стѣны толпились молящики съ цвѣтами, возносились благоуханныя куренія, сладкозвучное, нѣсколько протяжное пѣніе въ носъ раздавалось у разныхъ алтарей. Со всѣхъ сторонъ на него глядѣли лжи: передъ нимъ развертывалась въ образахъ самая пестрая и разнообразная эпопея, исполненная невѣроятныхъ контрастовъ. Онъ увидѣлъ бы во-очію и небо, и земную жизнь Учителя, и многочисленныя иллюстраціи къ животному эносу. Надъ всѣмъ этимъ пестрымъ содержаніемъ господствовало одно представленіе — идея Спасителя міра, надъ брешными останками котораго воздвигнуть былъ грандіозный алтарь.

Какихъ занимательныхъ и куріозныхъ рассказовъ онъ могъ наслушаться здѣсь, присматриваясь къ образамъ, подъ руководствомъ какого-нибудь свѣдущаго проводника! Въ буддійскихъ текстахъ есть прямые указанія на то, что въ монастыряхъ существовали особые чины, на обязанностяхъ которыхъ лежало растолковывать мірянамъ значеніе образовъ²⁾). Вотъ, на одномъ барельефѣ живописуется сказка о томъ, какъ царь фламенго искалъ супруга для своей дочери. Сошлись къ нему всѣ пернатые, въ томъ числѣ и блестящій павлинь. Полюбился павлинь царской дочкѣ, и выбрала она его въ супруги. Но бракъ не состоялся: павлинь вздумалъ показать себя во всемъ блескѣ, распустилъ свои перья и сталъ плясать передъ отцомъ нареченной; какъ-то неловко повернувшись, женихъ оскорбилъ чувство стыдливости своего будущаго тестя. И отвергъ царь фламенго блестящаго павлина:

«Поешь ты сладко, блестяща твоя синна, жерила цвѣтомъ

¹⁾ *Reginald Heber, Narrative of a Journey etc., vol. III, стр. 98.*

²⁾ *Divyāvadāna. См. сообщеніе проф. Кауэля въ книгѣ Meiss, Early Law and Custom, стр. 50.*

сіяетъ твоя шея, и перья въ сажень длиною; но за пляску не отдамъ тебѣ дочери»¹⁾).

Почти рядомъ съ этимъ образомъ, на другомъ изображенъ пѣтухъ, сидящій на деревѣ, а внизу начерчена кошка: она присѣла внизу, подъ деревомъ, подняла голову на пѣтуха, то-есть, какъ бы разговариваетъ съ нимъ. Передъ зрителемъ изображенъ діалогъ кошки и пѣтуха. Кошка льститъ и соблазняетъ пѣтуха. Она говоритъ:

«Въ нестрыя перышки покрытъ, о птичка съ нависшимъ гребешкомъ, сойди съ вѣточки, женою тебѣ буду безвозмездно»!

На это пѣтухъ отвѣчалъ: «Красавица, вѣдь ты четвероногая, а я, прелестная, двуногій! Звѣри и птицы не соединяются: пойду другую какую-нибудь»!

Но кошка не унималась.

«Буду тебѣ дѣвственною супругою съ ласковымъ словомъ, стану сладко говорить. Возьми меня (не для грѣшнаго, а) для святаго дѣла. Пожелаешь, такъ рабынею провозгласи».

Не сдался и тутъ пѣтухъ: «Птицъ ты пожираешь», отвѣчалъ онъ прелестницѣ: — «кровопійца, воровка, куръ ты дерешь! Не для святаго дѣла меня въ супруги ты возбуждаешь»²⁾).

При видѣ этихъ и другихъ подобныхъ иллюстрацій къ сказкамъ и баснямъ, всякій зритель совершенно естественно могъ спросить: какъ и почему онѣ попали сюда, въ мѣсто молитвенное? Что назидательнаго въ ихъ содержаніи, и почему онѣ достойны украшать сооруженія, воздвигнутыя надъ святынею?

Дѣйствительно, что могли говорить религіозному чувству, или какъ дѣйствовать на религіозное настроеніе эти образы, на одномъ изъ которыхъ, распутивъ свои перья, пляшетъ павлинъ, а на другихъ кошка ухищряется, какъ бы ей пожрать пѣтуха.

¹⁾ Bharhut Stūpa, Pl. XXVII. Текстъ разсказа см. *Fausbøll, Jātaka, I, стр. 207.*

²⁾ Kukkuṭa-jātaka, VI. 1. 8. Текстъ еще не изданъ у *Фавсбелла*.

Для вѣрующаго буддиста религіозное значеніе обѣихъ сказокъ заключалось не въ одномъ только содержаніи, не потому, что онъ видѣлъ особливую назидательность въ разумныхъ словахъ стойкаго пѣтуха или мудраго царя-фламинго, а главнымъ образомъ въ томъ, что подъ видомъ пѣтуха на барельефѣ изображенъ дѣйствующимъ самъ Буддха. Онъ же опять является въ образѣ разумнаго и предусмотрительнаго фламинго. Въ этихъ барельефахъ иллюстрируются не просто сказки и басни, а жатаки, то-есть, священныя сказанія о перерожденіяхъ Буддхы, эпизоды исторіи, священной въ глазахъ буддиста. Иллюстраціи къ тому, что по нашимъ понятіямъ есть просто басни или сказка, попали въ бхархутское молитвенное мѣсто не за назидательность своего содержанія, а потому что уже ранѣе сооруженія стѣпы онѣ разсматривались въ вѣрующей средѣ какъ сказанія святыя, какъ эпизодъ долгой повѣсти о безначальномъ бытіи Буддхы.

Въ этихъ барельефахъ-иллюстраціяхъ ко многимъ сказкамъ, до сихъ поръ сохраняющимся въ устной литературѣ многихъ народовъ Азіи и Европы, излагаются всѣ перипетіи бытія отъ вѣчности единаго изъ тѣхъ многихъ вѣщихъ, которые, по буддѣйскимъ представленіямъ, являлись въ разное время искупителями всего сущаго въ мірѣ, иначе самсарѣ, колѣ или круговоротѣ жизни.

То же догматическое представленіе о существѣ Вѣщаго подтверждается не только образами, на которыхъ изображены жатаки, но и весьма многими другими, еще болѣе важными. Мы указали выше на жатаки, потому что присутствіе ихъ въ мѣстѣ молитвенномъ иначе трудно объяснимо; съ другой же стороны образа съ жатаками всего убѣдительнѣе доказываютъ существованіе буддѣйскаго догмата о бытіи отъ вѣчности Искупителя.

Въ бхархутское молитвенное мѣсто, а также и въ другія, расположенныя по большимъ дорогамъ или вблизи отъ нихъ, заходили, конечно, главнымъ образомъ не торговые люди: они попадали въ такія мѣста или случайно, или же исключительно тогда

только, когда святыя обители были расположены около значительныхъ рынковъ.

Изъ надписей на нѣкоторыхъ бхархутскихъ образахъ вполне очевидно, что не одни только мѣстные вѣрующіе были строителями и украшателями стѣпы. Люди пришлые изъ отдаленныхъ мѣстъ Индіи являлись въ Бхархутъ со своими дарами: изъ Паталипутры, Каусамбѣ, Ведасы приносились даянія святому мѣсту¹⁾. Въ Санчи, одномъ изъ ближайшихъ мѣстъ къ Бхархуту, гдѣ также находится подобная же и, по всей вѣроятности, современная буддѣйская святыня, сохранилось еще большее число надписей, указывающихъ на существованіе обычая хожденія по святымъ мѣстамъ: иностранцы съ дальняго сѣвера — изъ странъ Гиндукушскихъ, съ юга — изъ Пайтана сносили туда свои даянія²⁾. Ходили по святымъ мѣстамъ и монахи, и міряне; и тѣ, и другіе шли туда молиться, и несли свои посылные дары. По всей Индіи и въ наше время бродятъ отъ святыни къ святынѣ толпы богомольцевъ.

О встрѣчахъ съ индійскими паломниками не только въ Индіи, но и въ глухихъ мѣстахъ центральной Азіи говорятъ старыя и новыя путешественники: Вудъ, въ своемъ путешествіи къ истокамъ Окса, видѣлъ одного индійскаго факира, направлявшагося въ Ваханъ. Скудно прикрытый тигровою кожею, подвижникъ пробирался глухою дорогою въ столь же глухія мѣста; онъ всюду принимался какъ самый желанный гость; въ труппахъ, куда, кромѣ его, никто не рисковалъ проникать, онъ являлся вѣстникомъ новостей. Другой новыя путешественникъ, Гардинеръ, на границахъ Бадакшана встрѣтился съ тремя индійскими подвижниками, возвращавшимися изъ Киргизскихъ степей. Они шли туда изъ Кашмира, побывали въ Балтистанѣ и Гилгитѣ. Индійскіе факеры или госапны появляются весьма часто и во множествѣ въ Синиѣ, на китайской границѣ. Эти съ виду богомольные люди

¹⁾ The Bharhut Stupa, надписи: 69, 73, 100; 22; 53, 1, 4.

²⁾ The Bhilsa Torae, надписи въ Санчи: 11, 12; 55—59; 66—68; 68, 70, 73; 76—7; 144, 149; 15, 81; 145.

являются здѣсь торгашами. Ихъ скромность, ореолъ святости и высокаго подвига, рассказы о дальнихъ странахъ, о трудностяхъ пути открываютъ передъ ними всюду ворота: всюду они желанные гости. Многіе изъ нихъ — нищіе только съ виду, и часто имѣютъ товары высокой цѣнности, но небольшіе по объему.

Старинные арабскіе путешественники и географы говорятъ также о странствующихъ подвижникахъ въ Индіи. Они поражали путешественниковъ своимъ чудовищно-безобразнымъ видомъ, своею мнимой магическою силою. Ибнъ Кхордадбе утверждаетъ, что въ Индіи есть классъ волшебниковъ, свершающихъ всевозможныя чудеса: они вызываютъ привидѣнія, исцѣляютъ болѣзни, измѣняютъ погоду. Эти люди славились тѣмъ, что могли подниматься подъ облака, превращаться въ драконовъ.

Сами Индійцы рассказываютъ о своихъ странствующихъ святыхъ мужахъ еще болѣе чудесъ: они не только сами летали по воздуху, но могли приказывать неодушевленнымъ предметамъ подниматься и держаться въ воздушномъ пространствѣ; умѣли дѣлать золото, вселяться въ чужія тѣла, потрясать словомъ своимъ зданія, отыскивать клады и т. д. ¹⁾

¹⁾ Краткое описаніе жайнскихъ чудотворцевъ находится въ *Ācāraśāstra*, т. 48. Здѣсь упоминается о знаніи вселяться въ чужое тѣло *parikāyaprevēṣaḍivī-* *śā*; тамъ же перечисляются разные сиддхи.

О силѣ заговора и о потрясеніи колоннъ во дворцѣ рассказываютъ слѣд.:
क्वापि पुरे सन्नपा साधो राज्ञा धृता । मङ्गेन बहूक्तेऽपि न मुक्ता । ततो मन्त्रमिदं नृपा-
ङ्गणे स्तम्भा अभिमन्त्र्य खे नीताः खट्खटति । प्रासादस्तम्भा अपि कम्पितास्ततो भीतेन
राज्ञा सा मुक्ता ।

Далѣе упоминаются сиддхи, умѣніе дѣлать золото. Объ этомъ ср. А. к. в., т. 61. — О поднятіи неодушевленныхъ предметовъ на воздухъ Жайны рассказываютъ слѣдующее чудо, свершенное святымъ новѣйшихъ временъ:

योगिनीपुरपातसाक्ष्योरोन्नसुरत्राणे रात्रि श्रीजिनशासनप्रभावकः श्रीजिनप्रभसूरि-
भूतस्य चमत्काराः कियतोऽपि लिख्यन्ते ॥ यथा ॥ पातसाक्ष्यभायामेकेन मुहूर्ताणकेन टो-
पी निराधाराकाशे रक्षिता । सुरत्राणेन श्रीजिनप्रभसूरीणां संमुखं विलोकितं । सूरिणा
रज्ञोक्त्येन टोपिकाक्ष्याधः पातिता । रज्ञोक्त्येन तत्र स्थापितं । मुहूर्ताणकेन बहुकृते
ऽपि न पपात । पश्चात्सूरिणा कस्तमूर्धीकृत्य गृहीतं । द्वितीयदिने वारिभूतो घट आकाशे
रक्षितः । सुरत्राणेन संमुखं विलोकितं । सूरिणा पापाणेनाक्ष्य कपालानि भूमौ पातितानि
। पानीयं निराधारमेव स्थितं ॥ महाप्रभावना व्रजे शासने ॥ (अ. 7. ०६).

Паломничество въ Индіи развито было въ глубокой древности.

Монахи странствовали, быть можетъ, болѣе, нежели вѣрующіе міряне; для нихъ этотъ подвигъ могъ имѣть особый, высокій смыслъ. Монахъ шелъ вѣщать народу святыя истины, или же молиться; буддистъ-мірянинъ — главнымъ образомъ молиться, хотя, по буддійскимъ понятіямъ, молиться у стѣпы или въ храмѣ не значитъ еще просить исключительно для себя благъ: вѣрующій, принося свои дары или поклоняясь святымъ, могъ молиться о спасеніи всѣхъ людей, то-есть, по буддійскому выраженію, о достиженіи всѣмъ людьми всевѣдѣнія. Индійскіе правители, какъ бы сознавая всю важность религіознаго подвига, установили для пниценствующихъ и странствующихъ нѣкоторыя облегченія при ихъ передвиженіяхъ: не для нихъ исключительно Ашока Великій проводилъ дороги и обсаживалъ пути деревьями, или вырывалъ около нихъ колодцы ¹⁾, — для общей пользы чистота по дорогамъ, подорожные деревья и пруды, мосты и пѣшеходные мостики, оберегались строгими узаконеніями ²⁾. Но законодатель, установившій не взимать ничего съ странствующаго монаха на парскихъ перевозахъ ³⁾, очевидно, сдѣлавъ такое изъятіе для странника, долженъ былъ относиться съ полнымъ уваженіемъ къ обычаю хожденія по святымъ мѣстамъ.

Монахъ буддійскій былъ анагарію, то-есть, не имѣющій дома; онъ покинулъ домъ и всѣ житейскія дѣла для не-дома; шествовалъ изъ дома къ внѣ-дому, — отсюда и названіе посвященія «па-бачжѣ», то-есть, уходъ (изъ дому).

Покинувъ міръ съ его дѣлами и тревоженіями, монахъ не долженъ былъ прерывать общенія съ людьми: на немъ лежала великая обязанность — вѣщать народу истину. Въ его священномъ канонѣ записаны слова: «Въ горахъ и лѣсахъ открытыхъ

¹⁾ *Cunningham, Corpus etc.*, 67 (Ed. III).

²⁾ *Manu*, IX, 279, 291—283, 285, 289; *Митакшара*, 301, 336.

³⁾ *Manu*, VIII. 407; *Митакшара*, 321.

пребывайте, вѣщая міру непрестанно мой святой законъ»¹⁾. Онъ долженъ былъ жить въ такихъ мѣстахъ, откуда до слуха людей могъ бы доходить пророческій глаголъ.

Но Вѣщій завѣщалъ своимъ ученикамъ и другое; онъ говорилъ имъ: «Грядите на пользу и во благо людямъ, сострадая міру; учите закону, проповѣдуйте цѣломудріе». «Не ходите вдвоемъ по одной дорогѣ», говорилъ онъ имъ также, — то-ссть, ступайте въ разныя стороны, вѣщайте всюду истину²⁾. Кто умретъ по дорогѣ ко святому мѣсту, тому обѣщалась по смерти небесная обитель³⁾.

Изъ легендъ и предписаній винаи очевидно, что хожденія были въ обычаѣ между буддійскими монахами. Самъ Великій Учитель провелъ большую часть жизни, переходя изъ мѣста въ мѣсто.

Вѣрующая община сохранила сказочныя подробности объ этомъ побѣдномъ шествіи великаго наставника; въ восторженныхъ повѣствованіяхъ о триумфальномъ шествіи и проповѣдяхъ Сакјамуни читается, что всюду, куда онъ ни являлся, цари и народъ, богатые и бѣдные спѣшили внимать его словамъ. Вездѣ ему былъ готовъ пышный и радушный пріемъ. Право угощать его и его послѣдователей перекупалось на вѣсъ золота. Великій Учитель приближался къ городу Ваисālī⁴⁾; вѣсть объ этомъ пронеслась по городу. На встрѣчу господа показался пышный поѣздъ вайсālійскихъ правителей; блескъ поѣзда поразилъ аскета: «Кто изъ васъ, о шницѣ, не видѣлъ боговъ Таватихса, тотъ да взглянетъ на поѣздъ Іиччхави»... Но пышный поѣздъ правителей обогналъ другой: уже ранѣе ихъ богатая городская блудница Амбapāли успѣла пригласить къ себѣ на трапезу странствующихъ аскетовъ. Услышали объ этомъ правители города: «Отдай намъ эту трапезу за сто тысячъ!» говорили она блудницѣ

¹⁾ Прātimokkha сūtra, стр. X, цитата изъ буддхавамса.

²⁾ Mahāvagga. I. 11. 1. (стр. 21).

³⁾ Mahāparinibbānasutta, стр. 51.

⁴⁾ Mahāparinibbānasutta, стр. 19 и сл.

Амбапали. Ликующая Амбапали отвѣчала, что не уступить своего права за цѣлый городъ Вансали. И великій аскетъ, проповѣдникъ цѣломудрія, трапезовалъ у блудницы.

Не всѣ повѣствованія о монашескихъ хожденіяхъ, однако же, одного и того же характера; не всегда и не всюду, конечно, монахи находили такой приѣмъ, который могъ подать поводъ къ позидѣйшимъ разукрашеніямъ: нищъ, нагъ, онъ могъ легко подвергаться разнообразнымъ оскорбленіямъ среди людей невѣрующихъ, или держащихся другого толка; могъ и самъ вызывать эти оскорбленія. Въ сказаніяхъ о странствіяхъ Махавіры, основателя жайнпзма и современника Ыакјамуни, встрѣчаются весьма характерные эпизоды. Вопросъ о томъ, содержатъ ли эти эпизоды черты изъ жизни Махавіры, — пока долженъ быть устраненъ и оставленъ безъ отвѣта; но, несомнѣнно, въ этихъ сказаніяхъ передаются факты, взятые прямо изъ обыденной жизни; изображаются явленія, непосредственно списанныя съ натуры, а потому они важны для характеристики странствующихъ подвижниковъ, которые въ сказаніяхъ жайнскихъ называются «людьми добрыми» (сидху). Разказы о приключеніяхъ Махавіры и его ученика Госълы¹⁾ отличаются наивностью и жизненною правдою. Передъ читателемъ проходятъ двѣ различныя фигуры, и обѣ представляютъ типъ нагихъ странниковъ, добрыхъ людей. Но

¹⁾ Госъла извѣстенъ также изъ буддійскихъ источниковъ. यथा अन्यतीर्थ्या ऋषभाषत्त इति । अन्यतीर्थ्या मस्करिप्रभृतयः । यथोक्तं निर्मन्थशास्त्रे । ऋद्धिं भदत्तको दर्शयति । मायावी गौतम इति । तथा भगवत्तमेवोद्दिष्यान्यत्रोक्तं । कल्पशतस्यात्ययादेवविधौ लोके मायावी प्रादुर्भूय मायया लोकं भक्षयतीति । उपजीवतीत्यर्थः ॥
А. к. в., т. 132.

Объ его происхожденіи разказываютъ слѣд. въ Авадјакалагхувртти т. 56.
तदा च मङ्गिलनामा मङ्गस्तद्धार्या मुभद्रा गुर्विणी शरवणविषये गोबकुलब्राह्मणस्य गोशालायां प्रसूता । तत्पुत्रस्य गौणं गोशल इति नामाभूत् । स च प्रवृद्धो ऽधीतमङ्गविषय-
श्चित्रफलकपाणिरेकाकी क्षिपमानो राजगृहे यत्र प्रभुरस्ति तत्रैवागत्य वर्षावासं तस्थौ । तत्र च मासतपणपारणके ऽत्तर्विज्ञपस्य गृहे विपुलेन भोजनविधिना प्रभुः प्रति-
लोभितः ॥ पञ्च दिव्यानि प्रादुर्भूतानि तदा । गोशालस्तत्रागत्य तद्दृष्ट्वा प्रभोऽश्निष्यो ऽहमित्यूचे । स्वामी मौनेनास्थात् ॥

одинъ — аскетъ по призванію, учитель и служитель идей, а другой обнажился и послѣдовалъ за учителемъ потому, что ему показалась такая жизнь легкою, и, вступивъ на путь подвижничества, онъ остался обжорой и шутомъ. Увидѣлъ Госла, какъ Махавіру щедро угощали, и сказалъ: «Сдѣлаюсь я ученикомъ Господа!» Аскетъ молча согласился, и пошли они вдвоемъ по городамъ и весямъ; приходятъ въ одну деревню и расходятся по разнымъ домамъ. Госла служанка предложила холоднаго варенаго рису,—онъ не взялъ. Хозяинъ, увидѣвъ это, разсердился и сказалъ рабынѣ: «Брось ему рисъ на голову». Она сдѣлала по приказанному. Разсердился Госла и сталъ клясть: «Если у моего учителя есть пламень подвижничества, да сгоритъ этотъ домъ»... И домъ сгорѣлъ.

Пошли подвижники оттуда въ городъ Чампу и остановились въ пустомъ домѣ. Только что они расположились тамъ, приходитъ туда же любовная пара: «Если здѣсь есть сраманъ или кто-либо, подай голосъ!» говорилъ пришедшій на любовное свиданіе. Добрые люди оба молчатъ. Но когда любовная пара стала выходить изъ дому, Госла захохоталъ и былъ за то побить. Сказалъ тогда Госла своему учителю: «Меня бьютъ, а ты не охраняешь своего служителя». «По твоей винѣ тебя бьютъ: пасти не сдерживаешь!» отвѣчалъ учитель. Въ одномъ мѣстѣ странники попадаютъ на праздникъ еретиковъ, то-есть, подвижниковъ не ихъ, а какого-то другаго исповѣданія. Шелъ сильный дождь; Госла укрылся въ храмъ; пришли еретики съ женами, стали пѣть и играть. Госла не удержался и сталъ насмѣхаться надъ еретиками: «Ого, вотъ обѣты еретиковъ!» Его выгнали изъ храма, а на дворѣ между тѣмъ было холодно; не удержался Госла и сталъ плакать; сжалились надъ нимъ и привели назадъ, — онъ опять сталъ насмѣхаться; опять его выгнали на дождь и холод¹⁾).

¹⁾ Avastjakaḥhuvṛtti 1. 57, ततः प्रभर्त्राह्णायामे गतः । तत्र नन्दोपनन्दी धातरो । एकः पाटको नन्दस्य द्वितीय उपनन्दस्य तत्र प्रभुर्नन्दपाटके नन्दगृहे प्रविष्टो दोषान्नैव प्रतिलोभितः । गोशालग्रयोपनन्दगृहे तत्र दस्या शीतः क्रूर घानीतः स तं नापह्नीत् ।

Въ началѣ подвижники ходили по городамъ и весямъ, потому что у нихъ не было пристанища постоянного; покинувшій домъ существовалъ милостынею, добродетельными подаяніями, и онъ бродилъ для того, чтобы жить. Но затѣмъ, когда появились монастыри, святыя стѣпы и святыя останки; когда община сайгха получила законченное развитіе, — тѣ же нищіе, бхикшу, стали ходить отъ одной святыни къ другой помолиться, сдѣлать посильное приношеніе святынѣ.

Бхикшу и тогда собиралъ милостыню, питался добродетельными даяніями; но въ то же время онъ былъ членъ сайгхи, имѣлъ права на ея имущества. Сайгха, по очень распространенному буддѣйскому воззрѣнію, едина въ четырехъ странахъ свѣта: она «міровая», и «міровой общинѣ» вѣрующіе дѣлали приношенія: создались пещерныя жилища и дарились «общинѣ четырехъ странъ свѣта, настоящей и будущей»¹⁾. Таковъ же смыслъ многихъ пред-

उपनन्देनोक्तं मस्तके लिपितमेतस्य तपात्तितः । ततो गोशालः कुपितः शपितवान् । यद्यस्ति मम गुरोस्तपस्तेजस्तदस्य गृहं दक्षतां माम्भद्रगवतो माहात्म्यकानि रित्यासन्नव्यतिरेकस्तद्गृहं दग्धं । द्वितीयदिमासिकपारणकं चम्पाया बहिः कृत्वा कालाय संनिवेशं गतः । तत्र स्वामी शून्यागारे प्रतिमया स्थितः । गोशालोऽपि तद्द्वारदेशे स्थितः । तत्र सिंहो नाम ग्रामकूटो विद्युन्मत्या गोष्ठोदास्या सह तच्छून्यागारं प्रविष्टः । उवाच च यद्यत्र ग्रामणादिः कोऽप्यस्ति स कथयतु ॥ येनाहमन्यत्र यामि । स्वामी मौनेनास्थाद्रोगशालोऽपि तथैवच । तपोश्च कृतार्थयोर्निर्गच्छतोर्मद्विला गोशालेन स्पृष्टा ॥ तपोक्तमत्रास्ति कश्चित् । तेन वलिता गोशालः कुट्टितः । घत्र प्रभुः । पात्रालके संनिवेशे गतस्तत्रापि शून्यागारे स्थितः । गोशालोऽपि तथैव तत्रापि स्कन्दनामा ग्रामकूटो दत्तिस्त्रिकया निजदास्या सह तथैव शून्यागारमागतः । तथैव पृष्टं तथैव मौनेन स्थितौ निर्गच्छतोश्च तपोऽहमितं गोशालेन । तथैव कुट्टितः । गोशालः प्रभुं स्माह । घटं कुट्टे ययं सेवकमपि मां न रत्नीय । सिद्धार्थेनोक्तं स्वर्षेण कृत्यसे किमिति तुण्डे न रत्तसि ॥ तत्र दरिद्रस्थविराः पाषण्डस्थाः सस्त्रीकाः सारम्भाः । तत्पाठकमध्यदेवकुले प्रभुः प्रतिमया स्थितः । तदा सशोकरवर्षं शीतं पतति । पाषण्डिनां चोत्सवो वर्तते । ततस्ते सस्त्रीका मिलिता गायन्ति वादयन्ति ॥ ततो गोशालोऽहो पाषण्डव्रतमिति तानुपवृत्तमिति । ततस्ते सभिः सारितः । शीतेन क्रन्दयन्दयया मध्ये घानीतः । पुनरपि वृत्तम् निःसारितः पुनरानीतः ॥

¹⁾ См. цейлонскія надписи у Goldschmidt'a, въ Ind. Ant., vol. VII, 119.

писаній винаи¹⁾: монастырь со всѣмъ своимъ добромъ принадлежалъ единой саиѣгхѣ; его собственность не могла быть отчуждаема въ пользу одного какого-либо члена, а принадлежала всей общинѣ, а потому и всякій пришлый монахъ имѣлъ право пользованія добромъ монастырскимъ. По предписаніямъ той же винаи, пришлый монахъ въ чужомъ монастырѣ долженъ былъ находить и радушный приѣмъ, и все то, что ему было необходимо для обыкновенной жизни. Къ старцу выходили на встрѣчу; ему готова была и келья, и ложе, и вода, какъ для питья, такъ и для омовенія ногъ; ему рассказывались монастырскіе обычаи: когда выходятъ собирать милостыню, когда возвращаются домой, куда слѣдуетъ ходить, гдѣ вѣрующія семьи и т. д., словомъ, съ перваго раза онъ становился своимъ человѣкомъ въ монастырѣ²⁾. Не съ такимъ почтеніемъ, но также радушно, принимался молодой монахъ.

При такихъ удобствахъ, обычай хожденія по святымъ мѣстамъ, весьма попятно, держался во все время существованія буддизма въ Индіи. Буддійскіе монахи бродили изъ конца въ конецъ, отъ святыни къ святынѣ, также точно, какъ нынѣ по всей Индіи странствуютъ факиры различныхъ наименованій и исповѣданій. Ходили по монастырямъ и строгіе аскеты, люди, наивно въ экзальтаціи возмнившіе себя обладающими сверхъестественными силами, и такіе, которые выдавали себя за обладателей нечеловѣческихъ свойствъ³⁾; отъ святыни къ святынѣ странствовалъ и аскетъ, и тотъ нищенствующій, о которомъ сказалъ туземный сатирикъ: «Онъ первый за трапезой — въ хвостѣ въ молитвенный часъ... На кухнѣ, въ услуду кухаря — онъ ораторъ» и т. д., тотъ монахъ, которому извѣстно: кто родился, кто умеръ,

¹⁾ Culla vagga, VI, 15 (стр. 170).

²⁾ Culla vagga VIII. 2. 2—3.

³⁾ Что почиталось, однакоже, великимъ грѣхомъ паражика, за который по прѣтимокишѣ слѣдовало отлученіе.

въ чьемъ домѣ помняки... монахъ, которому въ его странствіяхъ—сотни утѣхъ¹⁾).

Аскеты, чародѣи, вѣстовщики, вся эта странствующая братья была важнымъ проводникомъ и разносителемъ идей своей среды и своей страны; они были зачастую безсознательными сѣятелями великихъ идей въ глуши и въ дальнихъ странахъ, куда ихъ заводили религіозная экзальтація, страсть къ бродяжничеству и духъ авантюры. Странствовали они и въ ту отдаленную эпоху, къ которой относится начало сооруженія Бхархутской стѣпы, вѣроятно, не только по Индіи, но и въ страны пограничныя. Есть прямые указанія и извѣстія о томъ, что въ эпоху болѣе позднюю, то-есть, быть можетъ²⁾, начиная со II столѣтія по Р. Х., индійскіе странствующие монахи заходили и въ Хотань, и въ Китай. Кабульская долина была въ то время уже усѣяна буддійскими монастырями, находившимися въ постоянномъ общеніи съ индійскою буддійскою общиною. Китайцы сохранили извѣстія о буддійскихъ монахахъ, являвшихся ко двору съ приношеніями: они приходили въ Китай съ дорогими хрустальными чашами, съ благоуханіями, съ безцѣнными талпсманами, съ мощами и элексиромъ безсмертія. Печати индійскаго происхожденія съ мистическими знаками, несомнѣнно буддійскими, были находимы въ Кандахарѣ³⁾).

Въ эпоху, къ которой относится начало сооруженія Бхархутской стѣпы, и вообще до начала нашей эры, буддизмъ, конечно, не былъ распространенъ во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ является послѣ господства въ Индіи Индо-скітскаго, его великихъ поборниковъ, заставлявшихъ, по свидѣтельству Матуанлина, весь свой народъ исповѣдывать эту религію; они предписы-

¹⁾ Сарйгадхарападдхата, 118.

²⁾ Chinese Acc. of India, стр. 65 и слѣд.

³⁾ Journ. of As. Soc. of Bengal, 1840, стр. 98 и слѣд.

вали своимъ подданнымъ не убивать живыхъ существъ, не пить вина и т. д.¹⁾).

Бхархутская стѣпа, а также многія изъ ближайшихъ къ ней святынь были, по всей вѣроятности, выстроены до появленія Индоскипоовъ въ Индіи.

Куда же ходили въ это время странники буддійскіе?

Святынь мѣстъ было много у буддистовъ. Въ разныя времена не одни и тѣ же мѣста пользовались преимущественною славою въ ихъ общинѣ: были мѣста святыя потому, что преданіе связало съ ними какое-нибудь пропшество изъ земной жизни Вѣщаго; въ другихъ хранились святыя останки великаго начальника буддизма; было много и другихъ стѣпъ. Святыни были и въ Индіи, и внѣ Индіи. Одно изъ старѣйшихъ буддійскихъ преданій свидѣтельствуетъ, что уже при Асокѣ Великомъ были просвѣщены нѣкоторые изъ внѣ-индійскихъ странъ; о просвѣщеніи не-арійскихъ странъ говоритъ также жайнское сказаніе о томъ же царѣ и его сынѣ. На основаніи извѣстій писателей китайскихъ и классическихъ есть поводъ думать, что буддійское и жайнское преданіе сохранило свѣдѣніе весьма близкое къ истинѣ. По китайскимъ извѣстіямъ, въ 122 г. до Р. Х. буддизмъ находился въ странахъ на западъ отъ Яркенда, а Александръ Полигисторъ утверждаетъ, что *Σαμαναίς*, то-есть, буддійскіе сраманы или подвижники были распространены между Бактрійцами и Персами²⁾).

Но слѣды буддизма въ этихъ странахъ являются въ эпоху болѣе раннюю: на монетахъ Агаокла сохранились несомнѣнные буддійскіе символы³⁾, а Менадръ изображаетъ на своихъ моне-

¹⁾ Chinese Acc. of India, 63.

²⁾ Lassen, Ind. Alterthumskunde, II, 1091; III, 355.

³⁾ Cunningham, Numismatic Chronicle. N. S., vol. VIII, стр. 282. *Obv.* Tree in a square railed enclosure. Legend below, in Arian Pali characters, *Hidduja same* lord of the Indians. Rev. A peculiar symbol common on Indian Buddhist coins, which is generally supposed to represent a *Chaitya* or Buddhist *Stupa*. The symbol on this coin, which is perhaps the earliest representation that we possess, is al-

тахъ колесо, то-есть, индійскій символъ міродержавнаго царя или Чакравартина¹⁾. Нѣкоторые ученые подозрѣвали даже Менандра въ принадлежности къ буддійскому вѣроисповѣданію; самое имя Менандра сближали съ племенъ Милинда, встрѣчающимся въ палийскихъ сочиненіяхъ. Рено, высказавшій сейчасъ приведенныя предположенія, въ подтвержденіе своей догадки указываетъ²⁾ на разсказъ Плутарха о томъ, какъ азіатскіе подданные Менандра послѣ его смерти враждовали изъ-за обладанія его бранными останками; по смерти великаго царя случилось, слѣдую этому разсказу, то же самое, что произошло по смерти буддійскаго первоучителя: изъ-за мощей святаго враждовали народы совершенно также, какъ изъ-за бранныхъ останковъ Чакравартина или міродержавнаго владыки.

Къ Менандру, могущественному властелину обширной страны, претендовавшему, судя по символамъ его монетъ, на міродержавіе, туземное индійское населеніе могло относиться совершенно свое-

most certainly intended for a Buddhist Stupa, or it is surmounted by a crescent with the horns pointed downwards, which I take for the umbrella that usually crowns the Buddhist edifice. Legend below, in Arian Pali characters, *Akathukragasa* of Agathokles». Изображеніе такъ же: Pl. X, fig. 10. Кэннингэмово чтеніе *Hidusa sami* совершенно неправдоподобно; еще менѣе вѣроятно его толкованіе. Cfr. Thomas, Marsden's Numismata Orientalia, Part I, стр. 59 прим. The reverse bears the conventional sacred tree, with the title *Maha raja* strangely distorted into *Hi rajasa, me* or *He, ragasa, me*. Срв. Lassen. II, 309, Sallet, стр. 30, Taf. II. 3.

¹⁾ Cunningham въ Numismatic chronicle, N. S. vol. X, стр. 220. The coins of Menander are more numerous than those of any other Greek prince of the East. На одной изъ его монетъ (см. такъ же Plate XII, Fig. 13) изображено колесо. Авторъ замѣчаетъ (стр. 236), что I believe it to have been the symbol of *Chakravartti Raja* or supreme Ruler, a title which was applied to all great earthly monarchs, as to Buddha himself.... To Menander it was especially appropriate from the extent of his territory; and the wheel on the coin was, therefore, perhaps intended to denote the extent of his rule, and probably also some acknowledgment of his leaning towards Buddhism. Тамъ же, въ прим. On some coins from Taxila the wheel of eight spokes, with knob ornaments on the outside, forms the sole type of the obverse, just as it does on this coin of Menander. Описаніе монеты тамъ же, стр. 213. Срв. Arian Antiqua, pl. IV, fig. 11. Греческая надпись: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΟΤΗΡΙΟΣ ΜΕΝΑΝΔΡΟΥ. Палийская: Mahārājasa trādātasa Minadrasa. См. также J. As. Soc. of Bengal, vol. V, стр. 24, fl. II, 7. Weber, Indische Skizzen, 80, 83.

²⁾ Mémoires de l'Ac. des inscriptions XXIV, стр. 259.

образно, по индійски, то-есть, сдѣлать изъ него объектъ культа: о почитаніи мощей Чакравартина въ теперешнемъ Авганистанѣ рассказываетъ Сюанъ цзань¹⁾; Беладори повѣствуютъ, что Индійцы дѣлали изображенія арабскихъ завоевателей, поразившихъ ихъ фантазію своимъ могуществомъ и величіемъ подвиговъ. Въ современную намъ эпоху извѣстно, что нѣкоторые англійскіе генералы и весьма многіе туземные учителя почитались Индійцами или за святыхъ, или же за боговъ. Обожаніе Менандра Индійцами, такимъ образомъ, не можетъ казаться невѣроятнымъ.

Если же буддизмъ существовалъ въ Бактріи уже во II столѣтіи до Р. Х., то, несомнѣнно, индійскіе паломники, главнымъ образомъ заносившіе его туда, должны были появляться въ тѣхъ странахъ гораздо ранѣе. Но съ какимъ же ученіемъ они проникали туда въ долины Кабула и Окса, или въ приморскія страны Индіи, словомъ, въ тѣ мѣста, гдѣ въ древности происходило свиданіе и общеніе двухъ міровъ: азіатскаго-восточнаго и западнаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ отчасти въ содержаніи байратской надписи, разобранной въ предшествующей главѣ, а еще болѣе въ бхархутскихъ барельефахъ, наглядно рисующихъ развитіе буддизма во второмъ столѣтіи до Р. Х.

¹⁾ Mémoires I, 38.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГЛАВЪ V.

(О чашѣ и нѣкоторыхъ другихъ буддійскихъ святыняхъ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

СВ. ЧАША.

Чаша буддійскаго первоучителя считалась великою святынею въ продолженіи долгаго времени. О ней говорятъ оба извѣстныхъ китайскихъ путешественника, то есть, Фасянъ ¹⁾ и Сюанъ-цзанъ ²⁾. Первый видѣлъ ее въ Пешауэрѣ, второй рассказываетъ, что въ его время она находилась въ Персін, но гдѣ именно, этого ближе онъ не разъясняетъ. Въ настоящее время мусульмане имѣютъ свою святую чашу въ Кандахарѣ ³⁾.

О странствіяхъ буддійскаго Грая сохранились легенды, которыя передаются отчасти Фасяномъ, отчасти извѣстны изъ другихъ источниковъ ⁴⁾.

Чаша эта была небеснаго происхожденія, и въ ней заключалась чудотворная сила: она была неистощима ⁵⁾.

Чаша для буддійскаго монаха необходимая принадлежность; безъ чаши онъ не можетъ принять посвященія. Иногда она на-

¹⁾ *Beal*, *Travels of Fa-hian*, стр. 36.

²⁾ *Mémoires*, II, 179.

³⁾ *Le Messurier*, *Kandahar in 1879*, стр. 240.

⁴⁾ *Beal*, *The Buddhist Tripitaka*, стр. 115; *Fa-hian*, стр. 161.

⁵⁾ *Mahāvagga*, стр. 4.

зывается сосудомъ мудреца или св. ученія¹⁾, и есть какъ бы символъ чистоты жизни и высокихъ стремлений монаха. Чаша са-мого учителя, чаша — чудеснаго происхожденія и чудотворная²⁾, понятно, въ глазахъ вѣрующаго буддиста должна была быть великою святынею. Она упоминается въ числѣ другихъ вещественныхъ святынь, завѣщанныхъ первоучителемъ своимъ поклонникамъ³⁾.

Святыхъ чашъ преданіе знаетъ нѣсколько.

Въ Dhātuvandānagāthā: *patta* (чаша) упоминается разъ въ *Kurunagara*, другой разъ въ *Mithilā*; Dhātuvamsa называетъ еще третій городъ:

*civaram pattadaṇḍam sa
vajjarāyam apūjayum*)

Въ нижеслѣдующемъ отрывкѣ описывается праздникъ св. чаши. Пāтрамаха или праздникъ св. чаши упоминается также въ *Lalitavistāra*, стр. 337.

kañcanadeviyā vatthumhi ayam anupubbikathā.

jambudipe kira devaputtanagaram nāma dassaniyam ekam nagaram ahosi. tasmiṃ samaye manussā yebhuyyena pattamahan nāma pūjam karonti bhagavato paribhuttaṭṭam gahetvā katā-nekaṭṭhāyāvidhānam nāma ussavam karonti taṃ pattamahan 'ti vuccati.

¹⁾ См. Кријасайграха, стр. 244. Здѣсь чаша называется *рши бхаджана*, или *сикхидбхаджана*.

²⁾ О чудотворной силѣ чаши см. Fa-hian, I. c. и Av. c. гдѣ разсказывается о томъ, какъ изъ одной своей чаши Вѣщій наполнилъ тысячу чашъ своихъ учениковъ. भगवानपि स्वकात्पात्राद्भिनुसहस्रस्य पात्रेघाकारं सङ्क्रमयति । यदा भगवतो विदितं पूर्णानि भिनुसहस्रस्य पात्राणि । तदा स्वपात्रं पूर्णमादर्शितं । ततो भिनुसहस्रपूर्णपात्रमधचन्द्राकारेण दर्शितवान् ॥ देवताभिरप्याकाशस्थाभिः शब्दमुदीरितं ॥ पूर्णानि भगवतो भिनुसहस्रस्य पात्राणीति ॥

³⁾ См. отрывокъ второй.

tasmim samaye devaputtanagare rājā sabbaratanamayam
ratham sabbālaṅkārehi alaṅkārapetvā kumudapattavanne cattāro
sindhava yojetvā susikkhite sippācariyehi sattaratanapariniṭṭhite
asītiṭṭhatthe vellagge satthunā paribhuttaṃ selamayam pattam
muttājālamaniṇṇālakādhi alaṅkaritvā velaggam āropetvā velurathe
ṭhapetvā nagaram devanagaram viya alaṅkaritvā dhajapatākā-
dayo ussāpetvā toraṇagghiyapantiyo ca punṇaghaṭṭadīpamālādayo
ca patitṭhāpetvā anekehi pūjāvidhānehi nagaram padakkhiṇam
kārapetvā nagaramajjhe susajjitaratanamaṇḍape pattadhātum ṭha-
petvā sattame divase mahādharmmasavanam kārapesi tadā tas-
mim tasmim janapade bahumanussā ca devatā ca yakkharakkha-
sanāgasupannādayo ca manussavesene yebhuyyena tam samāga-
mam otaranti evam acchariyam tam pūjāvidhānam ahosi.

tadā eko nāgarājā uttamarūpadharam agatapubbapurisam
ekam kumārikam dhammaparisantare nisinnam disvā tassā paṭi-
baddhacitto anekākārehi tam yācitvā tassā aladdhamano kujjhitvā
nāsāvātam vissajjesi imam māressāmīti tam tassā saddhābalena
kiñci upaddaṇam kātum samattho nāhosi athassā nāgo pādantato
yāva sakalasarīram bhogena veṭhetvā sise phanam katvā bhayā-
pento atṭhāsi anaññavihiṭṭāya tāya dhammasavanabalena anumat-
tam pi dukkham nāhosi.

pabhātāya rattiyā tam disvā manussā kim etan 'ti kāraṇam
pucchimsu sāpi tesam kāraṇam kathetvā evam saccakiriyam
akāsi. tathā hi.

brahmacārī ahośāham
sañjātā idha mānuse |
tena saccena maṃ nāgo
khippam eva pamañcatu ||
kāmatūrasa nāgassa.
n'okāsam akariṃ yato |
tena saccena maṃ nāgo
khippam eva pamañcatu ||
visavātena khittassa
kupitassoragassāham |

akuddhā tena saccena
 khippaṃ so maṃ pamuñcatu ||
 saddhammaṃ suṇamānāhaṃ
 garugāravabhattiyā |
 assosiṃ tena saccena
 khippaṃ nāgo pamuñcatu ||
 akkharāṃ vā padaṃ vāpi
 avināsetvā 'va ādito |
 assosiṃ tena saccena
 khippaṃ nāgo pamuñcatu 'ti ||

saccakiriyāvasāne nāgarājā tassā ativapasanno bhogam vinivette-
 tvā phanasataṃ māpetvā taṃ phanagabbhe nisidāpetvā bahūhi
 nāgamānavakehi saddhiṃ udakapūjaṃ nāma pūjaṃ akāsi taṃ
 disvā bahū nagaravāsino acchariyabbhutaajātā attharasakoṭidha-
 nēna pūjaṃ akāṃsu.
 tathā hi.

natthi saddhāsamo loke
 suhado sabbakāmado |
 passathassā balaṃ saddhā
 pūjenti 'evaṃ naroragā. ||
 idha loke ca sā lattha
 bhavabhogam anappakaṃ |
 tasmā saddhena kātabbhaṃ
 ratanattayagāravan 'ti ||

ath' evaṃ sā paṭiladdhamahāvibhavā yāva jīvaṃ komāriyabrah-
 macāri hutvā āyupariyosāne kālāṃ katvā tasmīṃ yeva nagare
 rañño aggaṃahesiyā kucchimhi paṭisandhiṃ gaṇhitvā dasamā-
 saccayena mātukucchito nikkhami nikkhantadivase paṇassā sa-
 kaladevaputtanagare ratanavassaṃ vassi tenassā kañcanadevi
 ti nāmaṃ karimṣu samantāpāsādikā ahosi abhirūpā devaccha-
 rapaṭibhāgā mukhato uppalagandho vāyati sarīrato candana-
 gandho vāyati sakalasarīrato bālasuriyo viya raṃsiyo niccharanti
 ca tu ratanagabbhe padīpakiccaṃ nāma natthi sabbo gabbho

sarirālokena ekobhāso hoti tassā rūpasampatti sakalajambudipe
pākaṭā ahosi tato sakalajambudīpavāsarājāno tassā atthāya pitu
rañño paṇṇākārāni pahiniṃsu sā pana pañca kāme ananulittā
pitarāṃ anujānāpetvā bhikkhunipassayaṃ gantvā pabbajitvā vi-
passanaṃ vadḍhetvā saha paṭisambhidāhi arahattaṃ pāpuniti.
sutvāna sādārasena kumārīk' evaṃ

dhammamhi sīlān' amalāṃ paripālayanti
laddhāna 'nekavibhavaṃ vibhavaṃ payātā
mā bho pamajjatha sadā kusalappayoge 'ti.

kañcanadeviyā vatthura catuttham.

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

БУДДИЙСКІЯ СВЯТЫНИ.

pacchā bahū manussā āgantvā mahākassapaṭtheraṃ ca ānanda-
theraṃ ca upasaṅkamitvā evaṃ āhaṃsu bhante mayaṃ sariradhā-
tuyo na labhimhā amhākaṃ sakkāraṇaṃ patthāya bhagavatā pa-
ribhuttacivaradayo parikkhāre (detha) ye mayaṃ sakkarontā
thā (?) labhissāma 'ti.

therā tesāṃ paṭisūṇitvā sabbaparikkhāre saṃvibhajimsu vajira-
nagaravāsino manussā vajiranagare muttāsikāya pattāṃ parikkhi-
pitvā dhajaggāṃ āropetvā sakkariṃsu venakacetiyaḡharaṃ kā-
rāpetvā koṭḍhanake pallaṅke civarāṃ ṭhapetvā sakkariṃsu.
pāṭaliputte kukkuṭārāme dhammakarake kāyabandhanaṃ ca pak-
khipitvā tambamaya-pādapiṭharajata dhūpaṃ suvaṇṇachattavib-
hūsitāṃ katvā sakkariṃsu.

aparante tunnanagare nisīdanaṃ pakkhipitvā kālasilāyaṃ pattha-
ritvā kañcanathūpaṃ indanīlamayaṃ chattālāṅkataṃ katvā sak-
kariṃsu.

paccattharaṇaṃ devaputtavisaye makutaṇagare manussā cetiya-
gharaṃ katvā koṭḍhanake pallaṅke ṭhapetvā pūjayimsu.

nivāsanam mithilānagare manussā phalikamayam cetiyam rajatamayam katvā tattha patitthāpetvā mañichattam ussāpetvā sakkarimṣu.

parissāvanam videharatthe uttaranigame kañcanamayam cetiyam katvā sakkarimṣu

vāsisūcikaṇ ca sūcigharaṇ ca kururatthe indapattanagare phalikkakaraṇḍake pakkhipitvā suvaṇṇamayam cetiyam kārāpetvā suvaṇṇamayēhi pupphehi sakkarimṣu.

kuñcikaupāhaṇatthavikaṇ ca parikkhāraṇ ca apanthakā manussā usirabrāhmaṇagāme sattaratanamaye karaṇḍake pakkhipitvā cetiyam sattaratanamayam katvā sakkarimṣu

..... abhājitesv eva dhātūsu mahākaccāyanatthero ekam dhātum gahetvā candanakaraṇḍake pakkhipitvā potanagare assakaraṇṇo puttam sujātakumāraṇ nāma cetiyam kāretvā tattha dhātum patitthapesi.

..... aparinibbute pi bhagavati attha thūpā patitthitā ahesum. paṭhamābhisambuddhe bhagavati tapussabhallikā dve vāṇijā saraṇadvayam upagantvā kesadhātūnaṇ labhitvā jambonadakaraṇḍake pakkhipitvā āsitañjananagaraṇ netvā pācinadvāre phalिकासanthāraṇ katvā muggavaṇṇasilāhi asitihatthu bbedham cetiyam kārāpetvā indanilamañimamayam kañcanakam kārāpetvā antarantarā pabālena vibhūsetvā catuddisā rathacakkaṇṇamānāni kañcanapadumāni āharāpetvā tesam padumānaṇ kaṇṇikāsu tālakkhandhappamāne sitaruciramuttākalāpe osāretvā sattaratanamayam vedikam rajatamayam kāretvā sattaratanamayam chattam ussāpetvā attano saddhāya vibhavasampattiyā sakkarimṣu.

(M. s. p.)

VI.

ВХАРХУТСКІЕ ОБРАЗА И НАДПИСИ.

1. Трудность интерпретации памятника. — 2. Вопросъ объ отношеніи образовъ и надписей къ палійскому канону. — 3. Мнѣніе Чильдерса. — 4. Разборъ надписи. — 5. Общее описаніе стѣпы. — 6. Изображенія стражей міра. — 7. Ихъ описаніе въ каноническихъ книгахъ. — 8. Несходство изображенія съ описаніемъ. — 9. Значеніе слова *уаіло* въ надписяхъ и *уаііло* въ памятникахъ. — 10. Образъ зачатія. — 11. Образа жѣтакъ.

Интерпретація всего того, что сохранилось въ настоящее время въ Бхархутѣ, необходимо должна была бы повести къ весьма важнымъ результатамъ: факты, добытые черезъ эту интерпретацію, могли бы послужить прочнымъ основаніемъ для описанія развитія буддійской доктрины въ извѣстный періодъ. Но эта задача сопряжена съ важными трудностями, зависящими отъ современного состоянія научной разработки буддизма; несомнѣнно, ся удовлетворительное рѣшеніе, главнымъ образомъ, обусловливается всестороннимъ знакомствомъ съ буддійской литературой, громадное большинство памятниковъ которой не можетъ считаться общедоступнымъ: одна часть этихъ необщедоступныхъ памятниковъ—до сихъ поръ еще въ рукописяхъ, въ различныхъ книго-хранилищахъ; другая, едва-ли не болѣе значительная, безспорно, весьма важная, не сохранилась въ оригиналахъ, а дошла до насъ въ переводахъ, на языкахъ, малопзвѣстныхъ въ Европѣ.

Существенный вопросъ, такимъ образомъ, за невозможностію дать на него удовлетворительнаго отвѣта, пока долженъ быть отложенъ.

Но древній и важный бхархутскій памятникъ, даже и при скудныхъ источникахъ, доставляетъ матеріалъ для выясненія другого, правда, менѣе широкаго вопроса. Разсматривая эти старинные образа съ ихъ надписями, изслѣдователь невольно долженъ придти къ вопросу о томъ, въ какомъ отношеніи находится содержаніе доступныхъ ему нынѣ памятниковъ и ихъ языкъ къ

тому, что онъ видитъ въ Бхархутѣ изображеннымъ или что читаетъ на живописуемомъ тамъ.

Вскорѣ послѣ открытія Ксинпингема, по поводу этого вопроса, высказано было мнѣніе, весьма рѣшительное; авторитетная форма мнѣнія не допускала никакого сомнѣнія, и какъ бы заранѣе объявляла излишнею всякую новую попытку взглянуть иначе на дѣло.

Бхархутскія изображенія и надписи на нихъ были признаны вполне согласными съ содержаніемъ современнаго буддійскаго священнаго писанія; въ надписяхъ отыскалось даже выраженіе, которое не безъ нѣкоторой поспѣшности было сочтено за $\alpha\pi\alpha\lambda\epsilon\gamma\omicron\mu\epsilon\nu\sigma\nu$, взятое изъ винайпштаки¹⁾.

Безпристрастному изслѣдователю, конечно, совершенно очевидно, что одно, два или даже нѣсколько выраженій такого характера далеко не достаточны для рѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ, а вѣрность заявленнаго рѣшенія вопроса, кромѣ того, крайне сомнительна уже потому, что выраженіе, которому придавалось такое выдающееся значеніе въ дѣлѣ разысканія объ эпохѣ современнаго канона, по ближайшемъ и тщательномъ разсмотрѣніи, оказывается, не встрѣчается съ буквальною точностью въ канонѣ²⁾, а нарѣчіе надписи даже весьма значительно отличается отъ палійскаго языка³⁾.

Въ надписи читается: JETAVANA ANĀDHAREḌIKO DETI KOTISAMTHATENA KETĀ., т. е., «Кеты (садъ) Анатхапедико даритъ, выкладываніемъ десяти милліоновъ купившій (его)». Слова эти поясняютъ легенду, рассказанную въ чулаваггѣ и изображенную на барельефѣ: Анатхаппидико, одинъ

¹⁾ Both illustrations and inscriptions are, so far as they have been indentified, in perfect accord with the Buddhist Scriptures as we now have them, and in one instance a whole sentence, containing a remarkable expression, which is probably a $\alpha\pi\alpha\lambda\epsilon\gamma\omicron\mu\epsilon\nu\sigma\nu$, is quoted from the Vinaya Piṭaka. Childers, Dictionary, стр. IX; срв. Academy of Nov. 28, Dec. 5, and Dec. 12, 1874, and of May 1, 1875.

²⁾ Cullavagga, стр. 158.

³⁾ Бхархутская надпись находится на Plate LVII.

изъ вѣрующихъ богачей, купилъ для Будды у Жеты садъ; купилъ это мѣсто за дорогую цѣну, деньгами уложивъ всю почву. На это обстоятельство и намекаютъ слова надписи KOTISAMTHATENA, «выкладываніемъ десяти миллионовъ (т. е. монетъ)». Въ текстѣ чуллавагги, гдѣ разсказывается самая легенда, встрѣчается подобное же выраженіе, т. е. говорится слѣд.: «Анатха-пиндики домохозяинъ на телѣгахъ золото приказавъ свезти, Жеты садъ десяти миллионовъ выкладываніемъ приказалъ выложить (kotisantharam santhārapesi)». Мы имѣемъ здѣсь два, далеко не буквальные выраженія, но, безъ сомнѣнія, весьма сходныя. Въ болѣе позднемъ текстѣ¹⁾, при изложеніи той же легенды, стоятъ слова: kotisanthārena --- kīpitvā, т. е. «выкладываніемъ десяти миллионовъ --- купивъ», и здѣсь нѣтъ буквального сходства: «santhārena» не то же, что «santhatena», и «kīpitvā» не тождественно съ «ketā», т. е. скр. kretar. Наконецъ, собственное имя Anādharediko по своимъ звуковымъ особенностямъ (то-есть звонкая вм. глухой, язычная вмѣсто зубной) указываетъ на то, что сочинителю надписи, если даже онъ цитировалъ выраженіе изъ канона, подлежало, однакоже, буддійское св. писаніе на нарѣчьи, далеко не тождественномъ съ палийскимъ. Безспорно, и образъ и надпись, находящаяся на немъ, неопровержимо доказываютъ существованіе извѣстной намъ изъ палийскаго канона легенды въ очень отдаленную эпоху; но на основаніи той-же надписи нельзя сдѣлать такого же вывода относительно современнаго текста палийскаго канона. Ниже будутъ разсмотрѣны нѣкоторые образы, въ которыхъ живописуется культъ, а также догматическія представленія о первоучителѣ. Ихъ содержаніе, отдѣльныя слова и выраженія надписей, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о весьма значительномъ развитіи буддійской доктрины въ эпоху первоначальнаго строительства бхархутской стѣпы; цитатъ, однако же, изъ современнаго канона, не прибѣгая къ натяжкамъ, едва-ли

¹⁾ Jātaka, I, 92. Этотъ поздній изводъ легенды, по всей вѣроятности, не списанъ съ текста чуллавагги.

возможно отыскать въ надписяхъ, и кромѣ того многое, что мы находимъ изображеннымъ въ Бхархутѣ, состоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ ученіемъ палійскаго канона.

Разбору и описанію отдѣльныхъ образовъ авторъ считалъ необходимымъ предпослать краткое общее описаніе всей моельни, такъ какъ барельефы съ надписями, по поводу которыхъ предполагается высказать нѣсколько замѣчаній, находятся въ разныхъ мѣстахъ бхархутскаго сооруженія, и размѣщеніе образовъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ, не лишено значенія въ разсматриваемомъ вопросѣ.

Бхархутская моельня состояла изъ массивнаго сооруженія, иначе—самой ступы и каменной ограды вокругъ нея. Пространство, обнесенное стѣною, по измѣренію Кэннингэма, — имѣло въ діаметрѣ 88 ф. $4\frac{1}{2}$ вершка; ступа же, отъ которой въ настоящее время сохранилась очень незначительная часть, имѣла въ діаметрѣ 67 ф. $8\frac{1}{2}$ вершковъ. Такимъ образомъ, между ступою и стѣною было промежуточное пространство; оно было вымощено вплоть до основанія ступы и имѣло въ ширину 10 ф. 4 вершка.

Выстроена была ступа изъ кирпичей квадратныхъ по формѣ и размѣровъ довольно значительныхъ ($12 \times 12 \times 3\frac{1}{2}$ верш.); нѣкоторые изъ кирпичей имѣли въ толщину отъ 4 до 6 вершковъ; отъ самой ступы сохранилось до настоящаго времени, какъ сейчасъ было замѣчено, очень незначительная часть,—эта уцѣлѣвшая вполне часть ступы имѣетъ около десяти футовъ въ длину и шесть въ вышину. По сохранившемуся можно составить довольно вѣрное представленіе объ общихъ очертаніяхъ всего сооруженія.

Ступа, сложенная изъ обожженныхъ кирпичей, была, какъ это видно, въ уцѣлѣвшей части покрыта штукатуркой; въ основаніи она была круглой, что ясно обрисовывается сохранившеюся кругомъ мостовою; ея форма, по всей вѣроятности, не многомъ отличалась отъ тѣхъ изображеній ступъ, которыя имѣются на барельефахъ, найденныхъ тутъ же; куполъ или *гарба* имѣлъ полусферическое очертаніе; помещался на цилиндрическомъ основаніи, называемомъ *ведикка* въ туземныхъ источникахъ; въ этомъ

основаніи ступы въ нѣсколько рядовъ узорами расположены были углубленія для свѣтильниковъ.

Углубленія для свѣтильниковъ въ нѣсколько рядовъ слѣдовали вокругъ всей ступы на протяженіи $212\frac{3}{4}$ ф.; ихъ было до 120 въ каждомъ ряду; по формѣ они были одинаковы, то есть, всѣ имѣли видъ треугольника, обращеннаго основаніемъ къверху. По бокамъ каждаго треугольника находилось по два уступа; въ каждомъ углубленіи помѣщалось, такимъ образомъ, пять свѣтильниковъ: одинъ внизу и по два на каждомъ боку треугольника, а въ одномъ ряду вокругъ всей ступы до 600. Такъ какъ въ каждомъ ряду были три полосы свѣта, а рядовъ было нѣсколько, то при полномъ освѣщеніи все основаніе ступы вплоть до начала купола должно было казаться какъ бы покрытымъ алмазною сѣтью.

Въ каменной стѣнѣ, окружавшей ступу, было четверо воротъ, обращенныхъ на четыре главныхъ стороны свѣта. Эти ворота подраздѣляли всю окружность ограды на четыре части; въ каждой части было по шестнадцати колоннъ, соединенныхъ тремя поперечными каменными балками. Барельефы покрывали какъ колонны, такъ и поперечныя балки. Кромѣ того, входъ или врата за ограду прикрывались четырьмя колоннами. Съ лѣвой стороны входа выступали наружу двѣ колонны; отъ крайней второй были помѣщены на право двѣ другія. Эти четыре колонны, прикрывая входъ за ограду, придавали всей окружной стѣнѣ форму грамаднаго креста съ загнутыми концами, то есть, *свастики*. Всего во всей оградѣ было восемьдесятъ колоннъ: по шестнадцати въ каждой четвертой части, да по четыре—въ четырехъ воротахъ.

Образа, живописующіе намъ міросозерцаніе и культъ древняго буддиста, начинаются уже у самыхъ вратъ, ведущихъ за ограду.

На колоннахъ, стоявшихъ у входныхъ вратъ во внутренній дворъ, изображены *in alto relievo* якши обоого пола, боги и богини, змѣи и т. д. То были какъ бы стражи святыни. Строитель приставилъ ихъ тутъ хранить путь туда, гдѣ подъ тяжелымъ сводомъ покоилась святыня. Но якши являются у вратъ бхар-

хутской стѣпы не только стражами съ пламеннымъ оружіемъ въ рукахъ; они изображены молящимися; у нихъ длани сложены для молитвы; они молятся святынѣ и хранятъ ее.

Надъ каждымъ изображеніемъ есть надпись, въ которой къ собственному имени фигуры прибавленъ эпитетъ *yakho*, то есть *yakkho* или *скр. yaksha*. Такъ, на колоннѣ, стоявшей у сѣверныхъ вратъ изображенъ *Kurigo yakho*, а на колоннѣ южныхъ вратъ стоялъ образъ *Virudako yakho*.

Оба мифическія существа вмѣстѣ съ двумя другими, имена которыхъ будутъ сообщены ниже, извѣстны въ буддійской космологіи подъ общимъ названіемъ четырехъ великихъ царей *cat-tāro mahārājāno*. Въ каждой странѣ свѣта, по обще-буддійскому міровоззрѣнію, есть по одному таковому великому царю — хранителю: въ одномъ извѣстномъ буддійскомъ памятникѣ, рассказывающемъ о хожденіяхъ нѣкоего благочестиваго царя Неми по адскимъ и райскимъ обителямъ, жилище великихъ царей описывается такъ: «И горы изъ нѣдръ океана увидѣлъ онъ, увидѣлъ и спросилъ Матали: какія это горы?»

«Отвѣчалъ Матали царю: эти горы великія Судассана, Каравіка, Ісадхара, Югандхара, Неминдхара, Винатака, Ассаканна.

«Эти горы, что изъ нѣдръ океана одна надъ другой высятся — жилище великихъ царей. Ихъ, о царь, ты видишь!» ¹⁾).

Отсюда, отъ жилищъ четырехъ великихъ царей, иначе именуемыхъ четырьмя стражами міра, начинаются небесныя обители буддійской миеологіи. На вершинѣ горы Югандхары, на западной сторонѣ, повѣствуется въ другомъ буддійскомъ памят-

¹⁾ Неми жатака,

149. *sudassano karaviko isadharo yugandharo | nemindharo vinatako assakanno giri brahā* ||

150. *cte sīdantare nagā anupubbasaṃmuggatā | mahārājānam āvāsā yāni tvaṃ rājā passasīti* ||

155. *cittakūṭo 'ti yam āhu devarājapavesanaṃ | sudassanassa girino dvāraṃ h'etaṃ pakāsati* ||

156. *anekarūpaṃ ruciraṃ nānācitraṃ pakāsati | ākiṇṇaṃ indasadisehi vyagghheva surakkhitaṃ* ||

никъ¹⁾, окруженный миллионами своихъ слугъ — гандхарвовъ, съ серебрянными мечами, серебрянными посохами и свѣточами, сторожить міръ вождемъ гандхарвовъ на конѣ серебрянной масти — великій царь Дхртараштра.

На вершинѣ той же горы, но на южной сторонѣ, и точно также окруженный миллионами своихъ слугъ — кумбхандовъ, съ алмазными мечами, алмазными посохами и свѣточами, на конѣ алмазной масти сторожить міръ вождемъ кумбхандовъ — великій царь Вирѹдхака.

На восточной сторонѣ той же горы, среди столь же блестящей обстановки, съ толпою слугъ, вооруженныхъ коралловыми мечами, съ коралловыми посохами и свѣточами, на конѣ коралловой масти сторожить міръ вождемъ змѣй, Вирѹпакша — великій царь. Наконецъ, на сѣверной сторонѣ той же горы на конѣ золотой масти міръ охраняетъ Кувера, вождемъ якшовъ. Милліоны слугъ съ золотыми мечами, съ золотыми посохами и свѣточами окружаютъ его²⁾.

Въ осьмой день каждаго мѣсяца слуги великихъ царей, въ четырнадцатый ихъ — сыны, а въ пятнадцатый сами державные стражи міра, взявъ золотыя скрижали, обходятъ міръ. Ходятъ они

¹⁾ Cakkavāḍadīpani.

²⁾ dhatarattho nāma mahārāja pācīnacakkavāḍamukhavattiyam attano senaṅgena saddhim uttaritvā rajatamaya - asipattadhāritakoṭisatasahassagandhabbagāṇehi saddhim koṭisatasahassarajatadaṇḍadīpaparivuto sudevan nāma rajatavaṇṇam turaṅgavaram āruya yugandharamatthake pācīnadisāyam ārakkhām gaṇhāti. virūḷhako nāma mahārāja dakkhiṇacakkavāḍamukhavattiyam attano senaṅgena saddhim uttaritvā tattakamanimaya-asipattadhāritakumbhaṇḍagāṇehi saddhim tattakamanidaṇḍadīpaparivuto manivannam turaṅgavaram āruya yugandharamatthake dakkhiṇadisāya

virūpakko nāma mahārāja pacchīmacakkavāḍamukhavattiyam attano senaṅgena saddhim uttaritvā, tattakapavālamaya-asipattadhāritanāgagāṇehi saddhim tattakapavāladaṇḍadīpaparivuto pavālavannam turaṅgavaram āruya yugandharamatthake pacchīmadisāya

vessavano nāma mahārāja uttaracakkavāḍamukhavattiyam attano senaṅgena uttaritvā tattakasuvannamaya-asipattadhāritayakkhagāṇehi saddhim tattakasuvannaḍaṇḍadīpaparivuto suvaṇṇavaṇṇam turaṅgavaram āruya yugandharamatthake uttaradisāya ārakkhām gaṇhātīti jīnālaṅkāraṭṭikānayo.

cātumahārājikadevakathā.

по деревнямъ, селамъ, стольнымъ городамъ; пурпуромъ отмѣчаютъ имена добродѣтельныхъ на золотыхъ скрижаляхъ: такая жена или такой-то мужъ пріялъ три защиты, милостыню раздастъ, пять заповѣдей блюдетъ, поста не нарушаетъ, чтитъ старшихъ и проповѣди внимлетъ; проповѣдниковъ почитаетъ, къ проповѣди ихъ нудитъ, воздвигаетъ чаптіи, священныя дѣрева насаждаетъ, храмы строитъ, на добродѣльномъ пути пребываетъ, добрыя дѣянія выполняетъ.

Индръ, царю боговъ, передаютъ державныя стражи міра эти скрижали: печаль на небѣ, если въ золотой книгѣ мало именъ записано, и лжуютъ боги, когда, на оборотъ, въ скрижаль имена многихъ внесены. «Устроимъ праздникъ!» говорятъ небожители, и, взявъ скрижали, Индра читаетъ ихъ въ сонмѣ боговъ, и гласъ его носится по всему небу¹⁾.

Такова дѣятельность стражей міра четырехъ великихъ царей. Каждый изъ нихъ пребываетъ въ определенной ему части свѣта, окруженъ своеобразной свитой и, возсѣдая на конѣ, сторожитъ міръ. У каждого былъ и свой оригинальный образъ: царь гандхарвовъ, конечно, не схожъ былъ съ царемъ змѣй или съ владыкою чреватыхъ кумбхандовъ.

¹⁾ aṭṭhamiyaṃ catunnaṃ mahārājānaṃ āmaccā cātuddasiyaṃ tesāṃ mahārājānaṃ puttā paṇṇarasuposathe cattāro mahārājāno sayam eva suvaṇṇapaṭṭhe jātihiṅgulake gaheṭvā manussapaṭṭhe gāmanigamarājadhānisu vicaritvā asukā itthi asuko puriso buddhaṃ saraṇaṃ gato dhammaṃ saraṇaṃ gato saṅghaṃ saraṇaṃ gato dānaṃ deti pañca silāni rakkhati uposathaṃ vasati mātāpitukule jeṭṭhūpacāyikaṃ karoti dhammaṃ suṇāti dhammakathikānaṃ sakkāraṃ katvā dhammaṃ desāpeti cetiyabodhipaṭimāgharādi paṭiṭṭhāpeti dasakusalakammapaṭṭhe samādāya viharati tīṇi sucaritādini pūretīti ādinā nayena jātihiṅgulakena suvaṇṇapaṭṭhe likhitvā āharitvā pañcasikhassa hatthe deti pañcasikho mātālissa deti mātali sak-kassa devarañño hatthe deti yasmiṃ kāle puñṇakārakā maṇḍā honti tasmiṃ kāle potthakaṃ khuddakaṃ hoti taṃ disvā janā pamādam āpannā cattāro apāyā pūraṇti cha devalokā tucchā hontīti anattamaṇā honti sa ce potthakaṃ mahantaṃ hoti taṃ disvā janā appamādaṃ vasaṇtīti cattāro apāyā tucchā honti devaloko paripūrisseti buddhasāsane puñṇāni katvā āgate mahāpuñṇe pedhānaṃ katvā chaṇaṃ karissāma²ti somanassā honti taṃ pana potthakaṃ gaheṭvā sakko devarājā devagaṇamaṃjhe vāceti tassa hi pakatisaddena vācentassa saddo dvādasayojanaṃ sūyati mahāsaddena vācentassa saddo sakaladasasahassayojanappamāṇe tāvatimsanagare pattharattīti. (j. 1., 2. ga 06.)

На бхархутскихъ колоннахъ, гдѣ намъ сохранились изображенія двухъ стражей міра, Куверы и Вирудхаки, оба они являются тутъ въ образѣ людей и оба имѣютъ одинъ и тотъ же эпитетъ *yakho*. Мы видимъ у вратъ стѣпы образы сверхъестественныхъ существъ, далеко не вполне сходные съ описаніемъ стражей міра, находимымъ въ памятникахъ. Быть можетъ, бхархутскія изображенія также точно, какъ и эпитетъ *yakho*, характеризующій ихъ, представляютъ древнѣйшій фазисъ въ развитіи буддійской мифологіи. Вѣроятность этого предположенія подтверждается тѣмъ значеніемъ, съ которымъ, очевидно, слово *yakho* употребляется въ бхархутскихъ надписяхъ, и которого тоже слово (*yakkho* или *yaksha*) не всегда имѣетъ въ памятникахъ. Въ Бхархутѣ слово *yakho* еще имѣло этимологическій смыслъ, то-есть, значило: чтимый (отъ корня *ja*ж), и употреблялось какъ общій эпитетъ для сверхъестественныхъ существъ, обоготворенныхъ по смерти за добрыя дѣла; *yakho* или *yaksha* памятниковъ—слово, имѣющее гораздо болѣе широкое значеніе и многообразные отгѣнки; *yakkho*, въ смыслѣ *богъ*, дѣйствительно встрѣчается въ нѣкоторыхъ памятникахъ,—но «четыре стража міра» въ этихъ памятникахъ отличаются отъ *yakkho*¹⁾; и въ нихъ *yakkho* есть эпитетъ только одного изъ стражей міра, именно Куверы.

Во многихъ палийскихъ памятникахъ *yakkho* употребляется въ болѣе тѣсномъ смыслѣ—какъ эпитетъ чудотворцевъ, обоготворенныхъ по смерти за добрыя дѣла. Такихъ якшей видѣлъ царь Немп, шествуя на небо по воздушному пространству: видѣлъ онъ, напр., какъ «семь блестящихъ дворцевъ сіяютъ и тамъ «чудотворный *yakkho*, толпою женъ предшествуемый, красуясь «нарядами, кругомъ расхаживается»²⁾.

¹⁾ *Sept Suttas pālis*, стр. 284 и сл. Срв. примѣчаніе Гогерля, тамъ-же, на стр. 291.

²⁾ *Немпижатака*.

91. *daddallamānā abhenti vimānā satta nimmitā
tattha yakkho mahiddhiko sabbābharapabhūṣito
samanā anupariyāti nārigapapurakkhato. - - - -*

То былъ въ земной жизни великій милостивецъ; семь келій онъ выстроилъ, чтлгъ отшельниковъ, жившихъ тамъ, и раздавалъ даянiя имъ.

Еще болѣе величественный чертогъ чудотворнаго якши Серисаки описывается въ другомъ палийскомъ памятникѣ¹⁾. И Серисака достигъ небеснаго величiя и благолѣпiя черезъ добрыя дѣла на землѣ; въ земной жизни онъ былъ царемъ въ странѣ Косала и былъ грѣшенъ; обращенный на истинный путь проповѣдью нѣкоего Кумāракāсјапы, царь пересталъ убивать живыя существа, не присвоивалъ себѣ чужаго, не опьянялся, не лгалъ, удовольствовался своею женою. За эти добрыя дѣла по смерти онъ сдѣлался якшей; пребывалъ въ величественномъ чертогѣ, толпы женъ его окружали; въ его палатахъ было обилiе яствъ и питья; подъ звуки музыки тамъ раздавались славословія. По сказанiю легенды о Серисаки, странствующіе купцы, видѣвшіе его въ лѣсу, которымъ онъ явился въ помощь, прийдя домой устроили въ честь его празднество²⁾.

Якшей буддійскіе памятники знаютъ многое множество; къ нимъ обращаются люди вѣрующіе съ молитвами о всякомъ благополучiи³⁾.

94. Sopadinno gahapati esa dānapati ahu
esa pabbajit' uddissa vibhāre satta kārāyi

95. sakkaccaṃ te upaṭṭhāsi bhikkhavo tattha vāsike. и т. д.

¹⁾ Serisakavimāna, см. *Vimānavatthū*.

²⁾ IV. 8. 10. 63. gantvāna te sakaṃ gharaṃ sotthivanto
puttehi dārehi samaṅgibhūta
ānandacittā sumanā patitā
akāṃsu serisamaham ujjāraṃ
serisakaṃ pariveṇaṃ māyayimsu
64. etādisā sappurisānaṃ sevānā
mahiddhiyā dhammaguṇānaṃ sevānā
ekassa atthāya upāsakassa
sabbe'va satta sukhino ahesun 'ti.

³⁾ Такая молитва приводится въ 'uppātasantippakaraṇam. Перечисленіе Якшей здѣсь тоже, что Mahāsamayāsutta (см. *Grimlot*, стр. 288), но оно заканчивается обращеніемъ: karontu me mahāsantip
ārogyaṃ ca jayaṃ sadā или же
sadā sotthip karontu me.

Якши бываютъ, по сказанію памятниковъ, не только добрые, но и злые: они насылаютъ на людей болѣзни, издѣваются надъ святыми. Въ Махавасту упоминается якшинъ Куддала, насылавшая болѣзни на людей; она жила въ Гималаяхъ и умирала только тогда, когда у ней нарождалось тысячу сыновъ¹⁾. О якшахъ-людоедахъ не разъ говорятъ жатаки²⁾; въ другихъ памятникахъ тѣже якши являются въ роли злыхъ шутниковъ. Разсказывается такая буддійская легенда: Разъ, въ свѣтлую ночь, святой Сарипутра сидѣлъ на открытомъ воздухѣ съ непокрытою и только что выбритою головою; сидѣлъ онъ погруженный въ созерцаніе.

Въ это время два якша по какому-то дѣлу шествовали съ сѣвера на югъ; увидѣли они Сарипутру, и сказали одинъ другому: «Хочется мнѣ ударить этого подвижника по головѣ!»

Товарищъ сталъ удерживать шутника, но тотъ настоялъ на своемъ и ударилъ такъ святаго Сарипутру по бритой головѣ. Ударъ былъ силенъ; вершина великой горы могла бы треснуть отъ него. Святой, между тѣмъ, едва почувствовалъ небольшую боль. «Жжетъ меня, жжетъ меня!» закричалъ якша и провалился въ адъ³⁾.

Сопоставляя извѣстія каноническихъ писаній о якшахъ съ ихъ видимыми изображеніями въ Бхархутѣ, нельзя отрицать, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ полного сходства: въ канонѣ якши являются многообразными; они описываются и какъ существа добрыя, чтимыя; бываютъ также и злыми. Стражъ сѣверной части міра, якша Кувера называется ихъ властителемъ.

Въ Бхархутѣ упоминаются въ надписяхъ и изображаются нѣсколько якшей; и тотъ же эпитетъ *yakho* распространяется, напр., и на *Virudako*; по каноническимъ же представленіямъ Вирудхака — стражъ міра и вождь чреватыхъ кумбхандовъ мнѣческихъ существъ, отличныхъ по образу отъ подданныхъ сѣвернаго стража міра или Куверы.

¹⁾ E. Senart, Mahāvastu, стр. 253.

²⁾ Faussol, I 99 и сл.

³⁾ Текстъ см. въ приложеніи.

У самыхъ вратъ въ моленную стоятъ образа, въ надписяхъ которыхъ читается совершенно ясный намекъ на то, что не все въ нашемъ канонѣ такъ древне, — многое, находимое въ сѹтрахъ, очевидно, не было извѣстно въ эпоху строенія Бхархутской стѹпы; безспорно, что въ то время, когда Бхархутская стѹпа создавалась и украшалась, воздвигались врата, черезъ которыя вступалъ вѣрующій въ моленную, — мнѣшескія подробности о стражахъ міра не получили законченности, находимой въ современномъ канонѣ. Даже эпитеты «стражъ міра» или «великій царь» не попадаютъ въ Бхархутѣ. На эти мнѣшескія существа распространяется общій эпитетъ *yakho*: и Кувера — *yakho*, и Вирѹдхака *yakho*; оба въ Бхархутѣ имѣютъ еще человѣческій образъ: изображеніе Вирѹдхаки нисколько не напоминаетъ чреватаго кумбхѹнда, какимъ онъ долженъ былъ бы рисоваться въ представленіи артиста по каноническому описанію. Кувера, кромѣ того, на нарѣчій бхархутскихъ надписей называется *kupiro*; — фонетическія особенности этого слова, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о діалектическихъ различіяхъ между Пѣли и языкомъ надписей. О такомъ различіи упоминалось уже выше, и оно встрѣчается въ большинствѣ бхархутскихъ надписей.

Черезъ врата, хранимыя стражами міра или чтимыми существами, вѣрующій буддистъ или какой нибудь путникъ, занесенный въ Бхархутскую обитель по торговымъ дѣламъ, вступалъ въ ограду, во святая святыхъ. Въ день праздничный, или даже будничнй, въ такомъ случаѣ раннимъ утромъ или вечеромъ, передъ закатомъ солнца, въ часы, положенные для свершенія молитвы, кругомъ стѹпы должны были талпиться вѣрующіе міряне съ цвѣтами, другими дарами и всякими приношеніями святыни. У разныхъ алтарей, придѣланныхъ къ величавой стѹпѣ, возносились благоуханныя куренія, раздавалось пѣніе славословій, нѣсколько протяжное и носовое. Сверхъ троекратное обхожденіе вокругъ святыни, или повергаясь ницъ передъ разными ликами, символами, святынями, буддистъ молился своему Первоучителю, многовѣковая исторія котораго живописана была въ Бхархутѣ.

Все здѣсь говорило о великомъ Учителѣ. Отовсюду на модельщика смотрѣли лики, какъ бы рассказывающіе эпопею Вѣщаго, разнообразную и исполненную невѣроятныхъ контрастовъ; эпизоды изъ его послѣдней земной жизни смѣнялись изображеніями его предшествующихъ перерожденій; затѣмъ слѣдовали иллюстраціи культа. Все здѣсь повѣствовало о великомъ буддѣйскомъ Первоучителѣ: о его земной жизни, пресуществованіи, или о томъ, какъ и чему слѣдуетъ молиться. Надъ всѣмъ, что видимо было въ Бхархутѣ, господствовало одно представленіе — представленіе объ Учителѣ-Спасителѣ міра, и все здѣсь видимое объединялось въ одной идеѣ — спасеніе міра.

Въ массѣ фактовъ, собранныхъ въ бхархутскихъ образахъ и живописующихъ развитіе буддѣйской системы въ извѣстное время, само собою разумѣется, значительная доля частныхъ, нерѣдко съ одинаковыми подробностями, встрѣчается и въ палийскомъ канонѣ; но рядомъ съ этимъ, несомнѣнно сходнымъ, попадаются важныя черты въ догматическихъ представленіяхъ, несогласныя съ ученіемъ палийскаго канона. Такъ, напр., на внутренней сторонѣ одного изъ столбовъ, ближайшихъ къ восточнымъ вратамъ, есть медальонъ съ изображеніемъ зачатія Вѣщаго¹⁾. Надпись на немъ состоитъ изъ двухъ словъ: *bhagavato okkamti*, то есть «нисхождение (иначе зачатіе) Бхагавата или Буддхы». На образѣ представлена царица *Mājā*, покоящаяся на ложѣ и окруженная прислужницами; въ ногахъ у царицы изображенъ горящій свѣтильникъ. Очевидно, артистъ желалъ представить ночь и сонъ царицы, хотя на картинѣ она возлежитъ въ полномъ одѣяніи и со всѣми своими украшениями. Наверху, надъ царницей представленъ ниспускающійся слонъ. Нисхождение слона, представленное наглядно на образѣ, есть поясненіе того, что разумѣется въ словахъ надписи: «нисхождение Бхагавата, то есть, чудесное зачатіе буддѣйскаго Спасителя». Въ этомъ образѣ, несомнѣнно, мы имѣемъ прекрасную иллюстрацію къ ученію Махāsāṅghиковъ:

¹⁾ Plate XXVIII. Срв. Описаніе образа на стр. 83, и сл.

«Бодхисатвы, принявъ видъ слона, опускаются въ утробу матери»¹⁾. Очевидно также, что въ образѣ представлено дѣйствительное зачатіе, а не вѣщее сновидѣніе парицды-матери, то есть, не та версія разсказа о рожденіи Буддхы, которая излагается въ палийскихъ источникахъ²⁾. Слонъ, изображенный въ Бхархутскомъ медальонѣ, кромѣ того, не имѣетъ въ своемъ хоботѣ лотуса, конемъ, слѣдуя палийскимъ сказаніямъ, онъ, просквозивъ правый бокъ парицды, проникъ въ ея утробу.

Самое обозначеніе или пояснительная надпись къ изображенному въ медальонѣ происшествію не лишена значенія. Въ надписи читаемъ «нисхожденіе *bhagavato* Бхагавата». По позднѣйшей догматикѣ слѣдовало бы ожидать вм. *bhagavato* слова *bodhisattasa*, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь изображеніе не Буддхы, а бодхисатвы — существа, имѣющаго сдѣлаться Вѣщимъ. Отсутствіе въ данномъ случаѣ именно этого термина, можетъ быть, слѣдуетъ толковать, какъ намекъ или указаніе на то, что въ эпоху бхархутскихъ надписей ученіе о бодхисатвахъ или еще не появилось, или не получило того развитія, съ которымъ оно изложено въ подлежащихъ намъ каноническихъ памятникахъ. Всѣмъ же содержаніе разсматриваемаго медальона свидѣтельствуешь, что артистъ, живописуя моментъ изъ исторіи Учителя высокой важности для вѣрующаго сознанія, слѣдовалъ ученію и преданію, не сходному съ преданіемъ и ученіемъ палийскаго современнаго канона.

Такое же разногласіе между палийскими памятниками и содержаніемъ бхархутскихъ образовъ замѣчается во многихъ другихъ случаяхъ. Бхархутъ, какъ кажется, былъ въ особенности богатъ образами, разсказывающими исторію перерожденій Вѣщаго. Догматъ о пресуществованіи буддійскаго Спасителя, несомнѣнно, уже былъ принятъ въ то время въ буддійской средѣ. Исторія его бытія отъ вѣчности, безначальнаго и безконеч-

¹⁾ Васильевъ, I, стр. 236.

²⁾ Jataka, I, стр. 50, срв. также Lalitavistara, стр. 63.

наго, изложенная въ многочисленныхъ жатакахъ, наглядно повѣствовалась молещикамъ у бхархутской свитыни во многихъ образахъ. На девятнадцати такихъ образахъ сохранились надписи съ именами изображенныхъ на нихъ жатакъ; но только половина этихъ именъ схожа съ заглавіями палийскаго текста, и среди этихъ сходныхъ именъ встрѣчаются фонетическія особенности, напр., *Vitūra* вм. *Vidhūra*, *Maghādeviya* вм. *Makhādeva*, заставляющія предполагать, что артистъ, вырѣзывавшій заглавія священныхъ сказаній, читалъ ихъ не на языкѣ Пали.

Образа, въ надписяхъ которыхъ передается заглавіе жатакъ, совершенно не сходное съ принятымъ въ палийскомъ канонѣ, нерѣдко живописуютъ также и содержаніе нѣсколько отличное отъ палийской редакціи. Для примѣра укажемъ на одинъ изъ барельефовъ, на которомъ изображена такая сцена ¹⁾: въ серединѣ представленъ сидящій чело­вѣкъ въ царскомъ одѣяніи; направо отъ него стоитъ женщина, указывая на три раскрытыхъ корзины, изъ которыхъ высовываются головы; съ-лѣва два чело­вѣка несутъ четвертую корзину; кругомъ царя нѣсколько фигуръ живописуютъ его свиту.

Надпись на этомъ барельефѣ гласитъ *yavatamajjhakiyaḍḍatāka*. Содержаніе образа было угадано Кэннингэмомъ совершенно вѣрно, и имъ же въ поясненіе содержанія были приведены рассказы ²⁾; но ни ему, ни Субхүти и Р. Дэвидсу не была извѣстна палийская редакція жатаки, изображенной съ выше указанною надписью.

Yavatamajjhaka, какъ названіе жатаки, до сихъ поръ не отыскано въ памятникахъ; но тоже имя встрѣчается, какъ названіе мѣстности, откуда были родомъ герой и героиня цѣлаго цикла священныхъ сказаній, извѣстнаго въ палийскихъ источникахъ подъ общимъ названіемъ *uttamaggaḍḍatāka* ³⁾. Быть можетъ, одна-

¹⁾ Plate XXV, fig. 3.

²⁾ *Cunningham*, I. c., стр. 53.

³⁾ См. тамъ же, Кэннингэмъ говоритъ: *Subhūti suggests that Majjhakiya is the name of a country.*

коже, это имя слѣдуетъ толковать иначе; какъ имя нарицательное, въ значеніи деревни среди ячменя. Въ *uttaggaḥātaka* упоминаются двѣ деревни съ такимъ эпитетомъ: въ одной, южной, родился герой сказанія Махосадха, въ другой, сѣверной—его жена Амарāдеви; но говорится также, что у четырехъ воротъ города Митхилā были четыре деревни: уаватаḥḥака западная, южная, восточная и сѣверная. Значеніе слова не имѣетъ, впрочемъ, никакого значенія для объясненія барельефа¹⁾.

На барельефѣ изображена подъ видомъ женщины, стоящей передъ царемъ, вѣщая жена Амарāдеви, героиня священной повѣсти *uttaggaḥātaka*. Слѣдуя пāлійскому памятнику, была она родомъ изъ деревни уаватаḥḥака²⁾. Самое названіе ея мѣсторожденія упоминается въ томъ эпизодѣ жāтаки, который не имѣетъ никакого отношенія къ изображаемому на барельефѣ³⁾; барельефъ иллюстрируетъ другой эпизодъ той же жāтаки: у мужа вѣщей жены были враги, четыре царскихъ мудреца; мудрецы изъ зависти успѣли оклеветать передъ царемъ Махосадху (такъ назывался мужъ вѣщей жены); по-напрасну заподозрѣнный въ кражѣ царскихъ украшеній, Махосадха убѣжалъ изъ города. Затѣмъ случилось то происшествіе, которое вдохновило артиста бхархутскаго барельефа, и что онъ живописалъ съ необыкновенною ясностью. Въ пāлійской редакціи весь эпизодъ передается весьма сжато, какъ бы въ формѣ краткаго конспекта.

«Въ городѣ, повѣствуется въ пāлійской версіи священнаго «сказанія, какъ узнали, что мудрецъ бѣжалъ, сталъ великій «шумъ. Узнавъ объ его бѣгствѣ, Сенака и прочіе мудрецы (враги бѣжавшаго) стали говорить: «Не тужите: мы ли не мудрецы?»

¹⁾ Mithilāya pana catūsu dvāresu pācīnayavamaḥḥako dakkhinayavamaḥḥako pacchimayavamaḥḥako uttarayavamaḥḥako.

²⁾ Въ *Mahāvastu* есть подобная же жāтака. Деревня называется тамъ уавакассхака.

³⁾ Эпизодъ этотъ въ пāлійскомъ текстѣ имѣетъ заглавіе вопросовъ о скрытой дорогѣ (channapatharāpho).

«Не сказавши другъ другу, послали они по подарку ¹⁾ къ Амарадеви (то есть, вѣщей женѣ).

«Взяла мудрая дѣва подарки и сказала каждому: въ такое-то время приходи; какъ только они пришли, обрила она имъ головы да и бросила ихъ въ помойную яму.

«Изрядно помучивъ мудрецовъ, положила ихъ въ корзину; «увѣдомивъ царя и захвативъ четыре драгоценности, вмѣстѣ съ четырьмя мудрецами, пошла она во дворецъ царя, поклонилась царю и стала.

— «Царь!» сказала мудрая жена: «не мудрый Махосадха—воръ, вотъ воры и т. д.»

И раскрыла тутъ вѣщая жена, какъ соперники ея мужа покрали царскія драгоценности, подослали къ ней эти драгоценности, а мужа ея безвинно оклеветали ²⁾.

Этотъ именно эпизодъ артистъ выбралъ для своей картины; онъ воспроизвелъ намъ тотъ моментъ, когда вѣщая жена является передъ царемъ и изобличаетъ клеветниковъ. Трудно сказать, почему изъ всего цикла сказаній, извѣстнаго подъ именемъ *ummagga-jātaka*, именно этотъ случай, далеко не характерный и притомъ въ палийской версии рассказанный такъ сжато, точно какъ бы полузабытый, остановилъ на себѣ вниманіе артиста, и онъ живописалъ его яркими деталями; быть можетъ, въ той редакціи, которую читалъ или

¹⁾ Подарками были краденныя вещи у царя.

²⁾ *д. pa thau ob., nagare pi paṇḍito palāto 'ti ekakolāhalaṃ jātaṃ senakādayo cattāro pi tassa palātabhāvaṃ ūtvā mā cintetu mayam kiṃ apaṇḍitā 'ti añña-maññaṃ ajānāpetvā 'va amara-deviyā paṇṇakāraṃ pahinimsu*

sā ca tehi pesitaṃ gahe tvā asukaṇ ca asukavelāya āgacchantū 'ti vatvā te āgate khuramuṇḍe kāretvā gūthakūpe khipāpetvā mahādukkhaṃ pāpetvā kilāñja-pacchiṃ nipaṇḍāpetvā rañño ārocetvā tehi saddhiṃ cattāri pi ratanāni gāhāpetvā rājānivesanaṃ gantvā rañño vanditvā ṭhitā.

deva mahosadhapāṇḍito na coro ime corā etesu hi senako maṇicoro pukkuso suvaṇṇamālacro korā vando kambalacro devindo suvaṇṇapādukacro asukamāse asukadivase asukadāsīdhitāya asukadāsīyā nāma hatthe imeh' etāni pahēnakatthāya pesitāni imaṃ paṇṇaṃ passatha attano santakaṃ gaṇhatha core ca paṭicchatha devā 'ti cattāro pi jane mahāvippakāraṃ pāpetvā rājānaṃ vanditvā gehaṃ eva gata.

слышалъ артистъ — эпизодъ неудачнаго волокитства имѣлъ въ цѣломъ циклѣ сказаній значеніе большее, нежели то, съ какимъ онъ является въ палийскомъ канонѣ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что жатака, живописанная имъ, имѣла заглавіе, несходное съ пзвѣстнымъ пзъ палийскаго канона.

Не сходство заглавій жатакъ, изображенныхъ въ Бхархутѣ и встрѣчающихся въ палийской редакціи, можно, конечно, объяснять иначе. Можно предполагать, что артистъ не читалъ сказаній, а только слышалъ ихъ отъ благочестивыхъ монаховъ въ дни общественныхъ проповѣдей, или знакомился съ ихъ содержаніемъ въ торжественныхъ процессіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя позднѣе видѣлъ въ Индіи и описалъ Фасянъ¹⁾. При такомъ способѣ знакомства съ каноническимъ содержаніемъ, заглавія могли придумываться самимъ артистомъ; но въ такомъ случаѣ трудно будетъ объяснить, почему половина заглавій, написанныхъ на бхархутскихъ образахъ, сходны съ заглавіями палийскаго текста. Не слѣдуетъ ли пзъ этого факта, что опредѣленные заглавія уже существовали въ то время; но въ Бхархутѣ артисты рисовали жатаки по другому тексту — не палийскому, на языкѣ, какъ это явствуетъ пзъ написанныхъ заглавій, отличномъ отъ Пали²⁾.

¹⁾ Beal, *Travels of Fa-hian* etc., стр. 157.

²⁾ Едва ли позднее происхожденіе прозаической части палийской редакціи можетъ подвергаться какому-либо сомнѣнію. Текстъ жатакъ, нынѣ сохранившійся на пали и издаваемый Фаусбелемъ, состоитъ изъ стиховъ и прозы; есть рукописи жатакъ, содержащія одну стихотворную часть⁽¹⁾. Прозаическая часть называется *aṭṭhavaṇṇanā*, т. е. комментариемъ; въ ней попадаются цитаты, указывающіе на то, что сочинитель или сочинители различали въ жатакахъ текстъ (*pāli*) отъ комментарія (*aṭṭhakathā*)⁽²⁾; подъ текстомъ онъ или они разумѣли стихотворную часть. Не лишено также интереса, что стихотворная часть иногда дословно повторяется въ Махавасту, — въ памятникѣ, принадлежащемъ сектѣ Локоттаравадіиновъ, или еретической по цейлонскому преданію⁽³⁾. Въ

⁽¹⁾ Рукопись, принадлежащая здѣшнему Азіатскому Музею. Одна таковая же рукопись находится въ Парижской національной библіотекѣ.

⁽²⁾ *pāliyam* (т. е. текстъ) и въ *aṭṭhakathāsu* (т. е. въ комментаріяхъ) цитруется въ *jāt.* XXI. 1. 2. — *pālipotthakesu* (т. е. въ книгахъ текста) приводится въ *jāt.* XI. 1. 8, XXI. 8.

⁽³⁾ См. напр. *Sampanāgarājājātaka*.

Изъ совокупности всѣхъ выше приведенныхъ фактовъ несомнѣнно слѣдуетъ болѣе, нежели вѣроятное заключеніе о томъ, что ни въ надписяхъ бхархутскихъ, ни въ тамошнихъ образахъ нѣтъ никакихъ указаній на существованіе современнаго палийскаго канона въ тѣ времена, когда вѣрующіе буддисты украшали это святое мѣсто. У нихъ было, безспорно, свое священное писаніе, но то писаніе было не на палийскомъ языкѣ, и въ своемъ содержаніи оно отличалось отъ цейлонскаго кодекса.

прозаической части попадаются ссылки на тексты другихъ каноническихъ книгъ, напр. dhammacetiya-sutta ⁽⁴⁾, petavatthu, vimānavatthu ⁽⁵⁾.

Прозаическая часть, очевидно, болѣе поздняя по формѣ; но ея содержаніе можетъ быть очень древне; не слѣдуетъ однакоже распространять этотъ эпитетъ на все сочиненіе и на каждое отдѣльное сказаніе. Древнее содержаніе могло дойти до насъ и не вполне и въ сильно искаженномъ видѣ.

⁽⁴⁾ XII. 1. 2.

⁽⁵⁾ X. 1. 14.

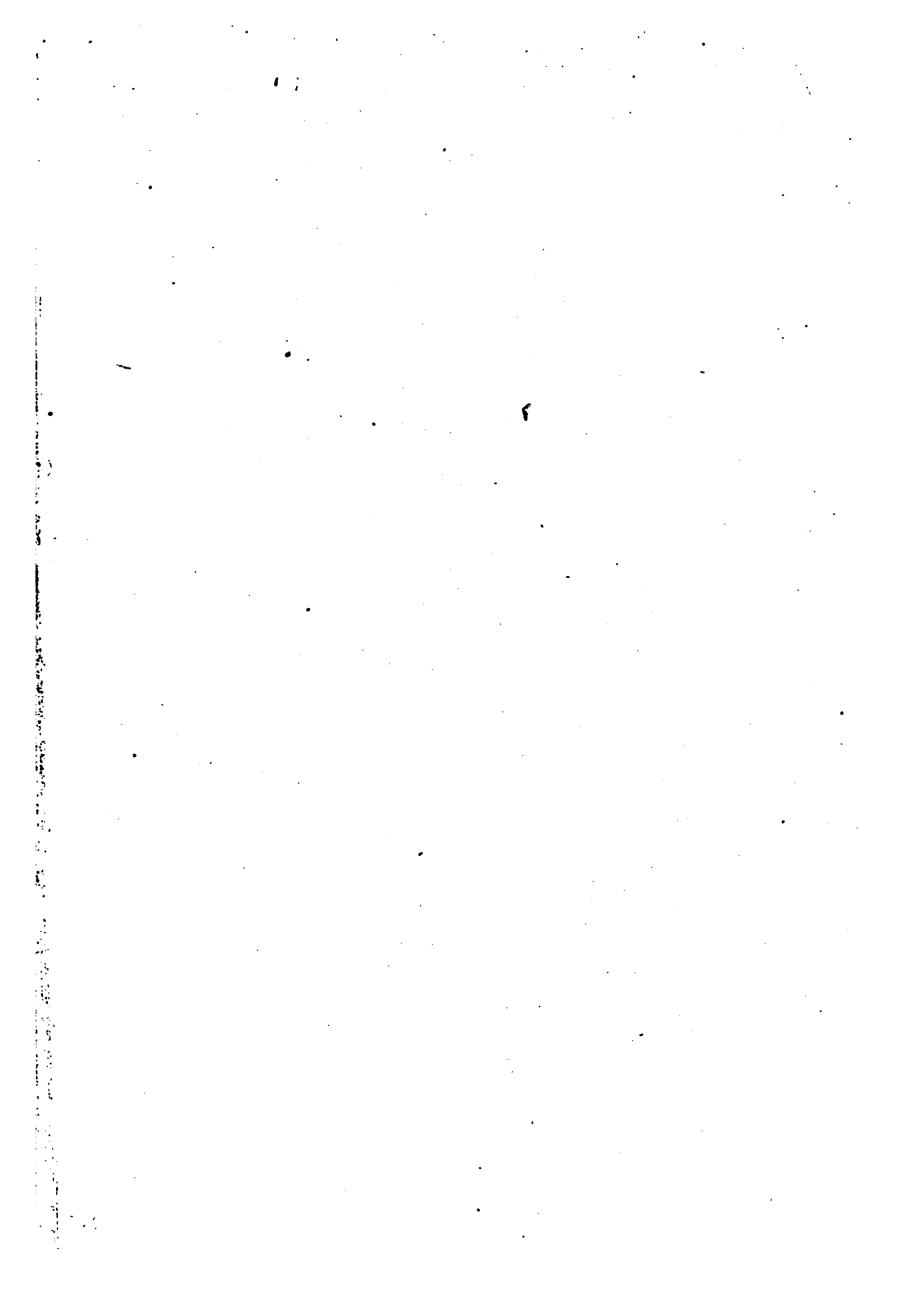
ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГЛАВЪ VI.

(изъ udānavaggo).

evaṃ me sutaṃ ekaṃ samayaṃ bhagavā rājagāhe viharati veḷuvane kalandakanivāpe. tena kho pana samayena āyasmā ca sārīputto āyasmā ca mahāmoggallāno kapotakandarāyaṃ viharanti. tena kho pana samayena āyasmā sārīputto juḥhāya rattiyaṃ navoropitehi kesehi abbhokāse nisimmo hoti aññataraṃ samādhim sammāpajjivā. tena kho pana samayena dve yakkhā sahāyakā uttarāya disāya dakkhiṇaṃ disaṃ gacchanti kenacid eva karaṇīyena. addasaṃsu kho te yakkhā āyasmantaṃ sārīputtaṃ juḥhāya rattiyaṃ navoropitehi kesehi abbhokase nisinnaṃ disvā eko yakkho dutiyaṃ yakkhaṃ etad avoca «paṭibhāsati maṃ samma imassa samaṇassa sīse pahāraṃ dātun 'ti.» evaṃ vutte so yakkho taṃ yakkhaṃ etad avoca. «alaṃ samma mā samaṇaṃ āsāresi ulāro so samma samaṇo mahiddhiko mahānubhāvo 'ti» dutiyaṃ pi kho so yakkho taṃ yakkhaṃ etad avoca. «paṭibhāsati-pe-dātun 'ti». dutiyaṃ pi so yakkho taṃ yakkhaṃ etad avoca. «alaṃ-pe-anubhāvo 'ti.» tatiyaṃ pi kho-pe-anubhāvo 'ti. — atho kho so yakkho taṃ yakkhaṃ anādiyivā āyasmato sārīputtattherassa sīse pahāraṃ adāsi. tāva mahāpahāro ahosi api tena pahārena sattarātanaṃ vā addhaṭṭhamarātanaṃ vā nāgaṃ osāreyya mahantaṃ vā pabbatakūṭaṃ padāleyya. atha ca pana so yakkho «dayhāmi dayhāmīti» vatvā tatth' eva mahānirayaṃ apatāsi. addasā kho āyasmā mahāmoggallāno dibbena cakkhunā visuddhena atikkanta-mānussakena tena yakkhena āyasmato sārīputtassa sīse pahāraṃ diyamānaṃ disvā yena āyasmā sārīputto ten' upasaṃkami upa-

samkamitvā āyasmantaṃ sārīputtaṃ etad avoca. «kicci bho āvuso khamaniyaṃ kicci yāpaniyaṃ kicci na kiñci dukkhan 'ti». «khamaniyaṃ me āvuso moggallāno yāpaniyaṃ me āvuso moggallāno api ca me sise thokaṃ dukkhan 'ti» «acchariyaṃ āvuso sārīputta abbhutaṃ āvuso sārīputta yaṃ tvaṃ mahiddhiko āyasmā sārīputto mahānubhāvo idha te āvuso sārīputta aññataro yakkho sise pahāraṃ adāsi. tāva mahāpahāro ahosi api tena pahārena sattaratanāṃ vā aḍḍhaṭṭhamaratanāṃ vā nāgaṃ osāreyya mahantaṃ vā pabbatakūṭaṃ padāleyya» atha ca panāyasmā sārīputto evaṃ āha. «khamaniyaṃ me āvuso moggallāno yāpaniyaṃ me āvuso moggallāno api ca me sise thokaṃ dukkhan 'ti». «acchariyaṃ āvuso moggallāno abbhutaṃ āvuso moggallāno yāva mahiddhiko āyasmā mahāmoggallāno mahānubhāvo yatra hi nāma yakkhaṃ pi passissati mayaṃ paṇ' etarahi paṃsupisācakaṃ pi na passāmā 'ti». assosi kho bhagavā dibbāya sotadhātuya visudhāya atikkantamānussikāya tesāṃ ubhinnaṃ mahānāgānaṃ imaṃ eva rūpaṃ tathā sallāpaṃ. atha kho bhagavā etaṃ atthaṃ veditvā tāyaṃ velāyaṃ imaṃ udānaṃ udānesi.

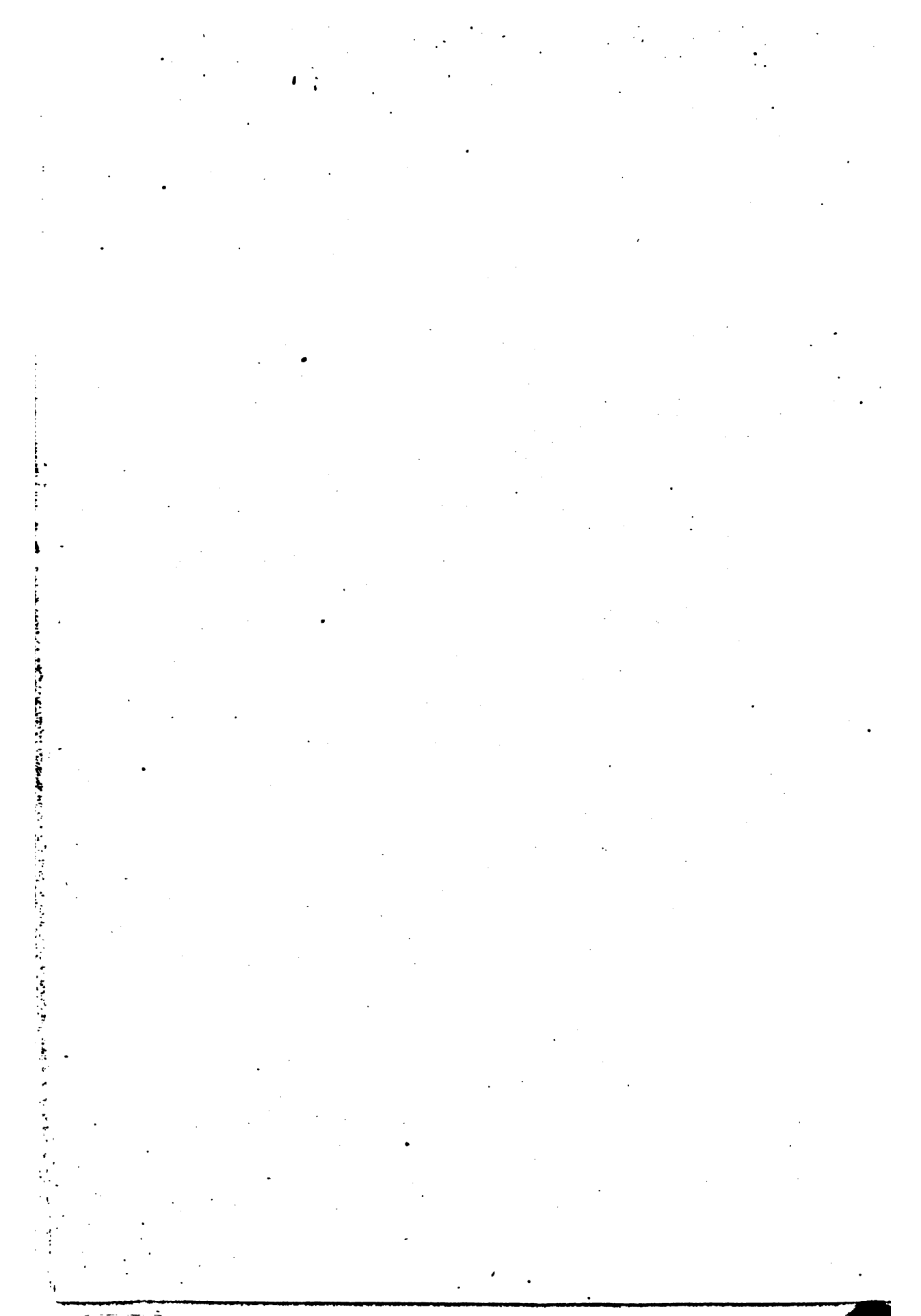
yassa seḷūpamaṃ cittaṃ
 t̥hitaṃ nānupakampati
 virattaṃ rājanīyesu
 kopaneyye na kuppati
 tass' evaṃ bhāvitāṃ cittaṃ
 kuto taṃ dukkhaṃ essatīti

VII.

ДРЕВНЕ-БУДДІЙСКІЙ КУЛЬТЪ ПО ВХАРХУТСКИМЪ БАРЕЛЬЕФАМЪ.

1. Буддiйскiй культъ на Цейлонѣ и на бхархутскихъ образахъ. — 2. Легенда о началѣ культа. — 3. Буддисты-міряне. — 4. Религіозное значеніе милостыни въ древней Индіи. — 5. Упасака. Описаніе термина. — 6. Значеніе милостыни по буддiйскимъ понятіямъ. — 7. Два вида даровъ. — 8. Дары общинъ и ихъ значеніе. — 9. Почитаніе вещественныхъ святынь: Св. дерева. — 10. Коло закона. — 11. Ступа и мощи.

Въ числѣ бхархутскихъ образовъ есть нѣсколько не имѣющихъ непосредственнаго и первостепеннаго значенія для разъясненія исторіи палийскаго канона. Важность ихъ содержанія и надписей для древнѣйшей исторіи буддизма опредѣляется другаго рода соображеніями: въ этихъ каменныхъ дскахъ и барельефахъ сохранилось одно изъ древнѣйшихъ описаній культа Вѣщаго какъ въ общинѣ монаховъ, такъ и среди вѣрующихъ мірянъ-буддистовъ.

Раннее появленіе культа Буддхы, засвидѣтельствованное бхархутскими изображеніями — фактъ высокой важности для правильнаго пониманія причинъ древне-буддійскаго раскола, важнѣйшихъ вопросовъ, волновавшихъ умы буддистовъ въ глубокой древности, и даже хода развитія всей буддійской доктрины.

А потому разсмотрѣніе этихъ образовъ мы сочли нужнымъ предпослать ниже-слѣдующему критическому разбору доступныхъ въ настоящее время преданій о расколѣ въ древне-буддійской общинѣ.

Когда современный цейлонскій буддистъ свершаетъ свое молитвенное поклоненіе (вандава) передъ стѣпой онъ вспоминаетъ при этомъ вѣщихъ и говоритъ: «Преклоняюсь передъ двадцатью восьмью вѣщими подателями безсмертія *нирванны*. Да хранятъ они меня вѣчно!» Вспоминаетъ онъ свои святыни, то есть, важнѣйшія стѣпы какъ на островѣ, такъ и въ Индіи, священное древо Бодхи

и различныя мощи, словомъ все то, что, по его вѣрующему убѣжденію, «богами и людьми чтилось»; обращается онъ также, молитвенно, къ великимъ своимъ святителямъ, и, головою поникнувъ передъ ними, говоритъ: «Да охраняють они меня вѣчно»¹⁾.

Этотъ несложный культъ святыхъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ поклоненій и принесеній ей въ даръ цвѣтовъ, существовалъ, какъ это оказывается изъ живописуемаго въ Бхархутѣ, въ глубокой древности, на зарѣ буддйскаго развитія: на многихъ бхархутскихъ барельефахъ изображены поклоненія ступамъ, святымъ деревьямъ и даже мощамъ. Предметы культа, живописанные въ Бхархутѣ, за немногими исключеніями, тѣже самые, что извѣстны изъ болѣе позднихъ литературныхъ памятниковъ: ступы, колеса закона, святыя деревья, священныя ступни; здѣсь изображены символы трехъ святыхъ или трехъ драгоценностей²⁾, а вокругъ нихъ моельщики съ приношеніями въ рукахъ; но молятся всему этому и почитаютъ приношеніями, судя по бхархутскимъ образамъ, не монахи, а, главнымъ образомъ, міряне. Въ этихъ барельефахъ мы имѣемъ картину развитія обрядовъ *обычныхъ*, (*sāmicikamma*) въ канонѣ неописанныхъ, не узаконенныхъ въ вишаѣ. Судя, однакоже, по бхархутскимъ барельефамъ, а также на основаніи свидѣтельства старинныхъ надписей изъ другихъ святыхъ буддйскихъ мѣстъ, можно предполагать, что обычные обряды стали обязательными для мірянъ-буддистовъ въ очень раннюю эпоху.

О началѣ культа сами буддисты рассказываютъ легенду, едва-ли не обще-распространенную у всѣхъ буддйскихъ сектъ. Само собою разумѣется, что баснословное извѣстіе нисколько не разъясняетъ происхожденія буддйскаго культа; оно не лишено,

¹⁾ Буддха-сдахила, стр. 84, 97, 115.

²⁾ За неимѣніемъ лучшаго термина для обозначенія непонятнаго намъ изображенія, употребляемъ это выраженіе, введенное въ общее обращеніе англійскими археологами.

³⁾ *cetiṇyavandanādi sāmicikamma*. (*Mahāvagga-aṭṭhakathā*, т. 1. 194).

однакоже, значенія, потому что въ немъ сохранились ясныя намски на то, гдѣ, въ какой средѣ, по буддійскимъ представленіямъ, слѣдуетъ искать начала почитанія видимыхъ, вещественныхъ останковъ Вѣщаго, и изъ какихъ внутреннихъ, сердечныхъ мотивовъ возникло это почитаніе мощей и всякихъ святыхъ.

Легенда извѣстна въ различныхъ редакціяхъ; болѣе древняя отличается краткостью, позднѣйшій изводъ значительно пространнѣе и притомъ содержитъ географическія подробности, очевидно, не древнѣйшаго происхожденія и не одинаково толкуемыя буддистами различныхъ сектъ.

Въ простѣйшемъ изводѣ легенды извѣстіе о первыхъ поклонникахъ-мірянахъ передается такъ: въ одну изъ ближайшихъ седмицъ, послѣ того какъ мудрецъ изъ рода Сакьевъ сталъ Вѣщимъ, иначе Буддхою, или безусловно вѣдующимъ, — въ ту мѣстность, гдѣ онъ пребывалъ, пришелъ караванъ двухъ купцовъ, Тапуссы и Бхаллика, родомъ изъ страны Уккала.

Отъ божества, родственнаго имъ по крови (въ первыхъ перерожденіяхъ, когда божество было простымъ смертнымъ), возвѣщено было купцамъ Тапуссѣ и Бхалликѣ: «Господь, достойные, впервые прозрѣвшій, пребываетъ подъ дровомъ Раджа-тана; идите къ Господу и угостите его рисовою лепешкою и медомъ. То будетъ вамъ долго на пользу и во благо!»

Подожли Тапусса и Бхаллика съ тѣмъ и другимъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ Господь; подошли они къ Господу, привѣтствовали его и стали къ сторонѣ. Ставъ къ сторонѣ, Тапусса и Бхаллика, купцы, сказали Господу: «Прими, возлюбленный Господи, рисовую лепешку и медъ,—и да будетъ это намъ долго на пользу и во благо!»

И было въ мысляхъ у Господа такъ: «Не пріемлютъ вѣще пищу прямо въ руки: какъ же я приму рисовую лепешку и медъ?»

Тогда явился передъ Вѣщимъ четыре стража міра, о которыхъ было говорено выше; у каждого изъ нихъ въ рукахъ было по каменной чашѣ. Пріавъ поднесенную ему пищу въ чашу, Вѣщій вкусилъ отъ нея.

Палийскій изводъ заканчивается слѣдующимъ эпизодомъ: «Та-пурса и Бхаллика прижавъ головами къ стопамъ Господа, сказали: Возлюбленный, вступаемъ подъ защиту Господа, подъ защиту закона! прими насъ, Господи, поклонниковъ-мірянъ, отъ нынѣ до конца жизни пришедшихъ подъ защиту!» То были первые на свѣтѣ поклонники-міряне, пріавшіе двѣ защиты¹⁾.

Распространенная редакція той же легенды находится въ Махавасту. Въ ней встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующія подробности, которыхъ нѣтъ въ палийской версіи: «Седьмую седмицу, говорится въ Махавасту²⁾, Господь блаженно провелъ безъ пищи въ лѣсу Кшѣрика, у чайтѣи Бахудеватака: такимъ образомъ Господь семь седмицъ, или сорокъ девять дней былъ безъ пищи». Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, явились его первые поклонники-міряне, два купца, о которыхъ распространенная редакція сообщаетъ слѣдующія подробности: «На сѣверѣ есть мѣсто Уккала; изъ того мѣста были Трануша и Бхаллика Изъ Декана шли они тою дорогою съ пятью стами возовъ».

Затѣмъ слѣдуетъ повѣствованіе объ ихъ обращеніи, заканчивающееся такъ: «Господь даровалъ имъ три защиты: идите, сказалъ онъ, подъ защиту вѣщаго, идите подъ защиту закона, идите подъ защиту будущей общины (сайгха) слушателей Господа.»

Тѣ тогда же приняли защиты Буддхы, закона и сайгхи. И тогда же они сказали: Мы, «Господи, купцы; ходимъ по разнымъ странамъ и царствамъ; хорошо было бы, Господи, намъ имѣть нѣчто видное, дабы мы могли чтить это».

Тогда же Господь, рукою изъявъ волосы съ своей головы,

¹⁾ *Mahāvagga*, стр. 4. Срв. *The S. B. of the East*, vol. XII, стр. 81 и слѣд.

²⁾ Не приводимъ текста санскритскаго, такъ какъ все сочиненіе вскорѣ будетъ издано Сенаромъ. Лѣсъ *kāṣṭhikāvana* упоминается въ жизнеописаніи Буддхы, соч. Асвагхоши (л. 71). Въ китайскомъ переводѣ, однако же, собственное имя лѣса отсутствуетъ. См. *The S. B. of the East*, vol. XIX, стр. 167. О ступахъ, воздвигнутыхъ въ этомъ мѣстѣ, см. Фа-сянь, стр. 125, и Сюанъ-цзанъ, I, 482. Срв. *Hardy, Manual*, стр. 182. Слѣдую *Rajawalia*, мѣсто называется the *kiripala forest* (*kīripala* — *Buchanania latifolia*).

даровалъ ихъ купцамъ: «Постройте стѣпу волосъ; лягутся камни,—водрузите ихъ»¹⁾).

Этотъ эпизодъ о дарованіи мощей и о началѣ ихъ почитанія, не приводимый въ палийскомъ канонѣ, встрѣчается, однако же, въ комментаріи на Махаваггу. Купцы, по изложенію комментарія, принявъ буддійскій символъ вѣры, то-есть, три защиты, и ставъ такимъ образомъ поклонниками Вѣщаго, сказали: «Чему, возлюбленный, мы должны поклоняться, чему служить?»

«Коснулся Господь головы, и волосы пристали къ его рукѣ; и отдалъ онъ волосы имъ, сказавъ: «Храните ихъ!»

«Пріявъ святыя волосы, ликуя и радуясь, какъ бы безсмертіемъ окропленные, они ушли»²⁾).

По другой палийской редакціи, передаваемой въ подробномъ, несомнѣнно позднемъ жизнеописаніи Первоучителя, купцы, получивъ святыя власы, заключили ихъ въ золотой ящикъ и отнесли въ свой городъ Аситаніжана, гдѣ выстроили надъ ними стѣпу³⁾).

Съ географическими подробностями, сохранными въ преданіи южномъ, если такъ можно выразиться о палийскомъ канонѣ,

¹⁾ Асвагхоша говоритъ также о пророчествѣ:

चैत्यार्थं नखकेशानि प्राप्य व्याकर्णं ततः ।

शिलां च प्राप्स्यथ इति ब्राम्हणस्तौ ततोऽन्यतः ॥ Спр.

S. Beal, R. L., стр. 240. Finally, he delivered their caravan from its difficulties and presented them (in consequence of their request for some memorial of him) with a hair and fragments of his nails, telling them that hereafter a stone should fall from heaven near the place where they lived, and that there they should erect a pagoda and worship the relics as though they were Buddha himself. On their feeling some doubts, he related to them what had happened when Dipankara was the supreme Buddha (the story of the five-stalked flower) and how the Devas had taken his hair after he had become a recluse, and erected a pagoda over it in the Heavens: after this they took the relics with joyful heart and departed.

²⁾ te evaṃ upāsakabhāvaṃ paṭivedetvā bhagavantaṃ āhamsu kassa'dāni bhante amhehi aṇṇa paṭṭhāya abhivādanam paccuṭṭhānam kātābbaṇ'ti bhagavā assaṃ parāmasi keśā hatthe laggimsu te keśam adāsi ime tumhe pariharathā'ti te kesadhātuyo labhitvā amatena evābhisittā haṭṭhatuṭṭhā bhagavantaṃ vanditvā pak-kamimsu. (*Mahāvagga-atthakathā*, т. 14).

³⁾ См. приложение Б. къ главѣ V, стр. 184.

показанія Махавасту расходятся. Въ послѣднемъ памятникѣ говорится о мѣстѣ Кеастхали, гдѣ купцы построили тогда же стѹпу волосъ. «Отдѣливъ ногти, говорится въ томъ же памятникѣ да-лѣе, даровалъ ихъ Господь купцамъ: есть городъ Валука, — тамъ они воздвигли стѹпу ногтей; есть мѣсто Силужа, — тамъ они водрузили камень, а камень тотъ чудесно былъ брошенъ туда Господнею рукою».

Различныя преданія, приводя въ изводахъ легенды неодинаковыя географическія подробности, даютъ имъ несогласныя толкованія.

Купцы, по всѣмъ редакціямъ легенды, были родомъ изъ страны Укала или Укала, то-есть, изъ Ориссы; получивъ святыни отъ Вѣшаго, они вернулись домой и выстроили тамъ стѹпу. По прямому смыслу легенды, это благочестивое сооруженіе слѣдовало бы искать въ Ориссѣ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣкогда хранилась одна изъ великихъ буддійскихъ святынь, именно — священный зубъ. Но дошедшія до насъ преданія утверждаютъ иное и приурочиваютъ первую по времени стѹпу надъ мощами къ странамъ внѣ — индійскимъ. Преданія, быть можетъ, принадлежавшія различнымъ буддійскимъ сектамъ, помѣщаютъ одну и ту же святыню на двухъ противоположныхъ концахъ буддійскаго міра. Купцы Тапусса и Бхалика, говорятъ первое преданіе, были родомъ изъ Пегу, и стѹпа, которую они выстроили, до сихъ поръ находится въ Рангунѣ. Древность этого преданія не можетъ быть опредѣлена въ настоящее время, за отсутствіемъ какихъ-либо вѣрныхъ данныхъ о времени первоначальнаго построенія Рангунской стѹпы¹⁾. Начало сѣвернаго преданія также смутно; оно встрѣчается въ запискахъ Сюанъ-цзана, который видѣлъ стѹпы надъ святыми волосами и ногтями около Балка, въ городѣ Пола²⁾ (Валука?).

Изъ этой легенды совершенно очевидно, что, по убѣжденію

¹⁾ Исторія Рангунской ступы изложена въ *British Burma Gazetteer*, ч. II, 638 и сл.

²⁾ *Mémoires*, I, 39.

буддистовъ, культъ мощей начался въ средѣ мірянъ-вѣрующихъ: они просили Вѣщаго даровать имъ что-либо вещественное, видимое, чему они могли бы молиться; міряне же, по смерти Первоучителя, по другимъ легендамъ, раздѣлили между собою его останки, стали воздвигать надъ ними стѣпы, то-есть, устраивать молитвенныя мѣста. Легенды эти, само собою разумѣется, не даютъ полнаго объясненія какъ происхожденія культа мощей, такъ и его развитія; но, приводя его начало въ связь съ появленіемъ мірянъ-поклонниковъ, онѣ содержатъ въ себѣ, несомнѣнно, нѣкоторый намекъ для изслѣдователя, указаніе на то, гдѣ слѣдуетъ искать разъясненія буддійскаго культа, въ области какихъ стародавнихъ обще-арійскихъ вѣрованій.

Не касаясь въ настоящее время вопроса о происхожденіи буддійскаго культа, постараемся указать на его значеніе въ жизни вѣрующаго мірянина и въ древнѣйшей исторіи буддизма.

Вѣрующіе милостивцы, по всей вѣроятности, появились одновременно съ началомъ буддійской проповѣди, вмѣстѣ съ первыми адептами, послѣдовавшими за Первоучителемъ. Безъ поддержки извнѣ, безъ даровъ мірскихъ трудно себѣ представить, какъ могла бы существовать община нищенствующихъ аскетовъ. Въ началѣ, по всей вѣроятности, подаваніе имъ давалось не только людьми, вѣрующими въ спасительность слова Вѣщаго, но и вообще твердо убѣжденными въ высокомъ нравственномъ значеніи всякаго даянія кому бы оно ни шло; давалась милостыня нищему безъ всякихъ соображеній о томъ, къ какому толку онъ причислялъ себя: всякое даяніе благо и влечетъ за собою великую награду. Въ силу этого обще-индійскаго ученія, милостыня, совершенно естественно, могла перепадать сѣкійскому сыну даже отъ лицъ, не признававшихъ святости ученія сѣкійскаго мудреца.

По брахманическимъ представленіямъ, существовавшимъ до появленія буддизма, подаваніе почиталось религіознымъ актомъ высокой важности¹⁾: дары называются *дхармъа* — религіозными;

¹⁾ Гаутама, V. 18 и сл.

за всякій даръ была награда. Правда, брахманическіе законы утверждали, что не велика награда за дары, сдѣланные не брахманамъ,—но они же предписывали давать милостыню всѣмъ. Деньги должны были даваться просившему для учителя, для больного, на свадьбу, для свершенія жертвы, путнику и т. д.; нищему слѣдовало давать ѣду: грѣшно было отказывать въ милостынѣ. Существовало воззрѣніе, что отказъ въ подаяніи благочестивому брахмачарину влекъ за собою уничтоженіе всѣхъ тѣхъ нравственныхъ заслугъ, которыя приобрѣтались предшествующими жертвами, дарами, приношеніями и т. д. ¹⁾.

Буддійскіе аскеты съ самаго своего появленія совершенно естественно подходили подъ категорію тѣхъ благочестивыхъ странниковъ, соблюдавшихъ обѣты цѣломудрія и воздержанія, содержать которыхъ подаяніями, по обще-индійскому міросозерцанію, было нравственнымъ долгомъ всякаго добродѣтельнаго человѣка.

Но уже въ эпоху Асоки Великаго появляются упасаки, не только милостивцы вообще, но вѣрующіе буддисты-міряне. Царь въ своемъ байратскомъ эдиктѣ выражаетъ желаніе, чтобы эти міряне вмѣстѣ съ монашествующими изучали, то есть, слушали и запоминали благое слово Господа.

Упасака — это вѣрующій мірянинъ; онъ былъ не только добродѣтельецъ, щедрый податель милостыни, но и исповѣдывалъ извѣстный символъ вѣры. Отъ него требовалось принятіе трехъ защитъ и, ему обязательно было выполненіе пяти заповѣдей,—нравственный, вѣрующій буддистъ не долженъ былъ убивать ничего живаго (1), не красть (2), не жить грѣшно (3), не лгать (4), не пьянствовать (5). Ему запрещена была торговля пятью предметами: 1) орудіемъ, 2) людьми, 3) мясомъ, 4) крѣпкими напитками и 5) ядомъ ²⁾.

¹⁾ Ап. I. 1. 3. 26.

²⁾ ko tu upāsako nāma kena upāsako itī | vuccati assa sīlāṃ kirip ko Ajīvo vipattī ca ||

kā sampatti paṇ'etassa itī ce kathayāmaṃ ahaṃ | gahattho pana yo koci buddha-dīratanattaye ||

Тотъ только почитается нравственнымъ упасакою, кто выполняетъ эти нравственныя требованія. Въ заповѣдяхъ и обѣтахъ однакоже, нѣтъ ничего специфически буддійскаго: ложь, воровство, пьянство почитались и законовѣдами брахманами за грѣхи; не убивать живыхъ существъ входило въ обязанности брахмана, по мнѣнію Гаутамы¹⁾. За убіеніе различныхъ животныхъ и у брахмановъ полагались различныя эпитиміи²⁾. Гаутама приводитъ, кромѣ того, рядъ товаровъ, которыми брахманъ не долженъ былъ торговать; въ томъ числѣ называются мясо, ядъ, скоть для бойни, люди и т. д.³⁾.

Выполненіе пяти заповѣдей не дѣлало еще изъ мірянина истиннаго буддиста; ему разрѣшалось, кромѣ того, соблюдать не всѣ пять заповѣдей, а только три или четыре⁴⁾. Соблюдая даже всѣ пять заповѣдей, онъ всетаки стремился къ нравствен-

gato ahoṣi saraṇaṃ eso vutto upāsako | paṇātipātā virato adinnādānasamya-
mo ||

micchācārā virāmo ca viratābhūtavācāno | majjapānā ca virato eso 'hu sīlavā
iti ||

pañca micchā vaṇijjā tu paḥāya so upāsako | dhamm 'eva jīvikam 'kāsi eṣā
ajjivasampadā ||

katame pañca vaṇijjā iti ce kathayāmaṃ ahaṃ | satthavaṇijjakā c'eva sattava-
ṇijjakāpi ca ||

maṇṣavaṇijjakā c'eva majjavaṇijjakāpi ca visavaṇijjakā c'eva eṭe pañca vaṇij-
jakā ||

upāsakena saddhena akattabbā nivattitā | tattha āvudhabhapdan tu kaṭam vā
kāritam pi vā ||

yena kenaci laddham vā vikkayo n'eva vaṭṭati | sattavaṇijjakā nāma mānus-
sānaṃ'va vikkayo ||

maṇṣavaṇijjakā nāma migasūkaraādike | posetvā maṃsaṃ vaddhetvā vikkayo
yeva vuccati ||

majjavaṇijjakā nāma majjam katvāna vikkayo | visavaṇijjakā nāma yojetvāna
visaṃ pana | vikkayo naṃ gahetvāna eṣā visavaṇijjakā || L. p. s.

¹⁾ IX. 79.

²⁾ Гаутама, VII. 8 и сл.

³⁾ Гаутама, XXII. 18 и сл.

⁴⁾ एकदेशकारी । य एकं शिलापदं रत्नति ॥ प्रदेशकारी यो द्वे रत्नति ॥ यद्वयस्कारी
यस्त्रीणि चत्वारि वा रत्नति ॥ परिपूर्णकारी यः पञ्चापि रत्नति । स तत्कारीत्युक्त इति ॥

А. к. в., 184.

ному идеалу, не специфически буддйскому, начертанному не только въ буддйскихъ широко-вѣщательныхъ сѹтрахъ, но и въ болѣе древнихъ, сжатыхъ афоризмахъ брахманическихъ законопниковъ.

Міряннинъ становился буддистомъ, признавъ своими тремя защитами, Буддху, его законъ и общину ¹⁾. Принятіе трехъ защитъ устанавливало связь между мірскимъ человекомъ и общиною монаховъ; оно давало извѣстную окраску всей его нравственной дѣятельности, и оригинальный буддйскій складъ всему его міровоззрѣнію.

Идеалъ добродѣтельнаго міряннина, по буддйскимъ представленіямъ, состоялъ въ выполненіи обязанностей, вытекавшихъ изъ принятія буддйскаго символа вѣры. Обязанности эти перечисляются такимъ образомъ:

1) Кто постоянно раздаетъ достойнымъ пищу, питье, одѣянія, колесницы, гирлянды, благоуханія, умощенія, ложе, жилища, свѣтильники;

2) Кто достойно свершивъ доброе дѣло благостыни, затѣмъ постоянно и неуклонно блюдетъ пять заповѣдей;

3) Въ день четырнадцатый, пятнадцатый и въ восьмой день полмѣсяца, въ канунъ (этихъ дней) и въ день слѣдующій ²⁾, восемь заповѣдей ³⁾ блюдя,

¹⁾ शरणमनेर्विना न स्यादुपासक इति. А. к. в., 184. 06.

²⁾ pāṭihāriyapakkhaṇ 'ti idaṃ pana aṭṭhamiuposathassa paccuggamanānugamanavasena sattaminavamiyo cātuddasipannarasinaṃ paccuggamanānugamanavasena terasi pāṭipade sandhāya vuttaṃ. *Nemijātakaṃ*, 97.

Срв. *Vimānavatthuaṭṭhakathā*, I. 15. 6.
pāṭihāriyapakkhaṇ cā'ti pāṭiharapakapakkhaṇ cātuddasipañcadasiṭṭhaminaṃ yatthakkamaṃ ādito antato cā'ti pavesaniggamavasena uposathasīlassa pāṭiharitabbaṃ pakkhaṇ ca terasipāṭipadasattaminavamisū vā'ti attho; см. *Childers*, стр. 618.

³⁾ О восьми заповѣдяхъ во время упошатхи, см. *Oldenberg*, *Buddha*, стр. 392, прим. Съ приведенной тамъ цитатой изъ *Aṅguttaranikāya* срв. слѣд. стихи.

तत्रैव पञ्चशितागाथा ।

मारणक्षौरिकाद्यापि परपत्नी मयावचः ।

त्यजामि सर्ववत्सर्वपञ्चमं मममेव च ॥

4) Упошатху свершаетъ, пребывая постоянно нравственъ;
во всю жизнь свершая такъ все доброе,

5) Покинувъ людское, на небо грядетъ тотъ человекъ. На
небѣ блаженствуютъ — наслажденіе возлюбившіе;

6) Плоды даянія вкушаютъ щедрые и всѣ другіе, кто добро
возлюбилъ и радости жаждетъ;

7) Сады насаждающіе, лѣса разводящіе, мосты воздвигаю-
щіе, подорожные пріюты, кладси, и тѣ, кто жилища дарить;

8) Днемъ и ночью постоянно растутъ ихъ добро. — Они, въ
законѣ пребывающіе и нравственные, на небо грядутъ;

9) Тамъ въ небѣ наслаждаются — наслажденіе возлюбив-
шіе, щедрые вкушаютъ плоды даянія;

10) Кто святыя древа (т. е. бодхи) насаждаетъ, водою по-
ливаетъ ихъ, воздвигаетъ или заставляетъ воздвигать чайтн,
изображенія буддхъ;

11) Кто самъ пріемлетъ посвященіе, или другого побудить
пріять посвященіе, и еще границы сайгхѣ проведетъ;

12) Кто, добро вождѣлая, монахамъ границу обозначить
для свершенія упошатхи и проч. обрядовъ, почтительно выстроить
вихару;

13) И пные, съ почтеніемъ приносящіе общинѣ монаховъ
катхину, или тысячу святильниковъ, или тысячу цвѣтовъ;

14) Зонтъ, знамя, флагъ, и тѣ, кто свершаетъ поклоненіе,
всѣ эти, добро свершивъ — податели милостыни на небо грядутъ;

15) И тамъ, на небѣ, блаженствуютъ наслажденіе возлюбив-
шіе, плоды своего даянія вкушаетъ щедрый;

तत्रेयं पोषधगाथा ।

न सत्त्वं घातयिष्यामि न कुरिष्ये परस्वकं ।

ब्रह्मचर्यञ्चरिष्यामि वर्जयिष्ये मृषावचः ।

प्रमादायतनं मयं न पश्यामि कदाचन ।

नृत्यगीतविभूषाञ्च वर्जयिष्यामि मोत्सवान् ।

ऊँचैः शय्यां मरुशय्यां विकालेऽपि च भोजनं ।

एवं पोषधमष्टाङ्गमर्हतामनुशिताया ॥

16) Кто устрояет трапезу по приглашенію, по полмѣсяцѣ, въ день упошати, въ холодное время даритъ дрова;

17) Кто на пути, увидя монаховъ, почтительно, съ любовною мыслію сложитъ руки въ знакъ почтенія;

18) Взоромъ вѣрующимъ и любовнымъ взглянувъ и почтивъ, пойдеть въ вихару и тамъ вѣтромъ разнесеныя

19) Цвѣты Буддхѣ поднесенныя хорошенько соберетъ, разберетъ ихъ и приведетъ въ порядокъ, почтитъ и вернется засимъ;

20) Всѣ эти люди грядутъ на небо и великое блаженство получаютъ;

21) Бѣдные люди съ вѣрою, подавъ млостыню, — цвѣтокъ мпробаланъ, кусочекъ сахару и т. п., грядутъ въ небо и тамъ великое блаженство получаютъ¹⁾.

Обязанности вѣрующаго мірянина, о которыхъ такъ просто и ясно говоритъ приведенный сейчасъ палийскій текстъ, состояли: 1) въ щедрой млостыни, преимущественно, а едва ли даже не исключительно, общинѣ монаховъ; 2) въ сооруженіи стѣпъ, насажденіи деревъ, воздвигеніи изображеній Буддхы и украшеніи этихъ святынь; 3) въ прозелитизмѣ.

Люди вѣрили, что, свершивъ все это, по смерти они грядутъ туда, гдѣ нѣтъ скорби²⁾. На небѣ, думали они, наслаждаются щедрые³⁾; здѣсь имъ уготованы обители, которыя блестятъ какъ мѣсяцъ въ безоблачномъ небѣ⁴⁾. Даръ, подаваемый съ вѣрою буд-

¹⁾ Текстъ въ приложеніи А.

²⁾ *sāhaṃ tatth'eva gacchāmi*
yattha gantvā na socare 'ti. V. c., II. 3. 5. 112.

³⁾ *saggaṃ gacchanti dāyaka.* V. c., II. 4. 9, 18;
sagge modanti dāyaka. тамъ же, II. 4. 12, 31.

⁴⁾ IV 2. 4. 1. *cando yathā vigatavalāhake nabhe*
obhāsayaṃ gacchati antalikkhe
tath' ūpamaṃ tuyham idaṃ vimānaṃ
obhāsayaṃ tiṭṭhati antalikkhe.

tattha vimānāni viṣiṭṭhamānāni devatānaṃ kiṇānivāsaṭṭhānāni tāni hi tāsāṃ
sucaritakammānubhāvena nibbattāni. V. c.

дѣ или монаху, не можетъ быть незначителенъ¹⁾. Въ назиданіе и для побужденія къ щедротамъ рассказывались въ этой вѣрующей средѣ легенды о видѣніяхъ и явленіяхъ блаженныхъ. Удѣлъ блаженства, вѣровалъ слушатель, былъ наградою за милостыню, или за нравственность, или же за почитаніе²⁾: одинъ попалъ въ небо за то, что вмѣстѣ съ женой построилъ убѣжище святымъ, съ вѣрою дарилъ имъ пищу и питье и раздавалъ великіе дары³⁾.

Другой въ безлѣсномъ пути устроилъ проходъ, насаждалъ садовые деревья, возлюбилъ нравственныхъ, великіе дары подавалъ, — и за эти добрыя дѣла сталъ небожителемъ⁴⁾.

Бѣдная женщина подала разъ кусочекъ сахару прохожему-нищему и за это удостоилась небеснаго блаженства: «Я была, рассказываетъ одно привидѣніе, снохою въ семьѣ грѣшной; среди невѣрующихъ, скупыхъ я была вѣрующая и нравственная, всегда рада подѣлиться.... Пришелъ къ намъ подвижникъ; съ вѣрою, изъ собственныхъ рукъ я подала ему лепешку».

Бранила меня свекровь: «безстыдная ты женщина, говорила она: не захотѣла меня спросить, — сама подала».

¹⁾ 10. n'atthi citte pazannamhi
appakā nāma dakkhiṇā
tathāgate vā sambuddhe
atha vā tassa sāvake. V. v. II. 4. 9.
bahūnaṃ vata atthāya
uppijanti tathāgatā
dakkhiṇeyyā manussānaṃ. V. v. II. 4. 12. 31.

²⁾ V. v. III. 1. 14. 25. dānassa te idaṃ phalaṃ.
atho sīlassa vā pana
atho añjalikammaṃ
taṃ me akkhāhi pucchito.

³⁾ V. v. IV. 2. 4. 5. ahaṃ ca bhariyā ca manussaloke
upassayaṃ arahato adamha
annaṃ ca pānaṃ ca pasannacitto
sakacca dānaṃ vipulaṃ adamha.

⁴⁾ ahaṃ manussesu manussabhūto
vivane pathe saṃkamaṇaṃ akāsiṃ
ārāmarukkhāni ca ropayissaṃ
piyā ca me silavanto ahesuṃ
sakkacca dānaṃ vipulaṃ adāsiṃ. V. v. IV. 3. 3. 5.

Въ гнѣвъ свекровь нестоймя меня ударила, ключицу разсѣкла, убила меня. Несмогла я дольше жить ¹⁾).

Быть можетъ, изображеніе одной изъ такихъ щедрыхъ пода- тельницъ даровъ и святыхъ женъ, ставшихъ богинями по смерти, сохранилось на одномъ изъ столбовъ, на западной сторонѣ бхархутской стѣпы, гдѣ красуется *Sirimā devatā* ²⁾). Описаніе, впро- чемъ, богини Сиримā то, которое находится въ Вимāнаваттху, значительно разнится отъ образа въ Бхархутѣ. Въ пāлійскомъ памятникѣ о богинѣ говорится слѣд.: Отыѣнно разукрашенные кони впряжены, сильны и быстры, главами поникнувъ по небу шествуютъ; пятьсотъ волшебныхъ колесницъ за тобою гря- дутъ и кони, возницами понукаемые.

И стоитъ она разряженная въ колесницѣ прекрасной, бле- стить какъ огонь надъ водой ³⁾).

¹⁾ II. 1. 1. 5-я сл.

ahaṃ manussesu manussabhūta
purimāya jātiyā manussaloke
dusalle kule sunisā ahoṣiṃ
asaddhesu kadariyesu
ahaṃ saddhā silleṇa sampannā
samvibhāgaratā sadā.

.....
samaṇo āgato idha
tassa adās 'ahaṃ pūvaṃ
pasannā sehi pāṇhi

7. iti 'ssa sassū paribhāsi
avinitā tuvaṃ vadhu
na maṃ tvaṃ pucchitum icchi
samaṇassa dadāmi 'ahaṃ.

8. tato me sassū kupitā
pahāsi musalena maṃ
kūṭāṇḍacchi avadhi maṃ
nāsakkhiṃ jīvītum ciram.

9. sāhaṃ kāyassa bheda ca
vipṇamuttā tato cutā
tāvatiṃsānaṃ devānaṃ
upapannā sahaḥyataṃ

ettha kūṭan'ti aṃsakūṭaṃ vuttaṃ purimāpadalopena kūṭapadam eva aṅgan 'ti
kūṭāṇḍaṃ taṃ chindantīti kūṭāṇḍacchi (*aṭṭhakathā*).

²⁾ Stūpa of Bharhut, стр. 20, 22, Plate XXIII. 1.

³⁾ 1. yuttā ca te paramālaṅkāṭā hayā
adhomukhā aghasigamā ballajā

Дары подавались Сайгхъ не изъ одного эгонистическаго побужденія: не только тотъ раздавалъ милостыню, кто желалъ уготовить себѣ райскую обитель по смерти, или жаждалъ успѣха въ какомъ нибудь дѣлѣ здѣшняго суетнаго міра¹⁾),—приношеніе общинѣ пмѣли, по буддійскимъ представленіямъ, гораздо болѣе широкое значеніе. Даръ чего бы то ни было, предназначенный сайгхъ, спасалъ уже умершихъ; дѣти подавали милостыню, украшали стѣпы ради отца и матери и вообще покойныхъ родныхъ. Мертвые называются въ буддійскихъ писаніяхъ сущими черезъ дары; даръ, сдѣланный въ память мертвеца, освобождаетъ его отъ дурнаго перерожденія²⁾).

abhinimmitā pañca rathasatā ca
te anventi tam sārathicoditā haya.

2. sā tiṭṭhati rathavare alaṅkāṭā
obhāsayam jālam iva jotipāvako. V. v. I. 1. 16.

6. nagantare nagaravare sumāpīte
paricārīkā rājavaraṣṣa sirimato
nacce gīte paramasikkhitā ahum
sirimā 'ti maṃ rājagahe vedimsu. V. v. I. 1. 16.

¹⁾ См. напр. объ *ascekacitara* и тѣхъ случаяхъ, когда раздавались мірянами ризы монахамъ въ Пратимокша-сѣтрѣ, 82, The S. B. of the East, XIII, 29, прим. Срв. Melindapaṇṇa, 212, 240 и сл.

²⁾ См. надпись въ Бхархутѣ, Plate LVI, 29. Срв. также нѣкоторые надписи въ *Kanheri*, напр. 9, 16. ; или въ *Kuda*, 7, 8, 9. ; въ *Nāsik* 79. d. p. a. III Преты называются : *paradattupajivino*. Тамъ-же.

nāṭṭhi dinnakam dānam
anumoditvā 'va muccare ||

Тамъ-же.

aññātako anātho 'ham
natthi me koci dāyako ||

Тамъ-же.

aññātakā nātakā vā
tesam uddissa denti ye
yadi petānumodanti
tam tesam upakappati.

Срв. также рассказъ о милостынѣ въ память матери.
sāriputtatiherassa mātū petitattlu.

7. mātuyā vacanam sutvā
upatisso 'nukampako |
āmantayi moggallānam
anuruddhañ ca kappinam ||

Всѣ добрыя дѣянія вѣрующаго мірянина подраздѣлялись на два класса: они были матерьяльными или не-матерьяльными, *аупадхикāни* или *нираупадхикāни* ¹⁾).

«Жертвующихъ людей, на добро взирающихъ, добро матерьяльное творящихъ — гдѣ велика послѣдствіями ихъ милостыня, то мнѣ разъяснилъ Буддха, вѣдущій воздаянія за дѣла, послѣдствія даяній и то, гдѣ милостыня велика послѣдствіями».

«Кто общинѣ даруетъ, говорится дагѣ тамъ же, благо данное имъ, имъ пожертвованное, имъ поднесенное. Великъ даръ сайгхѣ по своимъ послѣдствіямъ, вѣдущими міръ онъ прославленъ ²⁾».

Насчитываютъ семь чистыхъ дѣлъ матерьяльныхъ: 1) Дарованіе сада вселенской сайгхѣ; 2) постросіе тамъ вихāры; 3) дарованіе тамъ ложа и сѣдалищъ, т. е., кроватей, скамей,

8. catasso kuṭṭiyo katvā
saṅghe cātuddise ādā |
kuṭṭiyo annaṃ pānaṃ ca
mātu dakkhiṇaṃ ādisi. ||

¹⁾ А. к. в., 174. उपधिरारामविकारादि । तत्रभावमौपधिकं । तस्योपधेरभावा-
न्निर्गोपधिकं || *opadhikaṃ* 'ti upadhi nāma khandhū upadassa (?) *karanasīlaṃ upa-*
dhipayojanaṃ 'ti *opadhikaṃ attabhāvajanaṃ paṭisaṇḍhiyā vaṭṭi vipākādāyakaṃ*
dānaṃ. V. v.

²⁾ 20. *yajamānaṃ manussaṇaṃ*
puṇṇāpekkhānaṃ paṇṇaṃ |
karotaṃ opadhikaṃ puṇṇaṃ
yattha dinnāṃ mahapphalaṃ ||

21. *taṃ me buddho viyākāsi*
jānaṃ kammaṃ phalaṃ sakaṃ |
vipākaṃ saṃvibhāgassa
yattha dinnāṃ mahapphalaṃ ||

22. *cattāro ca paṭipanna*
cattāro ca phale ṭhita |
esa saṅgho ujubbhūto
paṇḍāsīlasamābhitto ||

25. *tesaṃ sudinnaṃ suhutaṃ suyitṭhaṃ*
ye saṅghaṃ uddissa dadanti dānaṃ |
sā dakkhiṇā saṅghagatā paṭiṭṭhitā
mahapphalā lokavidūhi vaṇṇitā || V. v. II. 3. 6.

постелей, ковриковъ, подушекъ; 4) учрежденіе тамъ постоянной трапезы; 5) подаванія странствующимъ, иначе приходящимъ и уходящимъ; 6) подаванія недужнымъ и тѣмъ, кто за ними ходитъ; 7) трапеза тѣмъ, кто подвергается климатическимъ невзгодамъ, т. е. холоду, вѣтру, дождю.

Семь не-матерьяльныхъ, чистыхъ дѣлъ суть слѣдующія:

1) услышавъ вѣрующій или вѣрующая, что Татхāгата или его ученикъ пришелъ и живетъ тамъ-то, и возрадуется великою, чистою радостью, съ безстрастностью соединенною;

2) услышавъ, что тотъ или другой хочетъ придти и т. д.;

3) или что они по дорогѣ туда идутъ,

4) что они пришли туда,

5) пойдеть ихъ повидать туда,

6) выслушаетъ проповѣдь;

7) выслушавъ проповѣдь, приметъ три защиты и заповѣди ¹⁾.

Всякая милостыня сайгхъ понималась какъ даръ Вѣщему и его почитаніе ²⁾; такое назначеніе дара символически выражалось въ обрядѣ даренія. Красно-желтая риза, въ которую облаченъ буддійскій монахъ, есть знамя спасенія, водруженное вѣщими ³⁾. Монахъ превыше всякой мірской власти: она не судитъ его даже за его преступленія ⁴⁾; тяжкій грѣхъ огнѣть у него ему дарованное ⁵⁾, потому что даруемое ему какъ бы даруется самому Вѣ-

¹⁾ Санскритскій текстъ въ приложеніи Б.

²⁾ Кто сайгхъ даетъ, тотъ почитаетъ Вѣщаго. Воззрѣніе это излагается въ *Milindapaṇḥa*, стр. 240.

³⁾ *श्रि° स°*, л. 44.

सर्वबुद्धैरधिष्ठितोऽयं मोक्षधनो यदुत रक्तकाषायवस्त्रमिति ॥

⁴⁾ *नितिर्गर्भसूत्र* въ *श्रि° स°*, л. 44.

तस्माद्यो ममोद्दिश्य प्रव्रजितः शीलवां उः शीलो वा तस्य नानुज्ञानामि चक्रवर्तिराज्ञामपि यन्मोद्दिश्य प्रव्रजितस्य सद्धर्मणापि काये दण्डे प्रकारं वा दातुं चारुके वा प्रनेतुं । अङ्गमङ्गविकर्तनं वा कर्तुं जीवितादा व्यपरोपणं कर्तुं किं पुनरधर्मेण ॥ ...

⁵⁾ *आकाशगर्भसूत्र* въ *श्रि° स°*, л. 88.

पद्मेमाः कुलपुत्र तत्रियस्य मूर्धाभिषिक्तस्य मूलापत्तयः । याभिर्मूलापत्तिभिः तत्रियो

щему, отчуждаемое въ пользу сайгхи, передается ей передъ чайттей, которая въ данномъ случаѣ есть символъ самого Вѣщаго¹⁾).

मूर्धाभिषिक्तः सर्वाणि पूर्वावरोपितानि कुशलमूलानि मोषयति । वस्तुपातितः पाराञ्चिकः सर्वदेवमुनष्यमुखेभ्यो ऽपायगामी भवति ॥

कतमाः पञ्च । यः कुलपुत्र मूर्धाभिषिक्तः स्तौपिकं वस्त्रपट्टरति साङ्गिकं वा चातुर्दिशसाङ्गिकं वा निर्यातितं वा । स्वयं वापट्टरति कटारयति वा । इयं प्रथमा मूलापत्तिः ।

यः पुनर्मम प्रतिनिपति आवकनिर्याणभाषितं वा प्रत्येकबुद्धनिर्याणभाषितं वा मरुयाननिर्याणभाषितं वा प्रतिनिपति प्रतिषेधयतीयं द्वितीया मूलापत्तिः ।

यः पुनर्मम वोदिश्य शिरस्तुपउमुपउः काषायवस्त्रप्रावृतः शिलाधारी वा ऽशिलाधारी वा तस्य दुःशीलस्य वा शीलवतो वा काषायानि वस्त्राण्यपट्टरति घट्टारयति गृहस्थं वा करोति काये दण्डैः प्रट्टरति चार्के प्रतिपति जीवितेन वा वियोजयतीयं तृतीया मूलापत्तिः ।

यः पुनः तत्रियः संचित्त्य मातरं जीविताद्यपरोपयति पितरमर्क्षं भगवच्छ्रावकं वा जीविताद्यपरोपयति समयं वा सङ्गं भिनत्ति तथागतस्यार्क्षतः सम्यक्संबुद्धस्य संचित्त्य उष्टचित्तो रुधिरमुत्पादयति ॥ एभिः पञ्चभिरानर्क्षैः कर्मभिरन्यतरान्यतरं कर्मात्पादयतीयञ्चतुर्थी मूलापत्तिः ।

यः पुनः तत्रियोऽहेतुवादी भवति परलोकोपेतकः । दशाकुशलां कर्मपथां समादाय वर्ततेऽन्याश्च बहून् मन्त्रां दशस्वकुशलेषु कर्मपथेषु समादाययति विनयति निवेशयति प्रतिष्ठापयतीयं पञ्चमी मूलापत्तिः ॥ ये ॥ यः पुनर्यामभेदं जनपदभेदं नगरभेदं राष्ट्रभेदं करोतीयं मूलापत्तिः ॥ ये ।

¹⁾ pubbe buddhapamukhassa ubhato saṅghassa dānaṃ denti bhagavā majjhe nisidati dakkhiṇato bhikkhū (vā)mato bhikkhuniyo nisidanti bhagavā ubhinnaṃ saṅghatthero tadā bhagavā attanā laddhapaccaye attanāpi paribhujati bhikkhūnaṃ pi dāpeti.

etarahi pana paṇḍitamanussā sadhātukaṃ paṭimaṃ vā cetiyaṃ vā ṭhapetvā buddhapamukhassa ubhato saṅghassa dānaṃ denti.

paṭimāya vā cetiyaṃ vā purato ādhāraṃ pattaṃ ṭhapetvā dakkhiṇodakaṃ datvā buddhānaṃ demā'ti tattha paṭhamāṃ khādaniyaṃ bhojanaṃ denti. vihāraṃ vā āharitvā idaṃ cetiyaṃ demā'ti piṇḍapātaṃ ca mālagandhādini ca denti.

tattha kathaṃ paṭipajjitabban 'ti.

mālagandhādini tāva cetiye āropetabbāni. vatthehi patākā telena dipā kātabbā. piṇḍapātamadhuṇāṇitādini pana yo nibaddhacetiyaajaggako hoti pabbajito vā gahaṭṭho vā tassa dātabbāni.

nibaddhājaggake asati hāṭapattaṃ ṭhapetvā vattaṃ katvā paribhujitum vaṭṭati. upakaṭṭhe kāle bhujitvā pacchāpi vattaṃ kātum vaṭṭati yeva.

mālagandhādisu ca yaṃ kiñci idaṃ haritvā cetiyaṃ karoṭhā'ti vutte dānaṃ pi haritvā pūjetabbam.

M. v. aṭṭhakathā, s. 323.

На святой обязанности вѣрующаго буддиста лежала, какъ мы видѣли выше, не только раздача милостыни общины Вѣщаго, не только, такимъ образомъ, онъ чтитъ Вѣщаго; но онъ долженъ былъ исполнять и другіе обряды служенія Вѣщему. Онъ служилъ ему, молясь различнымъ его останкамъ и почитая ихъ приношеніями, — молясь всему тому, что извѣстно подъ общимъ названіемъ мощей; онъ чтитъ Вѣщаго, молитвенно преклоняясь передъ символами его всевѣдѣнія или символическимъ изображеніемъ его закона: такъ на бхархутскихъ образахъ живописуется, напр.; культъ святыхъ деревъ или колеса закона.

Култъ святаго древа воспроизведенъ не разъ на бхархутскихъ образахъ. Здѣсь имѣются изображенія нѣсколькихъ такихъ (см. Plate XXIX и XXX) святынь, окруженныхъ поклонниками съ приношеніями: вокругъ деревъ находятся сооруженія — алтари, ограды съ башенками; оно увѣшано гирляндами и т. д. Словомъ, мы находимъ здѣсь подробности того культа, который описывается въ палийскихъ памятникахъ и до сихъ поръ живетъ среди вѣрующихъ буддистовъ¹⁾.

Одни изъ св. деревъ, именно древо Випасіана, окружено цѣлою толпою моельщиковъ — мірянъ; нѣкоторые изъ нихъ изображены съ гирляндами въ рукахъ, у другихъ въ рукахъ плоды или цвѣты, и руки воздѣты кверху. Моельщикъ изображенъ какъ бы бросающимъ нѣчто вверхъ, на воздухъ²⁾. Такія-же фигуры

¹⁾ Съ изображеннымъ на бхархутскихъ барельефахъ срв. слѣд. описаніе культа св. древа, въ жатакѣ XIII. 1. 6.

punnaghaṭarantiṃ nāma ṭharāpesi sattaratanamayaṃ vedikaṃ kāresi suvaṇṇa-missikaṃ vālukaṃ okiri pākāraparikkhepaṃ kāresi sattaratanamayaṃ dvāra-koṭṭhakaṃ kāresi. sakkāro mahā ahoṣi.

²⁾

पुष्पाक्षतमुगन्धेषु
वारिणा चैत्यपुङ्गवे ।
सर्घं दद्याद्भवेः पूर्वं
पण्यं तिपेत्सलाञ्जकं ॥

पुष्पाक्षतं करे धत्वा
तिपेत्पुष्पाञ्जलित्रयं

(ахоратравратакатха.)

встрѣчаются и у другихъ священныхъ деревь. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь изображеніе акта поклоненія, о которомъ говорятъ памятники поздніе, хотя самый актъ, судя по бхархутскимъ барельефамъ, едва-ли не долженъ почитаться очень древнимъ; быть можетъ, въ послѣдствіи ему придали чрезмѣрное значеніе: всяка награда тѣмъ, говорится въ одной сѹтрѣ, кто хотя бы во свѣ бросилъ для Вѣщаго одинъ цвѣтокъ на воздухъ; это благое дѣло заканчивалось для него нирвѣной¹⁾.

Святыя деревья, религіозное служеніе которымъ живописуется на бхархутскихъ барельефахъ, въ надписяхъ, находящихся на образахъ, называются эпитетомъ бодхи, то есть, «древо всевѣдѣнія»²⁾, и это характерное названіе распространено на деревья всѣхъ буддхъ: всѣ они одинаково именуются деревьями *всевѣдѣ-*

¹⁾ सचेदन्तशः स्वप्नात्तर्गता अपि सत्त्वा बुद्धमालम्ब्याकाशे एकपुष्पमपि नेत्स्यन्ति तदप्यहं कुशलमूलं निर्वाणपर्यवसानं वदामीति ॥

(Махѣкарунѣсѹтра въ С. в., 179.)

²⁾ Такъ же именуются св. деревья въ палийскихъ текстахъ. Деревя, изображенныя въ Бхархутѣ, описаны въ Буддхаваггѣ.

О деревѣ Vipassī см. *Buddhavaṃso*, стр. 106.

bodhi tassa bhagavato

pāṭalīti pavuccati. о деревѣ

Vessabhū. См. тамъ же, стр. 114.

bodhi tassa bhagavato

asālo 'ti pavuccati.

Kakusandha. См. тамъ же, стр. 118.

bodhi tassa bhagavato

siriso 'ti pavuccati

Koṇāgamana. См. тамъ же, стр. 122.

bodhi tassa bhagavato

udumbaro 'ti pavuccati.

Kassapa. См. тамъ же, стр. 127.

bodhi tassa bhagavato

nigrodho 'ti pavuccati.

Gotama. См. тамъ же, стр. 131.

ahaṃ assatthamūlamhi

patto sambodhim uttamam.

О значеніи bodhi см. Childers, s. v., а также paraṇcasūdanī (рук. Парижской національной бібліотеки, л. kh?) bodhīti rukkhō pi maggo pi sabbaññutaññanam pi nibbānam pi.

ніа. Передъ каждымъ изображено сѣдалище или тотъ престолъ, возсѣдая на которомъ будущій спаситель міра достигаетъ всевѣдѣнія или бодхи, иначе-становится вѣщимъ или Буддхою; престолы эти суть тѣ бодхимаңда, съ помыслами о которыхъ вѣрующій, припявъ три защиты и давъ обѣтъ исполнять заповѣди, становится буддистомъ или членомъ буддійскаго общества: «стану исполнять, говорить онъ, заповѣди отнынѣ до тѣхъ поръ, пока не возсяду на престолъ всевѣдѣнія¹⁾».

Были дѣланы попытки установить извѣстную генетическую связь между буддійскими священными древами, именуемыми бодхи или деревьями всевѣдѣнія, и древними, общеарійскими мифическими представленіями о міровыхъ деревьяхъ. Но культъ дерева въ буддизмѣ имѣлъ совершенно опредѣленный и оригинальный смыслъ: онъ могъ явиться совершенно независимо отъ предшествующихъ мифическихъ представленій. Для буддиста святое дерево было дрѣвомъ всевѣдѣнія, символомъ его спасенія. Легенда повѣствуетъ, что Гаутама или мудрецъ изъ сакійскаго рода шесть лѣтъ подвергалъ себя лишениямъ; шесть лѣтъ, ища истиннаго пути ко спасенію, онъ подвизался и, наконецъ, близъ нынѣшней Гая, сядя подъ дрѣвомъ *Ficus religiosa*, которое до сихъ поръ зеленеетъ среди развалинъ, онъ возмнилъ, что истина обрѣтена, что ему открылось «высшее постиженіе», то есть, бодхи. Онъ увѣровалъ въ то, что сталъ Вѣщимъ или Буддхою, и нашелъ истинный путь ко спасенію. Для буддиста, не сомнѣвавшагося и не сомнѣвающагося въ истинности этого чудеснаго акта спасенія, совершенно естественно, дерево бодхи имѣло значеніе символа спасенія. Онъ видѣлъ въ немъ не древне-арійское мифическое дерево,—но то дерево, подъ которымъ свершился актъ міроваго спасенія. Онъ чтилъ его какъ дерево Вѣщаго, а потому и помѣщалъ подъ его сѣнью престолъ Буддхы.

Такое-же специально буддійское значеніе имѣетъ и другой

¹⁾ Эта формула не встрѣчается на палийскомъ языкѣ. См. *д. д. я.*, т. 2. *सकमुकुनामा इमा वेत्तामुपादाय यावदाबोधिमण्डनिषदन्तु ॥*

символь, культъ котораго изображается на бхархутскихъ барельефахъ, именно *дхармачакра* или «коло закона» ¹⁾. Дхармачакра встрѣчается не только въ Бхархутѣ, но, какъ извѣстно, и на другихъ древне-буддйскихъ памятникахъ; коло закона изображается весьма часто на старинныхъ монетахъ; оно встрѣчается, между прочимъ, на монетахъ Менандра ²⁾. На Цейлонѣ, какъ кажется, коло закона не имѣетъ никакого значенія въ культѣ, но на Сѣверѣ, напр: въ Непалѣ, «коло закона» играетъ великую роль: это коло—необходимая принадлежность при свершеніи различныхъ обрядовъ и служеній; оно—видимое изображеніе метафизическаго ученія о взаимномъ сѣщеніи причинъ ³⁾.

Но культъ Вѣщаго въ древне-буддйскомъ обществѣ выражался не только въ приношеніяхъ его общинѣ, или въ поклоненіяхъ символамъ, видимымъ знаменіямъ его всевѣдѣнія или закона: вѣрующіе чтли также различные матерьяльные останки Первоучителя: мощи, священныя сооруженія надъ ними, стѣпы или чайтъи ⁴⁾. На тѣхъ же бхархутскихъ барельефахъ изображается преклоненіе вѣрующихъ передъ стѣпами и почитаніе мощей. Стѣпы воздвигались у буддистовъ надъ разными святынями ⁵⁾: по однимъ

¹⁾ Изображеніе кола закона находится на Plate XIII, XXXI. 2. XXXIV. 4. Въ Бхархутѣ оно называется *bhagavato dhamasakam*.

²⁾ Монеты Менандра описаны и изображены въ *Asiana Antiqua*. См. Plate IV, 11. Жайны упоминаютъ о колѣ закона въ Такшасилѣ.

तत्तशिलायां बाहुवलिविनिर्मितं धर्मचक्रं Т. к., л. 70.

На монетахъ Менандра колесо могло имѣть и другое значеніе, то есть, быть символомъ міровластительства, такъ какъ колесо есть также одно изъ драгоценностей, необходимо принадлежащихъ каждому Чакравартину или міродержавному владѣтелю.

³⁾ Такъ дхармачакра толкуется въ нѣкоторыхъ тантрахъ. Въ *N. s. t.*, л. 14 и 15, коло называется прямо *प्रतीत्यसमुत्पादार्थसूचकं*; о немъ говорится:

घरिः संघार्यते नाभिर्नाभी चाराः प्रतिष्ठिताः ।

प्रतीत्योत्पाद्योगाच्च चक्रमेतत्प्रवर्तते ॥

⁴⁾ *Cetiya* (*caitya*) имѣетъ двойное значеніе въ буддйскихъ текстахъ: а) этимъ словомъ обозначается всякая святыня и древо *махабодхи* есть *cetiya*. См. напр. *jāt. XIII. 1. 6* *buddhehi pana paribhutto mahābodhi dharantesu pi parinibbutesu pi cetiyam evā 'ti* и б) тѣмъ же словомъ обозначается стѣпа

⁵⁾ *Mélanges asiatiques*, VI, 589, срв. *jāt. XIII. 1. 6*.

извѣстіямъ ихъ сооружали надъ вещами, освященными употребленіемъ, то есть, принадлежавшими Святому; такія ступы назывались *paṅibhottacetiya*,—надъ священными книгами строили *dhammacetiya*, надъ мощами—*dhātucetiya*.

Извѣстія болѣе древнія¹⁾ свидѣлствуютъ о томъ, что ступы воздвигались надъ останками святаго или міродержавнаго царя. Въ надписяхъ говорится о ступахъ, сооруженныхъ учениками надъ останками учителей. Ступы, по свидѣтельству нѣкоторыхъ буддійскихъ памятниковъ, строились надъ останками простыхъ смертныхъ. Останки можно было бросить въ рѣку, или же заключить ихъ въ ступу²⁾. Быть можетъ, въ этомъ предписаніи, приведенномъ въ одномъ позднемъ буддійскомъ памятникѣ, есть ключъ къ объясненію происхожденія ступы. Первоначально ступа была ничто иное, какъ *tipuluz*. Но какъ бы необъяснялось происхожденіе ступъ, откуда ни выводилось бы ихъ начало,—несомнѣнно, на бхархутскихъ барельефахъ намъ изображены упасаки передъ святыми сооруженіями, имѣвшими непосредственную связь и соотношеніе съ первоучителями. На этихъ образахъ передъ зрителемъ сооруженія, непосредственно напоминавшія вѣрующему Спасителя міра. Быть можетъ, артистъ, изображавшій въ Бхархутѣ ступы, не имѣлъ намѣренія представлять святаго сооруженія исключительно надъ мощами³⁾, но несомнѣнно, что культъ мощей уже существовалъ въ то время: на одномъ изъ бхархутскихъ образовъ представлено чествованіе волосъ Вѣщаго на небѣ⁴⁾.

¹⁾ *Mahāparinibbānasutta*, стр. 52, 66.

²⁾ См. *jāt. V. 1. 2.* въ *Mélanges az.*, VI, 579. Срв. *P. p.* नम्रा प्रतिष्ठापयेदस्मि चैत्यगर्भे विशेषतः. См. *Bhaja Ins.*, 2, 3, 4 и въ особенности *Bedaa ins.* 2, гдѣ прямо упоминается о ступѣ, которую воздвигъ ученикъ надъ останками учителя.

³⁾ Почитаніе ступъ изображено на *Plate XIII, XXXI, fig. 1.*

⁴⁾ См. *Plate XVI. (Bhagavato cūḍa mahā)*. О происхожденіи этой святыни см. *jātaka I.* стр. 65. Срв. *Lalitavistara*, стр. 278, гдѣ говорится о чествованіи, а также:

V. v., II. 4. 9. 11. ehi mātali amhe pi
bhiyyo bhiyyo mahemase
tathāgatassa dhātuyo
sukho puññāna uccayo.

Эти слова приписываются Индрѣ.

За центръ, около котораго вращается весь культъ, живописанный на бхархутскихъ образахъ—несомнѣнно слѣдуетъ считать Буддху, хотя ипгдѣ не является его видимое изображеніе, какъ предметъ культа: люди молятся его останкамъ, скрытымъ подъ куполами стѹпъ, видимымъ символамъ его всевѣдѣнія и его закона, и не только люди на землѣ, но и боги на небѣ чтутъ тоже самое. Таково было значеніе Буддхы для вѣрующаго буддиста во время строительства бхархутской стѹпы. Но это значеніе первоучителя для буддійскаго сознанія явилось, конечно, не сразу, а должно было выработаться мало по малу.

Въ преданіяхъ о буддійскомъ расколѣ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы обратимся, теперь раскрывается, хотя и далеко не вполне ясно, постепенное развитіе ученія о Вѣщемъ. Сказанія о вопросахъ, разъединявшихъ буддійскую общину, благодаря старымъ образамъ бхархутской стѹпы, являются теперь въ новомъ свѣтѣ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГЛАВЪ VII.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

annam pânam vattbam yânam
mâlâgandhavilepanam |
seyyâvasathapadipe
yo yuttapatte dade sadâ ||
evam dânamayam puññam
nipphâdetvâna sâdhukam |
tato param pañcasîlam
niccam rakkheyya sâdhukam ||
câtuddasi pannarasi
yâva pakkhasa atthamî |
pâṭihâriyapakkhañ ca
atthaṅgasusamâhitam ||
uposatham upavasetha
sadâ sile susampvuto |
evam sabbam tu kusalam
karontâ yâva jîvikam ||
ito cutâ manussattâ
saggam gacchanti te narâ |
te ca saggagatâ tattha
modanti kâmakâmino ||
vipâkam samvibhâgassa

anubhonti amaccharā |
 ye c' aññe pi narā honti
 puññakāmā sukhattikā ||
 āramaropā vanaropā
 ye janā setukārakā |
 papañcaudapānañ ca
 ye dadanti upassayam ||
 tesam divā ca ratto ca
 sadā puññam pavaḍḍhati |
 dhammatthā silasampannā
 te janā saggagāmino ||
 te ca saggagatā tattha
 modanti kāmagāmino |
 vipākam samvibhāgassa
 anubhonti amaccharā ||
 ye bodhirukkham ropenti
 jalam siñcanti ye narā |
 cetiyam buddharūpañ ca
 karonti kārayanti ca ||
 pabbajanti sayam c' eva
 pabbājenti param pi ca |
 baddhasīmam pi ye c' aññe
 bandhāpenti tato param ||
 uposathādi kāretum
 bhikkhūnam sīmamaṇḍalam |
 vihāram pi ca sakkaccam
 karonti kusalattikā ||
 ye c' aññe kaṭhinam denti
 bhikkhusaṅghassa sādara |
 dīpasahassapūjañ ca
 pupphasahassapūjakam ||
 chattam dhajam patākañ ca
 pūjam karonti ye narā |
 te sabbe kusalam katvā

saggaṃ gacchanti dāyakaṃ ||
 te ca saggaṃ tattha
 modanti kāmakāmino |
 vipākaṃ sakadānassa
 anubhonti amaccharā ||
 salākabhattakaṃ c' eva
 pakkhikaṃ ca uposathaṃ |
 bhattaṃ ca sītakālamhi
 aggidānaṃ dadanti ye ||
 ye jaṇā patipathaṃ dīṭṭhaṃ
 bhikkhusaṅghaṃ ca sādaraṃ |
 añjaliṃ paggaheṭvāna
 mettāsahiteṇa cetasaṃ ||
 pasādasommanettena
 oloketvābhivandiya |
 vihāraṃ pi ca ye gantvā
 vātena vippakīritaṃ ||
 buddhassa pūjite pupphaṃ
 saṃkhaḍḍheṭvāna sādhukaṃ |
 cinitvā sobhanaṃ katvā
 vanditvāna nivattiyum ||
 te cāpi saggaṃ gacchanti
 labhanti vipulaṃ sukhaṃ |
 ekacce duggatā satta
 āmalakaharitaṃ ||
 ucchukaṇḍādimattaṃ pi
 datvā pasannamānasaṃ |
 saggaṃ gacchanti te cāpi
 labhanti vipulaṃ sukhaṃ ||

(L. p. s., x. 65).

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

भगवां कौशाम्ब्यां विक्रति स्म घोषिरारामे । अथापुष्पां मरूचून्दो येन भगवांस्ते-
नोपसंक्रान्तः । उपसंक्रम्य भगवतः पादौ शिरसा वन्दित्वा । एकाक्षेऽस्थोदेकाक्षे स्थित
अपुष्पां मरूचून्दो भगवत्तमेतदबोचत् । लभ्यं भदत्त द्यौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु प्रज्ञापयि-
तुं । मरूफलं । मरूनुशंसं । मरूग्युतिकं । मरूविस्तारिकं ॥

लभ्यं चून्देति भगवांस्तस्याबोचत् । सप्तेमानि चून्दौपधिकानि पुण्यक्रियावस्तूनि ।
मरूफलानि यावन्मरूविस्तारिकाणि । येः समन्वागतस्य आढस्य कुलपुत्रस्य वा कुलडु-
हितुर्वा चरतो वा तिष्ठतो वा स्वपतो वा ज्ञायतो वा सततं समितमभिवर्धत एव
पुण्यमुपज्ञायत एव पुण्यं । कतमानि सप्त । इह चून्द आढः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा
चातुर्दिशा भित्तुसङ्गायारामं प्रतिपादयति । इह चून्द प्रथममौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु म-
रूफलं यावन्मरूविस्तारिकं येन समन्वागतस्य कुलपुत्रस्य वा विस्तरेण यावदुपज्ञायत
एव पुण्यं ॥

पुनरपरं चून्द आढः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा तस्मिन्नेवारामे विकारं प्रतिष्ठापय-
ति । इह द्वितीयमौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु । मरूफलं यावदुपज्ञायत एव पुण्यं ॥

पुनरपरं चून्द आढः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा तस्मिन्नेव विकारे शयनासनं प्रय-
च्छति । तद्यथा मञ्चपीठं त्रिसोच्चविविधोपधानं चतुरश्रकं ददाति । इह चून्द तृतीयमौप-
धिकं पुण्यक्रियावस्तु पूर्ववत् ॥

पुनरपरं चून्द आढः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा तस्मिन्नेव विकारे ध्रुवभिन्ना प्रज्ञा-
पयत्यनुकूलपञ्चमिदं चून्द चतुर्थमौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु मरूफलं पूर्ववत् ॥

पुनरपरं चून्द आढः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा । आगत्युक्ताय गमिकाय दानं ददा-
ति । इह चून्द पञ्चममौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु पूर्ववत् ॥

पुनरपरं चून्द आढः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा ग्लानाय ग्लानोपस्थापकाय वा दानं
ददाति । इह षष्ठमौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु पूर्ववत् ॥

पुनरपरं चून्द आढः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा । यास्ता भवन्ति शीतलिका वा
वर्दलिका वा वातलिका वा वर्षलिका वा । तद्रूपासु शीतलिकासु यावद्वर्षलिकासु भक्त-
ानि वा तर्पणानि वा यवागूयानानि वा । तानि सङ्गायभिनिर्दृष्ट्यानुप्रयच्छति । इदमार्था
अस्माकमनार्द्रगात्राः । अन्भिन्वृष्टचीवराः परिभुज्य सुखं स्पर्शं विक्रतु । इह च चून्द सप्तम-
मौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु । मरूफलं यावदुपज्ञायत एव पुण्यमेभिः सप्तभिरीपधिकैः पु-
ण्यक्रियावस्तुभिः समन्वागतस्य आढस्य कुलपुत्रस्य वा कुलडुहितुर्वा न लभ्यं पुण्यस्य

प्रमाणमुद्धीतु । एतावत्पुण्यं वा पुण्यफलं वा । पुण्यं वा पुण्यविपाकं वा । अपि तु बहुत्वात्पुण्यस्य मर्यादपुण्यस्कन्ध इति सैष्यं गच्छतीत्येवमादि ॥

द्विर्प्यापुष्मान्मर्यादचून्दो भगवत्समेतदवोचत् । लभ्यं भद्रे निरौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु प्रज्ञापयितुं मर्यादफलं यावन्मर्यादविस्तारिकं । लभ्यं चून्देति । भगवांस्तस्यावोचत् ॥

समेतानि चून्द निरौपधिकानि पुण्यक्रियावस्तुनि यैः समन्वागतस्य आदस्य कुलपुत्रस्य वा कुलडुहितुर्वा । चरतो वा तिष्ठतो वा विस्तरेण यावदुपप्राप्यत एव पुण्यं । कृतमानि सप्त । इह चून्द आहः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा शृणोति । तथागतं वा तथागतआवकं वा । श्रुत्वा च पुनरधिगच्छतीति विक्रतीति । श्रुत्वा च पुनरधिगच्छति प्रीतिप्रामोद्यमुदारां कुशलं नैऋत्योपसंक्षिप्तं । इह चून्द प्रथमं निरौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु पूर्ववत् । यावदुपप्राप्यत एव पुण्यं ॥

पुनरपरं चून्द आहः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा शृणोति तथागतं वा तथागतआवकं वा उद्युक्तमनागमनाप । श्रुत्वा च पुनरधिगच्छतीति पूर्ववत् । इह चून्द द्वितीयं निरौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु ॥

पुनरपरं चून्द आहः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा शृणोति । तमेव तथागतं वा तथागतआवकं वा । अध्यात्ममार्गप्रतिपन्नं । तदेव ध्यामतेत्रमनुप्राप्तं । श्रुत्वा च पुनरधिगच्छतीति पूर्ववत् । इह चून्द तृतीयं निरौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु । यावदुपप्राप्यत एव पुण्यं ॥

पुनरपरं चून्द आहः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा शृणोति तथागतं वा तथागतआवकं वा तदेव ध्यामतेत्रमनुप्राप्तं श्रुत्वा च पुनरधिगच्छतीति पूर्ववत् । इह चतुर्थं निरौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु पूर्ववत् । यावदुपप्राप्यत एव पुण्यं ॥

पुनरपरं आहः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा तमेव तथागतं वा तथागतआवकं वा दर्शनायोपसंक्रामति दृष्ट्वा च पुनरधिगच्छतीति पूर्ववत् । इह चून्द पञ्चमं निरौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु ॥

पुनरपरं चून्द आहः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा तस्यैव तथागतस्य वा तथागतआवकस्य वा । श्रुत्वा च पुनरधिगच्छतीति पूर्ववत् । इह चून्द षष्ठं निरौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु ॥

पुनरपरं आहः कुलपुत्रो वा कुलडुहिता वा तस्यैव तथागतस्य वा तथागतआवकस्य वा । श्रुत्वा च बुद्धं शरणं गच्छति सङ्गं शरणं गच्छति धर्मं शरणं गच्छति । शिलापदानिच प्रतिगृह्णाति । इह चून्द सप्तमं निरौपधिकं पुण्यक्रियावस्तु मर्यादफलमिति पूर्ववत् ॥

बहुग्रन्थभाषा सर्वं लिखितं ॥ A. K. B., 174 — 5.

VIII.

ПРЕДАНІЯ О БУДДІЙСКОМЪ РАСКОЛѢ.

1. Источники для исторіи раскола: Васумитра и Буддхагхоша. — 2. Время Буддхагхоши. — 3. Свѣдѣнія объ его жизни. — 4. Общій характеръ легендъ о немъ. — 5. Легендарная исторія Васумитры и время его жизни. — 6. Древнѣйшій источникъ. — 7. Появленіе сектъ. — 8. Свѣдѣніе Дѣпавадсы. — 9. Разсказъ Васумитры. — 10. Причины раздора.

Сочиненія сектанскія, за малыми исключеніями, не дошли до насъ въ оригиналахъ. Многія изъ нихъ, однакоже, извѣстны въ китайскихъ¹⁾ и частью въ тибетскихъ переводахъ. Общій очеркъ важнѣйшихъ догматовъ еретическихъ ученій вмѣстѣ съ краткою исторіею буддійскаго раскола сообщаютъ, главнымъ образомъ, два источника: одно изъ этихъ сочиненій, на языкѣ Пали, составляетъ часть палийскаго канона, и было комментировано Буддхагхошей; другое, санскритскій подлинникъ котораго, по всей вѣроятности, совершенно утраченъ, сохранилось въ тибетскомъ и въ нѣсколькихъ китайскихъ переводахъ; оно было найдено проф. Васильевымъ, имъ же переведено съ тибетскаго и съ прекрасными пояснительными примѣчаніями издано въ первомъ томѣ его извѣстнаго сочиненія о буддизмѣ. Оба сочиненія взаимно различаются и объемомъ и изложеніемъ. Въ санскритскомъ сочиненіи, приписываемомъ Васумитрѣ, перечисляются тѣ тезисы, которые принимались и защищались въ различныхъ сектахъ; тезисы сгруппированы не по содержанію, а по сектамъ. Полемиическій характеръ совершенно отсутствуетъ въ сочиненіи Васумитры, не обширномъ по объему.

¹⁾ Самое полное обзорѣніе сектанскихъ сочиненій въ китайскихъ переводахъ въ настоящее время можно найти въ трудѣ японца *Вилуи Нанъю*, *A catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripiṭaka*, Oxford, MDCCCLXXXIII, а также въ каталогѣ *S. Beal*, *The Buddhist Tripiṭaka as it is known in China and Japan*, 1876. Первый томъ извѣстнаго сочиненія проф. Васильева, не представляя читателю полнаго обзора всей литературы, содержитъ въ себѣ множество свѣдѣній, не находящихся въ двухъ выше поименованныхъ книгахъ.

Авторъ заявляетъ въ вводныхъ стихахъ: «Слово Будды заключается во всѣхъ сочиненіяхъ, которыя признаютъ раздѣлившіяся школы».

«Предметъ (ученія) Арьяшатія (4-хъ истинъ) содержитъ въ себѣ все преподанное Буддой, (и оно находится въ этихъ сочиненіяхъ), какъ золото въ пескѣ».

«Потому оно и должно служить источникомъ или основаніемъ (примиренія)¹⁾».

Палийское сочиненіе, болѣе по объему — полемическое. Число сообщаемыхъ въ немъ тезисовъ гораздо менѣе, нежели въ обзорѣ Васумитры; каждому тезису посвящена особенная глава; названія тѣхъ сектъ, которымъ принадлежали эти спорные тезисы, не упоминаются въ текстѣ, а приводятся лишь въ комментаріи, приписываемомъ Буддахагхошѣ.

Оба источника, — какъ санскритскій, такъ и палийскій, — совершенно ясно, не современны тому факту, о которомъ они повѣствуютъ, и безспорно также, что оба документа не имѣютъ строго-историческаго характера. Авторы обоихъ сочиненій, описывая то, что имъ извѣстно было объ ученіи различныхъ сектъ, не различаютъ древнѣйшаго отъ того, что явилось въ вѣроученіи сектъ позднѣе. Осьмнадцать буддійскихъ сектъ, по свидѣтельству самихъ буддистовъ, появились не сразу, расколъ разростался и развивался постепенно въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Сообщеніе съ этимъ мы должны были бы думать, что и въ еретическихъ ученіяхъ сектъ слѣдуетъ различать разновременныя наслоенія, — но именно такого историческаго развитія еретическихъ ученій нѣтъ и слѣда въ изложеніи обоихъ авторовъ.

Преданіе южныхъ буддистовъ сохранило разнообразныя подробности о Буддахагхошѣ: «Его исторія, говорится въ одной туземной хроникѣ²⁾, въ разныхъ книгахъ рассказывается неодинаково; не слѣдуетъ умышленно мучиться объ этомъ, признавъ за

¹⁾ Васильевъ, I, 224.

²⁾ Sāsanaśāstra.

непреложное, что Буддахагхоша былъ на островѣ, списалъ три пѣтаки, сочинилъ комментарий; списавъ три пѣтаки, Буддахагхоша вернулся въ Индію ¹⁾».

Хронологическая дата появленія Буддахагхоши на островѣ, несомнѣнно, гораздо точнѣе многихъ датъ изъ исторіи Индіи: преданіе согласно въ томъ, что великій буддійскій святитель посѣтилъ островъ при царѣ Маханама; но время царя опредѣляется не одинаково.

Извѣстны три таковыхъ опредѣленія: одно приводится въ Махавамсъ, два другихъ—въ Бирманской хроникѣ ²⁾.

Въ Махавамсъ разсказывается, что Маханама царствовалъ двадцать два года, 410—432 по Р. Х., и въ продолженіе этого времени Цейлонъ посѣтилъ Буддахагхоша ³⁾. Случилось это въ 413 г., слѣдуя другому цейлонскому преданію ⁴⁾. Бирманская-же хроника утверждаетъ, что посѣщеніе Буддахагхоши относится къ 387 г., за два года до смерти Маханама ⁵⁾. Совершенно очевидно, что авторы хроникъ твердо не знали, когда случилось знаменательное событіе въ исторіи ихъ канона.

¹⁾ Тамъ-же. *Kiñcāpi nānāganthesu nānākārehi buddhaghosuppatti āgatā tatthāpi buddhaghosattherassa sīhaladīpaṃ gantvā piṭakattayassa likhanam aṭṭhakathānañ ca karaṇam eva pamānañ 'ti manokiliṭṭhaṃ na uppādetabbān 'ti buddhaghosatthero piṭakattayaṃ likhivā jambudīpaṃ paścāgamāsi.*

²⁾ *l. c. - - - jinasāsanaṃ dvattimsādhikanavassasātapamānaṃ hoti. tasmiñ ca kāle yadā dvīhi vassehi ānaṃ ahosi tadā mahānāmarāñño kāle - - - buddhaghoso nāma therō lañkādīpaṃ agamāsi. amaraपुरamāpakassa rañño kāle sīhaladīpehi bhikkhūhi pesitasandesaṃ pana chaṇḍāsādhikanavassasatā-tikkantesū 'ti vuttaṃ.*

³⁾ The Mahawansa, (Colombo, 1877), стр. 15 и сл.

⁴⁾ См. прим. выше.

⁵⁾ Такъ, несомнѣнно, слѣдуетъ понимать вычисленіе хроники. Выше приведенный годъ получается по сложеніи всѣхъ лѣтъ царствованія Маханама. Въ 830 г. отъ см. Б., на Цейлонъ былъ привезенъ св. зубъ изъ Калингы, (См The Mahawansa, стр. 7. Разсказъ бирманской хроники отличенъ отъ повѣствованія объ этомъ событіи въ Цейлонской.) и къ этому году прикладываютъ годы царствованій царей: Жеттха Тиссы (9), Буддахадасы (39), Упатиссы (42), Маханама (22). Сумма этихъ лѣтъ (102), приложенная къ 830, равняется 932. Въ 930 году Буддахагхоша посѣтилъ Цейлонъ, т. е., за два года до смерти Маханама.

Еще болѣе смутно и не ясно ихъ представленіе о самой дѣятельности Буддхагхоши. Незадолго до посѣщенія Буддхагхоши на Цейлонѣ, при царѣ Буддхадасѣ былъ сдѣланъ переводъ сѹтрь съ палийскаго языка на сингальскій¹⁾. Черезъ сорокъ лѣтъ изъ Индіи, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ то время процвѣтала махаяна, на Цейлонъ пріѣзжаетъ Буддхагхоша, списываетъ три питаки, переводитъ съ сингальскаго на пали комментаріи и увозитъ плоды своей литературной дѣятельности опять въ Индію, гдѣ, однакоже, до сихъ поръ не найдено никакихъ слѣдовъ ни этихъ литературныхъ памятниковъ, ни даже самаго языка пали.

Хотя жизнь Буддхагхоши разсказывается со многими подробностями, но подробности эти, совершенно очевидно, легендарнаго характера—цейлонская хроника говоритъ, что онъ родился въ брахманской семьѣ, гдѣ-то по сосѣдству со св. деревомъ, т. е., около теперешней Буддха-Гап, въ Бихарѣ; первоначально изучалъ вѣды и философскія системы брахманъ. Разъ, придя въ одинъ монастырь, онъ ночью читалъ систему Патанжалі; здѣсь онъ былъ обращенъ въ буддизмъ иѣкимъ благочестивымъ монахомъ Реватою. По обращеніи въ буддизмъ, Буддхагхоша сочинилъ въ Индіи нѣсколько книгъ, и затѣмъ, по указанію своего учителя Реваты, отправился на Цейлонъ для составленія перевода на магадскій языкъ, т. е. на языкъ пали, комментаріевъ трехъ питаковъ. По словамъ Реваты, приведеннымъ въ цейлонской хроникѣ, въ Индіи существовалъ въ то время одинъ только текстъ трехъ питаковъ—комментарій же сохранялся не искаженнымъ и вполнѣ—только на островѣ Цейлонѣ. Переводить этотъ комментарій съ сингальскаго на пали и отправился Буддхагхоша на Цейлонъ²⁾.

Жизнеописаніе Буддхагхоши, находимое въ бирманской хроникѣ, изобилуетъ еще другими подробностями: тамъ называются имена его отца и матери, ближайше опредѣляется мѣсторожде-

¹⁾ См. *The Mahawansa*, стр. 13. Бирманская хроника относитъ это событіе къ 890 году по см. Б. и приводитъ цитату изъ *Silavamsa*.

²⁾ См. *The Mahawansa*, стр. 15 и сл.

ніе, а самая литературная дѣятельность святителя представляется съ прикрасами баснословнаго характера. На Цейлонѣ мужи святые искали человѣка, способнаго перевести три питакі съ сингальскаго на пали; на землѣ они такого не нашли и отправились на небо; здѣсь выборъ ихъ остановился на Девапутрѣ (божьимъ сынѣ), по имени Гхошо; вмѣстѣ съ богомъ Сакра они упрости Гхошу принять на себя трудъ перевода, и тотъ на сей конецъ воплотился на землѣ. Гхошо родился около Св. Древа въ деревнѣ Гхошо отъ брахмана Кеца и его жены Кеѣ. Такъ какъ въ моментъ его рожденія брахманы вопили: «ѣшьте, возлюбленные, пейте», — то новорожденному дали имя Гхошо (звукъ, шумъ).

Семь лѣтъ Гхошо уже зналъ три веды и, по разсказу бирманской хроникі, читалъ веды съ нѣкимъ архатомъ; отъ него-же юный святитель и чудотворецъ узналъ и буддійское ученіе. Въ три мѣсяца онъ изучилъ три питакі, затѣмъ имъ возобладала гордость; сталъ онъ раздумывать о томъ, кто лучше знаетъ три питакі: онъ-ли, Гхоша, или же учитель? Учитель, узнавъ это, сталъ его наставлять; испуганный Гхошо просилъ прощенія, на что учитель отвѣчалъ: «Прощу тогда, когда ты, съѣздивъ на Цейлонъ, переведешь на языкъ магадскій три питакі съ сингальскаго».

Затѣмъ слѣдуетъ въ бирманской хроникѣ разсказъ о путешествіи Буддхагхоши на Цейлонъ, обставленный легендарными подробностями, не имѣющими, однакоже, никакого значенія для уясненія его литературной дѣятельности¹⁾.

Нерѣдко въ извѣстіяхъ о Буддхагхошѣ, объ его происхожденіи и литературной дѣятельности стараются найти и доказать исторически — вѣрные факты. Въ этихъ легендахъ, однакоже, рядомъ съ элементомъ чудеснымъ, а потому не заслуживающимъ никакого вѣроятія, несомнѣнно ясно сказывается благочестивая тенденціозность, желаніе придать южному преданію и палийскому

¹⁾ Палийскій текстъ легенды сообщенъ ниже въ приложеніи А.

канону какую-то предпочтительную древность и необычайную святость. Легенды, кромѣ того, изобличают и свое мѣсторожденіе: авторы ихъ обнаруживаютъ весьма малое знакомство съ тѣми мѣстами, о которыхъ они слагали свои повѣсти; по всей вѣроятности, сказанія были измышлены въ средѣ, не имѣвшей вполне точныхъ свѣдѣній о состояніи буддизма въ Бихарѣ въ эпоху, къ которой относится жизнь Буддхагхоши и путешествіе по Индіи китайскаго монаха Фа-сяна, то есть, или въ Бпрмѣ, или же на Цейлонѣ,—словомъ, въ странахъ, удаленныхъ отъ древней Магадхы или теперешняго Бихара, и притомъ долго спустя послѣ Буддхагхоши.

О положеніи буддизма въ Бихарѣ во времена, ближайшія къ эпохѣ Буддхагхоши, изъ записокъ Фа-сяна извѣстно, между прочимъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ первоучитель достигъ совершенной мудрости, то есть, около св. Древа, находились *три* монастыря¹⁾. Монахи, пребывавшіе въ этихъ обителяхъ, отличались строгимъ выполненіемъ всѣхъ правилъ впаи, что могло явиться только въ силу полного знакомства съ содержаніемъ этой части канона, не достижимаго, совершенно очевидно, безъ комментарія,—а именно комментарія, по словамъ цейлонскихъ хроникеровъ, и не было въ Индіи. За нѣмнѣ-то Буддхагхоша ѣздилъ на Цейлонъ.

Сюань-цзанъ, бывшій въ тѣхъ же мѣстахъ позднѣе, упоминаетъ о большомъ монастырѣ въ ближайшемъ разстояніи отъ священнаго древа²⁾. Монастырь этотъ, по его словамъ, былъ выстроенъ цейлонскимъ царемъ; около тысячи монаховъ жило тамъ, и всѣ они принадлежали къ школѣ стхавировъ; но были въ то же время *Махьянистами*.

Изъ легендъ мы не узнаемъ, въ какомъ именно монастырѣ Буддхагхоша былъ обращенъ, принялъ посвященіе, жилъ,—и, что гораздо важнѣе, легенды оставляютъ совершенно неразъясненнымъ вопросъ, какимъ образомъ въ махьянической средѣ могло

¹⁾ Record of the Buddhistic Kingdoms, стр. 77.

²⁾ Mémoires etc. I. 460, 487.

появиться желаніе приобрѣтать хинайническіе комментаріи? А между тѣмъ по разсказу южныхъ легендъ выходятъ именно такъ: въ одномъ изъ монастырей около Буддха-Гаи, гдѣ процвѣтала махіяна, Буддхагхоша получаетъ свое буддійское образованіе; въ недалекомъ разстояніи оттуда находятся Наландаскіе монастыри, гдѣ, какъ извѣстно изъ источниковъ достовѣрныхъ, цвѣла буддійская ученость. Тѣмъ не менѣе не туда обращается Буддхагхоша за комментариемъ канона и даже за полнымъ канономъ: онъ ѣдетъ на Цейлонъ за сингальскимъ канономъ (переведеннымъ на сингальскій языкъ за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ) и за каноническимъ комментариемъ на томъ же языкѣ.

Для вѣрующаго буддиста, принимающаго чрезвычайныя способности святителя, и, быть можетъ, даже не сомнѣвающагося въ чудесномъ рожденіи Буддхагхоши, никакихъ трудностей въ соглашеніи очевидныхъ противорѣчій и никакихъ сомнѣній въ правдивости легенды, конечно, не должно существовать: онъ не только можетъ, но, пожалуй, и не долженъ задавать себѣ вопроса о томъ, какъ и когда Буддхагхоша изучилъ сингальскій языкъ, — отчего въ его обширныхъ твореніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго намека хоть бы на нѣкоторыя изъ тѣхъ сочиненій, которыя несомнѣнно были въ то время въ обращеніи между монахами на сѣверѣ Индіи, и должны были быть извѣстны ему, жившему въ Бихарѣ или древней Магадхѣ. Но беспристрастная критика должна вѣдать эти вопросы и вполне взвѣсить все связаннаго съ ними трудности: быть можетъ, тогда все разсказы о Буддхагхошѣ окажутся легендарною выдумкою, приуроченной ко времени, когда на Цейлонѣ дѣйствительно происходило какое-то литературное движеніе: канонъ отчасти переводился на туземный языкъ, частью собирали и сводили въ одно цѣлое различные комментаріи¹⁾. Позднѣе, быть можетъ, всю эту дѣятельность связали съ именемъ одного святителя почитаемаго за воплощеніе божья

¹⁾ См. Пратимокша, стр. VII и слѣд.

сына (Девапутры), на короткое время появившагося Цейлонѣ и увезшаго въ Индію плоды своей дѣятельности. Туземныя хроники, рассказывая все это, не разъясняютъ, какимъ образомъ эти литературныя произведенія, увезенныя въ Индію, находятся, однакоже, на Цейлонѣ, а не тамъ, куда ихъ доставилъ Буддахгоша, трудившійся, по прямому смыслу его жизнеописаній, не столько для Цейлона или Бирмы, сколько для Магадхы.

Расходясь со многими изслѣдованіями въ оцѣнкѣ легендъ о Буддахгоши, полагаемъ, однакоже, что нѣтъ основанія отрицать всякую историческую подкладку въ сказаніяхъ о Буддахгошѣ: весьма правдоподобно, что та литературная дѣятельность, о которой было сейчасъ упомянуто, особенно сильно проявилась на Цейлонѣ въ IV—V вѣкѣ по Р. Х., и плодомъ таковой дѣятельности явился обширный комментарий, подлежащій изслѣдователямъ въ настоящее время. Память объ этой дѣятельности, какъ и о многомъ другомъ, сохранилась въ буддійской средѣ въ формѣ легенды: всѣ результаты многолѣтнихъ трудовъ приписаны были одному лицу, славному чудотворцу, сыну боговъ, святителю, родомъ изъ Индіи, изъ мѣстъ, ближайшихъ къ древу мудрости¹⁾.

Давая такое толкованіе легендамъ о Буддахгошѣ, въ тоже время нельзя не признать, что эпоха, къ которой обыкновенно относятъ палийскій комментарий, то есть, половина V ст. по Р. Х., опредѣляется съ большимъ вѣроятіемъ.

Второе сочиненіе, о которомъ было упомянуто выше, приписывается Васумитрѣ, и еслибы доподлинно было извѣстно, какого Васумитру слѣдуетъ разумѣть авторамъ *«Колеса, утверждающаго различіе главныхъ мнѣній»*, — то вопросъ о времени самаго сочиненія значительно упростился бы, и тогда въ приведенномъ сочиненіи мы имѣли бы извѣстія о состояніи сектанскихъ ученій въ опредѣленную эпоху. Къ сожалѣнію, вопросъ объ авторѣ этаго

¹⁾ Max. Müller, S. B. of the East, vol. X, стр. XV и сл.

важнаго сочиненія можетъ быть рѣшенъ только съ приближенной точностью.

Наибольшее число свѣдѣнй о разныхъ буддійскихъ писателяхъ, съ общимъ именемъ Васумитры, собрано у тибетскаго историка Таранатхи — въ источникѣ позднемъ, а потому самому — не всегда достовѣрномъ. Одного Васумитру, ссылаясь при этомъ на очень древнй памятникъ (стр. 65), Таранатха считаетъ современникомъ Канишки и участникомъ Кашмирскаго собора въ Куцдалаванѣ; но при этомъ онъ замѣчаетъ: «не надобно почитать этого Васумитру за одно лице съ великимъ учителемъ Вайбхашиковъ Васумитрой, который жилъ послѣ» (стр. 65).

Вслѣдъ за этимъ лицомъ Таранатха называетъ еще одного Васумитру, который былъ родомъ изъ царства Мару, принадлежалъ къ сектѣ Сарвастивадиновъ и вмѣстѣ съ бхадантой Гхошака переселился изъ Индіи въ страну Асмапаранта, пограничную съ Тухара. Случилось это «послѣ третьяго собранія и вскорѣ по кончинѣ самого царя Канишкѣ» (стр. 67).

Перечисляя далѣе (стр. 74) знаменитыхъ писателей тотъ же авторъ говоритъ: «Бхаданты: Дхарматрата, Гхошака, Васумитра и Буддхадева считаются четырьмя великими учителями въ школѣ Вайбхашиковъ». «Но, прибавляетъ онъ, не надобно смѣшивать этого Васумитру съ двумя другими Васумитрами, изъ которыхъ одинъ сочинилъ Шастрапракарача, а другой Самаябхедопарочаначакра». Объ этомъ послѣднемъ Васумитрѣ тибетскій историкъ сообщаетъ: «Васумитра составилъ толкованіе на абхидхармакошу. Онъ же есть и сочинитель колеса, показывающаго различіе осьмнадцати школъ» (стр. 175). Проф. Васильева, котораго вообще нельзя считать за довѣрчиваго изслѣдователя, легко допускающаго древность буддійскихъ сочиненій, счелъ нужнымъ комментировать это мѣсто Таранатхи такимъ образомъ: «если настоящая эпоха, какъ мы полагаемъ, близка ко времени Сюань-цзана, который перевелъ это сочиненіе по китайски, то какъ могло статься, что въ китайскомъ существовали уже до этого времени два еще болѣе древніе перевода. Потому надобно

думать, что авторъ ошибается, принимая сочинителя толкованія на абхидхармакошу за одно лице съ Васумитрой, писавшемъ о школахъ, тѣмъ болѣе, что одного Васумитру мы встрѣчаемъ уже въ болѣе древнее время и буддисты приписываютъ ему именно даже примиреніе школъ» (стр. 175). Слѣдуя Тāranāth'ѣ, мы должны принимать нѣсколькихъ писателей по имени Васумитра:

- 1) Современника Канишки,
- 2) Васумитру, выселившагося въ страну пограничную съ Тохаристаномъ вѣстѣ съ Гхошака,
- 3) Знаменитаго учителя Вайбхāшниковъ,
- 4) Автора абхидхармаśāстрапракараṇа,
- 5) Автора комментарія на абхидхармакошу и сочиненія «Колесо и т. д.».

Изъ этихъ пяти писателей самымъ древнимъ слѣдуетъ почитать автора śāстрапракараṇа; о немъ «въ предисловіи къ китайской абхидхармѣ, называемой его именемъ, говорится, что это будущій наслѣдникъ буддхы Майтреи или буддха Сниха; отецъ его былъ браминъ въ царствѣ Пити (Видеха), свѣтское его имя было Уттара (У-до-ло); по этому предисловію Васумитра родился еще при жизни Буддхы, а сочинилъ эту книгу по его смерти. Прибывъ въ царство Каньякубжа (Цзао-чжоу-ду) поселился въ саду Пань-най и прославился во всемъ свѣтѣ¹⁾».

Сюань-цзанъ, описывая Г'андхāру²⁾, вспоминаетъ этого буддйскаго писателя: «Изъ святыхъ и мудрецовъ древности, говорятъ онъ, многіе приходили изъ Центральной Индіи сюда и поселялись въ этой странѣ съ тѣмъ, чтобы научать и руководить людей. Какъ примѣръ, можно привести учителя шастръ Васумитру — того, кто сочинилъ трактатъ абхидхармапракараṇаśāстра».

Ясумитра, авторъ обстоятельнаго комментарія на абхидхармакошу, въ числѣ авторовъ первоначальныхъ абхидхармъ при-

¹⁾ Васильевъ, III. 67, прим.

²⁾ Mémoires etc. I. 119.

водитъ также Васумитру, различая его отъ толкователя абхидхармакоши, ученика Гунаматя. Васумитру, втораго по времени, современника Канишки, знаетъ тоже Сюань-цзанъ, хотя во французскомъ переводѣ его записокъ китайская передача индійскаго собственнаго имени неправильно восстановлена по-санскритски, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ мемуаровъ китайскаго паломника слѣдуетъ читать Васумитра, а не Васубандху¹⁾).

Втораго и третьяго Васумитру въ спискѣ Таранатхи, можетъ быть, не слѣдуетъ различать отъ современника Канишки, такъ какъ второй Васумитра упоминается вскорѣ послѣ перваго, и о немъ только и извѣстно, что онъ выселился въ Тохаристанъ, что могло случиться и съ современникомъ Канишки послѣ смерти царя-покровителя. О третьемъ же Васумитрѣ говорится, что онъ былъ знаменитымъ учителемъ Вайбхашниковъ. Сюань-цзанъ, повѣствуя о соборѣ при Канишкѣ, приводитъ извѣстія о томъ, что старцы, бывшіе на этомъ соборѣ въ числѣ пятисотъ чело-вѣкъ, подъ главенствомъ Васумитры сочинили, между прочимъ, въ объясненіе абхидхармапитаки, толкованія «абхидхармави-бхашасѣстру». Можно было бы думать, что знаменитый Вайбхашникъ-Васумитра и современникъ Канишки одно и то же лице.

Ни одинъ изъ этихъ писателей не писалъ сочиненія о буддійскихъ сектахъ: Таранатха утверждаетъ, что сочиненіе о сектахъ принадлежитъ писателю позднѣйшему; тому самому, кто истолковывалъ также сочиненіе Васубандху, абхидхармакошу. Едва ли есть какое либо основаніе заподозрѣвать истинность этого послѣдняго показанія. Проф. Васильевъ совершенно вѣрно указалъ (см. выше), что авторъ сочиненія о сектахъ не можетъ быть современникомъ Сюань-цзана; но Таранатха этого нигдѣ не утверждаетъ: хронологическая догадка всецѣло принадлежитъ ученому переводчику и имъ же блистательно опровергнута. Таранатха утверждаетъ только, что современникъ Канишки и авторъ сочиненія о сектахъ, а также толкованія на абхидхарма-

¹⁾ Васильевъ, III, 66 прим., *Mémoires etc.* I, 175 и слѣд.

кошу, суть два разныхъ лица. Проф. Васильевъ приводитъ одно соображеніе, на основаніи котораго послѣдняго несомнѣнно нельзя считать за современника Сюань-цзана. Къ этимъ извѣстіямъ слѣдуетъ присоединить еще третіе: Ясмитра называетъ Васумитру, истолкователя абхидхармакоши, ученикомъ Гунамати¹⁾, и весьма часто цитуетъ ихъ мнѣнія вмѣстѣ.

Гунамати же знаютъ и Таранатха, и Сюань-цзанъ. Первый сообщаетъ о немъ, что онъ «былъ искусенъ во всѣхъ наукахъ и сочинилъ толкованія на абхидхармакошу; также сочинилъ толкованія и на мұламадхъяму и т. д.²⁾». Сюань-цзанъ знаетъ одного Гунамати, блистательно подвизавшагося въ диспутѣ съ Мадхава, брахманическимъ философомъ школы Сâṅkhya³⁾.

Такимъ образомъ, эти извѣстія приводятъ къ заключенію о томъ, — что Васумитра жилъ ранѣе Сюань-цзана, но позднѣе Канншки, и позднѣе также автора абхидхармакоши, то есть, Васубандху.

О Васубандху и его времени, кромѣ извѣстій въ запискахъ Сюань-цзана и въ исторіи Таранатхы есть еще нѣсколько свѣдѣній въ его специальномъ жизнеописаніи, которое было переведено на китайскій языкъ при династіи Чень (557—588) знаменитымъ Чженъ-ти⁴⁾. Очевидно, что если это жизнеописаніе уже въ VI в. переводилось на китайскій языкъ, оригиналъ долженъ былъ существовать въ Индіи гораздо ранѣе, и еще ранѣе долженъ былъ жить самъ знаменитый писатель. Слѣдуя этой біографіи, Васубандху жилъ въ девятисотыхъ годахъ по смерти Буддхы; родился онъ въ царствѣ Пурушапура, но главная его дѣятельность происходила въ Айодхи при царяхъ Викрамăдितъ и Прадितъ.

Сюань-цзанъ также упоминаетъ о томъ, что Васубандху былъ современникомъ Викрамăдити, царя Срăвасти, и его сына

¹⁾ А. л. в., т. 133.

²⁾ Васильевъ, III, 163.

³⁾ Mémoires I, 442 и слѣд.

⁴⁾ Васильевъ, Буддизмъ I, 210, 215, 219 и сл.

Сйладити¹⁾. Этотъ синхронизмъ и былъ главнымъ основаніемъ для опредѣленія эпохи Васубандху. Совершенно очевидно, что нѣтъ никакого основанія отождествлять Викрамādितью — царя Сравасти — съ знаменитымъ царемъ, по имени котораго именуется извѣстная индійская эра, — тѣмъ не менѣе съ этого начинали разысканія, и затѣмъ дѣлался такой выводъ: такъ какъ Викрамādитья долженъ былъ жить въ первой половинѣ VI вѣка, то Васубандху во второй того-же столѣтія²⁾, т. е. позднѣе того времени, когда его біографія уже была переведена на китайскій языкъ. Тоже опредѣленіе времени Васубандху старались подтвердить рядомъ другихъ аргументовъ, но, само собою разумѣется, всѣ они не выдерживаютъ критики въ виду несомнѣнной даты китайскаго перевода біографа Васубандху. Въ VI вѣкѣ не могъ жить авторъ абхидхармакоши. Раньше должны были также жить и его первые комментаторы, т. е. Гунаматти и Васумитра. О Гунаматти говорятъ Сюань-цзанъ, какъ о писателѣ древнемъ³⁾.

Эпоха Васубандху, говорится въ одномъ новѣйшемъ изслѣдованіи⁴⁾, можетъ быть установлена съ весьма сноснымъ правдоподобіемъ (*can be fixed with tolerable certainty*); но правдоподобіе это лишь кажущееся: несомнѣнно, что Васубандху жилъ ранѣе VI вѣка, то есть, того времени, когда его жизнеописаніе было переведено на китайскій языкъ; и такъ какъ тотъ же Чженъ-ти переводилъ сочиненіе Васумитры, то, само собою разумѣется, и это сочиненіе должно быть отнесено ко временамъ болѣе древнимъ. Но на сколько трудъ Васумитры старѣе комментарія Буддхагхоши, пока не можетъ быть удовлетворительно разъяснено.

Древнѣе Буддхагхоши, несомнѣнно, слѣдуетъ считать тотъ палийскій текстъ, который онъ комментировалъ, то есть, *kathā-*

¹⁾ Mémoires etc. I, 115 и сл.

²⁾ Max. Müller, India etc. стр. 306 и сл.

³⁾ Mémoires etc. I, 442 и сл.

⁴⁾ Max. Müller, India etc., стр. 302 и сл.

vatthupprakaṇḍa, составляющій одну изъ частей палийскаго канона или трехъ питакъ; преданіе опредѣляетъ его время весьма точно; выше въ главѣ IV была, однакоже, показана несостоятельность этого опредѣленія. Въ книгѣ, относимой по преданію къ эпохѣ Асоки Великаго, упоминается между прочимъ секта Ветульскова, возникшая въ III в. по Р. Х.¹⁾ Ранѣе этой эпохи совершенно ясно разсматриваемое сочиненіе не могло явиться.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что сочиненія, послужившія источниками для нижеслѣдующаго разсказа о буддійскомъ расколѣ, должны быть отнесены къ эпохѣ между III и VI вѣкомъ по Р. Х., и только время одного изъ нихъ, именно, приписываемаго Буддхагхошѣ, можетъ быть опредѣлено, какъ это выше было указано, съ нѣкоторою точностью.

Во введеніи къ своему комментарію на катхаваттхуппакараṇа Буддхагхоша представляетъ читателю краткую исторію появленія буддійскихъ сектъ; эта схема развитія раскола повторяется въ его сочиненіи дважды; собственное изложеніе онъ подтверждаетъ еще цитатою изъ Дипавамсы, каковой источникъ, несомнѣнно, долженъ почитаться наиболѣе древнимъ свѣдѣтельствомъ о развитіи буддійскаго сектантства.

Начало раскола, по словамъ Буддхагхоши, а также Дипавамсы, относится ко времени втораго собора. Тѣ самые монахи Ваджжипуттаки, которые допускали десять повшествъ, за что они и были отлучены и отвержены на соборѣ, образовали изъ себя особую секту, по имени Махасайгхиковъ (1). По словамъ нашего автора, ихъ было десять тысячъ. Отъ нихъ ведутъ начало многія другія секты.

Отъ Махасайгхиковъ (1) отдѣлились двѣ другихъ секты: Гокулики (2) и Екаббохарики (3).

Отъ Гокуликовъ (2) произошли слѣдующія секты: Пайнаттивады (4), Бахуссуттики (5). Среди этихъ послѣднихъ

¹⁾ См. The Mahāvamsa (Ed. Tugnoir), стр. 227, прим. Срв. также выше стр. 88 и прим.

сектъ образовалась новая — Четіјавâдовъ (6). Отъ первыхъ раскольниковъ произошло, такимъ, образомъ шесть сектъ уже во второмъ вѣкѣ¹⁾.

Во второмъ же столѣтіи отъ секты старцевъ правотѣрной, или Тхеравâды, отдѣлились: Махиѳсâсики (7) и Важжи-путтаки (8).

Отъ послѣднихъ въ томъ же столѣтіи образовались четыре новыхъ: Дхаммуттаріјâ (9), Бхадрајâники (10), Чханнагарики (11), Саммитіјâ (12).

Во второмъ же столѣтіи отъ Махиѳсâсаковъ отдѣлились двѣ секты: Саббаттхивâды (13) и Дхаммагуттики (14).

Отъ Саббаттхивâдовъ отдѣлились Кассапники (15), отъ Кассапниковъ Сайкантики (16), а отъ послѣднихъ — Сутта-вâды (17).

По словамъ Буддхагхоши, отъ секты старцевъ отдѣлилось однадцать сектъ, и всѣхъ сектъ было осмынадцать, что не противорѣчитъ разсказу Діпаваѳса, гдѣ генезисъ сектъ излагается въ той же послѣдовательности²⁾.

Въ разсказѣ цейлонской хроники Діпаваѳса есть, кромѣ того, кое-что, не лишнее значенія и опущенное въ изложеніи самаго Буддхагхоши. Авторъ хроники также точно, какъ и Буддхагхоша, причиною раскола выставляетъ десять грѣшныхъ новшествъ, о которыхъ говорилось выше, при описаніи второго собора; но вмѣстѣ съ этимъ онъ упоминаетъ, хотя и весьма сжато и кратко, о другой грѣшной дѣятельности раскольниковъ: въ хроникѣ говорится о томъ, что раскольники разрушили первоначальный канонъ (*mūlasaṅghaṇaṃ*) и сочинили новый, распредѣлили

¹⁾ *k. v. p.*, л. 3: *evaṃ mahāsaṅghikācariyakulato dutiyavassasate pañcācariyakulāni uppannāni tāni mahāsaṅghikehi saddhiṃ cha honti.*

²⁾ Вотъ какъ заканчиваетъ свое перечисленіе авторъ: *ime ekādasa ācariyavāda uppannā te theravādehi saddhiṃ dvādasa honti iti ime ca dvādasa mahāsaṅghikānaṃ cha ācariyavāda 'ti sabbe ca aṭṭhārasa ācariyavāda dutiyavassasate uppannā. aṭṭhārasa nikāya 'ti pi aṭṭhārasācariyakulānti pi etesaṃ yeva nāmaṃ.* *l. c.*, л. 4. Срв. *The Dipavaṃsa*, стр. 35 и сл.

въ пяти частяхъ (pikāya) суттапитаки по своему порядку отдѣльныхъ изрѣченій, и много смыслу и закона уничтожили въ этой питакѣ¹⁾.

Эти слова хроники констатируютъ фактъ существованія разныхъ канонѣвъ у разныхъ сектъ; или описывается внѣшняя сторона различныхъ редакцій канона, отличавшихся взаимно не только по внутреннему содержанію, но и внѣшнимъ распредѣленіемъ сѹтръ и вообще разныхъ частей трехъ питакъ. Судя по имѣющимся теперь свѣдѣніямъ о различныхъ сектантскихъ канонахъ, эта внѣшняя сторона, дѣйствительно, есть весьма характерный признакъ. Въ смыслѣ внѣшней характеристики сектантскихъ канонѣвъ слѣдуетъ понимать и дальнѣйшія слова хроники о томъ, что раскольники отбросили часть сѹтръ и винаи, а вмѣсто этого сочинили новыя сѹтры и винаю; они не принимали нѣкоторыхъ книгъ, находящихся въ палийскомъ канонѣ, напр. одну изъ книгъ винайпитаки — паривāру, шесть частей абхидхармы, книги патисамбхиды, ниддеса и часть жĳатакъ.

Частью по невѣдѣнію, частью съ умысломъ раскольники исказили внутренній смыслъ ученія²⁾. (Секты, слѣдующаго разсказу Діпавадсы, отличались и по внѣшности: они сочинили себѣ особыя имена³⁾, одѣвались не въ одинаковыя ризы³⁾, отличавшіяся цвѣтомъ и покроемъ; утварь у монаховъ разныхъ сектъ была неодинакова также точно, какъ и всѣ наружныя приемы въ обращеніи съ людьми.

Васумитра, точно также какъ и цейлонскіе источники, исторію раскола начинаетъ со втораго столѣтія; но по его изложенію осемнадцать сектъ развились не во второмъ только столѣтіи, а

¹⁾ Dīpavaṃso, 86.

²⁾ Dīpavaṃso, стр. 36. Срв. Прāтимокша-сѹтра, стр. XLVII прим.

³⁾ Это мѣсто Діпавадсы Ольденбергъ и ранѣе его д'Альвисъ перевели иначе. Мы слѣдуемъ туземному комментарію. См. Прāтимокша-сѹтра стр. XLVII, прим. О различныхъ именахъ у монаховъ разныхъ сектъ, о неодинаковыхъ по цвѣту и покрою ризахъ въ разныхъ сектахъ говорится и въ другихъ источникахъ. См. Васильевъ, Буддизмъ, I, стр. 267; St. Julien, Journal as., V. S, tome XIV, стр. 360 и сл.

на протяжении гораздо болѣе продолжительнаго времени. Цейлонское преданіе знаетъ также секты позднѣйшія, но не изъ числа главныхъ осьмнадцати¹⁾. Буддійская община распалась, по рассказу Васумитры, первоначально на двѣ секты: Стхавировъ и Махасайгхиковъ.

Въ продолженіе втораго столѣтія изъ школы Махасайгхиковъ, по тому же изложенію, образовались слѣдующія секты: Екававахарика (1), Локоттораваддиновъ (2)²⁾, Кукулика (или Куккутика) (3), Бахушрутія (4), Пражняптиваддиновъ (5).

Въ двухъ-сотомъ году, продолжаетъ далѣе Васумитра, Тиртикъ, поступивши въ духовное званіе (Буддійское) и живя на горѣ Чжэйтія..... образовалъ три школы: Чайтика (Чайтешаппа) (6), Апарашайла (7) и Уттарашайла (или Пурвашайла) (8)³⁾.

Расколъ въ сектѣ старцевъ или стхавировъ, по изложенію того же автора, начался только въ 3-емъ столѣтіи.

Первоначально стхавиры раздѣлились на двѣ партіи: 1) одни утверждали, что все существуетъ [Сарваствивада (1)]; они были прозваны школой Хетувата, признающихъ причину; имѣли и другія названія: Мурунтака, Вибхажаваддиновъ⁴⁾; 2) другая партія прежнихъ Стхавировъ прозвалась школой Хапмавата⁵⁾ (2).

Въ продолженіе третьяго столѣтія образовались еще другія секты: отъ Сарваствиваддиновъ отдѣлились Ватсипутрии (3); отъ

¹⁾ Въ Дипавамсѣ (стр. 38) болѣе позднія секты перечисляются такъ: 1) Hemavatika, 2) Rajagirikā, 3) Siddhatthā, 4) Pubbaselika, 5) Aragaselika, 6) Rajagirikā. Въ к. в. р. (моя рукопись) вмѣсто послѣдняго имени стоитъ Vājariya (или Vājiriya, по чтенію Парижской рукописи). См. *The Mahāvaṃsa*, (Turnour), стр. 21 читаетъ: Vādariya. Въ число этихъ сектъ Цейлонское преданіе не включаетъ Цейлонскихъ. Въ к. в. р. (л. 7) aññe pi ca ācariyavādā uppannā te idha anadhipetā.

²⁾ Въ Цейлонскихъ спискахъ эта секта не приводится.

³⁾ Двѣ послѣднія секты въ Дипавамсѣ значатся поздними. См. выше. Уттарашайла слѣдуетъ различать отъ Пурвашайла, иначе не выйдетъ девяти сектъ Махасайгхиковъ, о которыхъ говоритъ Васумитра.

⁴⁾ См. Васильевъ, 1. стр. 230.

⁵⁾ Сличн съ изложеніемъ Буддхагхоши. Последняя школа по Дипавамсѣ включена въ число позднихъ.

послѣднихъ развились: Дхармоттаріи (4), Бхадрајāни (5), Самма-тіи (6) и Шаццāгарики (7).

Расколъ шелъ дальше: въ третьемъ вѣкѣ отъ Сарвāстивāдиновъ отдѣлилась секта Махисāсаковъ (8), и отъ послѣдней — Дхармагунты (9), «признававшіе своимъ учителемъ Маудгальяну»¹⁾. Въ томъ же столѣтїи въ средѣ Сарвāстивāдиновъ образовалась новая секта — Суварша (10), называемая у нѣкоторыхъ Кāсјāнїя. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, т. е., въ четвертомъ по смерти Буддхы, отъ Сарвāстивāдиновъ отдѣлилась секта Сайкрāнти (11), называемая у нѣкоторыхъ Саутрāнтиками, и признававшая своимъ учителемъ Дхармоттару или Уттарадхарму²⁾.

Въ двухъ сейчасъ приведенныхъ спискахъ буддїйскихъ сектъ ихъ взаимная генетическая связь излагается не одинаково, и едва-ли возможно рѣшить, на чьей сторонѣ правда. Другіе источники представляютъ развитіе раскола, т. е. рожденіе новыхъ сектъ въ иной послѣдовательности³⁾.

Въ изложенїи Васумитры однако же есть двѣ важныя подробности, придающія его разсказу большую вѣроятность. Онъ утверждаетъ, что секты нараждались и развивались не только во второмъ столѣтїи по смерти Буддхы, но и гораздо позднѣе, въ третьемъ и въ четвертомъ вѣкѣ. По цейлонскому преданїю, развитіе раскола происходило иначе и свершилось въ продолженіе одного только 2-го столѣтїя, что гораздо менѣе вѣроятно: трудно предположить, чтобы община съ-разу въ продолженіе одного столѣтїя разбилась на восемнадцать сектъ.

Васумитра, разсказывая о происхожденїи сектъ, кое-гдѣ

¹⁾ См. Васильевъ, I, 231, прим.

²⁾ См. Васильевъ, I, стр. 233, прим. 4.

³⁾ Различное перечисленіе сектъ находимъ у Тāрāнāтхи, Васильевъ, III, стр. 259 и сл. Срав. выше приведенное прим. Васильева. Свѣдѣнія о сектахъ приводятся также въ слѣд. двухъ статьяхъ:

Julien, Stanislas, *Listes diverses des noms des Dix-huit écoles schismatiques, sorties du Bouddhisme*. См. *Journal Asiatique*. Vème Serie T. XIV, стр. 327 и слѣд. и Beal, Rev. S. *The eighteen Schools of Buddhism*. См. *The Ind. Antiquary*, vol, IX (1880). стр. 299.

пазываетъ и тѣхъ учителей, которыхъ секты признавали какъ бы своими исключительными авторитетами. Эта подробность, которой не знаетъ цейлонское преданіе, въ связи съ названіями нѣкоторыхъ школъ, какъ наир. Чайтпки, Апарашайла, Уттара-шайла, Пурвашайла, Ханмавата, Шаңдгариковъ, очевидно, то-пографическаго характера, какъ бы намекаетъ на то, какъ совершенно естественно буддійская община, распространяясь по разнымъ частямъ Индіи, и руководясь мѣстными отдѣльными учителями, распадалась на секты, расходившіяся по частнымъ вопросамъ. Въ началѣ, конечно, первый мотивъ къ распаденію былъ болѣе серьезнаго характера, — такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло раскола представляется Васумитрой.

Причиною раздора, а затѣмъ и раскола, по его сказанію, были пять вопросовъ, рѣшавшихся различно членами древней буддійской общины, или, говоря его словами, «раздѣленіе общества духовныхъ (Сангхи)» случилось отъ обсужденія и провозглашенія (слѣдующихъ) пяти положеній:

- 1) Руководство другими,
- 2) Незнаніе,
- 3) Сомнѣніе,
- 4) Разсужденіе по (подражанію) другимъ,
- 5) Происхожденіе пути изъ словъ — это есть ученіе Буддхы ¹⁾.

При этомъ монахи «стали приводить каждый слова своихъ учителей и утверждать несогласное съ другими» ²⁾.

Четыре изъ этихъ пунктовъ, какъ это ниже будетъ выяснено, относились къ догматическому ученію о сущности архата, святаго или, что то же, Первоучителя, Вѣщаго, Буддхы и т. д.

Относительно пятаго положенія, «Происхожденіе пути изъ словъ», Васильевъ замѣчаетъ: ³⁾ «5-ый терминъ относится къ силѣ ученія Буддхы: достаточно-ли его словъ, чтобы прозрѣть

¹⁾ Васильевъ, I, стр. 225.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Васильевъ, I, 225.

путь, и въ словѣ-ли только оный заключается». Въ буддійскихъ памятникахъ, какъ палийскихъ такъ и санскритскихъ, излагается ученіе о томъ, что спасенія, иначе постиженія пути, можно достигнуть не только черезъ посредство словъ или наученія, но и черезъ правильное размышленіе¹⁾. Еретики, утверждая, что путь происходитъ изъ словъ, что спастись можно только усвоивъ ученіе Буддхы, само собою разумѣется, должны были отвергать второй способъ спасенія. Если понимать смыслъ этого положенія такимъ образомъ, — связь его съ предшествующими станетъ вполне ясна. И въ этомъ положеніи мы имѣемъ дальнѣйшее развитіе вопроса о сущности архата, святаго, и значеніе его словъ или ученія для ищущаго спасенія: «и 5-ый терминъ, говоритъ проф. Васильевъ, обыкновенно относится къ архатамъ».

Всѣхъ этихъ подробностей о причинахъ буддійскаго раскола цейлонское преданіе не приводитъ въ повѣствованіяхъ о началѣ распаденія сайгхи на секты. Но, въ разсказѣ о десяти пунктахъ, послужившихъ поводомъ къ первоначальному расколу, кромѣ относящихся къ винаѣ, упоминается одинъ пунктъ, какъ бы связывающій цейлонское преданіе съ сѣвернымъ, писанно *āsiṇṇa-karro*²⁾. Мнѣнія расходились по вопросу о томъ, какое значеніе слѣдуетъ придавать примѣру учителя. Новшество это на соборѣ не было вполне отвергнуто, и можно было бы думать, что отсюда совершенно естественно родился вопросъ болѣе отвлеченный, — о сущности самаго святаго или учителя. Если предъ санкціей учителя слѣдуетъ безусловно преклоняться, то, значить; онъ непогрѣшимъ, а если онъ непогрѣшимъ, то кто же онъ такой? И такимъ образомъ всплылъ вопросъ объ архатѣ, а затѣмъ и другихъ степеняхъ святости.

¹⁾ См. приложение Б.

²⁾ См. выше стр. 45 и сл.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГЛАВЪ VIII.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

buddhaghosattherassa atthuppattim samkhepamattam vak-
khāma. katham sihalabhāsakkharehi parivattitam pariyattisāsa-
nam māgadhabhāsakkharepa ko nāma puggalo parivattitum sa-
kkhissatiti mahāttherā nimantayitvā tāvatimsabhavanam gantvā
ghosam nama devaputtam disvā saddhim sakkena devānam indena
tam yācitvā bodhirukkhasamipe ghosagāme kesassa nāma brāhma-
ṇassa kesiyā nāma brāhmaṇiyā kucchimhi paṭisandhim gaṇhāpe-
sum. khādatha bhonto pivatha bhonto'ti ādi brāhmaṇānam aṇṇa-
maṇṇam ghosakāle vijāyanattā ghoso'ti nāmam akāsi. sattavassi-
kakāle so tiṇṇam vedānam pāragū ahosi. atha'kho ekena arahā-
tena saddhim veda-katham sallapanto tam katham nitthāpetvā
kusalā dhammā akusalā dhammā avyākata dhammā'ti ādinā para-
matthavedam nāma buddhamantam pucchi. tadā so tam sutvā
uggaṇhitukāmo hutvā tassa arahantassa santike pabbajitvā deva-
sikaṃ devasikaṃ piṭakattayam satthimattehi padasahassemi sajjhā-
yam akāsi vācuggatam akāsi. ekamāsen'eva tiṇṇam piṭakānam
pāragū ahosi. tato pacchā raho ekako'va nisinnassa tad ahosi
buddhabhāsita piṭakattaye mama vā paṇṇā adhikā udāhu upajjhā-
yassa vā'ti. tam kāraṇam ūtvā upajjhācariyo niggaham katvā
ovadi. so samvegappatto hutvā khamāpetum vandi. upajjhācariyo
tvam āvuso sihāladīpaṃ gantvā piṭakattayam sihalabhāsakkha-

reṇa likhitam māgadhabhāsakkhareṇa likhāhi. evaṃ sati ahaṃ khamissāmiti āha. buddhaghoso ca pitaraṃ micchādittibhāvato mocetvā ācariyassa vacanaṃ sirasā paṭiggahetvā piṭakattayaṃ likhituṃ sihaladīpaṃ nāvāya agamāsi. tadā samuddamajjhe tihi divasehi tarante buddhadattatthero ca sihaladīpato nāvāya āgacchanto antarā magge devānaṃ anubhāvena aṇṇamaṇṇaṃ passitvā kāraṇaṃ pucchitvā jāni jānitvā ca buddhadattatthero evaṃ āha. mayā āvuso kato jinālaṃkāro appasāro'ti maṇṇitvā piṭakattayaṃ parivattituṃ likkhituṃ nādaṃsu. tvaṃ pana piṭakattayaṃ samvaṇṇehi vatvā attano sakkena devānaṃ indena diṇṇaṃ haritakiphalaṃ ayomayalekhanadaṇḍaṃ nisitasilaṃ ca buddhaghosatttherassa adāsi. evaṃ tesāṃ dvinnāṃ therānaṃ aṇṇamaṇṇaṃ salla-pantānaṃ yeva dve nāvā sayam eva apanetvā gacchimsu. buddhaghosattthero ca sihaladīpaṃ patvā paṭhamaṃ saṅghapālattheraṃ passitvā piṭakattayaṃ māgadhabhāsakkhareṇa parivattituṃ āgato mhiṭi kāraṇaṃ ārocetvā sihalabhikkhū ca sile patittihāyā'ti ādigāthaṃ niyyādetvā imissā gāthāya atthaṃ piṭakattayaṃ āloketvā samvaṇṇehi uyyojesuṃ. tasmīṃ yeva divase sāyaṇhakālato paṭṭhāya yathāvuttagāthaṃ pamukhaṃ katvā visuddhimaggaṃ akāsi. katvā taṃ kammaṃ nipphādetvā tena ānāpabhavaṃ vi-maṃsetukāmo devānaṃ indo taṃ gandhaṃ antaradhāpesi puna-pi thero akāsi. tathēva devānaṃ indo antaradhāpesi. puna-pi thero akāsi. evaṃ tikkhattuṃ antaradhāpetvā pubbagandhe pi dassesi. tiṇṇaṃ pi gandhānaṃ aṇṇamaṇṇaṃ ekapadamattena pi vi-sesatā n'atthi. saṅghapālatthero ca taṃ ārādhayitvā piṭakattayaṃ niyyādesi. evaṃ visuddhimagge saṅghapālattherassa yācanaṃ ārabbhā visuddhimaggo kato'ti āgataṃ buddhaghosuppattikathāyaṃ pana saṅgharājattherassa āyācanaṃ ārabbhā'ti āgataṃ. ayaṃ buddhaghosuppattikathāyaṃ āgatanayena dassitabuddhaghosuppattikathāsamkhepo.

(sāsanavaṃso).

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

1.

duve hetū duve paccayā sāvakassa sammādiṭṭhiyā uppādāya parato ca ghoso saccānusandhi ajjhattañ ca yoniso manasikāro¹⁾.

tattha katamo parato ghoso. yā parato desanā ovādo anusāsanī saccakathā saccānulomo. cattāri saccāni dukkhasamudayo nirodho maggo. imesaṃ catunnaṃ saccānaṃ yā desanā sandassanā vivaraṇā vibhajānā uttānikiriyaṃ pakāsanā ayaṃ vuccati saccānulomo ghoso'ti

tattha katamo ajjhattaṃ yoniso manasikāro²⁾. ajjhattaṃ yoniso manasikāro nāma yo yathā desite dhamme bahiddhā āramanaṃ anabbiharitvā yoniso manasikaroti ayaṃ vuccati yoniso manasikāro taṇākāro yoniso dvāso vidhi upāyo yathā puriso sukkhe kaṭṭhe vigatasnehe sukkhāya uttarāraṇiyaṃ thale abhimaḍḍamaṇaṃ bhabbo jotissa adhigamāya. taṃ kissa hetu. yoniso aggissa adhigamāya. evaṃ evassa c'idam. dukkhasamudayanirodhamaggānaṃ aviparītadhammadesanaṃ manasikaroti ayaṃ vuccati yoniso manasikāro.....

Р. н., л. 1. и сл.

2.

parato ghosena yā uppajjati paññā ayaṃ vuccati sutamayi paññā.

¹⁾ СЪ ЭТИМЪ СРВ. क इमे हेतवः के च प्रत्यया इति । हेतूनां प्रत्ययानां च कः प्रतिविशेषः ॥ न कश्चिदित्याह । तथा क्युक्तं भगवता । द्वौ हेतू द्वौ प्रत्ययौ सम्यग्दृष्टेरुत्पादाय । कतमौ द्वौ । परतश्च घोषो ऽध्यात्मं च योनिशो मनस्कार इति ॥ А. н. в., 92.

²⁾ ययोनिशोमनस्कारः । ययोन्या यन्यायेन क्लेशयोगेन यः प्रवृत्तो मनस्कारः ॥ А. н. в., 206.

yā ajjhattaṃ yoniso manasikārena uppajjati paññā ayaṃ
vuccati cintamayī paññā'ti.

imā dve paññā veditabbā. purimakā ca dve paccayā ime dve
hetū dve paccayā sāvakassa sammāditthiyā uppādāya.

tattha parato ghosassa saccānusandhissa desitassa atthaṃ
avijānanto atthapaṭisaṃvedi bhavissatīti n'etaṃ ṭhānaṃ vijjati. na
ca atthapaṭisaṃvedi yoniso manasikarissatīti n'etaṃ ṭhānaṃ vijjati.

parato ghosassa saccānusandhissa desitassa atthaṃ vijānanto
atthapaṭisaṃvedi bhavissatīti ṭhānaṃ etaṃ vijjati. atthapaṭisaṃ-
vedi ca yoniso manasi karissatīti ṭhānaṃ etaṃ vijjati.

esa hetu etaṃ ārammaṇaṃ eso upāyo sāvakassa niyyānassa
n'atth'ānā.

P. u., 1. 2.

IX.

ЕРЕТИЧЕСКІЯ УЧЕНІЯ.

1. Вопросъ о сущности святаго или архата. — 2. Значеніе вопроса и время его появленія. — 3. Еретическія мнѣнія и древнѣйшая литература. — 4. Соборъ при Канишкѣ. — 5. Записаніе ученія въ книги на Пейлонѣ. — 6. Заключение.

Доступные намъ въ настоящее время источники, рассказывая о первыхъ причинахъ буддйскаго раскола, представляютъ дѣло не вполне согласно: одни, слѣдующіе цейлонской традиціи, говорятъ, что распадѣніе первоначальной общины на секты произошло вслѣдствіе разныхъ новшествъ дисциплинарнаго характера. Для обсужденія этихъ новшествъ былъ созванъ второй соборъ, на которомъ они и были осуждены; въ слѣдствіе этого отъ первоначальной общины отдѣлились грѣшники и образовали особую секту. Затѣмъ, какъ выше было изложено, еретическая секта, а также и первоначальная община, раздробилась еще на нѣсколько отдѣльныхъ общинъ, и среди буддистовъ появилось до осьмнадцати различныхъ сектъ. Какъ образовались эти секты? по какимъ вопросамъ первоначально расходились буддисты? и что именно заставляло ихъ дробиться на особенныя школы или секты? — На эти вопросы цейлонское преданіе не даетъ отвѣта, хотя и приводитъ нѣкоторые изъ мнѣній и догматовъ сектъ. Преданіе, сохранившееся въ другихъ источникахъ, напр. у Васумитры, утверждаетъ, что въ буддйской первоначальной общинѣ появились различныя толкованія сущности святаго. Вѣрующіе разошлись въ обсужденіи и пониманіи пяти пунктовъ, или пяти вопросовъ о сущности святаго; не одинаково понимая сущность архата, они различно исповѣдывали одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ буддизма: «Между архатами, говорили напр. Махасайгхики и секты, происшедшія отъ нихъ, есть усовершенствованные

другими, приводимые къ изслѣдованію другими, подражающіе другимъ и выводящіе путь изъ словъ». Въ тѣхъ же почти выраженіяхъ учила секта Бахусрутія, что «архаты бываютъ увлекаемы другими, незнающіе, сомнѣвающіеся, руководимые другими, входящіе на путь на основаніи словъ». Съ этимъ ученіемъ была согласна и секта Хаймавата. Четыре секты: Дхармоттара, Бхадрајани, Самматіја и Шаннагарика, спорили на счетъ истолкованія слѣдующихъ стиховъ: «Спасшіеся (т. е. архаты) могутъ пасть и т. д.¹⁾. Тоже ученіе въ другихъ словахъ формулировалось и сектою Сарваствіада. «Архатъ, утверждали эти сектанты, существо подверженное паденію²⁾». Въ архатахъ, говорили они, также можетъ войти нѣчто составное, (потому что и) въ нихъ есть преуспѣяніе добродѣтелей³⁾».

Въ этихъ мнѣніяхъ есть ясный отвѣтъ на пять пунктовъ, разъединявшихъ первоначальную буддійскую общину: секты, державшіяся сейчасъ приведенныхъ воззрѣній на святаго или архата, очевидно, должны были признавать, что святой можетъ быть незнающъ, что у него можетъ быть сомнѣніе, онъ можетъ быть руководимъ другимъ и т. д.; словомъ, по ученію этихъ сектъ, архатъ не былъ нѣчто абсолютное, внѣ-мірское; его вѣдѣніе было ограничено, ибо святой могъ быть руководимъ другими, онъ могъ лишиться своей святости, впадать въ грѣховность.

О томъ, что такіа воззрѣнія на святаго существовали среди сектъ, рассказываетъ также и Буддхагхоша, приводя ихъ какъ характерныя особенности сектъ, но не какъ первую причину раскола. Онъ называетъ слѣдующія секты, учившія о возможности паденія святаго: Саммитіја, Ваджипуттіја, Саббаттхивадина и нѣкоторые изъ Махасайгхиковъ⁴⁾. Нѣкоторыя секты, говоритъ онъ далѣе, допускали возможность паденія для архата,—

¹⁾ Васильевъ, I, стр. 238, 243, 252, 253.

²⁾ Тамъ-же, стр. 247.

³⁾ Тамъ-же, стр. 249.

⁴⁾ К. v. p., I. 2. sammātiya vājjiputtīya sabbatthivādino ekacce mahāsāyghikā arahato parihāniṃ icchanti.

другія — и для прочихъ святыхъ чиновъ; исключали только самый первый, или низшій чинъ¹⁾, откуда не могло быть паденія. Такого мнѣнія, слѣдуя Васумитрѣ, держались Сарвастивадины. «Срота-ппанни, говорили они, не подвержены паденію»²⁾.

Махасангхика, говоритъ также Буддахгоша, учили, что архатъ не освободился отъ грѣшныхъ узъ: у него можетъ быть невѣдѣніе, сомнѣніе³⁾. Архаты, учила секта Пуббаселіа, могутъ быть руководимы другими. Архатъ можетъ и не знать именъ или родовъ мужчинъ и женъ, и пожелать узнать; другіе, разъясняя ему это, руководятъ имъ⁴⁾. Знаетъ также Буддахгоша сектантское ученіе о томъ, что въ архатѣ, или святомъ, можетъ быть преуспѣяніе добродѣтелей; но приписываетъ это ученіе не Сарвастивадинамъ, какъ то рассказываетъ Васумитра, а сектамъ, извѣстнымъ у него подъ общимъ названіемъ сектъ *Андхака*, т. е. тамилскихъ. Архатъ, учили эти секты, раздаетъ милостыню; онъ поклоняется чайтьямъ, — значитъ, и его добродѣтельныя дѣла могутъ количественно возрастать⁵⁾ Цейлонское преданіе, по скольку оно извѣстно изъ сочиненія Буддахгоши, такимъ образомъ, упоминаетъ также о различныхъ догматическихъ воззрѣніяхъ сектантовъ на святаго, и эти ученія почитаются имъ также характерными, отличительными признаками сектъ. Расходясь съ Васу-

¹⁾ keci arahato ca parihāṇiṃ icchanti keci anāgāmiṇo keci sakadāgāmissa pi sotāpannassa pana sabbe pi na icchanti yeva ye arahattā parihāyitvā anāgāmisakadāgāmiḥhave ṭhitā yesaṃ parihāṇiṃ icchanti na itaresaṃ anāgāmisakadāgāmiṇaṃ sotāpannassa pana te pi sabbatthāpi na icchanti.

K. v. p. I. 2.

²⁾ Васильевъ, I, стр. 247.

³⁾ tattha yasmā araham sabbam buddhavisayam na jānāti tasmā tassa tattha avijjāvicikicchāhi appahinā(hi) bhavitabban'ti saññāya atthi kiñci saññojanam appahāya arahattapattiti - - - laddhi seyyathāpi mahāsāṅghikānam.

K. v. p. XXI. 3.

⁴⁾ arahato itthipurisādinam nāmagottādisu nānappavattiyā abhāvena atthi kaṅkhā yasmā ca yesaṃ tāni vatthūni pare vitaranti pakāsentī ācikkhanti tasmā tesam atthi paravitaranā'ti imā laddhiyo seyyathāpi etarahi pubbaseseliyānam.

K. v. p. II. 2.

⁵⁾ arahato dānasaṃvibhāgaṃ cetiyavandanādini kammāni disvā atthi arahato puññupacayo'ti laddhi seyyathāpi andhakānam - - - K. v. p. XVII. 1.

митрой въ объясненіи причинъ и поводовъ къ буддійскому расколу, быть можетъ, Буддхагхоша почиталъ тѣ мотивы раздора, о которыхъ упоминаетъ Васумитра, за вторичные, явившіеся впоследствии, по распаденіи первоначальной общины на отдѣльныя школы или секты, и такой именно процессъ въ развитіи раскола можетъ казаться весьма вѣроятнымъ. На первыхъ парахъ сайгху разъединяли вопросы дисциплинарные, имѣвшіе значеніе только для аскетовъ, членовъ общины. Люди со стороны едва ли могли относиться съ участіемъ къ спорамъ о томъ, когда аскетъ долженъ ѣсть? или можетъ-ли онъ дѣлать запасы соли? Но эти споры, несомнѣнно, должны были способствовать установкѣ и утвержденію въ общинѣ извѣстныхъ дисциплинарныхъ правилъ и обычаевъ, всего того, что объединяло ее въ одно цѣлое и отличало отъ другихъ подобныхъ же аскетическихъ общинъ.

Затѣмъ буддизмъ начинаетъ распространяться за предѣлами теперешняго Бихара, или древней Магъадхы. Буддійскіе аскеты начинаютъ называть себя не только родовымъ прозвищемъ сѣккійскихъ сыновъ, но и членами вселенской общины, сайгхи четырехъ странъ свѣта.

Много было, конечно, причинъ, будущее разъясненіе которыхъ сдѣлаетъ общепонятнымъ это явленіе міровой важности, но не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что распространеніе буддизма по Индіи и за ея предѣлами могло произойти при одномъ условіи: монахи должны были находить себѣ нравственную и матеріальную поддержку среди того общества и тѣхъ народовъ, куда они появлялись и гдѣ поселялись; къ ихъ ступамъ, святымъ древамъ должны были стекаться вѣрующіе поклонники съ приношеніями; сайгху должны были чтить, хотя бы въ началѣ, одними дарами, въ учителя увѣровать, его законъ почитать истиннымъ, высшимъ и спасительнымъ. При этихъ условіяхъ буддійскіе аскеты могли дѣйствительно множиться, распространяться по лицу земли и насаждать въ сердцахъ людей свое ученіе.

Но неся міру спасительное слово Вѣщаго, Святаго, они

должны были имѣть въ виду вопросъ, который рождался совершенно естественно въ средѣ, незнакомой съ ихъ ученіемъ и имѣющей сдѣлаться обществомъ вѣрующихъ поклонниковъ. Но кто же этотъ вашъ учитель? могли спрашивать сѣкійскихъ сыновъ тѣ же самые милостивцы, отъ щедротъ которыхъ зависѣло самое существованіе нищей братья. Вы называете его разными именами: онъ и мудръ, и чтимый, и вѣщій и т. д.; эти эпитеты не ваши, — они встрѣчаются у другихъ сектъ: и другіе аскеты превозносятъ своихъ учителей — мудрецовъ, своихъ архатовъ или чтимыхъ.

Вопросъ первостепенной важности для вѣрующаго сознанія, и представлявшійся ему совершенно естественно: новое ученіе отправлялось отъ отрицанія всего того, чему древній индѣецъ молился и что онъ чтилъ, и въ замѣнъ стройной старой системы предлагались обрывки нравственнаго ученія, но санкціонированнаго кѣмъ? авторитетнаго въ силу чего?

Если этотъ святой или вѣщій, которому обращаемый милостивецъ собирался молиться, или идти подъ его защиту — не безусловно чистъ и святъ, можетъ быть и грѣховенъ и не могущъ, то стоитъ ли ему молиться? Если приношенія саянгхъ или дары и возженія передъ стѣпою не ведутъ ко спасенію, — не ясно-ли, ихъ незачѣмъ дѣлать? не лучше-ли раздавать милостыню тѣмъ, кто общается за это райское блаженство?

Вопросы о святомъ или архатѣ, о сущности Вѣщаго или Буддхы, о томъ, что такое душа, кто перерождается и спасается каково значеніе милостыни и культа въ дѣлѣ спасенія — все эти вопросы были выдвинуты распространеніемъ буддизма, появленіемъ вѣрующихъ мірянъ.

Готовыхъ отвѣтовъ на нихъ не было въ общинѣ, — отсюда начало спорамъ, разнообразнымъ рѣшеніямъ одного и того же вопроса. Преданіе, само собою разумѣется, представляетъ все дѣло въ иномъ свѣтѣ и не признаетъ, что бы каноническіе отвѣты на указанные вопросы выработались послѣ долгихъ пререканій между сектами.

Васумитра и Буддхагхоша, излагая учения сектъ о святомъ, представляютъ ихъ догматы и положенія какъ произвольныя уклоненія, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, отъ правовѣрной системы. Васумитра, какъ извѣстно, о чемъ было и выше говорено, комментировалъ абхидхармакошу, сочиненіе Васубандху, въ которомъ догматическое ученіе о святыхъ различныхъ чиновъ изложено въ полнотѣ и при томъ въ строгой системѣ. Это ученіе было, по всей вѣроятности, господствующимъ въ одной части буддѣйской общины и почиталось тамъ правовѣрнымъ во времена, ближайшія къ эпохѣ Васумитры. Съ точки зрѣнія этого ученія, систематически изложеннаго въ буддѣйскихъ книгахъ его времени, Васумитра разсматриваетъ и еретическія ученія сектъ. Въ такомъ же свѣтѣ, то есть, какъ искаженія истиннаго правовѣрія, представляются сектантскія ученія въ сочиненіи Буддхагхоши, а также другаго комментатора, Ясомитры.

Ученіе сектъ о святомъ, по ихъ изложенію, есть грѣховное уклоненіе отъ правовѣрной, вполне законченной системы, и состоитъ въ противорѣчіи съ текстами каноническими, иначе съ подлинными словами самого учителя, вошедшими въ канонъ первоначальный. Для писателей позднѣйшихъ архатъ имѣлъ такой опредѣленный, точный смыслъ какого не вѣдали болѣе раннія секты. Архатъ по позднѣйшимъ представленіямъ существо внѣ конечности, всякой условности; это — высшая ступень святости, достиженіе конечной цѣли бытія или нирвѣны. Достигшій этой цѣли становится безусловнымъ мудрецомъ; все грѣшное, конечное, условное въ немъ уничтожено. Люди, неотрѣшившіеся отъ страстей и привязанные къ бытію, суть существа *приходящія* (āgāmi): они придутъ сюда, то есть, имъ суждено по смерти родиться вновь; они не вышли изъ кола рожденія, гдѣ рожденіе и смерть. Кто отрѣшился отъ страстей, но еще привязанъ къ бытію, тотъ не придетъ сюда, онъ — *неприходящій* (anāgāmi). Но есть еще высшій чинъ святости, это та ступень, на которой нѣтъ ни страстей и никакой привязанности къ бытію: это выходъ изъ кола рожденія, то есть, самсары. Достигшій этой ступени называется

архатомъ: это тотъ, кто вышелъ за предѣлы міра¹⁾; онъ не родится вновь, ибо въ немъ нѣтъ тѣхъ грѣховностей, которыя возникаютъ черезъ посредство чувствъ всюду въ мірѣ, начиная отъ самой низшей ступени бытія въ аду *авици*, и кончая самою высшею²⁾).

Такимъ святымъ архатомъ, по убѣжденію названныхъ выше писателей, былъ и ихъ первоучитель, мудрецъ изъ рода Śākṣевъ.

Для нихъ первоучитель не былъ только великою историческою личностью, память о которой свято хранилась въ общинѣ, и всего менѣе онъ былъ множественнымъ созданіемъ.

Вѣщій или Буддха для вѣрующаго буддиста — центральный догматъ, безъ котораго не понятна ему и даже не мыслима вся его доктрина; это — краеугольный камень, положенный въ основаніе всей религіозной системы. Буддистъ тотъ, кто принялъ три защиты, кто призналъ Буддху, законъ и общину монаховъ своими верховными хранителями. Кто исполняетъ законъ, тотъ добродѣтеленъ, тотъ зритъ Буддху: около того Вѣщій. «Кто либо, о! нищие, взявшись за край плаща слѣдуетъ, за мной... Но далекъ онъ отъ меня, далекъ и я отъ него. Почему? не узрѣлъ онъ закона, — не узрѣвшій законъ не узритъ и меня. Живущій за сто жогаиъ. Близокъ мнѣ, близокъ и я ему. Почему? узрѣлъ онъ законъ, а узрѣвшій законъ узрѣлъ и меня»³⁾).

¹⁾ उत्तमधर्मस्य प्राप्तिकृत्त्वं । निर्वाणस्य वा प्राप्तिः । А. к. в., т. 211 об.

kāmayogayutto bhikkhave bhavayogayutto āgāmi hoti āgantvā itthattaṃ kāmayogavisamyutto bhikkhave bhavayogayutto anāgāmi hoti anāgantvā itthattaṃ kāmayogavisamyutto bhikkhave bhavayogavisamyutto araham hoti khināsavo'ti

kāmayogena samyuttā bhavayogena c'ūbhayaṃ |
sattā gacchanti saṃsāraṃ jātimaraṇagāminan'ti ||
ye ca kāme pahatvāna appattā āsavakkhayaṃ |
bhavayogena samyuttā anāgāmiti vuccare ||
ye ca kho tiṇṇasaṃsārā khinamānapunabbhava |
te ve pāragatā loke ye pattā āsavakkhayan'ti || — itiv., т. 108.

कामधातेर्भवायादा वीतरागइति । कामवीतरागोऽनागामी भवायवीतरागोऽर्हन् ॥

А. к. в., т. 192 пр.

²⁾ ते (т. е. ज्ञेयाः) चर्कित उपरता इत्यर्हन्परमार्थमुनिः А. к. в., т. 194 об.

³⁾ saṃghāṭikāṇe pi bhikkhave bhikkhu gahetvā piṭṭhito anubandho - - - -

Онъ есть источникъ закона; отъ него ведетъ начало и община — эта живая закона и его хранительница¹⁾; законъ же есть податель всякихъ благъ и мірскихъ, и высшихъ²⁾. Люди спасаются, увѣровавъ въ законъ; но и увѣровать можно только по благодати Буддхы. Если отъ проповѣди у кого либо волосъ встрепнется, или слезы умиленія прольются, то и въ этомъ уже сказалась благодать Вѣщаго³⁾. Во благо людямъ явился Вѣщій, его ученики — для укрѣпленія закона⁴⁾. А потому и говорятъ о себѣ его наслѣдники на землѣ: «Станемъ усиливаться, о Господи, когда умретъ величайшій изъ людей, — блюсти законъ, не щадя живаго тѣла; презримъ прибыль, почести, всякія связи, — но закона не оставимъ, вѣдѣнія Вѣщаго разъясняющаго; законъ пріять, съ терпѣніемъ вынесемъ брань, поношенія и хулу. . . . блюдя это руководство, вынесемъ безславіе и поношенія, все это вынесемъ»⁵⁾.

atha kho so ārakā'va mayham ahañ ca tassa tap kissa hetu dhammañ hi so bhikkhave bhikkhu na passati dhammañ apassanto mañ na passati.

yojanasate ce pi me bhikkhave bhikkhu vihareyya - - - - - atha so santike'va mayham ahañ ca tassa tap kissa hetu dhammañ hi so bhikkhave bhikkhu passati dhammañ passanto mañ passatīti. — itiv., л. 105.

Таже идея выражается въ А. к. в., л. 146.

यो भिन्नवः प्रतीत्यसमुत्पादं पश्यति स धर्मं पश्यति यो धर्मं पश्यति संबुद्धे पश्यतीत्युक्ता भगवांस्तूष्णीं बभूव ।

1) धर्मधरः, धर्मक्षेत्रं эпитеты сайгхи. См. въ С. а., л. 188.

2) яаньйпи лौкиकани лोкотираणि ч сухьяни таньйпи дьмъжани С. а., л. 186.

3) अत्रैव चोक्तं यस्य कस्यचित्कुलपुत्र तथागतस्य परिनिर्वृतस्य धर्मः प्रतिभाति यथाधिमुक्तानां सन्नानां देशयितुं । तस्याच्च पर्वदि यद्येकसत्त्वस्यापि एकरोमर्क्षो भवेदेकाश्रुपातो वा सर्वः स तथागतानुभावेन ॥ С. а., л. 60.

4) परहितार्थं बुद्धा भगवत्ताः शासनस्थित्यर्थमेव आवकाः А. к. в., л. 51 об.

5) См. गगनगङ्गसूत्र въ С. а., л. 30.

व्यमुत्सूक्ष्मो भगवं निर्वृते द्विपदोत्तमे । सदर्मं धारयिष्यामः त्यक्त्वा कार्यं सत्रीविते ॥ लाभस्तकारमुत्सृष्ट्वा सर्वस्रोतस्य संस्तवं । अनुत्सृष्ट्वा इमं धर्मं बुद्धज्ञाननिर्दर्शके ॥ आक्रोशपरिभाषाश्च उरूक्तवचनानि च । तात्त्या तां मर्षयिष्यामः सदर्मप्रतिसंयुक्तात् ॥ अवर्यमयशांसि च । सर्वास्ता मर्षयिष्यामो धारयत्त इमं नयं ॥ Спр. Lotus etc., стр. 144.

Позднѣйшіе писатели, пока единственные наши источники для исторіи раскола буддйскаго, имѣя передъ собою канонъ въ законченной формѣ, и о происхожденіи котораго у нихъ было готовое догматическое представленіе, въ своихъ повѣствованіяхъ о происхожденіи еретическихъ мнѣній по разнымъ вопросамъ, весьма часто упоминаютъ о томъ, что секты, въ подкрѣпленіе своихъ ложныхъ воззрѣній, ссылались на слова учителя, или на преданіе, неотвергаемое общиною правовѣрной. Такъ, напр., у Васумитры есть слѣдующее извѣстіе объ одномъ изъ мнѣній секты Сарваствадіановъ: они учили, между прочимъ также, что «нельзя навѣрно сказать, чтобы четыре плода пріобрѣтались (только) подъ формой Шрамана; при безгрѣшномъ мірскомъ пути черезъ отрѣшеніе отъ страстей (можно также) снискать званіе Сакридагамма и Анагамма»¹⁾.

Секты спорили, очевидно, о томъ, возможно ли мірянину сдѣлаться святымъ. Въ послѣдствіи, какъ кажется, вопросъ этотъ рѣшался въ положительномъ смыслѣ. Бодхисаттвами могли дѣлаться и міряне²⁾, но въ древній періодъ этотъ тезисъ возбуждалъ еще сомнѣніе. Буддхагхоша знаетъ также подобное мнѣніе и считаетъ его ересью: излагая ученіе Саммитіевъ, допускавшихъ возможность для мірянина сдѣлаться святымъ анагамъ, а также другое, высказанное сѣверными сектами, учившими, что мірянинъ можетъ сдѣлаться архатомъ, онъ указываетъ при этомъ на то, что еретики въ защиту своего ученія ссылались на преданіе о Ісѣ и о другихъ святыхъ мірянахъ³⁾.

¹⁾ Васильевъ, I, стр. 248.

²⁾ पुनरपि कुलपुत्र भविष्यत्यनागते ऽधनि गृहस्थप्रव्रजिता आदिकर्मिका बोधिसत्त्वाः Ç. s., I. 40.

³⁾ jhānalābhi puthujjano saha saccābhisamayā anāgāmi nāma hoti tassa puthujjanakāle yeva kāmarāgavyāpādā pahinā'ti laddhi seyyathā'pi etarahi sammatiyānam. K. v. p., I. 5.

yasakulaputtādīnaṃ gihivyañjane tthitānaṃ arahattapattiṃ diṅvā gihī assa arahā'ti laddhi seyyathā'pi uttarāpathakānaṃ - - - - - tathā gihī assā'ti yo gihī-

Васумитра и Буддхагхоша упоминаютъ о нѣкоторыхъ сектахъ, учившихъ о «среднемъ состояніи». По объясненію проф. Васильева, среднее состояніе тоже что «мытарство» иными словами — то состояніе, въ которомъ находится человѣкъ или существо по смерти до тѣхъ поръ, пока не переродится вновь»¹⁾. Буддхагхоша повѣствуетъ, что двѣ секты, Пуббаселіѣ и Саммитіѣ, невѣрно понявъ выраженіе сūтры, учили о промежуточномъ состояніи; они утверждали, что существо, находясь въ этомъ состояніи, становится какъ бы обладающимъ небеснымъ зрѣніемъ, чудотворцемъ. Умершій пребываетъ въ такомъ чудномъ состояніи, по ученію еретиковъ, семь дней или болѣе и т. д. По словамъ Васумитры, ученіе о среднемъ состояніи было распространено среди многихъ сектъ; объ этомъ же учили Махасайгхики и секты, происшедшія отъ нихъ, напр., Сарвастивадіны, утверждавшіе, что «среднее состояніе (мытарство) существуетъ (только) въ мірѣ чувствъ и мірѣ формъ»; другіе, напротивъ, отрицали существованіе такого состоянія, напр. секта Махисасаковъ²⁾.

Секты, признававшія существованіе мытарства, справедливость своего ученія доказывали ссылками на преданіе, то есть, на изрѣченія плч на сūтры; но подлинное, по ихъ мнѣнію, слово Вѣщаго отвергалось какъ неподлинная сūтра тѣми сектами, которыя отрицали мытарство³⁾. Въ ихъ āгамахъ, говоритъ коммен-

samyojanasamyuttatāya gihī so araham assā'ti attho. paravādi pana adhippāyam asallakkhetvā gihīvañjanamattam eva passanto paṭijānāti. idāni'ssa gihī nāma gihīsamyojanena hoti na vyañjanamattena.

К. v. p., IV. 1.

Легенда о Ясѣ разсказывается въ Mahāvagga, стр. 15 и сл. Срв. та же The Milindapaṇho, стр. 264 и сл.

¹⁾ Васильевъ, I, стр. 242.

²⁾ antarāparinibbāyīti suttapadam ayoniso gahetvā antarābhavo nāma atth yattha satto dibbacakkhuko viya adibbacakkhuko iddhiṃ viya aniddhiṃ mātā pitisaṃgamaṃ ca utusamayaṃ ca olokayamāno sattāham vā atirekasattāham vā tiṭṭhatti laddhi seyyathāpi pubbaseliyaṇam eva sammitiyaṇaṃ ca.

К. v. p., VIII. 2.

Срв. Васильевъ, I, 242, 249, 255.

³⁾ आगमतोऽपि सिद्धो उत्तरभवो न केवलं युक्तितत्त्वपि शब्दः ॥

दूषीमार इति ॥ क्रकुच्छन्दस्य तदागतस्य विदुरं नाम यावकं दूषी नाम मारस्त-

таторъ Ясомитра, не было такой сѹтры, потому что первоначальный канонъ погибъ, а въ слѣдствіе этого исчезло и множество пзръченій.

Секты Рѣжагирики и Сиддхартхики, по словамъ тѣхъ-же источниковъ, утверждали, напр., что архатъ не можетъ преждевременно умереть, и въ доказательство приводили сѹтру¹⁾; ссылаясь на сѹтру, Вайбхѣшники учили, что архатъ можетъ пасть или находить препятствія²⁾. Болѣе древнія секты утверждали тоже самое, приводя въ доказательство преданіе о святомъ *Годхико*. Годхико хотѣлъ стать архатомъ, да злой духъ, то есть, *Мара* ему мѣшалъ; въ отчаяніи Годхика рѣшился покончить съ жизнью: онъ схватился за ножъ, и въ тотъ же моментъ сталъ архатомъ, достигъ нирваны³⁾.

दानं शिरसि मुष्टिनाऽभिघ्नन् । तेनाङ्गीकृतस्तत्तर्पणं स च स्वशरीरेणैवावीची मृकानरके प्रपतित इति ॥ स्वशरीरेणैवेति वचनाच्चास्त्यन्तराभव इत्यभिप्रायः । स हि जीवन्नेव नारकीभिर्बालाभिरिति ॥ जीवन्नेवासौ मारो नरकोत्थिताभिरग्निज्वालाभिरालिङ्गितत्वात्स्वशरीरावस्थदुःखोत्पत्तेः स्वशरीरेणैव प्रपतित इत्युक्ता । न तु कालमकृत्वांतराभावस्यो नरकोपपत्तिभावस्यो च न गतवानित्यभिप्रायः ॥ А. к. в., т. 187.

आगमेनान्तराभवस्यास्तित्वं साधयन्नाह । कण्ठोक्तेशास्तीति स्वशब्दाभिधानादित्यर्थः । नैतन्मूत्रं तैराप्राप्यत इति तैर्निकायात्तरोपैः । कस्मान्नाप्राप्यते तदगमेष्वभावत् । निकायात्तरागमप्रसिद्धं किमिति न प्रमाणं क्रियते । मूलसङ्गीतिर्भण्डेन А. к. в., т. 184.

Срв. также.

मूत्राणि च बहून्यतर्हितानि मूलसङ्गीतिर्भण्डात् ॥ А. к. в., т. 108.

¹⁾ nāhaṃ bhikkhave saṃcetanikānaṃ kammānaṃ katānaṃ upacitānaṃ appaṭisaṃveditvā vyantibhāvaṃ vadāmi ti suttassa atthaṃ ayoniso gahetvā arahatā nāma sabbaṃ kammavipākāṃ paṭisaṃvedayitvā'va parinibbāyitabbaṃ tasmā n'atthi arahato akālamaccū'ti - - - laddhi seyyathāpi rājagirikānaṃ c'eva siddhatthikānaṃ ca.

K. v. p., XVII. 2.

²⁾ वैभाषिको ब्रूयादर्होऽप्यहमानन्द लाभसत्कारमन्तरापकारं वदामीति सूत्रे वचनादस्त्यर्होऽपि परिह्राणिरित्यत इमुच्यते ॥ А. к. в., т. 283.

³⁾ K. v. p., т. 72. Легенда о Годхико изложена во многихъ текстахъ.

----- so kira māreṇa pāpimatā āvutacitto ----- therō satthaṃ āhari tasmim khane yeva arabattaṃ patvā parinibbāyi.

atha māro kattha nu kho imassa paṭisaṃdhivinnānaṃ ṭhitan'ti dhūmarāsi

Послѣ того, какъ святой зарѣзался, Мара искалъ его души, иначе—сознанія; какъ столбъ дыма или клубъ мрака, носился Мара по всѣмъ странамъ свѣта и нигдѣ не находилъ святаго. Годхико сталъ архатомъ, достигъ нирвѣны; но передъ тѣмъ, изъ того же рассказа очевидно, что святой былъ какъ бы во власти злаго духа: онъ былъ, значитъ, подверженъ грѣху, паденію.

Былъ еще одинъ вопросъ, смущавшій умы въ первичной общинѣ и подававшій поводъ къ разъединенію, вопросъ старинный, занимавшій индійцевъ задолго до появленія буддизма, и съ которымъ мы встрѣчаемся не только въ брахмантической литературѣ, но и въ легендарныхъ сказаніяхъ о жайнскомъ первоучителѣ Махавира. Въ рассказахъ объ его жизни есть одна по-

viya timiraputṭjo viya ca hutvā sabbadisāsu therassa viññānaṃ samannesati so tassa viññānaṭṭhānaṃ daṭṭhūṃ asakkonto kumāravaṇṇo hutvā beluvaraṇḍuvīṇaṃ ādāya sathhāram upasaṃkamitvā pucchi.

uddhaṃ addho ca tiriyaṃ
disānuddisāsu'haṃ |
anvesanādhigacchāmi
godhiko so kuhiṃ gato. ||
atha naṃ saththā āha
yo dhīro silasampanno
jḥāyi jḥānarato sadā |
arahattaṃ anuyujjā
jīvitāṃ anākaṃmayāṃ ||
chetvāna maccuno senaṃ
anāgantvā punabbhavaṃ |
samūlaṃ taphaṃ abbuha
godhiko parinibbuto'ti. ||

M. sp., I. 11 pr.

Срв. Dhammapada, стр. 255, а также толкованіе Ясomitры. *ग्राचार्यः स्वमतं दर्शयति । ननु चायुष्मां भौतिकोऽर्कत्वात्परिकीर्ण इत्येवं यदि वैभाषिको ब्रूयादित्यस्य प्रतिविधानमारभ्यते । आयुष्मां भौतिक इति विस्तरः । शैलीभूत इति न तावदर्कन् । शस्त्रमाधारयन्निति शस्त्रं वाक्यन् । कायजीवितनिरपेक्षत्वात्कारणान्तरणकाल एवार्कत्वं प्राप्तः शस्त्राधानादुत्तरकाल इत्यर्थः । परिनिर्वृतश्च तेनैव शस्त्रप्रकारेण दशोत्तरे चेति । दशोत्तरे नाम सूत्रे А. к. в., л. 284.*

дробность, повидному имѣющая историческое значеніе. Легенды, передавая о томъ, какъ Махавіра набиралъ себѣ учениковъ, приводятъ рядъ тѣхъ сомнѣній, разрешая которыя, мудрецъ пропагандировалъ свою доктрину. Такъ, одинъ не зналъ, и искалъ отвѣта на вопросъ: есть-ли душа, или-же ея нѣтъ? другой недоумѣвалъ о томъ, душа есть-ли нѣчто отдѣльное отъ тѣла, или-же нѣтъ¹⁾. Буддійское преданіе, сохранившееся въ одной изъ сутръ²⁾, знаетъ множество различныхъ ученій о душѣ, бывшихъ въ обращеніи между аскетами во время первоучителя. Спорный вопросъ и по его смерти не былъ окончательно порѣшеннымъ для общины послѣдователей сѣкійскаго аскета.

«Явился, рассказываетъ Таранатха, бхикшу Ватса, происходившій изъ Кашмира, изъ касты брахмановъ, весьма злой и свирѣпый, хотя и ученый; онъ, ясно признавая теорію о существованіи Я, странствовалъ по всѣмъ странамъ, приводя простыхъ людей въ свою скверную теорію³⁾.

Непзвѣстно, отъ него-ли происходила секта Ватсипутріевъ; но въ древнѣйшій періодъ буддійской исторіи была секта такого наименованія, имѣвшая оригинальное ученіе о душѣ. Она учила: «Пудгала (недѣлимое) не есть то же, что сканды, и не (есть нѣчто) отдѣльное отъ скандъ; онъ названъ такъ на основаніи (совокупности) скандъ, сферъ (дхātu) и аятанъ.... Кромѣ Пудгалы нѣтъ ничего, что бы переходило изъ одного міра въ другой; говорится: Пудгала переходитъ, т. е. перерождается». То-же самое учили секты Дхармоттара, Бхадраяна, Самматія⁴⁾. По

¹⁾ Ав. л. в., л. 70 об. 1) किं मन्वे सति जीवो उपाकु नति। 2) तं जीवं तं सरीरंति.

²⁾ Брахмажапа, см. Grimblot, 42 и сл.

³⁾ Васильевъ, III, стр. 47.

⁴⁾ Васильевъ, I, стр. 252 и сл. Срв. извѣстіе Буддхагхоши.

ke pana puggalavādino'ti sāsane vajjiputtakā c'eva sammitiyā ca bahiddhā bahū aññā titthiyā. *

tattha puggalo'ti attā satto jīvo upalabbhatīti paññāya upagantvā labbhati dāyatīti attho. sacchikatthaparamatthenā'ti.

словамъ Буддхагхоши, двѣ секты буддійскихъ признавали душу, — Важжипуттаки и Самматіји. Обѣ называются у него *puggala-vādino*, то есть, учившими о душѣ для *puggala*, и въ доказательство истинности своего ученія эти секты приводили слова учителя, то есть, опять сūтры¹⁾).

Приведенныя сейчасъ извѣстія буддійскихъ писателей, безспорно, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ отдѣленный періодъ

¹⁾ *puggalavādi sattakkhattuparamaṃ sandhavitvāna puggalo'ti ādini suttāni nissāya puggalo sandhāvattīti laddhiṃ gahetvā voharati.*

K. v. p., л. 44.

vuttam bhagavatā atthi puggalo attahitāya paṭipanno'ti suttam āgataṃ tam gahetvā yasmā bhagavā saccavādi na visamvādanapurakkhāro vācam bhāsati nāpi anussavādivasena dhammaṃ deseti sadevakaṃ pana lokam sayam abhiññāya sacchikatvā paṭivedeti tasmā so tena vutte atthi puggalo attahitāya paṭipanno'ti so sacchikatthaparamatthen'eva atthīti laddhiṃ gahetvā āmantā'ti paṭijānāti.

K. v. p., л. 14.

भारं च वो देशयिष्यामि भारादानञ्च भारनिक्षेपणञ्च भारकारं च । तच्छृणुन साधु च
मुष्टु च मनसिकुरुत भायिय्ये ॥

भारः कतमः । पञ्चोपादानस्कन्धाः ।

भारादानं कतमत् । तृष्णा पौनर्भविकी नन्दीरागसङ्गता तत्र तत्राभिनन्दिनी ।

भारनिक्षेपणं कतमत् । यदस्या एव तृष्णायाः पौनर्भविक्या नन्दीरागसङ्गतायाः तत्र तत्राभिनन्दिन्याः । यथेयप्रकाशं प्रतिनिःसर्गो व्यक्तीभावः तयो विरागो निरोधो व्युपशमो ऽस्तंगमः ।

भारकारः कतमः । पुद्गल इति स्याद्वचनीयं । योऽसावायुष्मानेवंनामा एवन्नन्य एवं-
गोत्र एवमाकार एवंमुखडःखप्रतिसंवेदी एवंदीर्घायुरेवंचिरस्थितिक एवमायुष्मत् इति ।
भारं कुरुतीति । भारकारः पुद्गलइत्यभिप्रायः । A. k. v., л. 338 об.

यच्छृङ्गारसंनिश्रयत्वाच्चित्तमात्मेत्युपचर्यतइत्यच्छृङ्गारसंनिश्रयघात्मेत्यात्मवादिनः सं-
कल्पयन्ति ।

चित्तं चाच्छृङ्गारसंनिश्रय इति । घात्मेत्युपचर्यते । कथमित्याह । घात्मनाहि मुदात्तेत
स्वर्गं प्राप्नोति पण्डित इत्युक्तं गाथायां । कथं पुनर्गम्यते । चित्तमात्मशब्देनोच्यतेइति ।
तत आह । चित्तस्य चान्यत्र दमनमुक्तं भगवतेति । अन्यत्र गाथायामुक्तं ।

चित्तस्य दमनं साधु चित्तं दाते मुखावकृमिति ॥ A. k. v., л. 38.

нарожденія и развитія буддійскихъ сектъ среди вѣрующихъ существовала литература, почитавшаяся священной, одинаково всѣми сектами. Секты расходились въ толкованіи многихъ изрѣченій¹⁾, упрескали другъ-друга за искаженіе словъ въ сѹтрахъ²⁾, нерѣдко противники уличались въ отрицаніи подлинности св. слова въ сѹтрѣ³⁾, неодинаково исчислялся объемъ священной литературы⁴⁾, и допускалась даже возможность апокрифическихъ изрѣченій⁵⁾. Но изъ словъ тѣхъ-же самыхъ комментаторовъ, которые приводятъ всѣ эти извѣстія, безспорно слѣдуетъ, что

¹⁾ Отсюда ведетъ начало ученія о двухъ истинахъ: условной, ограниченной, и безусловной. О двухъ истинахъ см. К. в. р., т. 1, стр. 67—71. А. к. в., т. 1, стр. 261, ср. также стихи *Paṇāṣajumh*.

तथा चोक्तं मूलमध्यमक धार्यनागार्जुनपदिः ।

हे सत्ये समुपाश्रित्य बुद्धानां धर्मदेशानां ।

लोकसंवृतिसत्यञ्च सत्यञ्च परमार्थतः ।

येऽनयोर्न विज्ञानन्ति विभागे सत्ययोर्द्वयोः ।

ते धर्मा न विज्ञानन्ति गम्भीरे बुद्धशाशने इति ॥ N. 2. t., т. 1, стр. 46 пр.

²⁾ यत्तर्हि सूत्र उक्तं । सप्त क्त्वा देवांश्च मनुष्यांश्च संसृत्य संघाव्य दुःख-
स्यात्तं करोतीति । काश्यपीया निकायात्तरीयास्त एवं पठन्ति । सप्त
क्त्वा देवां सप्त क्त्वा मनुष्यान्तित्येवं प्रत्येकमर्थो लभ्यते । А. к. в., т. 1, стр. 265.

*sattakkhattuparamo'ti ettha bhagavā ayam puggalo ettake bhavhe sampdhāvitvā
parinibbāyissati ayam ettako'ti attano ānabalena vyākaroṭi.*

К. в. р., т. 1, стр. 264.

³⁾ भदत्तमीलाभ एवं मन्यते । अविद्येति सर्वज्ञेशानामियं सामान्यसंज्ञा । न रागादि-
क्लेशव्यतिरिक्ताऽविद्या नामास्तीति । कस्मात्स एवं मन्यते । बुद्धसूत्रान्न प्रज्ञानाति ।
А. к. в., т. 1, стр. 150.

⁴⁾ सातिरेकानि मे ऽशीतिधर्मस्कन्धसंस्कृताणि भगवतोऽत्तिकात्संमुखमुद्गीतानी-
ति सूत्रवचनं । चतुरशीतिधर्मस्कन्धसंस्कृताणीति निकायात्तरे सूत्रपाठः ॥ А. к. в., т. 1, стр. 27.

Срв. Childers, s. v. *dharmakkhandha*.

⁵⁾ न तर्हि तेषां बुद्धः शास्तेतिबहुवचनमेषां न प्रमाणमित्यभिप्रायात्त किन्तुदुद्भव-
चनमिति । केनाप्यध्यापितान्येतानि सूत्राणीत्यभिप्रायः । सर्वनिकायात्तरेष्विति ताम-
पर्यायीनिकायादिषु А. к. в., т. 1, стр. 337.

сайгха четырехъ странъ свѣта хранила нѣкоторыя изрѣченія, одинаково принятыя всѣми сектами за святыя слова первоучителя.

Дальнѣйшій выводъ вѣрующихъ буддистовъ отсюда, конечно, нисколько не становится вѣроятнымъ, то есть, показанія комментаторовъ не могутъ быть разсматриваемы какъ доказательства существованія какого-либо канона, хотя бы палийскаго, въ формѣ и въ объемѣ настоящаго времени, иными словами: изъ извѣстій Буддхагхоши объ ученіи сектъ, или изъ цитатъ Ясомитры, никакъ не слѣдуетъ, что то-же самое собраніе каноническихъ сочиненій, которое мы находимъ въ настоящее время въ палийскихъ, или другихъ трехъ питакахъ, уже существовало въ эпоху народженія сектъ.

Несомнѣнно, палийскаго канона не знаетъ Байратская надпись, перечисляющая нѣсколько буддійскихъ сочиненій, пока неотысканныхъ въ цейлонскихъ питакахъ, и при томъ съ заглавіями на языкѣ родственномъ, но не тождественномъ съ языкомъ цейлонскаго священнаго писанія. — Къ такому же заключенію приводитъ разсмотрѣніе бхархутскихъ надписей: и въ нихъ едва-ли можно найти малѣйшее указаніе или намекъ на существованіе палийскаго канона въ эпоху построенія этой буддійской святыни. Палийскій канонъ, также точно какъ и другіе, дѣйствительно, упоминаются въ легендарныхъ сказаніяхъ о соборахъ; разъясненія этихъ извѣстій, сдѣланныя въ предшествующихъ главахъ, имѣли своею цѣлью показать въ настоящемъ свѣтѣ историческую основу буддійскихъ легендъ; для вполне безпристрастной ихъ оцѣнки необходимо также имѣть въ виду, что въ древнѣйшихъ сказаніяхъ канонъ описывается весьма глухо и въ самыхъ общихъ чертахъ; описаніе же священной литературы, находимое у болѣе новыхъ писателей, напр., у Буддхагхоши, должно, конечно, разсматриваться, какъ безспорное свидѣтельство о существованіи канона, но лишь въ эпоху, ближайшую ко времени писателей о буддійскихъ соборахъ. Для болѣе же отдаленныхъ временъ, само собою разумѣется, извѣстія Буддхагхоши и др. не имѣютъ того-

же значенія, и, безъ всякаго сомнѣнія, въ силу своей тенденціозности, менѣе правдоподобны, нежели показанія тѣхъ же авторовъ объ еретическихъ ученіяхъ.

Въ краткихъ, весьма часто неясныхъ сказаніяхъ объ еретическихъ ученіяхъ, разсѣянныхъ у разныхъ комментаторовъ, сохранились весьма важныя и вѣроятныя указанія на то, что въ очень отдаленную эпоху, быть можетъ даже весьма близкую къ началу буддизма, среди вѣрующей общины были въ обращеніи изрѣченія, то есть, сѣтры, стихи, то есть, гѣтхы, — словомъ, у древнихъ буддистовъ была священная литература, на которую, весьма часто ссылались въ спорахъ враждебныя стороны, называя эти священные произведенія или *дхаммами*¹⁾, то есть, преданіемъ, или *правачаною*, проповѣдью первоучителя.

Эта древнѣйшая литература, одинаково священная для всѣхъ старыхъ сектъ, по всей вѣроятности, далеко не вполне и не безъ искаженій, а только въ отрывкахъ, но, тѣмъ не менѣе, уцѣлѣла и дошла до настоящаго времени; сравнительное изученіе различныхъ буддійскихъ каноновъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно опредѣлить объемъ старѣйшей части буддійскихъ каноновъ и разъяснить ея содержаніе.

Буддійское преданіе, не богатое историческими фактами, сохранило еще нѣсколько подробностей о дальнѣйшей исторіи св. канона: оно запомнило еще два важныхъ факта изъ древней исторіи своего канона, соборъ, созванный юечжійскимъ царемъ Канишкой²⁾ и записаніе ученія въ книги по приказанію цейлонскаго царя Ваттагамани.

¹⁾ Выраженіе подобно слѣд. весьма часто приводится Ясонитрою.

तत्सिद्धये चागममानयत्ति । А. к. в., т. 50.

Срв. также вышеприведенныя цитаты въ которыхъ упоминаются агамы, правачана и т. п.

²⁾ Въ послѣднее время была сдѣлана попытка опредѣлить эпоху Канишки съ возможною точностью. См. *H. Oldenberg*, Ueber die Datirung der ältesten indischen Münz und Inschriftenreihen, въ *Z. für Numismatik*, B. VIII, стр. 289 и сл., *Pandit Bhagānlāl Indrajī* въ *The Indian Antiquary*, 1882, стр. 128, 129, *Max. Müller*, *India etc.*, стр. 291. — Въ надписяхъ временъ Канишки годы считаются отъ эры, которую отождествляли съ эрою саковъ. См. *Oldenberg*, т. 1.

Соборъ при Канишкѣ, по всей вѣроятности, долженъ былъ имѣть большое значеніе въ исторіи буддизма, хотя о немъ ничего не знаетъ цейлонское преданіе, а свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, пока, остаются очень скудными.

Сюань-цзанъ называетъ двухъ главныхъ дѣятелей на этомъ соборѣ: Пърсвику и Васумитру. Литературная дѣятельность собора, по его разсказу, состояла въ слѣдующемъ: Старцы, въ числѣ пятисотъ человекъ, сочинили трактатъ *Унадеса састру* (1) — истолкованіе сѣтрапитаки въ стотысячахъ слокахъ; въ такихъ-же размѣрахъ истолкованіе на впнаяпитаку подъ заглавіемъ *Винаявибхашъ састру* (2), и Абхидрамовибхашъ састру (3) — истолкованіе абхидхармапитаки. Они написали шесть миллионъ шесть-сотъ тысячъ словъ или триста тысячъ стиховъ, разъяснили вполне три питаки. Ихъ истолкованія распространились повсюду и сдѣлались источниками свѣдѣній для всѣхъ изучавшихъ буддизмъ.

Эти истолкованія Канишкѣ приказалъ вырѣзать на мѣдныхъ листахъ и заключить ихъ въ стѣпу¹⁾.

У Таранатхы приводится кашемирское преданіе о томъ, что «царь Канишкѣ.... собралъ всѣхъ бхикшу въ кашемирскомъ храмѣ Кундалаванавахара и составилъ третье собраніе Словъ; но другіе говорятъ, прибавляетъ онъ, что собраніе происходило

стр. 296. Противъ этого отождествленія можно было бы привести одно нелишнее значеніе соображеніе. Объ эрѣ саконъ Альбируни говоритъ: (См. *Reinard*, въ J. As. 1847, стр. 287) Les personnes qui se servent de l'ère de Saka commencent l'année au mois de Chaitra (Mars — Avril). Въ надписяхъ времени Канишкѣ кромѣ года, мѣсяца и дня упоминается также и время года, то есть, хеманта, гришма, варша; начертавшіе эти надписи, очевидно, слѣдовали буддийскому обычаю, — считали время по сезонамъ года; у буддистовъ же годъ начинался не съ того же самаго мѣсяца какъ по эрѣ сакѣ. См. въ А. к. в., т. 165.

प्रवचने त्रय एवार्तवो न यथा लोके षडिति । शिशिरो हि शीतसामान्यादेमत्त
इत्युक्तः । वसन्तो क्षुब्धसामान्याद्रीष्म इत्युक्तः । शरदपि वृष्टिसामान्यादर्षा इत्युक्तं
.... सर्वबौद्धानां हेमत्तः प्रथम ऋतुः । ग्रीष्मो द्वितीयः । वर्षास्तृतीयः

¹⁾ Mémoires de Hiouen Tssang, I, 177 и сл. Срв. Васильевъ, III, стр. 66, прим.

въ царствѣ Жаландхара, въ храмѣ Кувана¹⁾.... Лица, участвовавшія на этомъ соборѣ, трудились касательно ученія (сраваковъ²⁾). Тибетцы не считаютъ это собраніе соборнымъ, потому что о немъ не предсказано Буддой³⁾».

Соборъ этотъ, на которомъ происходило истолкованіе св. слова, а также записаніе его въ книги, происходилъ, по преданію при царѣ Канишкѣ, — или черезъ четыреста лѣтъ послѣ нирваны Буддхы.

Другое буддійское преданіе, сохранившееся на островѣ Цейлонѣ, относитъ къ этой же эпохѣ, то есть, къ V вѣку по с. Б. не менѣе важное событіе въ судьбахъ сайгхи. Цейлонскія хроники рассказываютъ, что при царѣ Ваттагамани записанъ былъ въ книги текстъ трехъ питакъ и комментариевъ⁴⁾.

.. Соборъ монаховъ, созванный по этому поводу, на югѣ почитается по своему значенію одинаково важнымъ какъ и первые три собора; онъ называется четвертою спѣвкою (sāṃgīti). Происходилъ онъ въ половинѣ V ст. послѣ нирваны Б., по одному извѣстію, въ 450 г., а по другому — въ 433 г. по н. Б.⁵⁾

До того времени ученіе хранилось въ памяти старцевъ или

¹⁾ Васильевъ, III, стр. 65.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, прим. Васильева на стр. 66.

⁴⁾ The Dīpaṃso, 20, 20. (стр. 103).

⁵⁾ Sāsanavaṃso, I. ke. pr., mukhapāthen'eva porāṇakatherāṇaṃ pariyattidhāraṇaṃ pañca navūtādhikāni catuvatāni ahoṣi. — Написаніе канона произошло при царѣ Vattaḡamaṇi (Въ 450 г. по смерти Буддхы: jīnacakke paṇṇasādhike catuvate saṃpatte) сынъ царя Saddhātissa. Этотъ соборъ называется четвертымъ.

См. тамъ-же, далѣе I. ke. pr.

vuttaṃ c'etaṃ sārattadīpaniyaṃ nāma vinayaṭṭikāyaṃ.

catutthasaṃgītisadisā hi potthakārohasaṃgītīti.

sihaladīpe pana vattaḡamaṇirāja marammaraṭṭhe sirikhetṭanagare eko nāma kukkuṭasīsarāja ca ekakālena rajjaṃ kāresi. amaraṇṇaṃ āpakassa raṇṇo kāle sihaladīpabbhikkhūhi idha pesitasandesakathāyaṃ pana tettiṃsādhikacatusate saṃpatte potthakāraṇṇhaṃ akappaṇ'ti āgataṃ.

vuttaṃ h'etaṃ tattha.

tettiṃsādhikacatuvaṃsaṇṇapaṇṇaṃ āpakālaṇ'ti.

монаховъ и передавалось устно. Преданіе, сообщая объ этомъ фактѣ, какъ бы въ поясненіе совершенно непонятнаго современному человѣку факта, рассказываетъ слѣдующее: «На островѣ Цейлонѣ, при царѣ Чаңдāла Тиссабхājѣ, послѣ смущенія и бездождія настало бѣдствіе — гладъ. Въ то время князь боговъ Индра пришелъ (и сказалъ монахамъ): «Возлюбленные, вы не будете въ состояніи сохранить три питакі: взойдите на судно и ступайте въ Индію. Если не окажется достаточно судовъ — на балкѣ, на тростникѣ плывите; стану васъ охранять въ безопасности».

«Тогда шестьдесятъ монаховъ отправились на берегъ моря. И было имъ такъ: «Не пойдемъ въ Индію; станемъ жить здѣсь и сохранять три питакі»; за тѣмъ, повернувъ отъ стоявшаго тамъ судна, старцы пошли въ одно мѣсто Цейлона, въ страну Малаја, питаясь плодами и корнями, прочитывали питакі. Мучимые голодомъ, они не были въ состояніи продолжать такъ: тогда, припавъ грудью на песокъ, повернувъ другъ къ другу головы, они, молча, въ умѣ повторяли три питакі. Такимъ образомъ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, сохраняя три питакі съ толкованіемъ, они блюли законъ».

«По истеченіи двѣнадцати лѣтъ стихло бѣдствіе. Ушедшіе на первыхъ порахъ въ Индію монахи, въ числѣ семи сотъ, вернулись и поселились въ нѣкоемъ мѣстѣ Цейлона, въ странѣ Рāма, въ монастырѣ Маңдалāрама».

«Пришли въ тотъ монастырь и тѣ шестьдесятъ монаховъ. Сговорились они вмѣстѣ и стали прочитывать питакі. Оба чтенія вполне согласовались и взаимно не противорѣчили¹⁾». — Для вѣрующ-

¹⁾ *Sāsanavamsa. — tat'idaṃ vatthu.*

sihaladipe kira caṇḍālatissabbhaye saṃkhubhittvā devo ca avassitvā dubbhikkhabhayaṃ uppajji. tadā sakko devānam indo āgantvā tumhe bhante piṭakaṃ dhāretuṃ na sakkhissatha nāvaṃ pana āruhitvā jambudīpaṃ gacchatha sa ce nāvā appahonakā bhaveyya kaṭṭhena vā veḷunā vā taratha abhayatthāya pana mayaṃ rakkhissāma'ti āha. tadā saṭṭhimattā bhikkhū samuddatiraṃ gantvā puna etad ahoṣi. mayaṃ jambudīpaṃ na gacchissāma. idh'eva vasitvā piṭakaṃ dhāressāma'ti. tato pacchā nāvā tittatho nivattitvā sihaladipekadesaṃ malayajanapadaṃ

щаго буддиста, быть можетъ, этого разсказа о великихъ подвигахъ древнихъ святыхъ вполне достаточно какъ для пониманія значенія собора при царѣ Ваттагамани, такъ и для оцѣнки предшествующаго способа передачи изъ поколѣнія въ поколѣніе трехъ питакъ. Сперва были люди святые, чудотворцы: обладали они необыкновенною памятью, и записывать изрѣченія и правила Учителя не было никакой необходимости; затѣмъ явились люди болѣе грѣшные, человѣческая память стала слабѣть и въ слѣдствіе этого ученіе записали въ книги, при томъ точно такимъ, какимъ оно было четыреста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ устной проповѣди великаго Учителя. Для невѣрующаго все содержаніе разсказа должно казаться легендарною, хотя и благочестивою выдумкою.

Можетъ быть, стремленіе придать св. слову Вѣщаго и постоянную форму, и записать въ книги, сдѣлать его общедоступнымъ, стремленіе, почти одновременно сказавшееся на двухъ окраинахъ буддійскаго міра, слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ, приводить въ связь съ извѣстными фактами изъ политической исторіи той же эпохи, когда на сценѣ міровой исторіи появляются Юе-чжи, и при политическомъ объединеніи подъ ихъ властью всѣхъ странъ отъ Ганга до Окса, буддизмъ, покровительствуемый индоскиѣскими царями, вмѣстѣ съ индійскою культурою сталъ распространяться и сдѣлался преобладающимъ во всей Средней Азіи вплоть до Хотяна. Тогда, при усиленной пропагандѣ слова Вѣщаго внѣ Индіи, явилась необходимость въ ка-

gantvā mūlaphalādīhi yeva yāpetvā sajjhāyaṃ akāṃsu chātakabhayaṇa atipijitā hutvā evaṃ pi kātum asakkontā vālukātale uraṃ ṭhapetvā sisena sisam abhimukhaṃ katvā vācam anicchāretvā manasā yeva akāṃsu. evaṃ dvādasavassāni saddhiṃ aṭṭhakathāya teṇṭakam rakkhitvā sāsanaṃ anuggahesum. dvādasavassesaṃ pana atikkantesu taṃ bhayaṃ vupasamitvā pubbe jambudīpaṃ gacchantā satta-bhikkhusatā āgantvā sīhaladīpekadesaṃ rāmajanapade maṇḍalārāma vihāraṃ āpa-jjimsu. te pi saṭṭhimattā bhikkhū taṃ eva vihāraṃ gantvā aññamaññaṃ sammante-tvā sajjhāyimsu. tadā aññamaññaṃ samenti na virujjhanti gaṇḍodakena viya ya-munodakaṃ sampasanti evaṃ piṭakattayaṃ mukhapathen'eva dhāretvā mahātherā dukkarakammaṃ karontīti veditaṭṭhā.

yaṃ pi pariyaṭṭiṃ ekaṇḍamattāṃ pi aviraṃhitvā dhārenti taṃ dukkarakammaṃ eva.

нонѣ писанномъ. Самое записаніе св. слова должно быть понимаемо въ одномъ смыслѣ, то есть: устной литературѣ была придана извѣстная форма; ее не только записали, но и распредѣлили по отдѣламъ, подѣламъ и т. д., классифицируя по содержанію размѣстили по разнымъ питакамъ или сосудамъ.

Отъ временъ этой литературной дѣятельности ведетъ свое начало тотъ записанный канонъ, который предлежитъ изслѣдователю въ настоящее время. Часть ученія, изложеннаго въ канонѣ, можетъ быть не незначительная, несомнѣнно, гораздо древнѣе редакціи временъ царя Ваттагамани, къ тому же, по всей вѣроятности, не окончательной; но древняя часть ученія не составляетъ исключительнаго содержанія трехъ питакъ: рядомъ съ древнимъ тамъ можетъ быть и болѣе новое; въ современный канонъ вошла та доктрина, которая росла и развивалась въ продолженіе болѣе четырехъ сотъ лѣтъ, начиная съ года смерти Буддхы до эпохи установленія писменной редакціи.

Дѣло научной критики — опредѣлить въ этомъ матеріалѣ разновременныя наслоенія и возсоздать такимъ образомъ исторію развитія священнаго слова, извѣстнаго у буддистовъ подъ именемъ Слова Вѣщаго.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГЛАВЪ IX.

Небольшой, но весьма любопытный текстъ «Исторія книгъ», составляющій приложение къ главѣ IX былъ найденъ авторомъ въ Бирмѣ. Для настоящаго изданія онъ имѣлъ двѣ рукописи:

У. Рукопись, писанная бирманскою азбукою, содержитъ кромѣ палийскаго текста бирманскій переводъ и принадлежитъ автору перевода монаху У-кхъсепъ или Мунинда въ Шведаунгѣ близъ Проме.

Въ ней 27 листовъ (ка — gi); по десяти строкъ на листѣ. Палийскій текстъ оканчивается на л. khâh.

На листѣ ka нѣсколько вступительныхъ стиховъ, произведение переводчика.

settham sajjanasevitam khemantabhûmanâyakam |
yatindaggam dhammam saṅgham vandâmi sirasâ m-aham ||
ma-kâra-vipulâ pathyâgâthâ.
saṃgitâpotthakârulhâ vaṇṇitâ gandhakârakâ |
yâcerâ santavamsassa pâlakâ mama garuno || pathyâvattam.
hatantarâyam icc eva yaṃ gandhavamsajotakam |
ajânam saramandehi tasmâ lekhan tam nissayam || .. pathyâ.
sugatagatagavesiditthijupaññâkâmino |
khanṭimettâdupetassa niveravhassa uyyojam || sakâravipulâ.

М. Рукопись, писанная тою же азбукою. Собственность издателя и приобретена имъ въ Промѣ. 12 листовъ (ка — kâh),

по 9 строкъ на листѣ. Одинъ палийскій текстъ безъ перевода, со многими опсками. Въ настоящемъ изданіи въ основаніи принятъ текстъ U. и только въ примѣчаніяхъ сообщаются любопытныя, но искаженныя прибавки, встрѣчающіяся въ M.

«Исторія книгъ» рассказываетъ въ кратцѣ судьбы буддійскаго канона, то есть, именно то, что составляло предметъ разысканій въ предшествующихъ главахъ, но кромѣ того въ ней сообщается списокъ произведеній на палийскомъ языкѣ и гораздо болѣе подробный нежели напечатанный въ приложеніи къ главѣ III (стр. 68) или появившійся въ *Sāsanavamsadīpo* ¹⁾.

¹⁾ См. стр. 126 и сл.

namo tassa bhagavato arahato sammāsambuddhassa.

namassitvāna sambuddhaṃ aggavamsaparaṃparaṃ |
natvāna dhammaṃ buddhajaṃ saṃghaṃ cāpi niraṅgaṇaṃ ||
gandhavaṃsūpanissāya gandhavaṃsaṃ pakatṭhissaṃ |
tipiṭakasamāhāraṃ sādhuṇaṃ jaṅghadāsakaṃ |
vimatinodam ārabbaṃ taṃ me supātha sādhuvo ||
sabbhaṃ pi buddhavacanaṃ vimuttirasahetukaṃ |
hoti ekavidhaṃ yeva tividhaṃ piṭakena ca ||
taṃ ca sabbhaṃ pi kevalaṃ pañcavidhaṃ nikāyato |
aṅgato ca navavidhaṃ dhammakkhandaḥagāpanato |
caturāsitisahassadhammakkhandaḥapabhedanaṃ ¹⁾ 'ti ||

kathaṃ piṭakato. piṭakaṃ hi tividhaṃ hoti. vinayapiṭakaṃ
abhidhammapiṭakaṃ suttantapiṭakaṃ'ti.

tattha katamaṃ vinayapiṭakaṃ. pārājikakaṇḍaṃ pācittiya-
kaṇḍaṃ mahāvaggakaṇḍaṃ cullavaggakaṇḍaṃ parivāraḥkaṇḍaṃ'ti.
imāni kaṇḍāni vinayapiṭakaṃ nāma.

katamaṃ abhidhammapiṭakaṃ dhammasaṃgaṇipakaraṇaṃ
vibhaṅgapakaraṇaṃ dhātukathāpakaraṇaṃ pañnattipakaraṇaṃ
kathāvatthupakaraṇaṃ yamakaḥpakaraṇaṃ paṭṭhānapakaraṇaṃ.
imāni satta pakaraṇāni abhidhammapiṭakaṃ nāma.

katamaṃ suttantapiṭakaṃ nāma. silakkhandhavaggādikaṃ
avasesaṃ buddhavacanaṃ suttantapiṭakaṃ nāma. kathaṃ nikā-
yato pañcavidhā honti. dighanikāyo majjhimanikāyo samyuttani-
kāyo aṅguttaranikāyo khuddakanikāyo'ti. tattha katamo dīgha-
nikāyo.

silakkhandhavaggo mahāvaggo pādhiyavaggo ²⁾ 'ti ime tayo
vaggā dighanikāyo nāma. imesu tisu vaggesu catutimsa suttāni
ca honti. catutims'eva suttantā silakkhandhavaggādikā | yassa
bhavanti so yeva dighanikāyo nāma hoti || .

¹⁾ U. bhedaṃ. — ²⁾ M pāvi°.

katamo majjhimānikāyo'ti mūlapaṇṇāso majjhimapaṇṇāso uparipaṇṇāso'ti ime tayo paṇṇāsā majjhimānikāyo nāma. imesu tisu paṇṇāsesu dve paṇṇāsādhikasuttasatāni honti. diyaḍḍhasatasuttantā dvisuttaṃ yassa santi so | majjhimānikāyo nāmo mūlapaṇṇāsādiko¹⁾ 'ti || .

katamo saṃyuttanikāyo sagāthāvaggo nidānavaggo saḷāyatanavaggo khandhakavaggo mahāvaggo'ti ime pañca vaggā saṃyuttanikāyo nāma. imesu pañcasu vaggesu dvāsaṭṭhi sattasatādhikasattasuttasahassāni honti. dvāsaṭṭhisattasatāni sattasahassakāni ca | suttāni yassa honti so sagāthādikavaggiko | saṃyuttanikāyo nāma viditabbo viññūnā'ti || .

katamo aṅguttaranikāyo ekanipāto dukkanipāto tikkaniipāto. catukkanipāto pañcanipāto chakkanipāto sattaniipāto aṭṭhanipāto navaniipāto dasaniipāto ekādasaniipāto'ti ime ekādasā nipatā aṅguttaranikāyo nāma. imesu ekādasāsu nipātesu sattapaṇṇāsa pañcasatādhikanavasuttasahassāni honti. navasuttasahassāni pañcasatāni ca | sattapaṇṇāsādhikāni suttāni yassa honti | so aṅguttaranikāyo'ti ekanipātādiko'ti ||

katamo khuddakanikāyo. khuddakapāṭho dhammapadam udānam itivuttakam suttaniipāto vimānavatthu petavatthu theragāthā therigāthā jātakam niddeso paṭisambhidāmaggo apadānam buddhavaṃso cariyāpiṭakam vinayapiṭakam abhidhammapiṭakan'ti ayam khuddakanikāyo. imesu gandhesu anekāni suttasahassāni honti. anekāni suttasahassāni niddiṭṭhāni mahesinā | nikāye pañcame ramme khuddako'ti visuto'ti || .

katham aṅgato. aṅgam hi navavidham hoti. suttam geyyam veyyākaraṇam gāthā udānam itivuttakam jātakam abbhutadhammam vedallan'ti navappabhedam hoti. tattha ubhatovibhaṅganiddese khandhakaparivārā suttaniipāte maṅgalasuttam ratanasuttam nālakasuttatuvattakasuttāni aññam pi suttanāmakam tathāgatavacanam suttan'ti veditabham. sabham pi sagāthakam geyyan'ti veditabban'ti. visesena saṃyu-

¹⁾ M. paṇṇā samā°.

ttake sakalo pi sagāthāvaggo geḃḃan'ti veditabbaṃ sakalaṃ abhidhammapiṭakaṃ nigāthakaṃ suttaṃ ca. yaṇ ca aññaṃ pi atṭṭhaḃi aṇḃeḃi asaṃgaḃitaṃ buddhavaḃanaṃ taṃ buddhavaḃanaṃ veyyākaraṇaṃ veditabbaṃ. dhammapadatheragāthā therigāthā suttanipāte nosuttanāṃikā suddhikagāthā ca gāthā'ti veditabbā. somanassañānamayikagāthāpaṭisaṃyuttā dve asitisuttantā udānan'ti veditabbān'ti. vuttaṃ h'etaṃ bhagavatā'ti ādinayapavatto dvādasuttarasatasuttantā itivuttakan'ti veditabbā. apaṇṇakajātakāḃini paṇṇāsādhikāni pañcajātakasatāni jātakan'ti veditabbā. cattāro'me bhikkhave acchariyā abbhutadhammā santi¹⁾ iti ādi nayappavattā sabbe pi acchariyaabbhutadhammapaṭisaṃyuttā suttantā abbhutadhamman'ti veditabbaṃ. culla-vedallamahāvedallasammādiṭṭhisakkapañhāsaṃkhārabbhājaniyamaḃpuṇṇamasuttantādayo sabbe pi vedāṇ ca tuṭṭhiṇ ca laddhā-laddhāpucchitasuttantā vedallan'ti veditabbaṃ. katamāni caturāsitiḃdhammakkhandaḃasahassāni. dujānā'ti. caturāsitiḃdhammakkhandaḃasahassāni sa ce vitthārena kathissaṃ atipapañco bhaviḃsati tasmā nayavasena kathissaṃi ekaṃ vatthuaṃ eko dhammakkhandaḃo ekaṃ nidānaṃ eko dhammakkhandaḃo ekaṃ paṇḃāpucchanaṃ eko dhammakkhandaḃo ekaṃ paṇḃāvisajjanaṃ eko dhammakkhandaḃo. caturāsitiḃdhammakkhandaḃasahassāni kena bhāsitāni kattha bhāsitāniti kadā bhāsitāni kaṃ ārabba bhāsitāni kim atthaṃ bhāsitāni kena dhāritāni kenābhatāni kim atthaṃ pariāpuṇitabbāniti ayaṃ pucchā uddharitabbā.

tatrāyaṃ visajjanaṃ kena bhāsitāniti buddhena ca buddhānu-buddheḃi ca bhāsitāni. kattha bhāsitāniti. devesu ca manussesu ca bhāsitāni. kadā bhasitāniti bhagavato dharamānakāle ca bhāsitāni. kaṃ ārabba bhāsitāniti pañcavaggiyādike veneyyabandhave ārabba bhāsitāni. kim atthaṃ bhāsitāniti vājjaṃ ca avājjaṃ ca natvā vājjaṃ paḃāya avajje paṭipajjitvā nibbānapariyante diṭṭha-dhammikaḃaṃparāyikatte saṃpāpuṇituaṃ. kena dhāritāniti. anubuddheḃi c'eva sissānussisseḃi ca dhāritāni. kenābhatāniti ācariyaparaṃpareḃi ābhatāni. kim atthaṃ pariāpuṇitabbāniti vājjaṃ

¹⁾ M, ānandeti.

ca avajjam ca natvā vajjam pahāya avajje paṭipajjitvā nibbānapariyante diṭṭhadhammikasamparāyikatte sampāpupitum karuṇāya¹⁾ abhatāni¹⁾. te¹⁾ sadevatāya nibbānapariyante diṭṭhadhammikasamparāyikatthe sādhikāni honti. te tattha kehi appamattena pariyāpunitabbāni dhāretabbāni vācetabbāni sajjhayam kātābhanīti.

iti cullagandhavamse piṭakattayadipako nāma
pathamo paricchedo.

ācariyā pana atthi porāṇācariyā atthi aṭṭhakathācariyā atthi gandhakārakācariyā atthi tividhanāmakācariyā. katame porāṇācariyā pathamasamgāyanāyam pañca satā khīṇāsavā pañcannam nikāyanam nāmañ ca atthañ ca adhippāyañ ca padañ ca byañjanañ ca sodhanakiccaṃ²⁾ anavasesaṃ karimṣu³⁾.

dutiyasamgāyanāyam satta satā khīṇāsavā tesam yeva saddatthādikam kiccaṃ puna karimṣu.

tatīyasamgāyanāyam saḥassamattā khīṇāsavā tesam yeva saddatthādikam kiccaṃ puna karimṣu.

icc evaṃ dve satādhikā dvesaḥsakhīṇāsavā mahākaccāyanam ṭhapetvā avasesā porāṇācariyā nāma. ye porāṇācariyā te yeva aṭṭhakathācariyā nāma.

katame gandhakārakācariyā. mahābuddhaghosādayo anekācariyā gandhakārakācariyā nāma. katame tividhanāmakācariyā. mahākaccāyanano tividhanāma⁴⁾.

katame gandhe kaccāyanena katā. kaccāyanagandho mahāniruttigandho cullaniruttigandho nettigandho peṭakopadesagandho vaṇṇanīti gandho⁵⁾ 'ti ime cha gandhā mahākaccāyanena katā.

katame anekācariyehi⁶⁾ katā. gandhācariyo kurundīgandham nāma akāsi. aññataro ācariyo mahāpaccariyam nāma aṭṭhaka-

¹⁾ M. om. — ²⁾ M. sodhanam. — ³⁾ M. kiccaṃ. — ⁴⁾ U. tividhā°. — ⁵⁾ M. om. — ⁶⁾ M. °riyena'ti.

tham akāsi. aññataro ācariyo kurundigandhassa aṭṭhakatham akāsi. mahābuddhaghoso nāmācariyo visuddhimaggo dīghanikāyassa sumañgalavilāsini nāma aṭṭhakathā majjhimanikāyassa papañcasūdanī nāma aṭṭhakathā samyuttanikāyassa sārattthapakāsani nāma aṭṭhakathā. aṅguttaranikāyassa manorathapūraṇi nāma aṭṭhakathā. pañcavinayagandhānaṃ samantapāsādikā nāma aṭṭhakathā sattaabhidhammagandhānaṃ paramatthakathā nāma aṭṭhakathā. pātimokkhasamphāyamaṭṭhikāya kaṇṭhāvitarāṇi nāma aṭṭhakathā dhammapadassa aṭṭhakathā jātakassa aṭṭhakathā khuddakapāṭhassa aṭṭhakathā apadānassa aṭṭhakathā'ti ime terasa gandhe akāsi.

buddhadatto nāmācariyo vinayavinicchayo uttaravinicchayo abhidhammāvatāro buddhavamsassa madhūratthavilāsini nāma aṭṭhakathā'ti ime cattāro gandhā akāsi.

ānando nāmācariyo sattābhidhammagandhaaṭṭhakathāya mūlatīkaṃ nāma tīkaṃ akāsi.

dhammapālācariyo nettipakaraṇaṭṭhakathā itivuttakaṭṭhakathā udānaṭṭhakathā cariyāpiṭakaṭṭhakathā theragāthāṭṭhakathā vimānavatthussa vimalavilāsini nāma aṭṭhakathā petavatthussa vimalavilāsini nāma aṭṭhakathā visuddhimaggassa paramatthamañjūsā nāma tīkā dīghanikāyaṭṭhakathādināṃ catunnaṃ aṭṭhakathānaṃ linatthapakāsini nāma tīkā jātakaṭṭhakathāya linatthapakāsini nāma tīkā nettitthakathāya tīkā buddhavamsaṭṭhakathāya paramatthadīpani nāma tīkā abhidhammaṭṭhakathāya tīkāya linatthavaṇṇanā nāma anuṭṭhā'ti ime cuddasamatte gandhe akāsi.

dve pubbācariyā niruttimañjūsā nāma cullaniruttitīkaṃ ca mahāniruttisamphāṇaṃ ca akāsu.

mahāvajirabuddhi¹⁾ nāmācariyo vinayagaṇḍhi nāma pakaraṇaṃ akāsi.

¹⁾ M. °vacirabuddhikāyo.

vimalabuddhi nāmācariyo mukhamattadīpani nāma nyāsapakaraṇaṃ akāsi.

cūllavajiro nāmācariyo atthabyakkhyānaṃ nāma pakaraṇaṃ akāsi.

dīpaṃkaro nāmācariyo rūpasiddhipakaraṇaṃ rūpasiddhiṭṭikaṃ summapaṇcasuttaṃ ceti tividhapakaraṇaṃ akāsi.

ānandācariyassa jetṭhasisso culladhammapālo nāmācariyo saccasaṃkhepaṃ nāma akāsi.

kassapo nāmācariyo mohavicchedani¹⁾ vimaticchedani buddhavaṃso anāgatavaṃso²⁾ catubbidhaṃ pakaraṇaṃ akāsi.

mahānāmo nāmācariyo saddhammapakāsaṇi nāma paṭi-sambhidāmaggaṃsa aṭṭhakathaṃ akāsi.

dīpavaṃso bodhivaṃso cullavaṃso mahāvaṃso paṭi-sambhidāmaggaṭṭhakathāya gaṇḍhi ceti ime pañca³⁾ gandhācariyehi⁴⁾ viṣuṃ viṣuṃ katā.

navo mahānāmo nāmācariyo mahāvaṃsaṃ cullavaṃsaṃ nāma dve pakaraṇaṃ akāsi.

upaseno nāmācariyo saddhammaṭṭhitikaṃ nāma mahāniddesaṃsa aṭṭhakathaṃ akāsi.

moggallāno nāmācariyo moggallānabyākaraṇaṃ nāma byākaraṇaṃ akāsi.

saṃgharakkhito nāmācariyo subodhālaṃkāraṃ nāma pakaraṇaṃ akāsi.

vuttodayakāro nāmācariyo vuttodayaṃ nāma pakaraṇaṃ saṃbandhacintā⁴⁾ nāma⁴⁾ pakaraṇaṃ⁴⁾ khuddasikkhāya⁴⁾ navatṭikaṃ⁴⁾ akāsi.

dhammasiri nāmācariyo khuddasikkhaṃ nāma pakaraṇaṃ akāsi.

khuddasikkhāya purāṇatṭikā mūlasikkhā ceti ime dve gandhā dve⁴⁾ acariyehi viṣuṃ viṣuṃ katā.

anuruddho nāmācariyo paramatthavinicchayaṃ nāma-

¹⁾ M. mohache°. — ²⁾ M. cha. — ³⁾ M. mahā°. — ⁴⁾ M. om.

rûpaparicchedam abhidhammatthasamgahapakaraṇaṃ
ceti tividhaṃ pakaraṇaṃ akāsi.

khemō nāmacariyo khemaṃ nāma pakaraṇaṃ akāsi.

sāriputto nāmacariyo vinayaṭṭhakathāya sārattadīpani
nāma ṭikāṃ vinayasamgahapakaraṇaṃ vinayasamgahassa
ṭikāṃ aṅguttaraṭṭhakathāya sārattamañjūsam nāma ṭikāṃ
pañcakaṇ ceti ime pañca gandhe akāsi.

buddhanāgo nāmacariyo vinayaṭṭthamañjūsam nāma
kaṇkhāvitarapiyā ṭikāṃ akāsi.

navo moggallāno nāmacariyo abhidhānappadīpikaṃ
nāma pakaraṇaṃ akāsi.

vācissaro nāmacariyo mahāsāmi nāma subodhālamkā-
rassa ṭikā vuttodayavivaraṇaṃ sumaṅgalapasādanī nā-
ma khuddasikkhāya ṭikā sambandhacintāya ṭikā bālāvatāro
moggallānabyākaraṇassa pañcikāya ṭikā yogavinicchayo vi-
nayaavinicchayassa ṭikā uttaravinicchayassa ṭikā nāma-
rûpaparicchedassa ṭikā saddatthassa padarûpavibhāva-
naṃ khemapakaraṇassa ṭikā sīmālamkāro mûlasikkhāya
ṭikā rûpārûpavibhāgo paccayasamgaho saccasamkhe-
passa ṭikā ceti imā aṭṭhārasa gandhe akāsi.

sumaṅgalo nāmacariyo abhidhammāvatāragandhassa ṭi-
kaṃ abhidhammatthavikāsaṇī¹⁾ abhidhammasamgahassa
ṭikaṇ ca abhidhammatthavibhāvaṇī²⁾ duvidhaṃ pakaraṇaṃ
akāsi.

dhammakitti nāmacariyo dantadhātupakaraṇaṃ akāsi.

medhamkaro nāmacariyo jinacaritaṃ nāma pakaraṇaṃ
akāsi.

kaṇkhāvitarapiyā linatthapakāsaṇī nisandeho dhamma-
nusāraṇī ñeyyāsandati ñeyyāsandatiyā ṭikā sumahāvatā-
ro lokapaññattipakaraṇaṃ tathāgatuppattipakaraṇaṃ
nalātadhātuvannaṇā sihalavatthu dhammapadīpako paṭi-
pattisamgaho visuddhimaggagandhi abhidhammagandhi

¹⁾ M. om.

nettipakaraṇagaṇḍhi visuddhimaggacullaṭṭikā sotappamālinī¹⁾ pasādanī okāsalokasūdanī subodhālamkāraṇassa navatīkā ceti ime vīsati gandhā vīsatācariyehi viṣuṇ viṣuṇ katā. saddhammasirī nāmācariyo saddatthabhedacintā nāma pakaraṇaṃ akāsi.

devo nāmācariyo sumanākūṭavaṇṇaṇā nāma pakaraṇaṃ akāsi.

cullabuddhaghoso nāmācariyo jātattaginidānaṃ sotattaginidānaṃ nāma dve pakaraṇaṃ akāsi.

raṭṭhapālo nāmācariyo madhurasavāhini²⁾ nāma pakaraṇaṃ akāsi.

subhūtacandano nāmācariyo liṅgatthavivaraṇapakaraṇaṃ akāsi.

aggavaṃso nāmācariyo saddanītipakaraṇaṃ nāma akāsi.

vimalabuddhi nāmācariyo nyāsapakaraṇassa mahāṭṭikaṃ nāma akāsi.

guṇasāgaro³⁾ nāmācariyo mukhamattasāraṃ taṭṭikaṇ ca duvidhaṃ pakaraṇaṃ akāsi.

abhayo nāmācariyo saddatthabhedacintāya mahāṭṭikaṃ akāsi.

nānasāgaro nāmācariyo liṅgatthavivaraṇapakāsaṇaṃ nāma pakaraṇaṃ iti akāsi.

aññatāro ācariyo gūḷhatthattikaṃ bālappabodhanaṇ ca duvidhaṃ pakaraṇaṃ akāsi.

aññatāro ācariyo saddatthabhedacintāya majjhimaṭṭikaṃ akāsi.

uttamo nāmācariyo bālāvatāraṭṭikaṃ liṅgatthavivaraṇaṭṭikaṇ ca duvidhaṃ pakaraṇaṃ akāsi.

aññatāro ācariyo saddabhedacintāya navatīkaṃ akāsi.

eko amacco abhidhānappadīpikāya ṭikaṃ daṇḍipakaraṇassa magadhabhūtaṃ ṭikaṃ koladdhajanassa sakatābhāsāya ṭikaṇ ca tividhaṃ pakaraṇaṃ akāsi.

¹⁾ M. °ppahalini. — ²⁾ M. °saṃgāhikitti. — ³⁾ M. sāgaro.

dhammasenāpati nāmācariyo kārīkaṃ etimāsamidipikaṃ manobhāraṇaṃ ca tividhaṃ pakaraṇaṃ akāsi.

aññatara ācariyo kārīkāya ṭīkaṃ akāsi.

aññatara ācariyo etimāsamidipikāya ṭīkaṃ akāsi.

kyacvāraṇṇo saddabindu nāma pakaraṇaṃ paramattha-bindupakaraṇaṃ akāsi.

saddhammaguru nāmācariyo saddavuttipakāsaṇaṃ nāma pakaraṇaṃ akāsi.

sāriputto nāmācariyo saddavuttipakāsakassa ṭīkaṃ akāsi.

aññatara ācariyo kaccāyanabhedaṇaṃ ca kaccāyanasāraṃ kaccāyanasārassa ṭīkaṇaṃ ca tividhaṃ pakaraṇaṃ akāsi.

navo medhaṃkaro nāmācariyo lokadīpakasāraṃ nāma pakaraṇaṃ akāsi.

aggapaṇḍito nāmācariyo lokuppatti nāma pakaraṇaṃ akāsi.

civaro nāmācariyo jaṅghadāsassa ¹⁾ ṭīkaṃ akāsi.

mātikatthadīpaṇi sīmālakārassa ṭīkā vinayasamuttāhānadīpaṇi gandhasāro paṭṭhānagaṇanānayo abhidhammatthasaṃgahassa saṃkhepavaṇṇanā navatīkā kaccāyanassa suttaniddeso pātīmokkhavisodhani ceti atṭha gandhe saddhammajotipālācariyo akāsi.

navo ²⁾ vimalabuddhi ³⁾ nāmācariyo abhidhammapaṇṇarasatṭhānaṃ pakaraṇaṃ akāsi.

vepullabuddhi ⁴⁾ nāmācariyo saddasāratthajālīniyā ṭīkā vuttodayatīkā paramatthamañjūsā nāma abhidhammasaṃgahatīkāya anuṭīkā dasagaṇḍhivaṇṇanā nāma magadhabhūtāvidaggaṃ vidadhimukkhamāṇḍanaṭīkā ceti ime cha gandhe akāsi.

aññatara ācariyo pañcapakaraṇatīkāya navānuṭīkaṃ akāsi.

ariyavaṃso nāmācariyo abhidhammasaṃgahatīkāya maṇisāramañjūsā nāma navānuṭīkaṃ dvārakathāya ṭīkāya ma-

¹⁾ M. °sakassa. — ²⁾ M. om. — ³⁾ M. vemala°. — ⁴⁾ M. navo vima°.

pidīpaṃ nāma navānuṭṭikāṃ gaṇḍābharaṇaṃ ca mahānissaraṇaṃ ca jātakavisodhanaṃ ca iti ime ¹⁾ pañca gandhe ¹⁾ akāsi.

peṭakopadesassa ṭikāṃ udumbarānāmācariyo akāsi.

taṃ pana pakudhanagaravāsī ²⁾ abhidhammasaṃgahassa ṭikā catubhāṇavārassa aṭṭhakathā mahāsārapakāsaṃ mahādīpaṃ sārattadīpaṃ ³⁾ gatipakaraṇaṃ ⁴⁾ hatthasāro ⁵⁾ bhummasaṃgaho bhummaniddeso dasavatthu kāyaviraṭṭikā jotanaṃ nirutti vibhattikathā saddhammapālinī ⁶⁾ pañcagativāṇṇā bālacittapabodhanī dhammacakkasuttassa navatṭhakathā daṇḍadhātupakaraṇassa ⁷⁾ ṭikā ceti ime visati gandhā nānācariyehi katā. aññāni pakaraṇāni atthi. katamāni. saddhammapālaṇaṃ ⁸⁾ bālappabodhanapakaraṇassa ṭikā ca jinālaṃkārapakaraṇassa navatīkā ca liṅgathavinicchayo pātimokkhevivaraṇaṃ paramatthavivaraṇaṃ kathāvivaraṇaṃ samantapāsādikavivaraṇaṃ abhidhammatthasaṃgahavivaraṇaṃ saccasaṃkhepavivaraṇaṃ saddatthabhedacintāvivaraṇaṃ kaccāyanasāravivaraṇaṃ abhidhammatthasaṃgahassa ṭikāvivaraṇaṃ mahāvessantarajātakassa vivaraṇaṃ sakkābhimaṭṭhaṃ mahāvessantarajātakassa navatṭhakathā pathamasambodhi lokanīti ca buddhaghosācariyanidānaṃ milindapaṇḍitavāṇṇā caturārakkhāya aṭṭhakathā saddavutti-pakaraṇassa navatīkāṃ icc evaṃ pañcavisati pamāṇāni laṅkādīpādīsu thānesu paṇḍitehi katāni ahesuṃ. sambuddhe gāthā ca naradeva nāma gāthā ca yadā have cīvaratthi gāthā ca visati ovādagāthā ca dānasatthari silasatthari sabba-dānavāṇṇā anantabuddhavaṇṇanāgāthā ca aṭṭhāvisati buddhavandanāgāthā ca atitānāgatapaccuppannabuddhavaṇṇanāgāthā ca asitimahāsāvakavaṇṇanāgāthā ca na-

¹⁾ M. om. — ²⁾ M. pakuvana°. — ³⁾ U. om. — ⁴⁾ U. om. — ⁵⁾ M. hatthasāgarā. — ⁶⁾ M. saddadhamma°. — ⁷⁾ U. om. — ⁸⁾ M. °yanap.

vahāraguṇavaṇṇanā ca'ti ime buddhapāṇāmagāthā so-
paṇḍitehi laṅkādīpādīsu tḥānesu katā ahesuṃ.

iti cullagandhavaṃse gandhakāṇakācariyadīpako
nāma dutiyo paricchedo.

ācariyesu ca atthi jambudīpikācariyā atthi laṅkādīpikācariyā.
katame jambudīpikācariyā katame laṅkādīpikācariyā.

mahākaccāyano jambudīpikācariyo so hi avantiraṭṭhe
ujjenīnagare candapaccotassa nāma rañño purohito hutvā
kāmaṇaṃ ādinavaṃ disvā gharavāsaṃ pahāya satthu sāsane pa-
bbajjitvā hetthāvuttapakāre gandhe akāsi.

mahāaṭṭhakathācariyo mahāpaccarikācariyo ca mahā-
kurundikācariyo aññatarācariyehi ime pañcāriyo laṅkādīpikā-
cariyo nāma tehi buddhaghosācariyassa pure bhūtā cire kāle
ahesuṃ.

mahābuddhaghosācariyo jambudīpiko so kira magadha-
raṭṭhe saṃgāmarañño¹⁾ purohitassa keśi²⁾ nāma brahmaṇassa
putto satthu sāsane pabbajjitvā laṅkādīpaṃ gato hetthāvuttappa-
kāre gandhe akāsi.

buddhadattācariyo ānandācariyo dhammapālācariyo
dve pubbācariyā mahāvajirabuddhācariyo cullavajira-
buddhācariyo dīpaṃkarācariyo culladhammapālāca-
riyo kassapācariyo'ti ime dasācariyā jambudīpikā hetthā vu-
ttappakāre gandhe akāsu.

mahānāmācariyo aññatarācariyo cullanāmācariyo
upasenācariyo moggallānācariyo saṃgharakkhitācariyo
vācissarācariyo³⁾ vuttodayakācariyo⁴⁾ dhammapālāca-
riyo aññatarā dvācariyo⁴⁾ anuruddhācariyo khemācariyo
sāriputtācariyo buddhanāgācariyo cullamoggallānāca-
riyo vācitassa⁴⁾ pācariyo⁴⁾ sumaṅgalācariyo buddhapiyā-
cariyo dhammakitti ācariyo medhaṃkarācariyo buddha-

1) M. sosaṅkamo°. — 2) M. ghoṣi. — 3) M. om. — 4) U. om.

rakkhitācariyo upatissācariyo aññatarā visatācariyo saddhammacārācariyo devācariyo ¹⁾ cullabuddhaghosācariyo sārīputtācariyo ¹⁾ ratthapālācariyo'ti ime eka paññāsācariyā ¹⁾ laṅkādiṭṭhācariyā nāma.

subhūtacandanācariyo ²⁾ aggavaṃsācariyo navo vajirabuddhācariyo vepullabuddhācariyo guṇasāgarācariyo abhayācariyo ānasāgarācariyo dhammapālācariyo aññatarā dvācariyo uttamācariyo aññataro ācariyo caturaṅgalabalamahāmacco dhammasenāpatācariyo aññatarā tayo ācariyā kyacvāraṇṇo ca saddhammaguruācariyo sārīputtācariyo dhammābhinandācariyo aññataro ekācariyo medhākarācariyo aggapaṇḍitācariyo vajirācariyo ³⁾ saddhammapālācariyo navo vimalabuddhācariyo iti ime tevisati ⁴⁾ ācariyā jambudīpikā hetthāvuttappakāre gandhe pukkāmasamkhāte arimaddanānagare akāṃsu.

navo vimalabuddhācariyo jambudīpiko hetthā vuttappakāre gandhe panyanagare ⁵⁾ akāṃsu. aññatarācariyo ariyavaṃsācariyo'ti ime dvācariyā jambudīpikā hetthāvuttappakāre gandhe avantipure akāṃsu.

aññatarā visatācariyā jambudīpikā hetthā vuttappakāre gandhe kiñcipuranagare akāṃsu.

iti cullagandhavaṃse ācariyānaṃ samjātaṭṭhānadīpiko
nāma tatiyo paricchedo.

gandho pana siyā āyācanena ācariyehi katā siyā anāyācanena ācariyehi katā.

katame gandhā ⁶⁾ āyācanena katame ⁷⁾ anāyācanena katā.

mahākaccāyanagandho mahā atthakathāgandho mahāpacca-
riyagandho mahākurundīgandho mahāpacca-
riyagandhassa atthakathāgandho ime cha gandhe hi ācariyehi attano matiyā sāsana-
vuddhyatthāya ⁸⁾ saddhammatthitīyā katā.

¹⁾ U. om. — ²⁾ M. °candāca°. — ³⁾ M. civarā°. — ⁴⁾ U. om. — ⁵⁾ M. paṇṇa.
⁶⁾ U. gandhe. — ⁷⁾ U. adda. gandhe. — ⁸⁾ M. °ne jahana°.

buddhaghosācariyagandhesu pana visuddhimaggo saṃgha-pālena nāma āyācitenā buddhaghosācariyena kato.

dīghanikāyassa aṭṭhakathāgandho dāṭṭhanāmena saṃgha-ttherena āyācitenā buddhaghosācariyena kato. majjhimanikāyassa aṭṭhakathāgandho buddhamittanāmena therena āyācitenā buddhaghosācariyena kato.

samyuttanikāyassa aṭṭhakathāgandho jotipālena nāma therena āyācitenā buddhaghosācariyena kato.

aṅguttaranikāyassa aṭṭhakathāgandho bhaddantanāmattherena saha ājīvakena āyācitenā buddhaghosācariyena kato.

samantapāsādikā nāma aṭṭhakathāgandho buddhasirināmena therena āyācitenā buddhaghosācariyena kato.

sattanāṃ abhidhammagandhānaṃ aṭṭhakathāgandho culla-buddhaghosonāma bhikkhūnā āyācitenā buddhaghosācariyena kato.

dhammapadassa aṭṭhakathāgandho kumārakassapanāmena therena āyācitenā buddhaghosācariyena kato.

jātakassa aṭṭhakathāgandho atthadassībuddhamittabuddhapiyasamkhātehi tihi therehi āyācitenā buddhaghosācariyena kato.

khuddakapāṭhassa aṭṭhakathāgandho suttanipātaṃ aṭṭhakathāgandho attano matiyā buddhaghosācariyena katā.

apadānassa aṭṭhakathāgandho pañcanikāyaviññūhi pañcahi therehi āyācitenā buddhaghosācariyena kato.

pāṭimokkhaṃ aṭṭhakathā kaṅkhāvitaranīgandho attano matiyā buddhaghosācariyena kato.

buddhaghosācariyagandhadīpanā nīṭṭhitā.

buddhadattācariyagandhesu pana vinayavinicchayagandho attano sissena buddhasihena¹⁾ nāma therena āyācitenā buddhadattācariyena kato.

uttaravinicchayagandho saṅkhapālena nāma therena āyācitenā buddhadattācariyena kato.

¹⁾ U. sumati.

abhidhammāvatāro nāma gandho attano sissenā sumatināmattherena āyācitenā buddhadattācariyena kato.

buddhavamsassa atthakathāgandho ten'eva buddhasīhanāmattherena āyācitenā buddhadattācariyena kato.

jinālamkāragandho saṃghapālattherena āyācitenā buddhadattācariyena kato.

buddhadattācariyagandhadīpanā niṭṭhitā.

abhidhammatthakathāya mūlaṭīkā nāma ṭīkāgandho buddhamittanāmattherena āyācitenā ānandācariyena kato.

nettipakaraṇassa atthakathāgandho dhammarakkhitanāmattherena āyācitenā dhammapālācariyena kato.

itivuttakaṭṭhakathāgandho udānaṭṭhakathāgandho cariyāpiṭakaṭṭhakathāgandho theragāthaṭṭhakathāgandho therīgāthaṭṭhakathāgandho vimānavatthupetavatthutthakathāgandho ime satta gandhā attano matiyā dhammapālācariyena katā.

visuddhimaggaṭīkāgandho dāṭṭhānāmena therena āyācitenā dhammapālācariyena kato.

dīghanikāyaṭṭhakathādīnaṃ catunnaṃ atthakathānaṃ ṭīkāgandho abhidhammatthakathāya anuṭīkāgandho jātaṭṭhakathāya ṭīkāgandho niruttipakaraṇaṭṭhakathāya ṭīkāgandho buddhavamsaṭṭhakathāya ṭīkāgandho'ti ime pañca gandhā attano matiyā dhammapālācariyena katā.

dhammapālācariyagandhadīpanā niṭṭhitā.

niruttimañjūsā nāma cullaṭīkāgandho mahāniruttisaṃkhepo nāma gandho ca attano matiyā pubbācariyehi viṣuṃ viṣuṃ katā.

pañcavinayapakaraṇassa vinayagaṇḍhi nāma gandho attano matiyā mahāvajirabuddhicariyena katā.

nyāsaṃkhāto mukhamattadīpanī nāma gandho attano matiyā vimalabuddhīcariyena kato.

atthabyākkyāno nāma gandho attano matiyā cullavimalabuddhācariyena kato.

rūpasiddhigandhassa tīkāgandho sampapañcasatti¹⁾ ca attano matiyā dipamkarācariyena kato.

saccasamkhepo nāma gandho attano matiyā culladhammapālācariyena kato.

mohavicchedanīgandho vimaticchedanīgandho attano matiyā kassapācariyena kato.

paṭisambhidāmaggaṭṭhakathāgandho mahānāmena upāsakena āyācitenā mahānāmācariyena kato.

dīpavaṃso thūpavaṃso bodhivaṃso cullavaṃso porāpavaṃso mahāvaṃso cā'ti ime cha gandhā attano matiyā mahācariyehi vi-
sum vi-
sum kātā.

navo²⁾ vaṃso²⁾ gandho²⁾ attano matiyā²⁾ cullamahānāmācariyena²⁾ kato.

saddhammapajjotikā nāma mahāniddeśaṣaṭṭhakathāgandho devena nāma ttherena āyācitenā upasenācariyena kato.

moggallānabyākaraṇagandho attano matiyā moggallānācariyena kato.

subodhālamkāro nāma gandho vuttodayo³⁾ nāma³⁾ gandho³⁾ attano matiyā saṅgharakkhitācariyena kato.

(vuttodayagandho attano matiyā vuttodayakārācariyena kato⁴⁾).

khuddasikkhā nāma gandho attano matiyā dhammasirācariyena kato.

porāṇakhuddasikkhāṭikā ca mūlasikkhāṭikā cā'ti ime dve gandhā attano matiyā anūnatārehi dvih'ācariyehi vi-
sum kātā.

paramatthavinicchayaṃ nāmagandho saṅgharakkhitatthe-
rena āyācitenā anuruddhācariyena kato.

nāmarūpaparicchedo nāma gandho attano matiyā anuruddhācariyena kato.

abhidhammatthasaṃgahaṃ nāma gandho nambhanāmena⁵⁾ upāsakena āyācitenā anuruddhācariyena kato.

khemo nāma gandho attano matiyā khemācariyena kato.

sāratthadīpanī nāma vinayaṭṭhakathāya tīkāgandho vinaya-

¹⁾ U. samapañca°. — См. стр. 248. — ²⁾ U. om. — ³⁾ M. om. — ⁴⁾ U. om. — ⁵⁾ M. nampa°.

samgahagandho vinayasamgahassa ñikāgandho aṅguttaraṭṭhaka-thāya navā ñikāgandho'ti ime cattāro gandhā parakkamabāhunāmena laṅkādīpissarena raññā āyācītena sārīputtācariyena katā.

sakatasaddasatthassa pañcīkā nāma ñikāgandho attano matiyā sārīputtācariyena kato. -

kaṅkhāvitarāṇiyā vinayaṭṭhamāñjūsā nāma ñikāgandho sumedhānāmattherena āyācītena buddhanāgācariyena kato.

abhidhānappaḍīpīkā nāma gandho attano matiyā cullamoggallānācariyena ¹⁾ kato.

subodhālamkāraṣṣa mahāsimā nāma ñikā vuttodayavivaraṇaṇ cā'ti ime dve gandhā attano matiyā vācissarena katā.

khuddasikkhāya sumaṅgalapasādanī nāma navo ñikāgandho sumaṅgalena āyācītena vācissarena kato.

sambandhacintāñikā bālāvatāro moggallānabyākaraṇassa ñikā cā'ti ime gandhā sumaṅgalabuddhamittamahākassapasamkhātehi tīhi therehi ca dhammakitti nāma upāsakena vāniccābhātu upāsakena ²⁾ āyācītena vā vācissarena katā.

nāmarūpaparicchedassa padarūpavibhāvaṇaṇ khemapakaraṇassa ñikā sīmālamkāro mūlasikkhāya ñikā rūpārūpavibhāgo paṇḍitasamgaho cā'ti ime satta gandhā attano matiyā vācissarena katā.

saccasamkhepassa ñikāgandho sārīputtanāmena therena āyācītena vācissarena katā.

abhidhammāvatāraṣṣa ñikā abhidhammatthasamgahassa ñikā cā'ti ime attano matiyā sumaṅgalācariyena kato.

sāratthasamgahanāmagandho attano matiyā buddhapiyena kato.

dantadhātuvāṇṇanā nāma pakaraṇaṇ laṅkādīpissaraṣṣa rañño senāpatīāyācītena dhammakittināmācariyena katam.

jinacaritam nāma pakaraṇaṇ attano matiyā medhamkarācariyena katam.

¹⁾ U. mogga°. — ²⁾ U. om.

jinālamkāro jinālamkāraṣṣa ṭikā attano matiyā buddhara-kkhitācariyena katā¹⁾.

anāgatavaṃsaṣṣa atthakathā attano matiyā upatissācariyena katā.

kaṇkhāvitarapiyā līnatthapakāsini nāma ṭikā nisandeho dhammānusāraṇi űeyyāsandati űeyyāsandatiyā ṭikā sumahāvatāro lokapaññattipakaraṇaṃ tathā gatuppattipakaraṇaṃ naḷāṭadhātuvaṇṇanā sihalavatthu dhammadīpako paṭipattisaṃgaho visuddhi-maggassa gaṇḍhi abhidhammagāḍhi nettipakaraṇassa gaṇḍhi visuddhimaggacullanavaṭikā sotappamālini paśādajanani okāsa-loko subodhālamkāraṣṣa navaṭikā ceti ime viṣati gandhā attano matiyā viṣatācariyehi viṣup viṣup katā.

saddatthabhedacintā nāma pakaraṇaṃ attano matiyā dhamma-sirināmācariyena²⁾ kato.

sumanakūṭavaṇṇaṇaṃ nāma pakaraṇaṃ rāhulanāmatthe-rena āyācītena vācissareṇa katam.

sotattagīmahānidānaṃ nāma pakaraṇaṃ attano matiyā culla-buddhaghosācariyena katam.

madhurasavāhini nāma pakaraṇaṃ attano matiyā raṭṭhapā-lācariyena katam.

līṅgatthavivaraṇaṃ nāma pakaraṇaṃ attano matiyā subhūta-candācariyena katam.

saddanītipakaraṇaṃ attano matiyā aggavaṃsaṣācariyena katam.

nyāsapakaraṇassa mahāṭikā nāma ṭikā attano matiyā vimala-buddhācariyena³⁾ katā.

mukhamattasāro attano matiyā guṇasāgarācariyena kato.

mukhamattasārassa ṭikā sutasampannakyačvānāmena dhamma-rājino⁴⁾ gurusamghattherena āyācītena guṇasāgarācariyena katā.

saddatthabhedacintāya mahāṭikā attano matiyā abhayācariyena katā.

līṅgatthavivaraṇapakāsakaṃ nāma pakaraṇaṃ attano matiyā nānasāgarācariyena katam.

¹⁾ M. adda. amatara nāma. — ²⁾ M. saddha°. — ³⁾ M. vacira°. — ⁴⁾ U. rājino.

gūlhatthatikā bālapabbodhanam ca iti duvidham pakaraṇam attano matiyā aññatarācariyena katam.

saddatthabhedacintāya majjhimatikā attano matiyā aññatarācariyena katā.

bālāvatārassa ñikā ca attano matiyā uttamācariyena katā.

saddabhedacintāya navā ñikā attano matiyā aññatarācariyena katā.

abhidhānappadīpikāya ñikā daṇḍipakaraṇassa magadhabhūtā ñikā cā'ti duvidhā ñikāyo attano matiyā sihasūranāmarāñño ekena amaccena katā.

koladdhajanassa ñikā pāsādikena nāma therena āyācitenā ca ten'eva amaccena ¹⁾ katā.

kārikā nāma pakaraṇam nānagambhīranāmena bhikkhunā āyācitenā dhammasenāpatācariyena katā.

etimāsamidīpanī nāma pakaraṇam manohārañ ca attano matiyā ten'eva dhammasenāpatācariyena katam.

kārikāya ñikā attano matiyā aññatarācariyena katā.

etimāsamidīpikāya ñikā attano matiyā aññatarācariyena katā.

saddabindupakaraṇam ca paramatthabindupakaraṇam ca attano matiyā kyacvā nāma raññā katā ²⁾.

saddavuttipakāsakam ³⁾ nāma pakaraṇam aññatarena bhikkhunā āyācitenā saddhammagurunā nāmācariyena katam.

saddavuttipakāsakassa ñikā attano matiyā sārīputtācariyena katā.

kaccāyanasāro ca kaccāyanabhedañ ⁴⁾ ca kaccāyanasārassa ñikā cā'ti tividham ⁵⁾ pakaraṇam attano matiyā dhammānandācariyena ⁶⁾ katam.

lokadīpakasāram nāma pakaraṇam attano matiyā navena medhamkarācariyena katam.

lokupattīpakaraṇam attano matiyā aggapaṇḍitācariyena katam.

¹⁾ M. mahāma°. — ²⁾ M. dhammarājassa gurunā aññatarācariyena katam. —

³⁾ M. °naṇ. — ⁴⁾ M. om. — ⁵⁾ M. duvidham. — ⁶⁾ M. aññatā°.

jaṅghadāsakassa magadhabhūta tika attano matiyā vajirācariyena ¹⁾ katā.

mātikatṭhadīpani abhidhammatthasamgahavaṇṇanā simālamkāraṣṣa tika gaṇḍhisāro paṭṭhānagaṇanānayo cā'ti ime pañca pakaraṇāni attano matiyā saddhammajotipālācariyena katā.

samkhepayavaṇṇanā parakkamabāhunāmena jambudīpissarena rañña āyāciten'eva saddhammajotipālācariyena katā.

kaccāyanassa suttaniddeso attano sissena dhammacārittherena āyācitenā saddhammajotipālācariyena kato.

vinayasamuṭṭhānadīpani nāma pakaraṇaṃ attano gurunā samghattherena āyāciten'eva saddhammajotipālācariyena katā.

satta pakaraṇāni pana tena pukkāmanagare ²⁾ katāni samkhepayavaṇṇanā yeva laṅkādiṭṭhe katā.

abhidhammapaṇṇarasatṭhānavavaṇṇanaṃ nāma pakaraṇaṃ attano matiyā navena vimalabuddhācariyena katam.

saddasāratthajālīni nāma pakaraṇaṃ attano matiyā nāgītācariyena katā.

saddasāratthajālīniyā tika panyanagare rañña gurunā samgharājena āyācitenā ten'eva vimalabuddhācariyena katā.

vuttodayassa tika abhidhammatthasamgahassa tikaṃ paramatthamañjūsā nāma anuṭikā dasagaṇḍhivaṇṇanā nāma pakaraṇaṃ magadhabhūtaṃ vidaggaṃ vidadhimukhamāṇḍanassa ⁴⁾ tika cā'ti imāni pañca ⁵⁾ pakaraṇāni attano matiyā ten'eva navena vepullabuddhācariyena katā ⁶⁾.

pañcapakaraṇatīkāya navānuṭikā attano matiyā aññatarācariyena katā.

maṇisāramañjūsā nāma anuṭikā maṇidīpaṃ nāma dvārakathāya anuṭikā jātakavisodhanaṃ ca gaṇḍābharapaṇi ca attano matiyā ariyavamsācariyena katā.

petakopadesassa tika attano matiyā udumbaranāmācariyena makuvānagare ⁷⁾ katā.

¹⁾ M. civarācivarena. — ²⁾ M. mukka°. — ³⁾ U. nāgitenā. — ⁴⁾ U. °maṇḍassa. — ⁵⁾ M. cattāri. — ⁶⁾ M. vimala°. — ⁷⁾ M. pakuto°.

catubhāṇavārassa aṭṭhakathā mahāsārapakāsini mahādīpani
 sārattadīpani gatipakaraṇaṃ hatthasāro bhummasaṃgaho bhum-
 maniddeso dasavatthu kāyaviratiṭṭhikā jotanaṃ nirutti vibhattikathā
 saddhammapālini pañcagatīvāṇaṃ bālacittapabodhanaṃ dham-
 macakkasuttassa navatṭhakathā dantadhātupakaraṇassa ṭikā ca
 saddhammopāyano bālappabodhanaṭṭhikā ca jināṇaṃkārassa nava-
 ṭṭhikā ca līṅgattavivaraṇaviniṭṭhaya pātimokkavivaraṇaṃ para-
 matṭhakathāvivaraṇaṃ samantapāsādikavivaraṇaṃ catubhāga-
 ṭṭhakathāvivaraṇaṃ abhidhammatthasaṃgahavivaraṇaṃ sacca-
 saṃkhepavivaraṇaṃ saddatṭhabhedacintāvivaraṇaṃ saddavutti-
 varaṇaṃ kaccāyanasāravivaraṇaṃ abhidhammasaṃgahassa ṭikāvi-
 varaṇaṃ mahāvessantarajātakassa vivaraṇaṃ sakkābhimataṃ
 mahāvessantarajātakassa navatṭhakathā pathamasambodhi loka-
 niti buddhaghosācariyauidānaṃ milindapaṇḍhāvāṇaṃ catura-
 kkhāya aṭṭhakathā saddavuttiṭṭhakarāṇassa navatṭhikā cā'ti imāni
 cattāṭṭhapaṇḍitāni attano matiyā sūsanassa jutiyā ca saddham-
 massa ṭhitiyā ca laṅkādīpādīsu viṣuṃ viṣuṃ ācariyehi katāni.

sambuddhe gāthā ¹⁾ ca -la- navahāraguṇavāṇaṃ cā'ti ime
 buddhapaṇḍitāni gāthāyo attano attano buddhaguṇapakāsana-
 tthāya attano paresaṃ ca anantapaṇḍitāpavattanattthāya ca paṇḍi-
 tehi laṅkādīpādīsu ṭhānesu viṣuṃ viṣuṃ katā.

iti cullagandhavamse gandhakārakācariyadīpako nāma
 catuttho paricchedo.

nāmaṃ āropanaṃ poṭṭhaṃ phalaṃ gandhakārassa ca lekhaṃ
 lekhaṇaṃ c'eva vadāmi'haṃ tad anantaraṃ'ti.

tattha caturāsītīdhammakhandhasahassānaṃ ²⁾ piṭakanikā-
 yaṅgavaggaṇipātādīkaṃ nāmaṃ.

kena āropitaṃ kim atthaṃ āropitaṃ'ti.

tatrāyaṃ visajjanaṃ, kena āropitaṃ'ti. pañcasatehi khīṇāsavehi
 mahākassapaṃamukhehi āropitaṃ. te hi sambuddhavacanaṃ saṃ-

¹⁾ M. sambuddha. — ²⁾ M. adda. sabassāni.

gāyanti idaṃ piṭakaṃ ayaṃ nikāyo idaṃ aṅgaṃ ayaṃ vago
ayaṃ nidāno'ti evaṃ ādikaṃ nāmaṃ kārāpenti¹⁾).

kattha āropitaṇ'ti. rājagahe vebhārapabbatassa pāde dhamma-
maṇḍape āropitaṃ.

kadā āropitaṇ'ti. bhagavato parinibbute pathamasamgāyana-
kāle āropitaṃ tike māse nikkhamaniye.

kim atthaṃ āropitaṇ'ti. dhammakkhandhānaṃ anattāya
sattahitāya vohārasukhatthāya ca āropitaṃ.

samgitikāle pañcasatā khīṇāsavā tesam ca dhammakkhan-
dhānaṃ nāmaṃ vagganipātakā. imassa dhammakkhandhassa ayaṃ
nāmo hotu imassa pakaraṇassa ayaṃ nāmo'ti abravuṃ sabbanā-
mādikaṃ kiccaṃ akamsu²⁾).

dhammakkhandhanāmadīpanā
niṭṭhitā.

caturāsītiddhammakkhandhasahassāni kena poṭṭhake āropitāni
kattha āropitāni kadā āropitāni kim atthaṃ āropitāni. ayaṃ
pucchā. tatrāyaṃ visajjanā. kena āropitānīti. khīṇāsavamahānā-
gehi āropitāni.

kattha āropitāni. laṅkādiṇe āropitāni. kadā āropitāni. saddhā-
tissarājino puttassa vaṭṭagāmaṇirājassa kāle āropitāni.

kim atthaṃ āropitāni. dhammakkhandhānaṃ avidhamsana-
tthāya saddhammathitīyā sattahitāya āropitāni³⁾).

¹⁾ M. karonti. — ²⁾ M. adda.

te khīṇāsavā yadi nāmādikaṃ kiccaṃ akataṃ na supākataṃ tasmā vohāra-
sukhatthāya nāmādikaṃ kiccaṃ anāgate dhapirakkhāya(?) nāmādikaṃ pavattitaṃ
asaṃjānāmāno suṭṭhupākato sabbaso cāveti.

³⁾ M. adda.

dharamāno bhagavā amhākaṃ sugato dharo |
nikāye pañca desesi yāva nibbānagamaṇā ||
sabbe pi te bhikkhū ādi manasā vacasā maro (?) |
sabbe vācuggatā honti mahāpaññāsatiro (?) ||
nibbute lokanāthamhi bhato (?) vassasataṃ bhava |
ariyā nariyā pi ca sabbe vācuggatā dhuvaṃ ||
tato paraṃ atthārasaṃ dvisataṃ vassagāṇaṃ |

tato paṭṭhāya te sabbe nikāya honti poṭṭhake |
 aṭṭhakathā tika sabbe honti poṭṭhake tithā ||
 tato paṭṭhāya te sabbe bhikkhū ādimahāgaṇā |
 poṭṭhakesu tithite yeva sabbe passanti sabbadā ||
 poṭṭhake āropanadīpikā nīṭṭhitā.

yo koci paṇḍito viro aṭṭhakathādikaṃ gandhaṃ karoti kāra-
 peti vā tassa anantako hoti puññasamcayo anantako hoti puñña-
 nisamso caturāsīticetiyasahassakaraṇasadiso caturāsītibuddha-
 rūpakaraṇasadiso caturāsītibodhirukkhasahassaropanasadiso catu-
 rāsītivihārasahassakaraṇasadiso.

sabbe puthujjanā c'eva ariyā ca sabbe pi te |
 manasā vacasā yeva vācuggaṭā sabbadā |
 duṭṭhagāmaniraṇṇo ca kālo vācuggato dhuvam |
 ariyā nariyā pi ca nikāre dhāraṇam sadā (?) ||
 tato paramhi rājā vaṃ tato cuto ca tusite |
 uppajji devaloke so devehi parivārīto ||
 saddhātisso'ti nāmena tassa kiṃ ninikohi to(?) |
 takoladdharaṭṭho hoti buddhasāsanampālako ||
 tadā kālo bhikkhū āsi sabbe vācuggaṭā sadā |
 nikāye pañcavidhe va yāvā raṇṇo maraṇā ||
 tato cuto so rājā ca tusite uppajjati |
 devaloke titho santo tadā vācuggaṭā tato ||
 tassa puttā pi ahesum anekā'va rajjam gaṭā |
 anukkamena cutā te devalokamhi gaṭā dhuvam ||
 tathā pi te sabbe bhikkhū vācuggaṭā'va sampadā (?) |
 nikāye pañcavidhe va dhāraṇā va satimatā (?) ||
 tato param poṭṭhakesu nikāyā pañca pi tithā |
 tadā aṭṭhakathā tika sabbe gandhā poṭṭhake gaṭā ||
 sabbe poṭṭhesu ye gandhā pāṇi-aṭṭhakathātika |
 samṭhitā samṭhitā honti sabbe pi no nassanti te ||
 tadā te poṭṭhake yeva nikāyā pi tithākhilā |
 tadā aṭṭhakathādini bhavantīti vadanti ca ||
 parihāro paṇḍitehi vattabo'va
 laṅkāḍīpissaraṇṇo'va saddhātissassa rājino ||
 vuttalaṅkāḍīpissa issaro dhammiko dharo |
 tadā khināsavassa rājino putta laṅkāḍīpissa issaro dhammiko dharo ||
 tadā khināsavā sabbe olokenti anāgaṭā khināsavā passanti te duv-
 aṇṇe va puthujjano (?)
 sabbe pi te bhikkhū 'di bahutarā puthujjanā |
 na sikkhisanti te pañca nikāye vācuggataṃ iti ||
 poṭṭhakesu sabbe pañca ārodhapanti khināsavā |
 saddhammacivaraṭṭhāya (?) janānaṃ puññaṭṭhāya ca ||

yo ca buddhavacanamañjûsam karoti vā kārāpeti vā (so ca buddhavacanam karoti vā kārāpeti vā) ¹⁾ yo ca buddhavacanam poṭṭhake lekham karoti vā kārāpeti vā yo ca poṭṭhakam vā poṭṭhakamūlam vā deti vā dāpeti vā yo ca telam vā cunnam vā dhaññam vā (poṭṭhaka puñchanatthāya yam kiñci navattam (?) poṭṭhachidde anitṭhāya (?) yam kiñci suttam vā) ¹⁾ kaṭṭhaphalakadvayam poṭṭhakam vūhanatthāya yam kiñci vattam vā poṭṭhakabandhanatthāya yam kiñci yottam (vā poṭṭhaka lāpapūtanatthāya yam kiñci tavikam (?) ¹⁾ deti vā dāpeti vā yo ca haritālena vā manosilāya vā suvaṇṇena vā rajatena vā poṭṭhakamaṇḍanam vā kaṭṭhaphalakamaṇḍanam vā karoti vā kārāpeti vā tassa anantako hoti puññasampayo anantako hoti puññānisamso caturāsīticetiyasahassakaraṇasadiso caturāsītivihārasahassakaraṇasadiso bhavē nivattamāno so silaguṇam upāgato mahātejo sadā hoti sīhanādo visārado.

āyuvāṇṇabalupeto dhammakāmo bhavē sadā |
devamanussalokesu mahesakkho anāmāyo ||
bhavē nivattamāno so paññavā susamāhito |
adhipaccaparivāro sabbaṣukhādhigacchati ||
saddho viharī hadayaññū ²⁾ sa vihagato bhavē |
aṇḍapaccaṇḍasampanno ārohaparināhavā ||
sabbasattappiyo loka sabbattha pūjito bhavē |
devamanussasamparo mittasahāyapālito ||
devamanussasampatti anubhoti punappunam |
arahattaphalam patto nibbānam pāpuṇissati ||
paṭisambhidā catasso abhiññā chabbidhe vare |
vimokkhe atṭhake setṭhe gamissati anāgate ||
tasmā hi paṇḍito poso sampassam hitam attano |
kāreyya sāmam gandhe ca aññe hi pi kārāpaye ||
• poṭṭhake ca gandhe pāliatṭhakathādike |
dhammamañjûsā gandhe ca lekham kare kārāpaye ||
poṭṭhakam poṭṭhakamūlam ca ṭelam cunnathusam pi ca |
pilotikādikam suttam kaṭṭhaphaladvayam pi ³⁾ ca ||

¹⁾ U. om. — ²⁾ M. hadaṇñū. — U. °hato. — ³⁾ M. °ṭṭhayamhi.

dhammapûtanatthâya¹⁾ ca yaṃ kiñci mahagghavattaṃ |
 dhammabandhanayottaṃ ca yaṃ kiñci t̥hapitaṃ pi²⁾ ||
 dadeyya dhammavettaṃ pi vippasannena cetasā |
 aññe cāpi dajjāpeyya mittasahāyabandhave'ti ||
 gandhakaralekhe lekhāpanānisamsadīpanā
 nit̥thitā.

iti cullagandhavamse pakinnakadīpako nāma pañcama paricchedo.

so³⁾ hamsāraṭṭhajāto nandapañño'ti visuto |
 saddhāsīlavirupeto dhammasāragavesano⁴⁾ ||
 so yaṃ⁵⁾.
 santisabhāvaṃ nibbānaṃ gavesanto punappunaṃ |
 vasanto⁶⁾ taṃ manorommaṃ⁷⁾ piṭakattayasamgahaṃ |
 gandhavamsaṃ imaṃ khuddaṃ nissāya⁸⁾ jañghadāsakan'ti ||
 iti pāmojjatthāyāraññavāsinaṃ nandapaññācariyena
 kato cullagandhavamso
 nit̥thito.

¹⁾ M. °madana°. — ²⁾ M. ca. — ³⁾ U. om. — ⁴⁾ M. °rasa°. — ⁵⁾ U. ahaṃ. — M. adds.
 bhogaṃ tvāvidhaṃ
 jīnanuvayaṃ pūraṃ sabbadhammaṃ vicinanto
 visati missaṃ gato ||
 sabbadhammavissajjanto kikkāraṃ'eva bhikkhuno |
 chavassāhaṃ gāmaṃ bhitvā kāmānaṃ abhimaddanaṃ ||

⁶⁾ U. adds. araññavihāre. — M. gavesanto. — ⁷⁾ M. vanārammaṃ. — ⁸⁾ M. abhiya
 saṅgha.

Гандхавауса, то есть, генеалогія или исторія книгъ на самомъ дѣлѣ есть только перечень палийскихъ сочиненій, далеко впрочемъ неполный. Изложеніе начинается описаніемъ трехъ пптакъ, затѣмъ во второй главѣ сообщаются заглавія позднѣйшихъ сочиненій съ обозначеніемъ, но не всегда однакоже, именъ авторовъ. Третья глава посвящена описанію мѣсто-рожденій учителей и писателей; въ слѣдующей главѣ излагаются мотивы написанія книгъ, то есть, говорится о томъ, была ли книга написана по собственной инициативѣ, или же вслѣдствіи чьей-либо просьбы. Въ заключительной главѣ разсказывается о томъ, какъ канонъ получилъ письменную редакцію.

Палийскій канонъ представляется здѣсь въ такомъ видѣ: сперва перечисляются части трехъ пптакъ, затѣмъ приводятся заглавія истолкованій и имена ихъ авторовъ:

I vinayapiṭaka:	1) pārājika.	} Комментарій, соч. Буддхагхоши: samantapāsādikā, и kaṅkhāvitaraṇi
	2) pācittiya.	
	3) mahāvagga.	
	4) cullavagga.	
	5) parivāra.	

II abhidhammapiṭaka:	1) dhammasaṃgani.	} Комментарій, соч. Буддхагхоши: paramatthakathā
	2) vibhaṅga.	
	3) dhātukathā.	
	4) paññatti.	
	5) kathāvatthu.	
	6) yamaka.	
	7) paṭṭhāna.	

1) dīghanikāyo.	sīlakkhandhavaggo	84 стр.	Комментарий, соч. Буддхагхоши: sumaṅgalavilāsini
	mahāvaggo		
	pādhīyavaggo		
2) majjhimānikāyo.	mūlapaṇṇāso	152 стр.	Комментарий, соч. Буддхагхоши: parañcasūdanī.
	majjhimapaṇṇāso		
	uparipaṇṇāso		
3) saṃyuttānikāyo.	sagāthāvaggo	7762 стр.	Комментарий, соч. Буддхагхоши: sāratthapakāsaṇi
	nidānavaggo		
	saṅkhyātanavaggo		
	khandhakavaggo		
	mahāvaggo		
4) āṅguttaranikāyo.	ekkanipāto.	9657 стр.	Комментарий соч. Буддхагхоши: manorathapūraṇi.
	dukkānipāto.		
	tikkānipāto.		
	catukkānipāto.		
	pañcanipāto.		
	chakkānipāto.		
	sattanipāto.		
	aṭṭhanipāto.		
	navānipāto.		
	dasānipāto.		
5) khuddakanikāyo.	ekādasānipāto.		
	khuddakapāṭho.		
	dhammapadam.		
	udānam.		
	itivuttakam.		
	suttanipāto.		
	(см. стр. 255).		
	vimānavatthu.		
	petavatthu.		
	theragāthā.		
	therīgāthā.		

III suttantapitaka.	5) khuddakanikāyo.	jātakam.	}	Комментарій соч. Буддхагхоши.
		niddeso.		
		paṭisambhidāmaggo.		
		apadānam.	}	Комментарій соч. Буддхагхоши.
		buddhavamso.		
			}	Комментарій соч. Буддхадатта: madhuratthavilāsinī.
		cariyāpitakam.		
		vinayapitakam.	}	Комментарій соч. Дхаммапалли.
		abhidhammapitakam.		

Второе дѣленіе канона на девять членовъ, (девять айга) слѣдующее:

- 1) suttam.
- 2) geyyam.
- 3) veyyākaraṇam.
- 4) gāthā.
- 5) udānam.
- 6) itivuttakam.
- 7) jātakam.
- 8) abbhutadhammam.
- 9) vedallam.

Въ слѣдующей второй главѣ перечисляются учителя: древніе; авторы истолкованій, авторы книгъ, и учителя съ тремя именами.

Древнихъ учителей насчитываютъ двѣ тысячи двѣсти; пятьсотъ святителей перваго собора, семьсотъ второго и тысяча третьяго. Они же почитаются авторами толкованій.

Учителемъ съ тремя именами называютъ кассāуана автора шести книгъ (см. стр. 246). За тѣмъ слѣдуютъ учителя авторы книгъ; старѣйшіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, суть слѣдующіе:

- 1) Авторъ истолкованія *kurundi*,
- 2) Авторъ истолкованія *maḥāraccarī*,

3) Авторъ толкованія на книгу *kurundi*.

4) Буддхагхоша, авторъ *visuddhimagga* и тринадцати книгъ истолкованій (см. стр. 247).

5) Буддхадатта (стр. 247. Срв. *sāsanavaṃsadīpo* 1195, 1198—1199).

6) Ānanda, (стр. 247).

7) Дхаммапала, (стр. 247. Срв. *sāsanavaṃsadīpo* 1198—1199).

Затѣмъ слѣдуютъ учителя авторы разныхъ сочиненій главнымъ образомъ толкованій на древнѣйшіе комментаріи. Нѣкоторые изъ этихъ учителей родомъ изъ Цейлона, другіе изъ Жамбудвīпы, т. е. или изъ Индіи, или же изъ Бирмы. Учителя изъ Жамбудвīпы суть слѣдующіе (см. стр. 253, 254).

aggaraṇḍito, (стр. 251).

aggavaṃso, (стр. 250).

abhayācariyo, (стр. 250).

ariyavaṃsācariyo, (стр. 251).

ānandācariyo, (стр. 247).

uttamācariyo, (стр. 250).

kaccāyano, (стр. 246).

kassapo, (стр. 248).

kurundikācariyo, (стр. 246).

guraṣāgaro, (стр. 250).

caturaṅgabalamahāmacco, (стр. 250).

culladhammapālo, (стр. 248).

cullavajirabuddho, (стр. 248).

ñānasāgaro, (стр. 250).

dīpaṃkaro, (стр. 248).

dhammapālo (2), (стр. 247).

dhammasenāpati, (стр. 250).

dhammābhinando, (стр. 260).

paccarikācariyo, (стр. 246).

buddhaghoso, (стр. 247).

buddhadatto, (стр. 247).

mahāttḥakatthācariyo, (стр. 253).
 medhamkārācariyo, (стр. 249).
 vajirācariyo, (стр. 254).
 vajirabuddhācariyo (2), (стр. 247).
 vimalabuddhācariyo (2), (стр. 248, 250, 251).
 vepullabuddhācariyo, (стр. 251).
 saddhammaguru, (стр. 251).
 saddhammapālo, (стр. 254).
 sārīputto, (стр. 251).
 subhūta-candano, (стр. 250).

Цейлонскими учителями называются следующие:

anuruddha, (стр. 248).
 upatisso, (стр. 254).
 upasenācariyo, (стр. 248).
 khemācariyo, (стр. 249).
 cullanāmo, (стр. 253).
 cullabuddhaghoso, (стр. 250).
 cullamoggallānācariyo, (стр. 253).
 devācariyo, (стр. 250).
 dhammakitti, (стр. 249).
 dhammapālo, (стр. 253).
 buddhanāgo, (стр. 249).
 buddhapiyo, (стр. 253).
 buddharakkhito, (стр. 254).
 mahānāmo, (стр. 248).
 medhamkaro, (стр. 249, 251).
 moggallāno, (стр. 248, 249).
 raṭṭhapālo, (стр. 250).
 vācissaro, (стр. 249).
 vācitassa (?) pācariyo, (стр. 253).
 vuttodayakācariyo, (стр. 248).
 saṃgharakkhito, (стр. 248).
 saddhammacārācariyo, (стр. 254).

sāriputto (2), (стр. 249),
sumañgalācariyo, (стр. 249).

Кромѣ этихъ учителей приводятся и другіе но безъ именъ, съ неопредѣленнымъ обозначеніемъ «нѣкоторые» или «нѣкоторые». Называется еще нѣсколько учителей безъ опредѣленія ихъ мѣсторожденій: dhammasiri (стр. 248, 257), saddhammasiri (стр. 250), нѣкій мнистръ (амассо) (стр. 250, 260), cīvaro (?) (стр. 251), saddhammajotipālo (стр. 251, 261), nāgītācariyo (стр. 261), udumbarācariyo (стр. 252, 261).

Преданіе объ учителяхъ, передаваемое въ гандхавамсѣ отлично отъ сообщаемого въ сāsанавамадиппѣ, иначе цейлонскаго. Такъ, слѣдующіе гандхавамсо, Дхаммапала должны быть приписываемы четырнадцать книгъ (см. стр. 247); цейлонское преданіе знаетъ двухъ различныхъ учителей Дхаммапала, и имъ въ двоёмъ приписывается двѣнадцать сочиненій; первому восемь, второму четыре (см. 1191—93 и 1231—32). На стр. 247, Буддхадаттѣ приписывается четыре сочиненія, цейлонское преданіе называетъ опять двухъ учителей (см. 1195 и 1198—99), имъ вмѣстѣ приписывается четыре сочиненія, но въ число сочиненій включается одно gūṛāgūṛavibhāgo, авторомъ котораго въ гандхавамсѣ называется Вачпссаро (см. стр. 249), и вмѣстѣ съ тѣмъ не упоминается уттаравиниччајо. На стр. 247 учитель Важирабুদ্ধи называется авторомъ одного сочиненія; въ сāsанавамадиппѣ (1200—1201) ему приписывается еще три другихъ сочиненія, авторомъ которыхъ гандхавамсо почитаетъ учителя Сāрипутту. На стр. 248 учителю Кассапѣ приписывается четыре сочиненія; цейлонское преданіе для двухъ первыхъ сочиненій называетъ двухъ различныхъ учителей Кассапа, (1204, 1221), а о послѣднихъ двухъ не упоминаетъ. На стр. 248 гандхавамсо различаетъ двухъ учителей Самгхараккхиту и автора Вуттодаја; всѣ называемыя тутъ сочиненія цейлонское преданіе приписываетъ одному Самгхараккхитѣ (1209—10). На стр. 248 и 249 называются два различныхъ учителя Моггаллана, сāsанавамадиппо знаетъ одного учителя этого имени (1251—53), но

называетъ за то трехъ различныхъ Вачиссара (стр. 249 и срв. 1213, 1225, 1257). Въ обоихъ сочиненіяхъ, кромѣ того, встрѣчаются часто не одни и тѣ же имена учителей, и самыя названія сочиненій нерѣдко неодинаковы.

Списокъ палийскихъ сочиненій, сообщаемый въ гандхавамсо, не можетъ почитаться полнымъ. Извѣстны въ рукописяхъ сочиненія, пропущенныя въ генеалогіи книгъ, не упоминаются въ ней факты, приводимые напр. въ *śāsanavamsa* (см. стр. 69), и за всѣмъ тѣмъ гандхавамсо, безспорно, очень любопытный сборникъ свѣдѣній о палийской письменности. Ближайшее знакомство съ неканоническими позднѣйшими палийскими памятниками, безсомнѣніе, дастъ возможность во многомъ дополнить настоящій перечень палийскихъ произведеній.

О записаніи канона въ книги памятникъ не сообщаетъ ничего новаго.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- 1) *Печатанные источники.*
- Acariya Vimalasāra Thera, The Sāsanaṅgasa Dīpa. Colombo. A. B. 2424.
- Alwis, J. D' An introduction to Kaccāyana's Grammar. Colombo. 1863.
- Beal, S., The Buddhist Tripitaka. London. 1876.
- Его-же, The Buddhist Councils. См. Verhandlungen des V Internationalen Orientalisten Congresses.
- Его-же, R. L. = The Romantic Legend of Sākyā Buddha, London. 1875.
- Его-же, The Fo-sho-Hing-Tsan-king. См. The Sacred Books of the East, vol. XIX.
- Его-же, The eighteen Schools of Buddhism. См. The Ind. Antiquary, vol. IX.
- Его-же, Si-yu-ki. London 1884.
- P. Bhagvānlāl Indrajī, A Baktro-Pāli Inscription of Suibāhāra. См. The Ind. Antiquary, vol. XI.
- The British Burma Gazetteer. Rangoon. 1879.
- Брхаччхāpīṅgadharaṇadḍhatī. Кāṣṭh. самват 1931.
- Buddhavaṃso см. Dr. Morris.
- Bühler, G., Aphorisms on the Sacred Law of the Hindus by Apastamba. Bombay. 1868, 1871.
- Его-же, Beiträge zur Erklärung der Asoka Inschriften. См. Z. der D. Morgenl. G. vol. XXXVII.
- Его-же, замѣтка въ статьѣ Bayley, On the genealogy of modern numerals — въ J. of the R. As. Soc. of G. B. and Ireland, N. S. vol. XIV.
- Bunyii Nanjio, A Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka. Oxford. MDCCCLXXXIII.
- Burgess, J., Report of the Archaeological survey of Western India, vol. IV.

- Burnouf, E., *Le Lotus de la bonne Loi*. Paris MDCCCLII.
 Будхаедахила. Коломбо 2416.
 Childers, R. C., *The Mahāparinibbānasutta*. London 1878.
 Еро-же, *A Dictionary of the Pāli language*. London. 1875.
Chinese Account of India.
 См. J. of the As. Soc. of Bengal, vol. VI, 61.
 Cullavagga см. Oldenberg, *The Vinayapitaka*.
 Cunningham, A., *Corpus Inscriptionum Indicarum*. Vol. I, *Inscriptions of Asoka*. Calcutta. 1877.
 Еро-же, *The Stūpa of Bharhut*. London. 1879.
 Еро-же, *The Bhilsa Topes*. London. 1854.
 Еро-же, *Archaeological Survey of India*, vol. III. Calcutta. 1873. vol. IX. Calcutta. 1879, vol. XII. Calcutta. 1879.
 Еро-же, *Coins of Alexander's Successors in the East*, см. Numis. Chronicle, New Series vol. VIII.
 Данамајѹкха. Бомбай. самват. 1936.
 Данаचандрика. Бомбай. 1799.
 Davids, Rhys T. W., *Buddhist Suttas*, см. *The Sacred Books of the East*, vol. XI. — *Vinaya Texts*, см. тамъ же vol. XIII.
 D. a. = *The Divyāvadāna* ed. by E. B. Cowell and R. A. Neil. Cambridge. 1886.
 Elliot, Sir H., *The History of India, as told by its own Historians*, vol. II. London. 1869.
 Fa-H. = *The Travels of Fa-hian*, см. Si-yu-ki by Samuel Beal, vol. I.
 Fausbøll, V., *The Jātaka*, London, 1877—83.
 Gardiner, *Abstract of a Journal etc.* См. *Journal of the As. Soc. of Bengal*, XXII.
 Gayana = *The Institutes of Gautama*, edited by A. F. Stenzler. London. 1876.
 Giles, Herbert A., *Record of the Buddhistic kingdoms*. London and Shanghai.
 Goldschmidt, *Report upon Inscriptions etc.* См. *Ind. Antiquary*, vol. VI.
 Grimblot P., *Sept Suttas pālis*. Paris. MDCCCLXXVI.
 Hardy, R., Spence., *A Manual of Buddhism*. London. 1860.
 Heber, R. *Narrative of a Journey through the Upper Provinces of India*. London. MDCCCXXVIII.
 H. Th. = *Mémoires sur les Contrées occidentales par Hiouen Thsang trad. par M. St. Julien*. Paris MDCCCLVII—LVIII.
 Jacobi, *Sthavirāvalicharita or Parisishtaparvan*, въ *Bibliotheca Indica*, Calcutta 1883—1886.
 Julien, Stanislas, *Listes di-*

- verses der noms des dix-huit écoles schismatiques, sorties du Bouddhisme. См. Journal As. Vème S., T. XIV.
- Kern, H., Der Buddhismus, Leipzig. 1882—84.
- Lassen, Ch., Indische Alterthums Kunde. II Band. Leipzig. MDCCCLXXIV.
- Le Messurier, Kandahar in 1879. London. 1880.
- Mh. vg. = Mahāvagga см. Oldenberg, The Vinaya Piṭaka, vol. I.
- M. v. = Махāvјутпатти. См. II-ой выпускъ.
- Maine, Sir H. S., Dissertations on Early Law and Custom. London. 1883.
- Marsden, W., Numismata Orientalia. London. 1874—86.
- Mason, Ch., Second Memoir on the Ancient Coins etc. См. J. of the As. Soc. of Bengal, vol. V.
- Meynard, Barbier de—Le Livre des routes et des provinces par Ibn-khordadbeh. — См. Journal Asiatique. Sixième Série. T. V. 1865.
- Минаевъ И., Пратимокша сутра. См. Приложение къ XV т. Зап. Имп. Академіи Наукъ Спб. 1869.
- Minayeff, Buddhistische Fragmente. См. Mélanges Asiatiques. Tome VI.
- Митākшара (Бомбайское изд.).
- Morris, Dr., Buddhavaṃsa edited by., London. 1882. (Pāli Text Society).
- Müller, Ed., Ancient Inscriptions of Ceylon. London. 1883.
- Müller, Max., India what can it teach us? London. 1883.
- Его-же, The Dhammapada. См. The Sacred Books of the East. vol. X.
- Нирṇаяасиддху. — Лакнау. самватсара 1912.
- Oldenberg, The Vinaya-Piṭaka edited by Dr H., vol. I—V. London. 1879—83.
- Его-же, Vinaya Texts. См. The Sacred Books of the East, vol. XIII.
- Его-же, Ueber die Datirung der ältesten indischen Münz- und Inschriften-reihen. См. Z. für Numismatik, B. VIII.
- Его-же, Buddha. Berlin. 1881.
- Его-же, The Dipavaṃsa. London. 1879.
- Pariṣiṣṭaparvan. См. Jacobi.
- Rājendralāl Mittra, The Lalitavistara.
- Reinaud, Relation des voyages faites par les Arabes et les Persans. Paris 1845.
- Его-же, Mémoire sur le Périphe de la Mer Érythrée. См. Mémoires de l'Ac. des inscriptions. t. XXIV. 1864.
- Его-же, Fragments Arabes et Persans. См. Journal Asiatique, IV Série, tome IV. (1844).
- Sallet, Die Nachfolger Alexan-

ders des Grossen in Bactrien und Indien.

Саṭṭikāmaṇṣupatti (Бомбай. җаке 1780).

Senart É., Les inscriptions de Piyadasi. Paris MDCCCLXXXI.

Его-же, Essai sur la legende du Buddha.

Его-же, Le Mahāvastu. Paris. 1882.

Stenzler, A., Yājñavalkya's Gesetzbuch, Berlin 1849.

Sumangala and Don Andris de Silva Batuwantudawa, The Mahāvansa. From the XXXVII Chapter. Colombo. 1877.

Thomas см. Marsden.

Turnour G., An examination of the Pāli Buddhistical Annals (оттискъ).

Его-же, The Mahāvansa, vol. I. Ceylon. 1837.

Trenckner, Dr., The Milinda-Paṇḥa, edited by., London. 1880.

Udānam. Edited by Paul Steinthal. London 1885. (Pāli Text Society).

Васильевъ, В., Буддизмъ, Его догматы, исторія и литература. Томъ I. Спб. 1857, Томъ III, Спб. 1869.

Weber, A., Indische Skizzen. Berlin. 1857.

Его-же, Die neuesten Forschungen auf dem Gebiet des Buddhismus. См. Ind. Studien, vol. III. (1855).

Его-же, Ueber den Kupaksha-kaṇḍikāditya des Dharmasāgara. См. S. K. P. Ak. der W. zu Berlin, XXXVII—VIII. (1882).

Wilson, H. H., Ariana Antiqua. London MDCCCXLI.

Wood, J., A Journey to the source of the river Oxus. London 1872.

2) Рукописи¹⁾: а) Санскритскія.

а. к. в. Абхидхармакоśавјакхјā соч. Јаśомитры.

ав. җ. = авадāнаśатака. Цитата взята изъ рукописи библиотеки India Office.

Ахорāтравратакатхā (изъ библиотеки Аз. Общ. въ Лондонѣ). āchārapradīpa.

А. в. п. = ādikarṇapradīpa. (рукопись изъ библиотеки Аз. Общ. въ Лондонѣ).

āvasājakalaḡhuvṛtti соч. Тилакачārpjā.

Катхāнаки, жапнская рукопись л. 31.

Крпјāсамграха, соч. Кузадатты.

Т. а. = Тиртхакалла.

Д. у. п. = Дхармопадеśапјјушаварша.

Н. з. җ. = ārjanāmasaḡgītītākā, соч. Вилāсаважра (изъ библиотеки И. Спб. Университета).

Р. р. = pānaparimosaṇa.

¹⁾ Рук. безъ обозначенія книгохраненца принадлежать автору.

P. v. = Гурупарипāṭi.

пра. са. = правачанасāроддха-
равртти сōч. Сиддхасенасūри.
Буддхачарита соч. Асвогхоши
(изъ Парижской Националь-
ной библиотекы).

Ç. s. сикшāсамуччаја (изъ In-
dia Office Library).

Суварнапрабхāса.

b) *Палийскія.*

Iti v. = itivuttakam.

uppātasantipakaraṇam (изъ би-
блиотекы Аз. Общ. въ Лондонѣ).

K. v. p. = kathāvatthupakaraṇa-
atthakathā.

kaṅkhāvitaraṇi.

cakkavāḷadīpaṇi.

j. t. = jinaḷamkāraṇaṇā.

dhātuvam̐sa.

dhātuvandanāgāthā.

nemijātaka (изъ рукописи jāta-
ka-vaṇṇanā Азіатскаго Музея въ
Спб.).

paraṇcasūdanī (изъ Националь-
ной библиотекы въ Парижѣ).

P. u. = petakopadeso.

petavatthu.

M. sp. = mahānidāna (sampiṇ-
ḍita).

mahābodhivam̐so.

mahāvaggavaṇṇanā.

rasavāhini.

L. p. s. = lokappadīpasāra-
paṇam.

V. v. = vimānavatthu (India
Office Library).

sāsanavam̐so (рукопись Брита-
нскаго Музея).

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ ¹⁾.

Стр. 34, примѣч. 1. Тотъ же рассказъ повторяется при истолкованіи Mahāraṇibbānasutta — въ Sumaṅgala-vilāsinī, л. 1а, съ нѣкоторыми вариантами.

Стр. 45, строка 17. См. Махāvјутпатти во II выпускѣ, 257 и сл. (стр. 103 и сл.).

Стр. 56, примѣч. 1. Въ рукописяхъ комментарія Буддхагхоши истолкованіе Махāвагги предшествуетъ Чулаваггѣ. Высказанное тутъ сомнѣніе относительно послѣдовательности частей виная-питаки неосновательно.

Стр. 78, примѣч. 1. Въ изданіи Дивјаваданы это мѣсто находится, на стр. 427.

Стр. 79, примѣч. 3. См. изданіе Sthavirāvali or Parisiṣṭaparvan — въ Bibliotheca Indica, стр. 161, 269. Срв. замѣчаніе Сенара въ Les Inscriptions de Piyadasi, t. II, стр. 187.

Стр. 86. О той же надписи срав. теперь изслѣдованіе Сенара, I. с., стр. 197 и сл. Тамъ-же, стр. 213 и сл. приведена сѹтра Rāhulovāda.

Стр. 114, строка 19. Въ изданіи Дивјаваданы объ этихъ истолкователяхъ говорится на стр. 301.

Стр. 118, примѣч. 1. Третья цитата взята изъ жайнского

¹⁾ Списокъ опечатокъ будетъ приложенъ въ концѣ 1-го тома.

сборника рассказовъ. Рукопись неполная и безъ заглавія. Обозначается въ библіографическомъ указателѣ подъ заглавіемъ «катханаки».

Стр. 123. Относящіяся сюда надписи см. въ изданіи Ed. Müller, *Ancient Inscriptions in Ceylon*, стр. 33 и сл.

Стр. 156. Въ изданіи Paul Steinthal'а это мѣсто находится на стр. 36.

Стр. 180. Примѣч. 2. См. изданіе Dr. Morris'а, стр. 53, 55, 57, 59, 61, 64, 66.

